ISSN 2587-8344
(online)

HISTORIA PROVINCIAE-
ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Сетевой научный журнал

2024 • Т. 8 • № 4

Тема номера

Исторические штудии: Традиции и новации в практиках историописания

http://hpchsu.ru

Выход в свет: 2024 • Т. 8 • № 4 • ДЕКАБРЬ. Выходит четыре раза в год.
УЧРЕДИТЕЛЬ: Череповецкий государственный университет

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Эл № ФС77-70013 от 31.05.2017 г.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Сетевой журнал "Historia provinciae – журнал региональной истории" со 2 декабря 2019 г. включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки). С марта 2023 г. материалы журнала индексируются в международной базе данных Scopus (3 квартиль).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: О.Ю. СОЛОДЯНКИНА, доктор исторических наук (Череповецкий государственный университет)
ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА НОМЕР: О.Ю. СОЛОДЯНКИНА, доктор исторических наук (Череповецкий государственный университет)

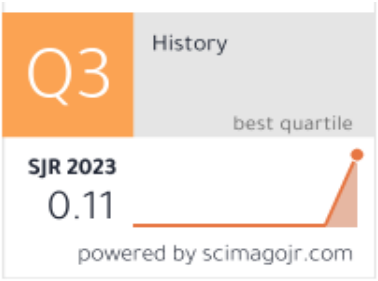
РЕДАКТОР: А.А. ЛУХНЕВА
КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: В.В. КРУГЛОВА
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: А.С. ЛОБЫШЕВА, +7 (8202) 51-78-54
ВЕДУЩИЙ ПЕРЕВОДЧИК: Н.С. ШАМАЕВА, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры «Теория и практика перевода» (Севастопольский государственный университет)

Адрес издателя, редакции, типографии, электронный адрес:
162600 Россия, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5.
http://hpchsu.ru

Фото на обложке: Раздел Китая европейскими державами и Японией, французская карикатура 1898 г. Фото взято из открытых источников.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

Сетевое издание
Уч.-изд. л. 24
Выход в свет: 15.12.2024
Формат 60 × 84 $^{1}/_{8}$
Гарнитура Таймс



© Череповецкий государственный университет, 2024

ISSN 2587-8344
(online)

HISTORIA PROVINCIAE-
THE JOURNAL OF REGIONAL HISTORY

Online scientific journal

2024 • Vol. 8 • No. 4

Cover story

Historical Studies: Tradition and Innovation in the Practices of the Writing of History

http://en.hpchsu.ru

Publication: 2024 • Vol. 8 • No. 4 • DECEMBER. Issued four times a year.
FOUNDER: Cherepovets State University

The mass media registration certificate is issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). El No FS77-70013 (Эл № ФС77-70013) dated 31.05.2017.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

On December 2, 2019 the online scientific journal *Historia Provinciae – the Journal of Regional History* was included in the List of Peer-Reviewed Academic Journals where major scientific results of theses for academic degrees of doctor and candidate of sciences should be published in the following scientific specialties: 5.6.1. National History (Historical Sciences); 5.6.2. World History (Historical Sciences); 5.6.5. Historiography, Source Study, Methods of Historical Research (Historical Sciences); 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy (Historical Sciences). Since March 2023, the journal has been indexed in the international Scopus database (3 quartile).

EDITOR-IN-CHIEF: Olga Yu. SOLODYANKINA, Doctor of Historical Sciences (Cherepovets State University)
MANAGING EDITOR OF THE ISSUE: Olga Yu. SOLODYANKINA, Doctor of Historical Sciences (Cherepovets State University)

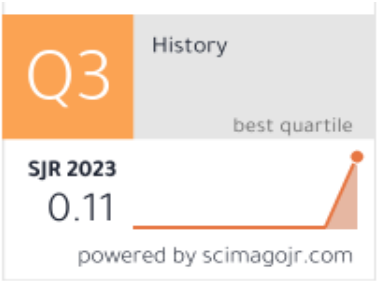
EDITOR: Anna A. LUKHNEVA
COMPUTER DESIGN LAYOUT: Valeriya V. KRUGLOVA
EXECUTIVE EDITOR: Alina S. LOBYSHEVA, +7 (8202) 51-78-54
PROOFREADER (ENGLISH): Natal'ya S. SHAMAEVA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Theory and Practice of Translation Department (Sevastopol State University)

Address of the publisher, editorial office and printing office: 162600 Russia, Vologda region, Cherepovets, Prospekt Lunacharskogo, 5, http://hpchsu.ru

Photo on the cover: Partition of China by the European powers and Japan, a French political cartoon, 1898. Photo from the public domain.

OPEN PRICE

Online media
24 standard publisher's sheets
Publication: 15.12.2024
Format 60 × 84 $^{1}/_{8}$
Font style Times



© Cherepovets State University, 2024

HISTORIA Provinciae

2024 • Т. 8 • № 4

Содержание Contents

ИССЛЕДОВАНИЯ

Назаренко К.Б. Русская морская артиллерийская экзерциция в XVIII в.: функционирование, заимствования и новации..... 1081

Киселев А.А. Жалование чинов общей полиции белорусских губерний (1855–1881). 1126

Тихонов А.С. Германская колониальная экспансия в Китай в конце XIX в. 1175

Новосельцева Л.К. «Идеальные» дети и «идеальные» взрослые в эпоху модернизации: поиски эталона воспитания подрастающих поколений в сербской интеллектуальной среде начала XX в..... 1198

Станков Н.Н. Чехословацкая народная партия и вопрос о признании СССР в феврале–апреле 1927 года (по документам советского полномочного представительства в Праге) 1246

Суздальцев И.А. Современные англоязычные историки о тактике Коминтерна в 1928–1934 гг..... 1276

ПУБЛИКАЦИИ

Высокова В.В., Соловьева Е.А. Проповедь Б. Хоудли о «счастии настоящего устроения» Англии (1707 г.) 1300

РЕЦЕНЗИИ

Синова И.В. Феномен доходного дома Петербурга в 1870-е гг. – начале XX века. Рецензия на: Демидович Д.М. Доходные дома Петербурга: организация, взаимодействие с государственными

RESEARCH

Nazarenko, K.B. Russian Naval Artillery Exercise in the 18th Century: Functioning, Borrowings, and Innovations..... 1081

Kiselev, A.A. Salaries of the Officers of the General Police in the Belarusian Governorates (1855–1881) 1126

Tikhonov, A.S. German Colonial Expansion into China in the Late 19th Century 1175

Novoseltseva, L.K. "Perfect" Children and "Perfect" Adults in the Era of Modernization: Serbian Intellectuals in Search of a Model for Raising the Younger Generations in the Early 20th Century..... 1198

Stankov, N.N. Czechoslovak People's Party and the Issue of Recognizing the USSR in February–April 1927 (According to the Documents of the Soviet Plenipotentiary Representation in Prague) 1246

Suzdal'tsev, I.A. Present-day English-speaking historians on the tactics of the Comintern in 1928–1934.. 1276

PUBLICATIONS

Vysokova, V.V., and E.A. Solov'eva. The Sermon by B. Hoadly on the "Happiness of the Present Establishment" of England (1707)..... 1300

REVIEWS

Sinova, I.V. "The Phenomenon of St Petersburg Tenement Building in the 1870s – Early 20th Century". Review of Dokhodnye doma Peterburga: organizatsiya, vzaimodeistvie s gosudarstvennymi i

и коммерческими структурами, повседневность (1870-е гг. – начало XX века): монография. Москва: У Никитских ворот, 2023. 256 с..... 1325

kommercheskimi strukturami, povsednevnost' (1870-e gg. – nachalo XX veka): monografiya [Tenement buildings of St Petersburg: Organization, interaction with state and commercial structures, everyday life (1870s – early 20th century): A monograph], by D.M. Demidovich (Moscow: U Nikitskikh vorot, 2023).....1325

HISTORIA PROVINCIAE
ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH

2024 · Т. 8 · № 4

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 4. С. 1081–1125.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 4 (2024): 1081–1125.

Научная статья
УДК 94(47).06
https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-1
EDN: AZIBZK

Русская морская артиллерийская экзерциция в XVIII в.: функционирование, заимствования и новации

Кирилл Борисович Назаренко
Санкт-Петербургский институт истории РАН;
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
k.nazarenko@spbu.ru

Kirill B. Nazarenko
St Petersburg Institute of History
of the Russian Academy of Sciences (SPBIH RAS);
St Petersburg University,
St Petersburg, Russia,
k.nazarenko@spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению вопроса о развитии русской морской артиллерийской экзерциции в XVIII в. Автором были обнаружены неизвестные ранее списки последовательности команд с их описанием, относящиеся к русской морской артиллерийской экзерциции. Наиболее ранняя из них (условно названная Старой) действовала с 1718 г. до конца 1740-х гг., затем ее сменила Экзерциция Леймана. В 1774 г. был опубликован новый вариант этой экзерциции, составленный Н.Г. Кургановым. Все эти экзерциции имеют небольшие отличия друг от друга, которые объясняются не столько развитием самого процесса обслуживания орудия, сколько разными подходами их авторов к фиксации информации. Пробелы в той или иной экзерциции большей частью следует трактовать как пропуски информации, которая была очевидной для их авторов, а не как указание на отсутствие самого феномена. Анализ русской морской артиллерийской экзерциции заставляет поставить более широко вопрос о процессе формализации научно-технического знания, когда на первом этапе возникала его изустная передача от учителя (командира) к ученику (подчиненному). Вторым этапом были разного рода рукописные сборники и руководства, примерами которых могут служить экзерциции середины XVIII в. На третьем этапе появляются печатные издания типа учебных пособий, наподобие «Науки морской…» Н.Г. Курганова. Наконец, на четвертом этапе создавался нормативный акт в виде наставления или инструкции (но этот этап развития русской морской артиллерийской экзерциции вышел за пределы XVIII в.).

© Назаренко К.Б., 2024
© Nazarenko K., 2024

Ключевые слова: Россия, военно-морской флот, артиллерия, боевая подготовка, обучение, научно-техническая информация

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00420 «Новые люди Новой России: антропология морской державы в первой половине XVIII в.»).

Для цитирования: *Назаренко К.Б.* Русская морская артиллерийская экзерция в XVIII в.: функционирование, заимствования и новации // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 4. С. 1081–1125, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-1; EDN: AZIBZK

Russian Naval Artillery Exercise in the 18th Century: Functioning, Borrowings, and Innovations

Abstract. The article is devoted to the issue of the development of Russian naval artillery exercise in the 18th century. The author discovered previously unknown lists of command sequences with their descriptions related to the Russian naval artillery exercise. The earliest of them (conventionally referred to as the Old Exercise) was in use from 1718 to the end of the 1740s, and was later replaced by the exercise of Lehman. A new version of this exercise, compiled by N. Kurganov, was published in 1774. All these exercises have minor differences, which can be explained by different approaches of their authors to recording information rather than the development of the gun maintenance process. Gaps in the texts of one or another exercise should be mostly interpreted as omissions of the information that was obvious to the authors rather than an indication of the absence of the corresponding phenomenon. The analysis of the Russian naval artillery exercise makes it necessary to raise the question about the process of formalizing scientific and technical knowledge, when at the first stage it was transferred orally from a teacher (a commander) to a student (a subordinate). The second stage was connected with various kinds of handwritten collections and manuals, examples of which are the exercises of the mid-18th century. The third stage saw the appearance of printed textbooks, such as the "Marine Science" by Kurganov. Finally, at the fourth stage, a normative act in the form of an instruction or a manual was prepared (however, this stage of development of the Russian naval artillery exercise went beyond the 18th century).

Keywords: Russia, navy, artillery, training, instruction, scientific and technical information

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00420 "New People of New Russia: Anthropology of the Maritime Nation in the First Half of the 18th Century."

For citation: Nazarenko, K.B. "Russian Naval Artillery Exercise in the 18th Century: Functioning, Borrowings, and Innovations." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 4 (2024): 1081–1125, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-1; EDN: AZIBZK

Введение

Основным оружием флота XVIII в. являлась артиллерия. Русская морская артиллерия XVIII в. изучалась рядом историков, среди которых можно

выделить А.Г. Четверухина[1], А.П. Денисова и Ю.Г. Перечнева[2], П.А. Кротова[3]. Поскольку материальная часть морской артиллерии была во многом идентичной сухопутной, необходимо назвать несколько основных работ по истории сухопутной артиллерии, среди которых труды А.А. Нилуса[4], Д.Е. Козловского[5], И.С. Прочко[6], коллектива под руководством С.С. Варенцова[7], Е.Ю. Манойленко[8], А.Н. Лобина[9]. Все эти работы сосредоточены на исследовании истории материальной части артиллерии и, в меньшей степени, на ее организации. В то же время изучение приемов обслуживания орудий и обучения личного состава являются не менее важными вопросами, чем указанные выше, однако они, применительно к русской морской артиллерии, практически не получили освещения в историографии. Немногие публикации на эту тему преимущественно связаны с новыми архивными находками – это статьи Д.П. Струкова[10], А.П. Барбасова[11], Е.Е. Колосова[12], часть диссертации Е.И. Юркевича[13], однако все они относятся

[1] *Четверухин Г.Н.* История развития корабельной и береговой артиллерии. Москва; Ленинград: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1942. Ч. 1.

[2] *Денисов А.П., Перечнев Ю.Г.* Русская береговая артиллерия. Москва: Воениздат, 1956. С. 7–120.

[3] *Кротов П.А.* Российский флот на Балтике при Петре Великом: дис. … д-ра ист. наук. Санкт-Петербургский государственный университет, 1999. С. 738–748.

[4] История материальной части артиллерии. Т. 1. История материальной части артиллерии от первобытных времен до XIX века / составитель А.А. Нилус. Санкт-Петербург: Типография П.П. Сойкина, 1904.

[5] *Козловский Д.Е.* История материальной части артиллерии. Москва: [б.и.], 1946.

[6] *Прочко И.С.* История развития артиллерии: в 5 т. Т. 1. С древнейших времен и до конца XIX века. Москва: Типография Артакадемии, 1945.

[7] История отечественной артиллерии / под редакцией С.С. Варенцова. Москва: Типография Военной артиллерийской академии, 1960. Т. 2, кн. 1.

[8] *Манойленко Е.Ю.* Русская артиллерия в первой трети XVIII века: дис. … канд. ист. наук. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2010; *Манойленко Е.Ю.* Русская артиллерия при ближайших преемниках Петра Великого (1725–1730-е гг.) // История военного дела: Исследования и источники. 2015. Т. VII. С. 174–195. URL: http://www.milhist.info/2015/09/14/manoilenko_1 (дата обращения: 04.11.2023).

[9] *Лобин А.Н.* Артиллерия Петра Великого. «В начале славных дел». Москва: Эксмо, 2023.

[10] *Струков Д.П.* Прошлое уставов русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1891. № 10. С. 857–982.

[11] *Барбасов А.П.* Боевая подготовка русской артиллерии в XVIII в. // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея / под редакцией И.П. Ермошина. Ленинград: Артиллерийский исторический музей, 1958. Вып. 3. С. 63–80.

[12] *Колосов Е.Е.* «Подлинное научение от артиллерии констапелям морским и сухопутным» (Наставление по стрельбе 1718 г.) // Сборник исследований и материалов Артиллерийского

к сухопутной артиллерии. Две инструкции об экзерциции (единообразной последовательности действий людей орудийной прислуги при обслуживании орудия) в русской морской артиллерии были опубликованы уже довольно давно[14], однако они не были должным образом проанализированы и встроены в исторический контекст.

Основная часть

Важной проблемой для изучения русской морской артиллерийской экзерциции, описанной в июле 1718 г. в одном из писем Ф.М. Апраксина[15] (которую можно условно назвать экзерциией Апраксина), является ее краткость – она содержит только перечень команд, а действия орудийной прислуги не объяснены. В Российском государственном архиве Военно-морского флота (далее РГА ВМФ) нам удалось обнаружить документы, раскрывающие содержание экзерциции Апраксина. Это позволило сделать вывод о ее происхождении от шведской экзерциции, описанной в двух трактатах выдающегося теоретика и практика артиллерии и начальника шведской морской артиллерии Д. Грундэля[16] (до 1675–1716)[17]. В настоящей статье мы ставим задачу проследить развитие русской морской артиллерийской экзерциции в 1718–1811 гг., поскольку этот период является особым этапом ее развития.

исторического музея / под редакцией И.П. Ермошина. Ленинград: Артиллерийский исторический музей, 1958. Вып. 3. С. 211–214.

[13] *Юркевич Е.И.* Артиллерия Гатчинских войск великого князя Павла Петровича (1783–1796) и ее влияние на развитие русской полевой артиллерии конца XVIII – 1-й четверти XIX веков: дис. … канд. ист. наук. Санкт-Петербургский государственный университет, 2003.

[14] *Кротков А.С.* Русский флот в царствование императрицы Екатерины II с 1772 г. по 1783 год. Санкт-Петербург: Типография Морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1889. С. 276–280; О экзерциции. Как надлежит обучать пушкарей морского флота на батарее и на корабле стрельбою пушечною // История отечественной артиллерии. Т. 1. Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн. 2. Артиллерия русской армии в период укрепления абсолютизма (XVIII в.). Москва: [б. и.], 1960. С. 593–594.

[15] О экзерциции. [Июль 1718 г.] // Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 255. Л. 192 об.–194; О экзерциции. Как надлежит обучать пушкарей морского флота на батарее и на корабле стрельбою пушечною. С. 593–594.

[16] В прежних публикациях мы транскрибировали его имя и фамилию как Даниэль Грунделл, однако после консультации с опытным переводчиком Г.Г. Ивановым стало понятно, что более корректно передавать его фамилию как Грундэль, с ударением на последний слог.

[17] *Назаренко К.Б.* Шведские корни русской морской артиллерийской экзерциции петровского времени // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68, вып. 4. С. 927–942. https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.408

Цепь событий, которая привела к появлению достаточно полного рукописного текста русской морской артиллерийской экзерциции в середине XVIII в., началась со смерти обер-цейхмейстера морской артиллерии Я.Я. Леймана[18] 3 декабря 1749 г. Национальность Леймана неизвестна, также, как и детали его биографии до поступления на русскую службу. Яким (Юган, Иохим) Якимович Лейман (Лиман, Лемон, Леймон, Lehman) был принят на русскую службу боцманматом в 1705 г., в 1715 г. произведен в унтер-лейтенанты артиллерии, в 1719 г. – в лейтенанты артиллерии, в 1722 г. – в лейтенанты флота, в 1726 г. – в капитан-лейтенанты, в 1729 г. – в советники Адмиралтейской конторы[19], в 1731 г. – в капитаны 3 ранга, в 1732 г. – назначен в советники (полковничьего ранга) в Артиллерийскую экспедицию, в 1737 г. – назначен начальником морской артиллерии в Кронштадте, в 1747 г. произведен в цейхмейстеры (бригадирского ранга)[20]. После смерти А. Брунца 6 февраля 1744 г. Лейман фактически возглавил русскую морскую артиллерию, однако формально с 14 января 1746 г. обер-цейхмейстером (высшим ее руководителем) стал князь Б.В. Голицын (1705–1768). Кроме руководства морской артиллерией, Лейману были поручены с 1737 г. «починка здешней (Кронштадтской. – *К. Н.*) морской крепости», а с 1742 г. – также надзор за строительством сооружения, «что ныне именуется мокрый док» (ныне Петровский)[21]. От первого брака у Леймана был сын (лекарь, не достигший больших служебных высот) и две дочери, а от второго брака – два сына, Матвей (1734/35 – после 1801) и Григорий (Георг-Иоахим) (1738/39 – 1796). Оба они служили в морской артиллерии: М.Я. Лейман достиг чина генерал-майора флота в 1801 г., а Г.Я. Лейман – генерал-цейхмейстера (в ранге генерал-поручика) в 1794 г. Таким образом, Лейман – один из тех иностранцев, которые были приняты на службу Петром Великим и провели большую часть жизни в России, принеся нашей стране значительную пользу.

В связи с разбором бумаг Леймана,

[18] Мы придерживаемся того варианта написания его имени и фамилии, который избрали авторы «Общего морского списка», справочника, содержащего практически всю информацию о Леймане, известную на сегодняшний день историкам.

[19] Не только должность, но и чин, соответствовавший майорскому.

[20] Общий морской список. Ч. 1. От основания флота до кончины Петра Великаго. Санкт-Петербург: Типография В. Демакова, 1885. С. 212–213.

[21] Рапорт Кронштадтской конторы над портом по Экспедиции морской артиллерии в ГАК. 22 декабря 1749 г. // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 12. (ГАК – Государственная Адмиралтейств-коллегия. – *прим. ред.*)

> найдена экзерция за руками констапелей[22] Козмы Челищева, Василия Тулубьева, Ильи Горина, Андрея Зыкова, лейтенанта Михаила Тихменева, а в котором году сочинена, того не показано, которую обретающиеся при Кронштадте артиллерии обер-офицеры рассматривали и подпискою объявили, что со вступления их в артиллерийскую команду в бытность на кораблях и батареях обучение чинилось по оной экзерциции[23].

На обороте последнего листа документа имеется заверяющая надпись: «Мы, нижеподписавшиеся, со вступления нашего в артиллерийскую команду в бытность на кораблях и батареях обучение чинили по сей вышеписаной экзерциции, в чем и засвидетельствуем». Далее следуют подписи констапелей Алексея Сурядного, Афанасия Бибикова, Якова Никонова, констапелей в должности унтер-лейтенантов Василия Малинкого, Александра Томилина, Федора Булгакова, констапелей в должности лейтенантов[24] Леонтия Абобурова, Якова Бестужева и Александра Рындина[25]. Следовательно, текст экзерциции составлен или заверен четырнадцатью офицерами морской артиллерии, т.е. достаточно представительной группой.

Удалось установить, что Алексей Зотович Сурядной служил с 1716 г., в том числе «на морском корабельном флоте» с 1717 г., в 1737 г. был пожалован «по экзаменации» в бомбардирские сержанты и просил повысить его рангом в январе 1740 г.[26] Таким образом, «вступление» А.З. Сурядного в артиллерийскую команду произошло в 1717 г. Отметим, что экзерциция Апраксина была разослана в июле 1718 г., следовательно, с большой долей уверенности мы можем утверждать, что экзерциция Апраксина и обнаруженная нами экзерциция, заверенная артиллерийскими офицерами, являются описанием одной и той же системы обучения канониров русского флота, введенной при Петре Великом. Мы будем в дальнейшем именовать данную экзерцицию «Старой». Анализ текста этой экзерциции показывает, что она в основном совпадает с экзерцицией Апраксина 1718 г., но изложена значительно

[22] Чин в морской артиллерии, соответствовавший сухопутному прапорщику.

[23] ГАК по Экспедиции морской артиллерии от Кронштадтской морской артиллерии репорт. [Между 2 ноября и 31 декабря 1750 г.] // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 25–25 об.

[24] Такая формулировка связана с тем, что Елизавета Петровна приказала прекратить производство в чины в Морском ведомстве до возвращения к системе чинов времен Петра Великого, поэтому офицеры, носившие чин констапеля, могли служить в должностях унтер-лейтенантов и лейтенантов.

[25] Экзерциция (или учение пушками) на кораблях. [1740-е гг.] // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 31 об.

[26] [Челобитная А.З. Сурядного о повышении чином]. Январь 1740 г. // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 40. Л. 30.

подробнее и содержит описание действий каждого артиллериста при ведении огня из пушек. Сравнительный текст обеих экзерциций был опубликован нами ранее[27].

В этом же архивном деле содержится другой вариант артиллерийской экзерциции, который, вероятно, был составлен самим Лейманом до 24 ноября 1747 г.[28], а после его смерти подвергся рассмотрению Морской артиллерийской «экспедиции и всех артиллерийских штаб- и обер-офицеров»[29]. Этот вариант был направлен в Государственную Адмиралтейств-коллегию (далее ГАК) 11 января 1750 г. [30] Он состоит из трех разделов: «О экзерциции морской артиллерии учения пушками во флоте и на батареях»[31], «О экзерциции из мортир бомбами краткое изъяснение»[32] и «Экзерциция гаубицам на кораблях»[33]. Этот вариант экзерциции мы будем условно называть Экзерцицией Леймана. Морская артиллерийская экспедиция предложила напечатать ее, а также, для улучшения боевой подготовки, отремонтировать учебные батареи в Кронштадте и Санкт-Петербурге и переоборудовать старый прам или пакетбот в плавучую учебную батарею, которая могла бы служить также и мишенью для стрельбы с кораблей[34], что было предписано еще второй частью петровского Устава морского в 1722 г.[35], но, очевидно, не исполнено до середины века.

---

[27] *Назаренко К.Б.* Русская морская артиллерийская экзерциция петровского времени // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4 (40). С. 309–319.

[28] ГАК по Экспедиции морской артиллерии от Кронштадтской морской артиллерии репорт. [Между 2 ноября и 31 декабря 1750 г.] // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 25–25 об.

[29] Доклад от Морской артиллерийской экспедиции в ГАК. 11 января 1750 г. // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 3–4.

[30] Там же.

[31] О экзерциции морской артиллерии учения пушками во флоте и на батареях. [1747 г.?] // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 5–10 об.

[32] О экзерциции из мортир бомбами краткое изъяснение. [1747 г.?] // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 11–12 об.

[33] Экзерциция гаубицам на кораблях. [1747 г.?] // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 13–14.

[34] Доклад от Морской артиллерийской экспедиции в ГАК. 11 января 1750 г. // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 3–4.

[35] «Мишень надлежит учинить… в таком месте (ежели можно) в которое б доставало с батареи, учиненной на сухом пути и с батареи на судах, которые будут на воде поставлены для учения пушкарей стрелять с рассуждением морского волнения. Тако ж и такою стрельбою обучать, чтоб пушки были на воде и цель на воде в подобии корабля» (Часть вторая Регламента морскаго, в которой определено о всем, что касается добраго управления в бытность флота в порте, також о содержании портов и рейдов. Санктпитербург: В Санктпитербургской Типографии, 1722. С. 37).

Решение ГАК затянулось, и Морская артиллерийская контора (бывшая экспедиция) вновь обратилась в ГАК 12 апреля 1754 г., приложив сравнительный текст обеих экзерциций, Старой и Леймана[36]. Почти через год, 5 апреля 1755 г., ГАК приняла решение – обе экзерциции

> отдать в артиллерийскую контору обратно и велеть как прежде во флоте пушечной экзерциции обучение производилось, так и ныне поступать по тому, против прежнего[37].

Вероятно, такое решение было принято исходя из политического курса на реставрацию во всех мелочах петровских порядков, твердо проводимого Елизаветой Петровной (в частности, этот курс отразился в переименовании подразделений ГАК из экспедиций в конторы).

В развитие этого решения, 16 мая 1755 г. Морская артиллерийская контора решила

> во обучении… служителей на берегу на батареях и во флоте на кораблях дабы нигде и никакой разности не было, пушечное и бомбардирское обучение производить по учиненной в [1]750 году экзерциции неотменно и о том для надлежащего исполнения списав точные копии, по артиллерии, в порты и другие места, разослать при указах[38].

Сохранился отпуск такого указа в Ревельскую артиллерийскую контору и в Архангельский порт[39]. Фактически, Морская артиллерийская контора своей властью утвердила Экзерцицию Леймана взамен Старой. При этом надо подчеркнуть, что Старая экзерциция отличалась от первой части Новой («О экзерциции морской артиллерии учения пушками во флоте и на батареях») лишь в деталях. Совершенно новыми дополнениями были разделы Новой экзерциции «О экзерциции из мортир бомбами краткое изъяснение»[40] и «Экзерциция гаубицам на кораблях»[41].

---

[36] Экзерциции. 12 апреля 1754 г. // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 36–55.

[37] Протокол ГАК. 5 апреля 1755 г. // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 56.

[38] Протокол Морской артиллерийской конторы. 16 мая 1755 г. // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 56 об.

[39] Указ ЕИВ самодержицы всероссийской из Санкт-Петербургской Морской артиллерийской конторы. 12 октября 1755 г. // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 57.

[40] О экзерциции из мортир бомбами краткое изъяснение. [1747 г.?] // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 11–12 об.

[41] Экзерциция гаубицам на кораблях. [1747 г.?] // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 13–14.

Сравнение Старой экзерциции и Экзерциции Леймана показывает, что обе они прямо цитируют «Устав воинский» 1716 г. В обеих это касается требования тишины перед началом учения (курсивом выделены места, оригинальные для морских артиллерийских экзерциций, в скобках – места «Устава воинского», опущенные в них):

> Егда начальник, который учить будет, *в пристойном станет месте* (перед фрунтом станет) и молвит слушай, тогда надобно, что б (в строю) всемерно тихо было и никто ж с кем не разговаривал, точно бы все то, что офицер повелит, слушали, и примечали, и исполняли со всяким прилежанием[42].

Как видим, отличия морских экзерциций от «Устава воинского» связаны исключительно со стремлением приспособить текст устава к морским реалиям, поскольку артиллеристы, в отличие от пехотинцев, не стояли у орудий во фрунте или в строю. В Экзерциции Леймана, кроме того, добавлено расширенное заглавие, прямо цитирующее Устав воинский 1716 г. (условные обозначения те же, что и выше):

> Обыкновенное учение с кратчайшим растолкованием, которое имать быть *в портах, на учебных батареях и во флоте на кораблях и прочих военных судах* (во инфантерии), а особливо, како лутчим образом во осмотрении иметь в приемах *и поступках* (мушкетных, которое состоит в три темпа); и притом всякие порядки в позитурах, в стрельбе, в поворотах (в здваивании шереног и рядов) и прочих принадлежащих поведениях; но дабы во всем всегда благо последовати могло, надлежит *артиллерийским* (господам Полковникам и прочим Штаб- и Обер-) Офицерам, тож и *ундер-офицерам и капралам* (урядникам) имети всякому по должности и званию своему всемерное тщание. И как *на батареях, тако и на флоте* (на квартирах, тако и в поле), елико случай и время допущати может, *подчиненных* (салдат) своих непрестанно в справном состоянии содерживати, чрез которыя прилежныя посредствы, всякий Офицер, ежели кто в сих и в прочих воинских делах ревнительную охоту и всемерное тщание покажет, фортуну свою без всякаго сумнения сыщет; *как о том при жизни блаженные и вечной славы достойныя памяти ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО в печатном воинском сухопутном уставе о экзерциях*

[42] Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведениях, что каждому чинить должно. Санктпетербург: При Императорской Академии наук, 1716. С. 172–173; Экзерциция (или учение пушками) на кораблях. [1740-е гг.] // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 26.

> *изображено и того ради* (о чем) распространяти оставляю, и поворочуся ко учению, како последует…[43]

Очевидно, что авторы морских артиллерийских экзерциций стремились следовать формуляру «Устава воинского», видя в своих экзерциях его прямой аналог.

В Экзерциции Леймана была переработана вводная часть по сравнению со Старой, в ней детально описано приготовление к артиллерийскому учению, о чем дают представление данные табл. 1.

Таблица 1

Различия введения Старой экзерциции и Экзерциции Леймана

Старая экзерциция[44]	**Экзерциция Леймана**[45]
	Требование о наличии у обучающего офицера списка обучаемых
	Требование к унтер-офицерам и капралам расставлять людей, производить перекличку по прибитым над пушечными портами «билетам»[46], приготовлении «амуниции» для учения, рапорте о готовности проводящему учение
	Требование о наличии у обучающего (начальника) «рупора или трубы жестяной»
	Требование об обнажении «прибочного оружия» обучающим (начальником) во время учения
Требование тишины после подачи команды «Слушай»	Требование тишины после подачи команды «Слушай»
Требования к строевой стойке после команды «Везде стойте в готовности у пушек»	Требование «стоять исправно и ожидать, что им от командира повелено будет»

Добавление цитаты из «Устава воинского» свидетельствует о стремлении автора Экзерциции Леймана к унификации уставных документов и о том, что он отводил своей экзерциции то же место в обучении военнослужащих, которое занимал «Устав воинский» в сухопутной армии. Цитата из «Устава воинского»

[43] Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов. С. 172–173; О экзерциции морской артиллерии учения пушками во флоте и на батареях. [1747 г.?] // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 5.

[44] Экзерциции. 12 апреля 1754 г. // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 37.

[45] Там же. Л. 37 об.

[46] Отсылка к требованию Морского устава: «и каждой пушке учинить на бумаге нумер, которые прибиваются поверх окна, а на оной написать всех имена, кто у оной пушки определены» (Устав морской о всем, что касается доброму управлению, в бытности флота на море. Санктпитербург: В Санктпитербургской Типографии, 1720. С. 72).

в Старой экзерциции, записанной группой офицеров по памяти, свидетельствует о широком распространении «Устава воинского», в том числе и на флоте. Знакомство с сухопутным уставом может быть объяснено тем, что с 1722 г. морских служителей надлежало зимой обучать сухопутной экзерциции по сухопутному уставу[47].

Последовательность и описание приемов в Экзерциции Леймана и в Старой экзерциции практически идентичны. Совершенно новыми разделами Экзерциции Леймана были второй и третий, посвященные обслуживанию мортир и гаубиц. В отличие от первого раздела, они не содержали объяснения тех или иных приемов, а лишь команды для их исполнения. В конце Экзерциции Леймана имеется указание на необходимость обучать артиллерийских служителей метанию ручных гранат (с помощью не начиненных порохом чугунных гранат и деревянных начиненных учебных гранат), а также краткое указание о необходимости обучать их «военной экзерциции», т.е. обращению с мушкетом[48].

Мы можем судить и о дальнейшем развитии русской морской артиллерийской экзерциции уже в екатерининскую эпоху, благодаря книге «Наука морская, сиречь опыт теории и практике управления кораблем и флотом военным», которая была составлена Н.Г. Кургановым (1725–1796)[49]. Николай Гаврилович Курганов – один из выдающихся русских интеллектуалов-энциклопедистов XVIII в. Он происходил из солдатских детей, обучался в Навигацкой школе, затем в Морской академии, но, не будучи дворянином, не мог претендовать на офицерский чин. Благодаря выдающимся успехам в астрономии, Курганов в 1743 г. был назначен преподавателем астрономии в Гардемаринской роте, затем в Морском корпусе и лишь в 1756 г. награжден чином подпоручика. Вплоть до смерти он служил в Морском корпусе[50], издав за это время ряд учебных пособий, наиболее популярным из которых стал

[47] См., например: «Майор... должен смотреть и матрозской экзерциции с ружьем и гранатами, так ли учатся?» (Часть вторая Регламента морскаго, в которой определено о всем, что касается добраго управления в бытность флота в порте, тако ж о содержании портов и рейдов. Санктпитербург: В Санктпитербургской Типографии, 1722. С. 42).

[48] Экзерциции. 12 апреля 1754 г. // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 55 об.

[49] *[Бурде де Вилье Ж-П.]* Наука морская, сиречь опыт о теории и практике управления кораблем и флотом военным / перевод с французского Н.Г. Курганова. Санкт-Петербург: При Императорской Академии наук, 1774.

[50] *[Берх В.]* Жизнеописание Николая Гавриловича Курганова, подполковника, профессора навигации, математики и инспектора Морского шляхетного кадетского корпуса. Санкт-Петербург: В типографии Н. Греча, 1829.

«Письмовник»[51]. Кроме того, Н.Г. Курганов сделал несколько переводов (зачастую дополненных и переработанных им самим)[52].

Формально «Наука морская…» является переводом книги французского автора Ж-П. Бурде де Вилье (1732–1789). Впервые она вышла в свет в Париже в 1765 г.[53] О высокой оценке этого труда свидетельствует тот факт, что он переиздавался на французском языке не менее семи раз (включая одно «пиратское» издание без указания автора, последнее издание – 1832 г.), и на английском – не менее семи раз (пять раз в Великобритании и дважды в США)[54].

[51] *Курганов Н.Г.* Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательнаго учения русскому языку с седмью присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей. Санкт-Петербург: Типография Морскаго кадетскаго корпуса, 1769 (и другие ее многочисленные переиздания); *Курганов Н.Г.* Универсальная арифметика, содержащая основательное учение как легчайшим способом разныя во обществе случающияся, математике принадлежащия арифметическия, геометрическия и алгебраическия выкладки производить. Санктпетербург: При Императорской Академии наук, 1757; *Курганов Н.Г.* Генеральная геометрия или Общее измерение протяжения, составляющее теорию и практику оной науки. Сочиненная для учащагося в Морском шляхетном кадетском корпусе благороднаго юношества, капитанскаго ранга математических и навигацких наук. Санктпетербург: В Типографии тогоже Корпуса, 1765; *Курганов Н.Г.* Книга о науке военной, Содержащая в себе умозрение и деяние о укреплении всяких полевых и приморских мест; о нападении и обороне крепостей и гаваней; И с присовокуплением науки о перспективе и словаря инженернаго. Санктпетербург: Типография Сухопутного кадетского корпуса, 1777; *Курганов Н.Г.* Пополнения Бугеровой науки мореплавания: Часть первая, предлагающая таблицы склонения и прямаго восхождения Солнца, и многия иныя астрономския, географския и физическия познания для употребления во флоте и в морских училищах. Санктпетербург: В Типографии помянутаго Корпуса, 1790; *Курганов Н.Г.* Таблицы румбов, разности широт, прямаго восхождения, и склонения Солнца и прочия к мореплаванию принадлежащия. Санктпетербург: Печатаны при Типографии Морскаго Шляхетскаго Кадетскаго Корпуса, 1794.

[52] Бугерово новое сочинение о навигации, содержащее теорию и практику морскаго пути / перевод с французского Н. Курганова. Санктпетербург: При Морском Шляхетном Кадетском Корпусе, 1764; Элементы геометрии, то есть первыя основания науки о измерении протяжения, состоящия из осьми Евклидовых книг, изъясненныя новым способом удобопонятнейшим юношеству / перевод с французского Н. Курганова. Санктпетербург: Типография Морскаго Кадетскаго Корпуса, 1769; *Саверьен А.* О точности морскаго пути, или Искусство, как измерять на море ход корабля и описание о вооружении французских военных судов, с прибавлением о теории правления кораблем / перевод с французского Н. Курганова. Санктпетербург: При Морском Шляхетском Кадетском Корпусе, 1773.

[53] *Bourdé de Villehuet J.-P.* Le Manoeuvrier, ou Essai sur la Théorie et la Pratique des mouvements du navire et des Evolutions navales. Paris: H.L. Guerin et L.F. Dalatour, 1765.

[54] *Taillemite É.* Dictionnaire des marins français. Paris: Tallandier, 1982. P. 66.

В историографии уже звучало мнение, что в состав текста Бурде де Вилье Курганов ввел свои авторские отрывки, что отметил А.С. Кротков[55], признававший оригинальность Экзерциции Курганова. Однако современный исследователь В.Д. Овчинников считает экзерцицию, приведенную Кургановым, полностью заимствованной: «На Российском флоте методика подготовки (расчетов артиллерии. – *К. Н.*) в основном была заимствована из опыта иностранных флотов. В обобщенном виде она была представлена в работе Бурде де Вильгюе…»[56]. Отметим, что Курганов подчеркнул свой вклад в издаваемый текст в его названии, которое полностью звучит так: «Наука морская, сиречь опыт о теории и практике управления кораблем и флотом военным, что с французской книги перевел и **с присовокуплением к тому многих потребных изъяснений и действий** (выделено нами. – *К. Н.*) издал Николай Курганов»[57], а на стр. 269 напечатано «Конец Вильгетовой книги»[58], после чего идут дополнения Курганова, однако на это обстоятельство В.Д. Овчинников не обратил должного внимания.

При сравнении оригинала Бурде де Вилье и перевода Курганова становится очевидным, что переводчик поменял местами третью и четвертую части оригинала и добавил пятую часть «Прибавление разных морских наблюдений и действий»[59], составляющую около 40 % всего текста издания. Было бы неверно считать Курганова единственным автором добавленного текста – он широко заимствовал те или иные отрывки из других сочинений, дополняя и перерабатывая их. Так, глава 4 «Прибавлений»[60] представляет собой переработку известного руководства К.Н. Зотова[61]. О собственном вкладе Курганова можно судить также по тому, что сочинение Зотова содержит

[55] *Кротков А.С.* Русский флот в царствование императрицы Екатерины II с 1772 г. по 1783 год. Санкт-Петербург: Типография Морскаго министерства в Главном Адмиралтействе, 1889. С. 276–280.

[56] *Овчинников В.Д.* Личность адмирала Ф.Ф. Ушакова и влияние его деятельности на строительство и применение отечественного флота: дис. … д-ра ист. наук. Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2019. С. 188–189.

[57] *[Бурде де Вилье Ж-П.]* Наука морская, сиречь опыт о теории и практике управления кораблем и флотом военным.

[58] *[Бурде де Вилье Ж-П.]* Наука морская, сиречь опыт о теории и практике управления кораблем и флотом военным. С. 269.

[59] *[Бурде де Вилье Ж-П.]* Наука морская, сиречь опыт о теории и практике управления кораблем и флотом военным. С. 270–432.

[60] *[Бурде де Вилье Ж-П.]* Наука морская, сиречь опыт о теории и практике управления кораблем и флотом военным. С. 301–333.

[61] *Зотов К.Н.* Разговор у адмирала с капитаном о команде, или полное учение, како управлять кораблем во всякия разныя случаи. Санктпитербург: В Санктпитербургской Академической типографии, 1724.

35 «вопросов», а текст Курганова – 45. Вероятно, Курганов не только перевел, но и дополнил «Словарь морской»[62], помещенный в том же издании, при этом сам он ссылается как на источник на «изрядную» книгу В. Фалконера, до сих пор считающуюся непревзойденным морским словарем парусной эпохи[63].

Следует подчеркнуть, что перевод Курганова готовился как учебное пособие для кадетов Морского корпуса, которым он и служил в течение ряда десятилетий, поэтому Экзерциция Курганова не могла быть (и не была) его измышлением, а представляла собой отражение реальной практики русского флота.

Глава 3 «Прибавлений» Курганова именуется «О разных артиллерийских экзерциях или учениях на корабле»[64]. Она состоит из четырех частей:

1. Учение пушечное, когда пушки можно заряжать за кораблем, не опущая портов.
2. Учение пушечное на корабле при закрытых портах.
3. Учение о бросании гранат.
4. Учение пальбы из мортир бомбами.

Первая, вторая и четвертая части содержат текст, близкий к Экзерциции Леймана, но имеющий с ней ряд отличий. Раздела о бросании ручных гранат Экзерциция Леймана не содержит (как и Старая), однако в ней есть раздел о стрельбе из гаубиц, который не вошел в текст Курганова, вероятно, потому, что в 70-е гг. XVIII в. гаубицы практически вышли из употребления на флоте.

Для того чтобы проанализировать русские морские артиллерийские экзерциции XVIII в., сравним ряд пунктов Старой экзерциции, Экзерциций Леймана и Курганова, а также шведской экзерциции Д. Грундэля, которая, как мы показали в нашей ранее опубликованной статье, легла в основу русской морской артиллерийской экзерциции[65] (см. табл. 2).

[62] Словарь морской, то есть изъяснение некоторых иностранных слов, а больше Голландских в сей книге упоминаемых и употребляемых в российском флоте // *[Бурде де Вилье Ж-П.]* Наука морская, сиречь опыт о теории и практике управления кораблем и флотом военным. С. 370–413.

[63] *Falconer W.* An universal dictionary of the marine: or, A copious explanation of the technical terms and phrases employed in the construction, equipment, furniture, machinery, movements, and military operations of a ship. London: Printed for T. Cadell (successor to Mr. Millar) in the Strand, 1771.

[64] О разных артиллерийских экзерциях или учениях на корабле // *[Бурде де Вилье Ж-П.]* Наука морская, сиречь опыт о теории и практике управления кораблем и флотом военным. С. 295–301.

[65] *Назаренко К.Б.* Шведские корни русской морской артиллерийской экзерциции петровского времени.

Таблица 2

Основные различия Экзерциции Грундэля, Старой экзерциции, Экзерциций Леймана и Курганова

	Экзерциция Грундэля, 1696 г.[66]	Старая экзерциция, 1718 г. (записана в 1740-х гг.)	Экзерциция Леймана, 1747 г.(?)	Экзерциция Курганова, 1774 г.
Строевая стойка артиллериста	«…с руками в бока, за исключением того, кто командует пушкой, и кто становится позади винграда с левой рукой в бок, а с правой на запальном отверстии»	«…подпершись обеими руками в бока, опричь того, который командует пушкою, ибо он становится позади казны подпершись левою рукою в бок, а правую руку положит на казну…»	Не описана	«…подпершись руками в бока, а комендор оной (главный пушкарь) становится позади винграда положа правую руку на казну и левою подпершись…»
Место свинцовой покрышки, когда она снята с орудия	Не указано	«Удобное место»	«Удобное место»	На пушечном станке
При банении затравочное отверстие «тот, кто командует пушкой» затыкает…	большим пальцем	пальцем	«нарочными к тому заготовленными малыми пыжами»	большим пальцем
Пороховые заряды подносят из крюйт-камеры	люди, стоящие слева от пушки у борта	люди, стоящие слева от пушки у борта	специально назначенные «малолетние [матросы] и офицерские слуги»	люди, стоящие слева от пушки у борта
Досылание порохового заряда и пыжа при заряжании	В два приема, дважды вводя банник в дуло орудия	В два приема, дважды вводя банник в дуло орудия	В один прием, единожды вводя банник в дуло орудия	В два приема, дважды вводя банник в дуло орудия

[66] Перевод Г.Г. Иванова.

Продолжение таблицы 2

	Экзерциция Грундэля, 1696 г.	Старая экзерциция, 1718 г. (записана в 1740-х гг.)	Экзерциция Леймана, 1747 г.(?)	Экзерциция Курганова, 1774 г.
Дополни-тельные операции с картузом перед заряжанием	Пергаментный картуз следует разрезать ножом крестообразно	Не указано	Не указано	«скусить [картуз] у узла»
Место хранения ядер	[веревочное] кольцо [на палубе]	Не указано	Не указано	Не указано
Место протравников	На правом боку «того, кто стоит сзади и командует пушкой»	Не указано	«висят при бедре [у «того, кто командует пушкой»] или бензелем привязаны к [пороховым] рогам [, висящим через плечо у «тех, кто командует пушкой»]»	«висят при нем (комендоре. – *К. Н.*) у [порохового] рога»
Место пороховых рогов	На правом боку «того, кто стоит сзади и командует пушкой»	Не указано	«рога висят через плечо [у «тех, кто командует пушкой»]»	«висит при комендоре»
Кто закрывает запал свинцовой покрышкой и снимает ее	«тот, кто стоит позади (орудия) и командует пушкой»	Не указано	Не указано	«стоящий у казны по правую сторону»
Способ держания ломов и гандшпугов	«[уперев] левую руку в бок, а правой рукой взявши гандшпуг на уровне груди»	Левой рукой гандшпуги держат ниже, а правой – на уровне груди	Не указано	Не указано
Приспособле-ния для наводки орудия в цель	Не указано	Не указано	Не указано	Отметки мелом верхних точек у дульного и казенного фризов орудия

Продолжение таблицы 2

	Экзерциция Грундэля, 1696 г.	Старая экзерциция, 1718 г. (записана в 1740-х гг.)	Экзерциция Леймана, 1747 г.(?)	Экзерциция Курганова, 1774 г.
Положение комендора при поджигании запала	Не указано	Не указано	Не указано	«став левою ногою подле заднего колеса, а спиною к дулу, держит правою рукою фитиль»
Способ держания канатных банников	Не указано	Не указано	«через плечо»	Не указано
Кто отдает порт-тали при закрытии портов	Не указано	«Командующий пушкой»	«командующий пушкой», а в нижних деках, где порт-талей два, ему помогают «стоящие у казны с обеих сторон»	Комендор
Временное крепление пушки при качке	«63. Закрепить пушки парой оборотов талей. Это исполняется теми двумя [людьми] по обе стороны от казенной части пушки таким образом, что тот, у которого правые тали, держит их [лопарь] внатяжку и снизу оборачивает вокруг винграда пушки, затем вокруг гакболта[67]	«Крепи пушки талями двумя оборотами. Тогда закрепят пушки талями двумя обороты как уж и звычайно знаемо»	Не указано	Не указано
Временное крепление пушки при качке	и снова назад под винград и вокруг него, удерживая там, когда при этом бухта [лопаря] талей из-под низа проходит наверх и протягивается между пушкой и талями; остальную часть [лопаря] талей поднимают и бросают на палубу; то же самое происходит с левыми талями»	«Крепи пушки талями двумя оборотами. Тогда закрепят пушки талями двумя обороты как уж и звычайно знаемо»	Не указано	Не указано

[67] Крюк на боковой доске пушечного станка.

Окончание таблицы 2

	Экзерциция Грундэля, 1696 г.	Старая экзерциция, 1718 г. (записана в 1740-х гг.)	Экзерциция Леймана, 1747 г.(?)	Экзерциция Курганова, 1774 г.
Крепление пушки по-походному	«как в 63-м приеме учено; с тем лишь отличием, что оборотов талей вокруг гакаболта и винграда пушки делается столько, на сколько хватит [лопаря] талей. На военных кораблях принято закреплять пушки, чередуя обороты [лопаря] талей, а именно: сначала один оборот делается правыми талями, а затем один оборот левыми талями вокруг винграда пушки, и таким порядком обеими попеременно»	«Крепи пушки всеми талями крепко. Тогда крепят пушки всеми талями как уж и звычайно знаемо»	Не указано	Не указано

Сравнивая Старую экзерциюю с Экзерциией Леймана, можно констатировать некоторый прогресс в развитии приемов заряжания орудия, направленных, в частности, на экономию времени (досылание порохового заряда и пыжа в один прием, выделение особых подносчиков картузов, не входящих в состав прислуги конкретного орудия), повышение безопасности (затыкание затравочного отверстия не пальцем, а пыжом), усиление единообразия (указания на место ношения протравников и пороховых рогов, четкие указания по подготовке к учению). В то же время более поздняя Экзерциция Курганова по ряду параметров ближе к Старой, чем к Экзерциции Леймана. В частности, это проявляется в требовании затыкать запальное отверстие пальцем, а не пыжом, в двукратном введении банника в дуло при досылании картуза и пыжа, наконец, в том, что подносчиками картузов являются матросы из состава орудийной прислуги, а не юнги и офицерские слуги. С другой стороны, в Экзерциции Курганова впервые появляются указания на такое приспособление для прицеливания орудия, как отметки мелом верхних точек дульного и казенного фризов, указания на позу комендора при обдувании пальника и поджигании запала (поворот комендора спиной к

орудию был важной мерой обеспечения безопасности при выстреле, он уменьшал вероятность случайного падения искры с фитиля на запал при раздувании фитиля, что могло бы привести к преждевременному выстрелу). Экзерциция Курганова содержит ряд более современных терминов, которые лишь входили в морской язык в 70-е гг. XVIII в., поэтому сопровождались пояснениями. Например, комендор – это «главный пушкарь», бухта (каната) – «круг».

Отказ в Экзерциции Курганова от назначения для подноски картузов специальных людей, не входящих в орудийную прислугу, можно было бы считать шагом назад по сравнению с Экзерцицией Леймана, но обратим внимание на то, что в Уставе морском 1720 г. сказано: «[лейтенант] должен определить людей корабельных по приказу капитанскому для бою и роспись должен иметь тем, которые будут… у пушек… и которые у разноски пороху…»[68]. Зотов в своем руководстве по управлению кораблем указывал: «а в росписании людей для бою, надобно людей определить… для насыпки пороху, **а другие для приноски пороху** (выделено нами. – *К. Н.*), только самая вящая притчина – надобно наперед всего выложить, сколько надлежит людей приставить ко всякой пушке»[69]. Таким образом, задолго до составления Экзерциции Леймана идея выделения специальных подносчиков пороха, не входящих в орудийную прислугу, не только существовала в русском флоте, но и попала в нормативный акт и печатный трактат. Прибивание картуза и пыжа в один прием, с однократным введением прибойника в дуло орудия, упоминается в артиллерийской рукописи, относящейся к первой половине XVIII в.: «потом сверх картуза клади пыж и сверх пыжа прибей крепко набойником 3-мя ударами»[70], тогда как Старая экзерциция требует сначала вдвинуть в дуло картуз, а потом пыж – в два приема.

Указания на дополнительные манипуляции с картузом связаны со спецификой материала, из которого он изготовлялся. В шведской морской артиллерии были распространены пергаменные картузы, в русской морской артиллерии первой половины XVIII в. использовались как пергаменные, так и бумажные картузы[71]. «Скусывание картуза» у Курганова может означать, что

[68] Книга Устав Морской, о всем, что касается к доброму управлению в бытности флота на море. С. 62.

[69] *Зотов К.Н.* Розговор у адмирала с капитаном о команде или Полное учение как управлять кораблем во всякие разные случаи. С. 21–22.

[70] Описании артиллерии о провдивом фундаменте значит. [1-я пол. XVIII в.] // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. ОСРК. Q IX 51. Л. 184 об.

[71] Пергаменные картузы упомянуты в: Книга Устав морской, о всем, что касается к доброму управлению в бытности флота на море. С. 69; Сколько в какую вещь при пробе употреблено. [1730-е гг.] // РГА ВМФ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 96. Л. 510–514.

моряк должен зубами надорвать бумажный картуз (как это делалось с ружейным патроном). Несмотря на то, что пергаменные картузы, несомненно, применялись в России, указаний на особые манипуляции с ними нет.

Пробелы в той или иной экзерциции большей частью следует трактовать как пропуски информации, очевидной для авторов, а не как указание на отсутствие самого феномена. Например, ни в одной русской экзерциции не приводится описание крепления орудия (тогда как в трактате Д. Грундэля оно присутствует), строевой стойки в Экзерциции Леймана, нет указаний на место порохового рога и протравников в Старой экзерциции, на то, кто именно снимает свинцовую покрышку с запала в Старой экзерциции и Экзерциции Леймана, на способ держания гандшпугов в Экзерцицях Леймана, Курганова, на способ держания канатного банника и на помощников комендора при отдании порт-талей в Старой экзерциции и в экзерциях Грундэля и Курганова. Более того, если мы будем сравнивать все три экзерциции с позднейшими детальными описаниями работы расчетов морских орудий, относящимися к 50–60-м гг. XIX в.[72], то мы увидим значительное количество таких пропусков в описании действий орудийной прислуги. Например, ни в одной русской экзерциции XVIII в. не определено место хранения ядер, а в руководствах XIX в. оно указано – это веревочные или деревянные кранцы на палубе слева от орудия[73], как у Грундэля. Обращает на себя внимание, что в Экзерциции Грундэля довольно большое место уделено работе с пушечным такелажем, прежде всего, с талями, с помощью которых пушку откатывали от борта, накатывали к борту, крепили по-походному. Он дает также больше указаний о том, как именно размещена артиллерийская принадлежность вокруг орудия, а русские экзерциции опускают эту информацию.

В начале XIX в. в русской морской артиллерийской экзерциции происходят качественные изменения. Цейхмейстер В.Г. Назимов (1759–1839), фактически управлявший морской артиллерией с 1809 по 1827 г., составил свою экзерцицию, датированную 28 ноября 1811 г.[74] Экзерциция Назимова имеет принципиальные отличия от артиллерийских экзерциций XVIII в.: от

[72] Артиллерийское ученье и разнаго рода приспособления для действия артиллериею во время боя. Санктпетербург: В Типографии Втораго Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1854; Артиллерийское учение, принятое на артиллерийском учебном корабле. Санкт-Петербург: В Типографии Морскаго министерства, 1864.

[73] Артиллерийское учение, принятое на артиллерийском учебном корабле. С. 12.

[74] О экзерциции артиллерийской на кораблях и прочих военных судах. 28 ноября 1811 г. // РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 132. Л. 3–10. Копия этой экзерциции без подписи и даты: О экзерциции артиллерийской на кораблях и прочих военных судах. [1811 г.] // РГА ВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 196. Л. 2–9 об.

увеличения числа людей, обслуживающих пушку, в 1,5–1,8 раза для орудий разного калибра до введения (впервые в русском флоте) нумерации людей орудийной прислуги. Таким образом, с принятием Экзерциции Назимова закончился очередной период развития русской морской артиллерийской экзерциции. Дальнейшее ее развитие продолжалось в первой половине XIX в. в рамках нового периода.

Заключение

Переходя к выводам, отметим, что, на наш взгляд, было бы ошибкой рассматривать экзерциции Грундэля, Старую, Леймана и Курганова как стадии линейного развития процесса совершенствования приемов обслуживания орудия. Можно утверждать, что Старая экзерциция отражала реальную практику русских артиллеристов, которая была принесена в Россию шведскими специалистами и здесь неизбежно подверглась модификации, а Лейман и Курганов, основываясь на этой практике, пытались внести в экзерцицию те или иные новации. Однако, судя по сравнению Экзерциций Леймана и Курганова, новации, предложенные Лейманом, не получили широкого распространения. Вероятно, происходил процесс постепенной трансформации русской морской артиллерийской экзерциции по принципам развития знания в домодерновую эпоху (здесь в определенной степени можно провести параллель с устным народным творчеством). В то же время имело место влияние печатных нормативных актов («Устав воинский») на устную традицию. Это еще раз приводит нас к выводу о сложности процесса взаимодействия устной, письменной и печатной традиций в передаче научно-технической информации, характерной для XVIII в., и заставляет еще и еще раз пытаться реконструировать этот процесс.

Нам встретился четкий ответ источника XVIII в. на вопрос о способах передачи научно-технической информации в России того времени на примере морского дела. Главная Кронштадтская контора над портом 19 февраля 1750 г. сообщала в ГАК:

> на кораблях парусами и прочим установления [при обучении] чинятся в силе Морского устава, по искусству морской практики, тако ж и по повелениям аншеф-командующих на кораблях, и во время каких случаев, для понятия необученным, явствует в напечатанном «Разговоре адмирала с капитаном» (Имеется в виду «Розговор у адмирала с капитаном о команде или Полное учение как управлять караблем во всякие разные случаи» Зотова К.Н. – *К. Н.*)[75].

[75] Доклад от Морской артиллерийской экспедиции в ГАК. [Между 27 и 31 марта 1750 г.] // РГА ВМФ. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53. Л. 22–23 об.

Таким образом, наряду с официальным нормативным актом (Морским уставом) использовался печатный трактат Зотова[76], приказы адмиралов, вероятно, как рукописные, так и устные («повеления аншеф-командующих») и устная традиция («по искусству морской практики»).

Обобщая, можно сказать, что первым этапом процесса формализации научно-технического знания была изустная передача от учителя (командира) к ученику (подчиненному), в данном случае, от цейхмейстера – констапелям, а от констапеля – канонирам морской артиллерии. Вторым этапом были разного рода рукописные сборники и руководства, примерами которых могут служить Старая экзерциция и Экзерциция Леймана. На третьем этапе появились печатные издания типа учебных пособий, наподобие «Науки морской…» Курганова. Наконец, на четвертом этапе создавался нормативный акт в виде наставления или инструкции (но этот этап развития русской морской артиллерийской экзерциции вышел за пределы XVIII в.). В то же время, наличие печатного руководства не могло полностью вытеснить разного рода рукописные конспекты, а также возместить передачу опыта от человека к человеку.

[76] При этом надо учитывать, что на титульном листе трактата Зотова значится: «напечатася повелением императорского величества», что можно считать аналогом современного грифа о допуске к использованию в качестве наставления. Отметим, что эта книга выдержала по меньшей мере одно переиздание в XVIII в. (не считая переработки Курганова) и последний раз была издана в 1816 г. Аналогичный гриф («напечатася повелением царского величества») имеет Устав морской (Книга Устав Морской, о всем, что касается к доброму управлению в бытности флота на море. Титульный лист.)

Introduction

Artillery was the main weapon of the Navy in the 18th century. Russian naval artillery of the 18th century was studied by a number of historians, among whom one can highlight A. Chetverukhin,[1] A. Denisov and Y. Perechnev,[2] P. Krotov.[3] Since the naval artillery materiel was in many respects identical to that of land artillery, it is necessary to name several major works on the history of land artillery as well. Among such publications are the works of A. Nilus,[4] D. Kozlovskii,[5] I. Prochko,[6] the team headed by S. Varentsov,[7] E. Manoilenko,[8] and A. Lobin.[9] All these works focus on the study of the history of the artillery materiel and, to a lesser extent, on its organization. At the same time, the study of gun maintenance and personnel training are no less important than the above-mentioned issues. However, with regard to Russian naval artillery, such questions have received practically no coverage in the historiography. Few publications on this subject are mainly connected with recent archival finds. Those are the articles by D. Strukov,[10] A. Barbasov,[11] E. Kolosov,[12]

[1] G.N. Chetverukhin, *History of the Development of Shipboard and Coast Artillery* [in Russian], pt. 1 (Moscow; Leningrad: Voenno-morskoe izdatel'stvo NKVMF SSSR, 1942).

[2] A.P. Denisov, and Yu.G. Perechnev, *Russian Coast Artillery* [in Russian] (Moscow, Voenizdat, 1956), 7–120.

[3] P.A. Krotov, "The Russian Navy in the Baltic under Peter the Great" [in Russian] (Doctoral diss., St Petersburg State University, 1999), 738–48.

[4] *History of the artillery materiel* [in Russian], vol. 1, *History of the Artillery Materiel from Primitive Times to the 19th Century*, comp. A.A. Nilus (St Petersburg: Tipografiya P.P. Soikina, 1904).

[5] D.E. Kozlovskii, *History of the Artillery Materiel* [in Russian] (Moscow, [n.p.], 1946).

[6] I.S. Prochko, *History of the Development of Artillery* [in Russian], 5 vols., vol. 1, *From Ancient Times till the End of the 19th Century* (Moscow: Tipografiya Artakademii, 1945).

[7] *History of Domestic Russian Artillery* [in Russian], ed. S.S. Varentsov, vol. 2, bk. 1 (Moscow: Tipografiya Voennoi artilleriiskoi akademii, 1960).

[8] E.Yu. Manoilenko, "Russian Artillery in the First Third of the 18th Century" [in Russian] (PhD diss., Herzen State Pedagogical University of Russia, 2010); E.Yu. Manoilenko, "Russian Artillery under the Immediate Successors of Peter the Great (1725 – the 1730s)" [in Russian], *Istoriya voennogo dela: Issledovaniya i istochniki* , vol. 7 (2015): 174–95, accessed November 4, 2023, http://www.milhist.info/2015/09/14/manoilenko_1

[9] A.N. Lobin, *Artillery of Peter the Great. "At the Beginning of Glorious Deeds"* [in Russian] (Moscow: Eksmo, 2023).

[10] D.P. Strukov, "The Past of the Russian Artillery Regulations" [in Russian], *Artilleriiskii zhurnal*, no. 10 (1891): 857–982.

[11] A.P. Barbasov, "Training of Russian Artillery in the 18th Century" [in Russian], in *Collection of Studies and Materials of the Military Historical Museum of Artillery*, ed. I.P. Ermoshin, iss. 3 (Leningrad: Artilleriiskii istoricheskii muzei, 1958), 63–80.

[12] E.E. Kolosov, "The Honest Teaching from the Artillery Troops to the Naval and Coastal Warrant Officers" (Instruction on Shooting as of 1718)" [in Russian], in *Collection of Studies and*

and a partly of E.Yurkevich's dissertation.[13] However, all these works refer precisely to land artillery. Two instructions on military exercises (uniform sequence of actions of cannoneers while servicing a gun) in Russian naval artillery were published quite a long time ago.[14] Nevertheless, they have not been properly analyzed and put into historical context yet.

Main body

The main problem for researchers into the Russian naval artillery exercise (described in July 1718 in one of F. Apraksin's letters, which is why it can be conventionally referred to as the Exercise of Apraksin)[15] is that it is rather brief. It contains a list of commands, and any actions of gun crew are not explained at all. In the Russian State Archive of the Navy (RGA VMF) it was possible to find some documents revealing the content of the Exercise of Apraksin. This allowed us to make a conclusion about its origin from the Swedish exercise described in two treatises of D. Grundell[16] (before 1675–1716),[17] an outstanding theoretician and practitioner of artillery and chief of the Swedish naval artillery. In the present article we aim to retrace the development of the Russian naval artillery exercise between 1718 and 1811, for it is the period that can be considered as a special stage in its development.

The chain of events that led to the appearance of an almost complete handwritten text of the Russian naval artillery exercise in the middle of the 18th century began

Materials of the Military Historical Museum of Artillery, ed. I.P. Ermoshin, vol. 3 (Leningrad: Military Historical Museum of Artillery, 1958), 211–14.

[13] E.I. Yurkevich, "The Artillery of the Gatchina Troops of Grand Duke Pavel Petrovich (1783–1796) and Their Influence on the Development of Russian Field Artillery at the End of 18th – 1st Quarter of the 19th Century" [in Russian] (PhD diss., St Petersburg State University, 2003).

[14] A.S. Krotkov, *The Russian Navy during the Reign of Empress Catherine II from 1772 to 1783* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya Morskogo ministerstva v Glavnom Admiralteistve, 1889), 276–80; "On Military Exercises. How it is Necessary to Train Artillerymen of the Navy in an Artillery Battery and on a Ship to Fire a Cannon" [in Russian], in *History of Domestic Artillery*, vol. 1, *Artillery of the Russian Army of the Feudal Epoch*, bk. 2, *Artillery of the Russian Army in the Period of Strengthening Absolutism (the 18th Century)* (Moscow: [n.p.], 1960), 593–94.

[15] "O ekzertsitsii. [Iyul' 1718]" [On Military Exercises. [July 1718]]. F. 233, op. 1, d. 255, ll. 192 ob.–194. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv voenno-morskogo flota [Russian State Archive of the Navy] (RGA VMF), St Petersburg, Russia; "On Military Exercises. How it is Necessary to Train Artillerymen of the Navy in an Artillery Battery and on a Ship to Fire a Cannon", 593–94.

[16] In previous publications we transcribed his first and last name in Russian as Daniel' Grundell but after consultation with experienced translator G. Ivanov it became clear that it is more correct to transcribe his last name as Grundel', with the stress on the last syllable.

[17] K.B. Nazarenko, "Swedish Roots of the Russian Naval Artillery Drill Regulations of Petrine Time" [in Russian], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, vol. 68, iss. 4 (2023): 927–42, https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.408

with the death of Commander of Russian Naval Artillery Ya.Ya. Lehman[18] on December 3, 1749. We know nothing about Lehman's nationality and the details of his biography before he started service in Russia. It is known that Yakim (Jugan, Joachim) Yakimovich Lehman (Liman, Lemon, Leimon) joined Russian service as boatswain's mate in 1705. In 1715 he was promoted to under-lieutenant of artillery; in 1719, to lieutenant of artillery; in 1722, to marine lieutenant; in 1726, to captain-lieutenant; in 1729, to counsellor at the Admiralty Office;[19] in 1731, to captain of the 3rd rank. In 1732 he was appointed counsellor (rank equal to colonel) at the Artillery Expedition; in 1737, chief of naval artillery in Kronstadt. In 1747 he was further promoted to commander of naval artillery (rank equal to brigadier).[20] After the death of A. Brunz on February 6, 1744, Lehman actually headed the Russian naval artillery, even though formally Prince B. Golitsyn (1705–68) acted as the commander of Russian naval artillery (a supreme leader) since January 14, 1746. In addition to heading the naval artillery, in 1737 Lehman was entrusted with "repairing the local (Kronstadt – *K. N.*) sea fortress," and in 1742 he became supervisor of the construction "that is now called the wet dock" (currently Petrovsky dock in Kronstadt).[21] In his first marriage Lehman had a son (a physician who did not get much of a career) and two daughters. In his second marriage he had two sons, Matvei (1734/35 – after 1801) and Grigorii (George-Joachim) (1738/39–96). Both of them served in the naval artillery. Matvei Lehman reached the rank of major-general of the Navy in 1801, and Georgii Lehman, the rank of general commander (lieutenant-general) in 1794. Thus, Lehman was one of those foreigners who were recruited by Peter the Great and spent most of their lives in Russia, bringing significant benefit to our country.

While sorting out the papers belonging to Lehman,

> an exercise was found signed by warrant officers Kozma Chelishchev, Vasilii Tulub'ev, Ilya Gorin, Andrei Zykov, and lieutenant Mikhail Tikhmenev,[22] with the year when it was written not indicated; the document was reviewed by artillery officers who served in Kronstadt and signed a statement that from the

[18] In the Russian version of the text, I adhere to the spelling of his first and last name (Yakim Yakimovich Leiman) that was chosen by the authors of the *General Naval List*, a reference book containing almost all information about Lehman known to historians to date.

[19] Not only a position, but also a rank corresponding to major.

[20] *General Naval List*, pt. 1, *From the Foundation of the Navy to the Death of Peter the Great* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya V. Demakova, 1885), 212–13.

[21] "Raport Kronshtadtskoi kontory nad portom po Ekspeditsii morskoi artillerii v GAK. 22 dekabrya 1749 g." [Report of the Kronstadt Port Office on the Exercise of Naval Artillery to the GAK. December 22, 1749]. F. 196, op. 1, d. 53, l. 12. RGA VMF. (GAK stands for the State Admiralty Collegium. – *Editor*)

[22] A rank in naval artillery corresponding to coast warrant officer.

> moment they joined the artillery command, training was conducted according to this exercise both on ships and in artillery batteries.[23]

On the backside of the last page of the document there is a confirming inscription stating: "We, the undersigned, from the moment we joined the artillery command, both on ships and in artillery batteries, have been trained according to this above-written exercise, which we testify." Then the signatures followed. There are the signatures of warrant officers Aleksei Suryadnoi, Afanasii Bibikov, Yakov Nikonov; warrant officers in the rank of non-commissioned lieutenants Vasilii Malinkii, Aleksandr Tomilin, Fedor Bulgakov; and warrant officers in the rank of lieutenants[24] Leontii Aboburov, Yakov Bestuzhev and Aleksandr Ryndin.[25] Therefore, we can see that the text of the exercise was composed or authenticated by fourteen officers of the naval artillery command, i.e. a fairly representative group.

It was possible to establish that Aleksei Z. Suryadnoi joined the service in 1716 and the Navy, in 1717. In 1737, following an artillery exercise, he was promoted to bombardier sergeant and petitioned to obtain a higher rank in January 1740.[26] Thus, the "acceptance" of A. Suryadnoi in the artillery command occurred in 1717. Let us note that the Exercise of Apraksin was sent out in July 1718. Hence, with a high degree of certainty it can be asserted that the Exercise of Apraksin and the exercise discovered by us and signed by artillery officers, are descriptions of the same system of training used to teach artillerymen in the Russian Navy, which was introduced under the rule of Peter the Great. We will hereafter refer to this exercise as the Old Exercise. Analysis of the text of this treatise shows that it basically coincides with the Exercise of Apraksin written in 1718. However, it is much more detailed and contains a description of the actions of each artilleryman when firing a cannon. The comparative text of both exercises was previously published by us in another article.[27]

---

[23] "GAK po Ekspeditsii morskoi artillerii ot Kronshtadtskoi morskoi artillerii report. [Mezhdu 2 noyabrya i 31 dekabrya 1750 g.]" [Report on the Expedition of Naval Artillery from the Kronstadt Naval Artillery to the State Admiralty Collegium. [Between November 2 and December 31, 1750]]. F. 196, op. 1, d. 53, l. 25–25 ob. RGA VMF.

[24] This wording was chosen due to the fact that Elizabeth of Russia ordered to stop assigning ranks to the individuals in the Naval Department until the return to the system of ranks of Petrine times. That is why the officers who held ranks of warrant officers could serve as under-lieutenants and lieutenants.

[25] "Ekzertsitsiya (ili uchenie pushkami) na korablyakh. [1740-e gg.]" [Exercise (Or training with cannons) on ships. [The 1740s]]. F. 196, op. 1, d. 53, l. 31 ob. RGA VMF.

[26] "[Chelobitnaya A.Z. Suryadnogo o povyshenii chinom]. Yanvar' 1740 g." [[A.Z. Suryadny's petition for promotion to the higher rank]. January 1740]. F. 196, op. 1, d. 40, l. 30. RGA VMF.

[27] K.B. Nazarenko, "Russian naval artillery drill of Petrine Time" [in Russian], *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 4 (40) (2023): 309–19.

The same archival file contains another version of the artillery exercise, which was probably drafted by Lehman himself before November 24, 1747.[28] After his death, the text was reviewed by the Naval Artillery Expedition and artillery staff officers and higher officers.[29] This version of the exercise was sent to the State Admiralty Collegium (SAC) on January 11, 1750.[30] It consists of three sections, "On the Naval Artillery Exercise with Cannons in the Navy and in Artillery Batteries,"[31] "On Exercise from Mortars with Bombs, a Brief Explanation,"[32] and "On Exercise with Howitzers on Ships."[33] This exercise will be conventionally further referred to as the Exercise of Lehman. The Naval Artillery Expedition proposed to print it and in order to improve training, to repair training batteries in Kronstadt and St Petersburg and to convert an old pram or packet boat into a floating training battery and use it as a target for firing from ships.[34] Such training was planned as early as in the second part of Peter the Great's Admiralty Regulations of 1722[35] but apparently not executed until the middle of the century.

The SAC's decision was delayed, and the Naval Artillery Office (former Naval Artillery Expedition) appealed to the SAC again on April 12, 1754. It also attached a

[28] "GAK po Ekspeditsii morskoi artillerii ot Kronshtadtskoi morskoi artillerii report. [Mezhdu 2 noyabrya i 31 dekabrya 1750 g.]" [Report on the Expedition of Naval Artillery from the Kronstadt Naval Artillery to the State Admiralty Collegium. [Between November 2 and December 31, 1750]. F. 196, op. 1, d. 53, l. 25–25 ob. RGA VMF.

[29] "Doklad ot Morskoi artilleriiskoi ekspeditsii v GAK. 11 yanvarya 1750 g." [Report from the Naval Artillery Expedition to the State Admiralty Collegium. January 11, 1750]. F. 196, op. 1, d. 53. ll. 3–4. RGA VMF.

[30] Ibid.

[31] "O ekzertsitsii morskoi artillerii ucheniya pushkami vo flote i na batareyakh. [1747 g.?]" [On the naval artillery exercise with cannons in the navy and in artillery batteries. [1747?]]. F. 196, op. 1, d. 53, ll. 5–10 ob. RGA VMF.

[32] "O ekzertsitsii iz mortir bombami kratkoe iz"yasnenie. [1747 g.?]" [On exercise from mortars with bombs, a brief explanation. [1747 г.?]]. F. 196, op. 1, d. 53, ll. 11–12 ob. RGA VMF.

[33] "Ekzertsitsiya gaubitsam na korablyakh. [1747 g.?]" [On exercise with howitzers on ships. [1747?]]. F. 196, op. 1, d. 53. ll. 13–14. RGA VMF.

[34] "Doklad ot Morskoi artilleriiskoi ekspeditsii v GAK. 11 yanvarya 1750 g." [Report from the Naval Artillery Expedition to the State Admiralty Collegium. January 11, 1750]. F. 196, op. 1, d. 53. ll. 3–4. RGA VMF.

[35] "The target should be placed... in such a place (if possible) that it could be accessible from an artillery battery on the coast and on the ship in water in order to train cannoneers how to shoot with regard to the state of sea. In the same way shooting should be taught form cannons placed on the water and the target placed on the water as well in a mock-up of a ship" (*Part Two of Naval Regulations on Everything that Concerns Good Management with the Fleet's Stay in Port as well as the Maintenance of Ports and Harbors* [in Russian] (St Petersburg: V Sanktpiterburgskoi Tipografii, 1722), 37).

comparative text of both exercises, the Old Exercise and the exercise of Lehman.[36] Almost a year later, on April 5, 1755, the SAC made its decision. Thus, it ordered to

> return [both exercises] to the artillery office and order that the training be conducted in the same manner as it was formerly done in the Navy for cannon exercises, nothing was to be changed from the way it was before.[37]

It is possible that such a decision was made based on the political course towards the restoration of Peter the Great's order in all its details, firmly pursued by Elizabeth of Russia (in particular, it was reflected in the renaming of the SAC divisions offices instead of expeditions).

Following this decision, on May 16, 1755, the Naval Artillery Office decided that

> there must be no difference in the training of officers on shore, in batteries, and on ships; cannon and bombardier training must be conducted strictly according to the exercise compiled in [1]750; and in order to do so, it is necessary to make exact copies and distribute them to ports and other places along with instructions for their proper execution.[38]

Copies of such a decree sent to the Revel artillery office and to the Arkhangelsk port have been preserved in the Russian State Archive of the Navy.[39] In fact, the Naval Artillery Office, by its authority, approved the Exercise of Lehman instead of the Old Exercise. It should be emphasized that the Old Exercise differed from the first part of the new one ("On the Naval Artillery Exercise with Cannons in the Navy and in Artillery Batteries") only in minor details. Other sections of the new exercise, "On Exercise from Mortars with Bombs, a Brief Explanation,"[40] and "On Exercise with Howitzers on Ships,"[41] were completely new additions.

The comparison of the Old Exercise and the Exercise of Lehman shows that both texts directly quote the Military Regulations, also known as Land Forces Regulations,

[36] "Ekzertsitsii. 12 aprelya 1754 g." [Exercises. April 12, 1754]. F. 196, op. 1, d. 53, ll. 36–55. RGA VMF.

[37] "Protokol GAK. 5 aprelya 1755 g." [Minutes of the State Admiralty Collegium. April 5, 1755]. F 196, op. 1, d. 53, l. 56. RGA VMF.

[38] "Protokol Morskoi artilleriiskoi kontory. 16 maya 1755 g." [Minutes of the Naval Artillery Office. May 16, 1755]. F. 196, op. 1, d. 53. l. 56 ob. RGA VMF.

[39] "Ukaz EIV samoderzhitsy vserossiiskoi iz Sankt-Peterburgskoi Morskoi artilleriiskoi kontory. 12 oktyabrya 1755 g." [Decree of the Empress and Sovereign of All Russia from the St Petersburg Naval Artillery Office. October 12, 1755]. F. 196, op. 1, d. 53, l. 57. RGA VMF.

[40] "O ekzertsitsii iz mortir bombami kratkoe iz"yasnenie [1747 g.?]." [On exercise from mortars with bombs, a brief explanation [1747?]]. F. 196, op. 1, d. 53, ll. 11–12 ob. RGA VMF.

[41] "Ekzertsitsiya gaubitsam na korablyakh. [1747 g.?]" [Exercise with howitzers on ships. [1747?]. F. 196, op. 1, d. 53. ll. 13–14. RGA VMF.

of 1716. In both texts it concerns the requirement for silence before the start of combat training (the passages that are original to naval artillery exercises are italicized and the passages from the Land Forces Regulations that were omitted are in brackets):

> When a commander who is going to lead the training *stands in a suitable place* (stands in front of the parade line) and says, "Listen," it is necessary that (in the line) it was as quiet as possible and no one talked to anyone, as if everything that the officer commands was listened to, and noted, and carried out with all diligence.[42]

As we can see, the differences between the naval exercises and the Land Forces Regulations are connected exclusively with the desire to adapt the text of the regulations to naval realities because unlike the infantrymen, the artillerymen did not stand near guns at attention or in formation. In addition, the Exercise of Lehman added an extended title, directly quoting the Land Forces Regulations of 1716 (the way of adding emphasis is the same as above),

> Ordinary teaching with brief explanation should be given *in ports, in training batteries and in the navy on ships and other military vessels* (in infantry), and especially, it should be taught how best to organize the inspection in methods *and actions* (of musketry, which consists of three stages); and it is also necessary to take into account all the rules concerning positions, firing, turns (in the alignment of ranks and rows) and other related actions; but in order to make everything go well, *artillery officers* (colonels and other staff and higher officers) as well as the *non-commissioned officers and corporals* (riflemen or drill officers) must exercise due care in accordance with their ranks. And *both in artillery batteries and in the navy* (in the quarters and in the field), if occasion and time permit, they should keep their *subordinates* (soldiers) in good condition at all times, which means that every officer, if he shows zealous willingness and all-round care in these and other military affairs, will succeed without any doubt; *as it is described in the printed Land Forces Regulations on military exercise during the lifetime of the blessed and eternal glory of the SOVEREIGN*

[42] *Military Regulations on the Position of Field-Marshal-Generals and All the General and other Ranks that Should Be Attached to the Army, and Their Military Affairs and Behavior, What Each Rank Should Do* [in Russian] (St Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1716), 172–73; "Ekzertsitsiya (ili uchenie pushkami) na korablyakh. [1740-e gg.]" [Exercise (or training with cannons) on ships. [The 1740s]]. F. 196, op. 1, d. 53, l. 26. RGA VMF.

> *EMPEROR PETER THE GREAT*, which I leave for discussion and move on to the training that follows. . .[43]

It is therefore obvious that the authors of naval artillery exercise sought to follow the formula of the Land Forces Regulations, viewing their own texts as its direct equivalents.

In the Exercise of Lehman, the introductory part was revised in comparison with the Old Exercise. It described in detail the preparation for combat training, as shown in Table 1.

Table 1

Differences in the introduction of the Old Exercise and the Exercise of Lehman

Old exercise [44]	**Exercise of Lehman**[45]
	Requirement for a training officer to have a list of trainees
	Requirement for non-commissioned officers and corporals to place people for an exercise, conduct a roll call using "tickets" nailed above gun ports,[46] prepare "ammunition" for an exercise, and report on readiness to a person leading a training
	Requirement for a (chief) training officer to have "a megaphone or a tin pipe"
	Requirement for unsheathing "side weapons" by a chief training officer during training
Request for silence after giving the command "Listen"	Request for silence after giving the command "Listen"
Requirements to a military stance after the command "Stand ready near guns everywhere"	Requirement to "stand properly and wait for what a commander orders them to do"

The addition of a quotation from the Land Forces Regulations testifies to the desire of the author of the Exercise of Lehman to unify all regulations and to the fact that he assigned to his exercise the same place in the training of military personnel that the

[43] *Military Regulations on the Position of Field-Marshal-Generals*, 172–73; "Ekzertsitsiya (ili uchenie pushkami) na korablyakh. [1740-e gg.]" [Exercise (or training with cannons) on ships. [The 1740s]]. F. 196, op. 1, d. 53, l. 5. RGA VMF.

[44] "Ekzertsitsii. 12 aprelya 1754 g." [Exercises. April 12, 1754]. F. 196, op. 1, d. 53, l. 37. RGA VMF.

[45] Ibid, l. 37 ob.

[46] Reference to the requirements mentioned in the Naval Regulations: "And each cannon should be given a number that should be written on paper and nailed above its window, and all the names of those who are assigned to that cannon should be written on that paper" (*Naval Regulations on Everything that Concerns Good Management with the Fleet at Sea* [in Russian] (St Petersburg: V Sanktpiterburgskoi Tipografii, 1720), 72).

Land Forces Regulations occupied for the land forces. The quotation from these regulations in the Old Exercise recorded by a group of officers from memory testifies to the wide dissemination of the Land Forces Regulations, including in the Navy. Familiarity with the regulations for the Land forces can be explained by the fact that from 1722 naval officers were to be trained in winter according to the regulations for the land forces.[47]

The sequence and description of the practices, or actions, in the Exercise of Lehman are almost the same as in the Old Exercise. The second and third sections of the Exercise of Lehman were completely new, devoted to the maintenance of mortars and howitzers. Unlike the first section, they did not contain an explanation of certain practices but only commands used for their implementation. At the end of the exercise of Lehman, there is an indication of the need to train artillery personnel in throwing hand grenades (using cast iron grenades not filled with gunpowder and wooden training grenades filled with gunpowder) as well as a short instruction on the need to train artillery personnel in "military exercises," i.e. handling a musket.[48]

We can judge about the further development of Russian naval artillery regulations, this time during the rule of Catherine the Great, based on the book *Marine Science, i.e. Experience in the Theory and Practice of Ship and Naval Fleet Management* compiled by N. Kurganov (1725–96).[49] Nikolai G. Kurganov was one of the outstanding Russian intellectual encyclopaedists of the 18th century. He came from soldiers' children (i.e. free sons of the soldiers who were recruited from serfs), studied at the Navigational School then at the Naval Academy, but not being a nobleman, he could not qualify for an officer's rank afterwards. Thanks to his outstanding success in astronomy, Kurganov was appointed a teacher of astronomy in the Garde-Marine Company in 1743 and in the Marine Corps after that. In 1756 he was awarded the rank of lieutenant. Kurganov served in the Naval Corps until his

[47] See, e.g., "The Major. . . should watch the sailors' exercise with guns and grenades, whether they learn the way they should" (*Part Two of Naval Regulations on Everything that Concerns Good Management with the Fleet's Stay in Port as well as the Maintenance of Ports and Harbors* [in Russian] (St Petersburg: V Sanktpiterburgskoi Tipografii, 1722), 42).

[48] "Ekzertsitsii. 12 aprelya 1754 g." [Exercises. April 12, 1754]. F. 196, op. 1, d. 53, l. 55 ob. RGA VMF.

[49] [J-P. Bourdé de Villehuet], *Marine Science i.e. Experience in the Theory and Practice of Ship and Naval Fleet Management* [in Russian], trans. N.G. Kurganov (St Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1774).

death.[50] During his service there, he published a number of textbooks, the most popular of which was *Pismovnik* [Letter writing manual].[51]

In addition, N. Kurganov prepared several translations of works by other scientists (often supplemented and revised by him).[52]

Formally, *Marine Science* was a translation of the work by the French author Jacques-Pierre Bourdé de Villehuet (1732–89), the first Parisian edition of which was published in 1765.[53] The importance of this work and respect paid to it can be evidenced by the fact that it was reprinted at least seven times in French (including one "pirate" edition without the author's name, with the last edition being published

[50] [V. Berkh], *Life of Nikolai Gavrilovich Kurganov, Lieutenant Colonel, Professor of Navigation and Mathematics and Inspector of the Naval Gentry Cadet Corps* [in Russian] (St Petersburg: V tipografii N. Grecha, 1829).

[51] N.G. Kurganov, *Russian Universal Grammar, or Universal Letter-Writing, Which Offers the Easiest Way to Thoroughly Teach the Russian Language, with Seven Additions of Various Educational and Useful and Amusing Things* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya Morskago kadetskago korpusa, 1769), and other editions; N.G. Kurganov, *Universal Arithmetic, Containing a Thorough Teaching on How to Perform in the Easiest Way Different Arithmetic, Geometric and Algebraic Calculations Belonging to the Mathematics in the Society* [in Russian] (St Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1757); N.G. Kurganov, *Universal Geometry or Universal Measurement of Extension, Constituting the Theory and Practice of this Science. Composed for the Noble Youth, Captain's Rank of Mathematical and Navigational Sciences Studying at the Noble Naval Cadet Corps* [in Russian] (St Petersburg: V tipografii togozhe korpusa, 1765); N.G. Kurganov, *A Book on the Military Science, Containing Speculation and Instruction on the Strengthening of Any Field and Coastal Territories; On the Attack and Defense of Fortresses and Harbors; And with the Addition of the Science of Perspective and the Dictionary of Engineering* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya Sukhoputnogo kadetskogo korpusa, 1777); N.G. Kurganov, *Additions to the Bouguer's Science of Navigation: Part One, Offering Tables of Declinations and Direct Ascension of the Sun, and Many Other Astronomical, Geographical, and Physical Knowledge for Practical Use in the Navy and at Maritime Schools* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya pomyanutogo korpusa, 1790); N.G. Kurganov, *Tables of Compass Points, Differences of Latitude, Direct Ascent, and Declination of the Sun and Other Terms Belonging to Navigation* [in Russian] (St Petersburg: Pechatany pri Tipografii Morskago Shlyakhetskago Kadetskago Korpusa, 1794).

[52] *Bouguer's New Work on Navigation, Containing the Theory and Practice of Sea Route* [in Russian], trans. N. Kurganov (St Petersburg: Pri Morskom Shlyakhetnom Kadetskom Korpuse, 1764); *Elements of Geometry i.e. the Basic Foundations of the Science of Measuring Extension, Consisting of Eight Euclidean Books Explained in a New Way Understandable to Young People* [in Russian], trans. N. Kurganov (St Petersburg: Tipografiya Morskago Kadetskago Korpusa, 1769); A. Savérien, *On the Accuracy of the Sea Route, or the Art of How to Measure the Course of a Ship at Sea and a Description of the Armament of French Military Vessels, With an Addition on the Theory of Ship Control* [in Russian], trans. N. Kurganov (St Petersburg: Pri Morskom Shlyakhetskom Kadetskom Korpuse, 1773).

[53] J.-P. Bourdé de Villehuet, *Le Manoeuvrier, ou Essai sur la Théorie et la Pratique des mouvements du navire et des Evolutions navales* (Paris: H.L. Guerin et L.F. Dalatour, 1765).

in 1832) and at least seven times in English (five times in Great Britain and two more times in the USA).[54]

Historiography has already expressed an opinion that Kurganov introduced his own text into the text of Bourdé de Villehuet, which was pointed out by A. Krotkov,[55] who recognized the originality of the Exercise of Kurganov. However, present-day researcher V. Ovchinnikov considers the Exercise of Kurganov to be completely borrowed. "In the Russian Navy, the training methodology (of artillery troops – *K. N.*) was mainly borrowed from the experience of the Navy of other countries. In a generalized form, it was presented in the work of Bourdé de Villehuet. . .".[56] It should be noted that Kurganov emphasized his contribution to the published text in its title, which reads in full as follows, *Marine Science, i.e. Experience in the Theory And Practice of Ship And Naval Fleet Management, Translated From The French Book And* ***With The Addition Of Many Necessary Explanations And Actions*** (Emphasis added – *K. N.*) published by Nikolai Kurganov."[57] Moreover, on page 269 it was indicated that it was "the end of the de Villehuet's Book."[58] After that, Kurganov's own additions followed. However, V. Ovchinnikov did not pay due attention to this circumstance.

When comparing the original book by Bourdé de Villehuet and the translation prepared by Kurganov, it becomes obvious that the translator changed the third and fourth parts of the original publication and added the fifth part "Addition of Various Marine Observations and Actions,"[59] which in fact makes up about 40% of the entire text of the book. It would be wrong to consider Kurganov the only author of the additional text, for he widely borrowed certain passages from other works, supplementing and reworking them. For instance, Chapter 4 of the "Additions"[60] is an adaptation of the well-known manual by K. Zotov.[61] Kurganov's own contribution can also be illustrated by the fact that Zotov's work contains 35 "questions", while Kurganov's text contains 45. Probably, Kurganov not only translated but also

[54] É. Taillemite, *Dictionnaire des Marins Français* (Paris: Tallandier, 1982), 66.

[55] A.S. Krotkov, *The Russian Navy during the Reign of Empress Catherine II from 1772 to 1783* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya Morskago ministerstva v Glavnom Admiralteistve, 1889), 276–80.

[56] V.D. Ovchinnikov, "The Personality of Admiral F.F. Ushakov and the Impact of His Activities on the Construction and Use of the Russian Navy" [in Russian] (Doctoral diss., Ogarev Mordovia State University, 2019), 188–89.

[57] [Bourdé de Villehuet], *Marine Science.*

[58] [Bourdé de Villehuet], *Marine Science*, 269.

[59] [Bourdé de Villehuet], *Marine Science*, 270–432.

[60] [Bourdé de Villehuet], *Marine Science*, 301–33.

[61] K.N. Zotov, *Conversation between an Admiral and a Captain about a Crew, or a Complete Teaching on How to Manage a Ship in all Different Situations* [in Russian] (St Petersburg: V Sanktpiterburgskoi Akademicheskoi tipografii, 1724).

supplemented the *Marine Dictionary*,[62] which was published in the same edition. Kurganov also refers to the "significant" book by W. Falconer, which is still considered an unsurpassed marine dictionary of the sailing era.[63]

It should be emphasized that Kurganov's translation was prepared as a textbook for the Naval Corps cadets and served them for several decades. Therefore, the exercise of Kurganov could not have been (and was not) his own invention altogether but reflected the actual practice common for the Russian Navy.

Chapter 3 of Kurganov's "Additions" is called "On Various Artillery Exercises or Military Manoeuvres on a Ship."[64] It consists of four parts,

1. Exercise with cannons, when cannons can be loaded behind a ship without opening gun ports.
2. Exercise with cannons on a ship with closed gun ports.
3. Exercise with hand grenades.
4. Exercise with mortar bombs.

The first, second, and fourth parts contain text similar to that in the Exercise of Lehman, but with a number of differences. Thus, the Exercise of Lehman does not contain a part on throwing hand grenades (unlike the Old Exercise, which contains such information). However, it does have a section on howitzer shooting, which was not included in the text by Kurganov. It is possible that Kurganov completely omitted this part because howitzers had practically gone out of use in the Navy by the 1770s.

In order to analyze the Russian naval artillery exercises of the 18th century, we are to compare a number of points from the Old Exercise, the Exercise of Lehman, the Exercise of Kurganov, and also those from the Swedish Exercise of D. Grundell. The latter, as we showed in our previously published article, in fact formed the basis of Russian naval artillery exercise (see Table 2).[65]

[62] "Marine Dictionary, or An Explanation of Some Foreign Words, with Most of Them Dutch, Mentioned in the Book and Used in the Russian Fleet" [in Russian], in [Bourdé de Villehuet], *Marine Science*, 370–413.

[63] W. Falconer, *A Universal dictionary of the marine: or, A copious explanation of the technical terms and phrases employed in the construction, equipment, furniture, machinery, movements, and military operations of a ship* (London: Printed for T. Cadell (successor to Mr. Millar) in the Strand, 1771).

[64] "On Various Artillery Exercises or Military Drills on Board a Ship" [in Russian], [Bourdé de Villehuet], *Marine Science*, 295–301.

[65] Nazarenko, "Swedish Roots."

Table 2

The main differences between the exercise of Grundell, the Old Exercise, the Exercise of Lehman, and the Exercise of Kurganov

	Exercise of Grundell, 1696[66]	Old Exercise, 1718 (written down in 1740-s)	Exercise of Lehman, 1747 (?)	Exercise of Kurganov, 1774
Artilleryman's drill stance	". . . with his hands on his hips, except for a gun commander who stands behind the cascabel with his left hand on his side and his right hand on a touchhole"	". . . with his both hands on his hips, except for a gun commander who stands behind a vent field with his left hand on his hip and his right hand on a vent field. . ."	Not specified	"…with his hands on his hips while a (chief) artilleryman stands behind a cascabel placing his right hand on a vent field and leaning on his left hand…"
Location of an apron while removed	Not specified	"any convenient place"	"any convenient place"	on a gun carriage
While cleaning a cartridge-case vent, "gun commander" plugs it	with a big finger	with a finger	"with small wads specially prepared for that purpose"	with a big finger
Powder charges are brought from a powder room	by those standing at the left side of a gun	by those standing on the left side of a gun	by specially appointed "minor [sailors] and officers' servants"	by those standing on the left side of a gun
Ramming powder charges and wads while loading a gun	in two steps, inserting a gun brush into a muzzle of a gun twice	in two steps, inserting a gun brush into a muzzle of a gun twice	once, inserting a gun brush into a muzzle of a gun once	in two steps, inserting a gun brush into a muzzle of a gun twice

[66] Translated by G.G. Ivanov.

Table 2 (continued)

	Exercise of Grundell, 1696	Old Exercise, 1718 (written down in 1740-s)	Exercise of Lehman, 1747 (?)	Exercise of Kurganov, 1774
Additional manipulations with (breech-loading) cartridges before loading	Parchment cartridges should be open by cutting crosswise with a knife	Not specified	Not specified	"bite off [a cartridge] near the knot"
Storage of cannon balls	[rope] ring [on the deck]	Not specified	Not specified	Not specified
Storage of drift pickers	On the right side of "the one who stands behind a gun and commands it"	Not specified	"hanging from the hip [of the "one who commands a gun"] or tied with a tracing line to [powder] horns [hanging over the shoulder of "those who command a gun"]"	"hanging at his (gun commander's. – *Author*) hip near a [powder] horn"
Place of [powder] horns	On the right side of "the one who stands behind a gun and commands it"	Not specified	"horns hang over the shoulder [of "those who command a gun"]"	"hanging at gun commander's hip"
Who covers a touchhole with an apron and removes it	"the one who stands behind [a gun] and commands it"	Not specified	Not specified	"the one standing at the right side of a vent field"

Table 2 (continued)

	Exercise of Grundell, 1696	Old Exercise, 1718 (written down in 1740-s)	Exercise of Lehman, 1747 (?)	Exercise of Kurganov, 1774
Way of holding crowbars and gave locks	"by [leaning] with a left hand on a left hip, and with a right hand holding a handspike at chest level"	With a left hand holding gave locks lower, and a right hand holding them at chest level	Not specified	Not specified
Devices for taking aim at a target	Not specified	Not specified	Not specified	Chalk marks on upper points for a muzzle and vent field friezes of a gun
Artilleryman's position for ignition	Not specified	Not specified	Not specified	"standing with his left foot next to a rear wheel and with his back to a muzzle and holding a slow match with his right hand"
Way of holding gun brushes	Not specified	Not specified	"over one's shoulder"	Not specified
Who raises port-tackles with ports closed	Not specified	"Gun commander"	"gun commander"; and on lower decks, where there are two port-tackles, he is assisted by "those standing on both sides of a vent field"	Gun commander

Table 2 (continued)

	Exercise of Grundell, 1696	Old Exercise, 1718 (written down in 1740-s)	Exercise of Lehman, 1747 (?)	Exercise of Kurganov, 1774
Temporary mounting of a gun in case of laboring	"63. Secure guns with a couple of turns of tackles. This is done by a couple [of people] on both sides of a vent field in such a way that the person with right tackles holds them [a tackle rope] taut and wraps them from below around a cascabel, and then around a taffrail[67]	"Secure guns with tackles in two turns. Thus, guns to be secured with tackles in two turns as already well known"	Not specified	Not specified
Temporary mounting of the cannon during pitching	"again, under a cascabel and around it, holding it there, while at the same time a bundle [of a tackle rope] comes from underneath and is pulled between a gun and tackles; the rest of the tackles [a tackle rope] are to be lifted and thrown onto a deck; the same happens with left tackles"	"Secure guns with tackles in two turns. Thus, guns to be secured with tackles in two turns as already well known"	Not specified	Not specified
Mounting a gun in a marching position	"as specified in the 63rd instruction; with the only difference that there are as many turns of tackles around a taffrail and a cascabel as a tackle rope allows to make. On warships, it is customary to secure guns by alternating the turns of tackles, namely: first one turn is made with the right tackles, and then another turn is made with the left tackles around a cascabel, and in this order turns alternate"	"Secure guns with tackles firmly. Thus, guns to be secured with tackles as already well known"	Not specified	Not specified

Comparing the Old Exercise with the Exercise of Lehman, one can note some progress in the development of loading techniques, aimed, in particular, at saving time (ramming powder charges and wads in one go, assigning carriers for powder

[67] A hook on the side board of a gun carriage.

charges who are not part of the crew of a specific gun), increasing safety (plugging a touchhole with a small wad and not with a finger), and increasing uniformity (indication of a certain place to store gun brushes and powder horns, clear instructions on preparing for the exercise). At the same time, in a number of respects the Exercise of Kurganov is closer to the Old Exercise than to the Exercise of Lehman. In particular, this is revealed in the requirement to plug a touchhole with a finger and not with a wad; in ramming powder charges and wad while loading a gun twice and not once; and finally, in the fact that carriers bringing powder charges from a powder room were sailors from among a gun crew and not minor sailors or officers' servants. On the other hand, the Exercise of Kurganov for the first time mentions such a device for aiming a gun as chalk marks on upper points for a muzzle and vent field friezes of a gun and indicates the artilleryman's stance for ignition (turning one's back to a muzzle was an important safety measure, for it reduced the likelihood of an accidental spark falling from a slow match, which could lead to a premature shot). The Exercise of Kurganov contains some new terms that were only entering the marine vocabulary in the 1770s and therefore were accompanied by essential explanations. For example, it is explained that an artilleryman was a "chief artilleryman" of a certain gun, and a bundle (of a tackle rope) was a "ring."

The refusal to assign special people who were not part of a gun crew to bring powder charges in the Exercise of Kurganov could be considered a step backwards compared to the Exercise of Lehman. However, let us note that the 1720 Naval Regulations state that, "[a lieutenant] must assign ship crew members by captain's order for battle and must have a list of those who are to assist. . . with guns. . . and those who are to bring powder charges. . ."[68] In his manual on ship management, Zotov indicated that, "when positioning people for battle, it is necessary to assign people. . . to load powder charges and **to bring powder charges** (emphasis added – *K. N.*). And the most important thing is that it is necessary to plan in advance how many people should be assigned to each gun."[69] Thus, long before the Exercise of Lehman was compiled, the idea of assigning special carriers for powder charges who were not part of gun crew not only had existed in the Russian Navy, but it also found its way into a normative act and even a printed treatise. The ramming of powder charges and wads in one go with a single insertion of a rammer into a gun muzzle is mentioned in an artillery manuscript dating back to the first half of the 18th century: "Then place a wad on top of a cartridge and firmly nail it with a rammer on top of a

[68] *The Book of Naval Regulations*, 62.

[69] Zotov, *Conversations between an Admiral and a Captain*, 21–22.

wad trice."[70] At the same time, the Old Exercise requires pushing a power charge into a muzzle first and then a wad, in two steps.

Instructions for additional manipulations with cartridges, or powder bags, are related to the specific properties of the material from which it was made. In the Swedish naval artillery, parchment cartridges were common, while both parchment and paper cartridges were used in the Russian naval artillery in the first half of the 18th century.[71] The exact wording chosen by Kurganov ("biting off a cartridge") may mean that a sailor should tear the paper cartridge with his teeth (as it was commonly done with rifle cartridges). Despite the fact that parchment cartridges were undoubtedly used in Russia, there are no instructions for any special manipulations with them.

Gaps in the texts of one or another exercise should be mostly interpreted as omissions of the information obvious to the authors rather than an indication of the absence of certain phenomena. For example, no single Russian exercise provides a description of the weapon's fastening (while it is present in the treatise of D. Grundell). The Exercise of Lehman does not mention the exact drill stance. There are no indications of the place for powders horns and drift pickers in the Old Exercise. Both in the Old Exercise and in the Exercise of Lehman, there is no information on who exactly removes an apron from a touchhole. Both in the Exercise of Lehman and the Exercise of Kurganov, there is no any mention of the way of storing gave locks. The Old Exercise and the exercises of Grundell and Kurganov do not mention the way of storing gun brushes or anything about gun commander's assistants while raising port-tackles. Moreover, if we compare all three exercises with later detailed descriptions of the work of naval gun crews dating back to the 1850s and 1860s,[72] we will see a significant number of such omissions in the description of the actions of gun crew members. For example, not a single Russian exercise of the 18th century specifies the storing of cannon balls, while the 19th century manuals indicate such places. Thus, the treatise of Grundell states those were rope or wooden cranes on the deck on the left side of a gun.[73] It is noteworthy that the Exercise of

[70] "Opisanii artillerii o provdivom fundamente znachit. [1-ya pol. XVIII v.]" [True descriptions of artillery [The 1st half of the 18th century]. OSRK, Q IX 51, l. 184 ob. Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Manuscript Department of the Russian National Library], St Petersburg, Russia.

[71] Parchment cartridges are mentioned in *The Book of Naval Regulations*, 69; "Skol'ko v kakuyu veshch' pri probe upotrebleno. [1730-e gg.]" [How much is used for each. [The 1730s]] F. 146, op. 1, d. 96, ll. 510–514. RGA VMF.

[72] *Artillery Training and Various Devices for the Operation of Artillery Troops in Battle* [in Russian] (St Petersburg: V Tipografii Vtorago Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskago Velichestva Kantselyarii, 1854); *Artillery Training Adopted on an Artillery Training Ship* [in Russian] (St Petersburg: V Tipografii Morskago ministerstva, 1864).

[73] *Artillery Training*, 12

Grundel devotes quite a lot of attention to working with tackle gear, primarily precisely with tackles, with which a gun was rolled away from the shipside, rolled to the shipside, and secured in a marching position. The Exercise of Grundell also gives more detailed instructions on how exactly the artillery equipment is placed around a gun, while Russian exercises omit these details.

At the beginning of the 19th century, qualitative changes took place in the Russian naval artillery exercises. Commander of the Russian Naval Artillery V. Nazimov (1759–1839), who actually headed the naval artillery between 1809 and 1827, drew up his own military drill regulations on November 28, 1811.[74] The Exercise of Nazimov had fundamental differences from the artillery exercises of the 18th century, from the increase in the number of people servicing a gun by 1.5–1.8 times for guns of different caliber to the introduction of numbering for a gun crew (for the first time in the Russian Navy). Thus, with the adoption of the Exercise of Nazimov, the previous period in the development of Russian naval artillery exercises ended. Further development continued in the first half of the 19th century within the framework of a new period.

Conclusion

Turning our attention to the conclusions, we should note that, in our opinion, it would be a mistake to consider the Exercise of Grundell, the Old Exercise, and the exercises of Lehman and Kurganov as stages in the linear development of the process of improving gun maintenance techniques. It can be argued that the Old Exercise reflected the real practice of Russian artillerymen, which was brought to Russia by Swedish specialists and inevitably underwent modification here, while the exercises of Lehman and Kurganov, based on this practice, tried to introduce some innovations into the exercise. However, judging by the comparison of the exercises of Lehman and Kurganov, the innovations proposed by Lehman were not widespread. Probably, there was a process of gradual transformation of Russian naval artillery exercises according to the principles of knowledge development in the pre-modern era (here, to a certain extent, one can draw a parallel with oral folk art). At the same time, there was an influence of printed normative acts (i.e. Naval Regulations) on the oral tradition. This once again leads us to the conclusion about the complexity of the process of interaction of oral, written, and printed traditions in the transmission of scientific and technical knowledge, characteristic of the 18th century. This fact inevitably makes us try to reconstruct this process again and again.

[74] "O ekzertsitsii artilleriiskoi na korablyakh i prochikh voennykh sudakh. 28 noyabrya 1811 g." [On artillery exercise on ships and other military vessels. November 28, 1811]. F. 315, op. 1, d. 132, ll. 3–10. RGA VMF. A copy of the same exercise without signature and date "O ekzertsitsii artilleriiskoi na korablyakh i prochikh voennykh sudakh. [1811 g.]" [On artillery exercise on ships and other military vessels. [1811]]. F. 315, op. 1, d. 196, ll. 2–9 ob. RGA VMF.

We came across a precise answer to the question about the ways of transferring scientific and technical knowledge in Russia of that time on the example of naval affairs in a source of the 18th century. On February 19, 1750, the main Kronstadt Port Office reported to the SAC that

> on ships, sails and other equipment are set in accordance with the Naval Regulations, the rules of naval practice, and as directed by ship commanders, and in what situations it is necessary is described for novices in the printed *Conversations Between an Admiral and a Captain* (K.N. Zotov's *Conversations between an Admiral and a Captain about a Crew, or a Complete Teaching on How to Manage a Ship in all Different Situations. – K. N.*).[75]

Thus, along with the official normative act (i.e. the Naval Regulations), Zotov's printed treatise was used[76] as well as orders of admirals, probably both handwritten and oral ("as directed by ship commanders") and oral tradition ("in accordance with the rules of naval practice").

Summing up, we can say that the first stage in the process of formalizing scientific and technical knowledge was oral transmission from a teacher (a commander) to a student (a subordinate), in this case, from the commander of naval artillery to warrant officers, and from warrant officers to artillerymen. The second stage included various kinds of handwritten collections and manuals, examples of which are the Old Exercise and the Exercise of Lehman. The third stage saw the appearance of printed editions of training manuals, such as *Marine Science, i.e. Experience in the Theory and Practice of Ship and Naval Fleet Management* by Kurganov. Finally, at the fourth stage, a normative act in the form of instruction or a manual was written (but this stage in the development of Russian naval artillery exercise went beyond the 18th century). At the same time, the presence of a printed manual could not completely supplant various kinds of handwritten notes, nor could it compensate for the transfer of experience from person to person.

[75] "Doklad ot Morskoi artilleriiskoi ekspeditsii v GAK. Mezhdu 27 b 31 marta 1750 g." [Report from the Naval Artillery Expedition to the State Admiralty Collegium. Between March 27 and March 31, 1750]. F. 196, op. 1, d. 53. ll. 22–23 ob. RGA VMF.

[76] It should be taken into account that the title page of Zotov's work reads "Printed by command of his Imperial Majesty," which can be considered an equivalent of the present-day stamp of approval for use as an instruction. It should be noted that the book was republished at least once in the 18th century (not including the revised version made by Kurganov) and was last published in 1816. *Naval Regulations* (*The Book of Naval Regulations, On Everything that Concerns Good Management with the Fleet at Sea*, front page) has a similar stamp ("Printed by command of his Majesty the Tsar").

Список литературы

Барбасов А.П. Боевая подготовка русской артиллерии в XVIII в. // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея / под редакцией И.П. Ермошина. Ленинград: Артиллерийский исторический музей, 1958. Вып. 3. С. 63–80.

Денисов А.П., Перечнев Ю.Г. Русская береговая артиллерия. Москва: Воениздат, 1956. 230 с.

История материальной части артиллерии. Т. 1. История материальной части артиллерии от первобытных времен до XIX века / составитель А.А. Нилус. Санкт-Петербург: Типография П.П. Сойкина, 1904. 299 с.

История отечественной артиллерии: в 5 т. / под редакцией С.С. Варенцова. Москва: Типография Военной артиллерийской академии, 1960. Т. 2, кн. 1. 696 с.

Козловский Д.Е. История материальной части артиллерии. Москва: [б.и.], 1946. 323 с.

Колосов Е.Е. «Подлинное научение от артиллерии констапелям морским и сухопутным» (Наставление по стрельбе 1718 г.) // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея / под редакцией И.П. Ермошина. Ленинград: Артиллерийский исторический музей, 1958. Вып. 3. С. 211–214.

Кротков А.С. Русский флот в царствование императрицы Екатерины II с 1772 г. по 1783 год. Санкт-Петербург: Типография Морского министерства в Главном Адмиралтействе, 1889. 341 с.

Кротов П.А. Российский флот на Балтике при Петре Великом: дис.… д-ра ист. наук. Санкт-Петербургский государственный университет, 1999. 839 с.

Лобин А.Н. Артиллерия Петра Великого. «В начале славных дел». Москва: Эксмо, 2023. 285 с.

Манойленко Е.Ю. Русская артиллерия в первой трети XVIII века: дис. … канд. ист. наук. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2010. 212 с.

Манойленко Е.Ю. Русская артиллерия при ближайших преемниках Петра Великого (1725–1730-е гг.) // История военного дела: Исследования и источники. 2015. Т. VII. С. 174–195. URL: http://www.milhist.info/2015/09/14/manoilenko_1 (дата обращения: 04.11.2023).

Назаренко К.Б. Русская морская артиллерийская экзерциция петровского времени // Петербургский исторический журнал. 2023. № 4 (40). С. 309–319.

Назаренко К.Б. Шведские корни русской морской артиллерийской экзерциции петровского времени // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68, вып. 4. С. 927–942. https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.408

Овчинников В.Д. Личность адмирала Ф.Ф. Ушакова и влияние его деятельности на строительство и применение отечественного флота: дис. … д-ра ист. наук. Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2019. 527 с.

Прочко И.С. История развития артиллерии: в 5 т. Т. 1. С древнейших времен и до конца XIX века. Москва: Типография Артакадемии, 1945. 495 с.

Струков Д.П. Прошлое уставов русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1891. № 10. С. 857–982.

Четверухин Г.Н. История развития корабельной и береговой артиллерии. Москва; Ленинград: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1942. Ч. 1. 280 с.

Юркевич Е.И. Артиллерия Гатчинских войск великого князя Павла Петровича (1783–1796) и ее влияние на развитие русской полевой артиллерии конца XVIII –

1-й четверти XIX веков: дис. … канд. ист. наук. Санкт-Петербургский государственный университет, 2003. 318 с.

References

Barbasov, A.P. “Boevaya podgotovka russkoi artillerii v XVIII v.” [Training of Russian artillery in the 18th century]. In *Sbornik issledovanii i materialov Artilleriiskogo istoricheskogo muzeya* [Collection of studies and materials of the Military Historical Museum of Artillery], edited by I.P. Ermoshin, iss. 3, 63–80. Leningrad: Artilleriiskii istoricheskii muzei, 1958. (In Russian)

Chetverukhin, G.N. *Istoriya razvitiya korabel'noi i beregovoi artillerii* [History of the development of shipboard and coast artillery]. Pt. 1. Moscow; Leningrad: Voenno-morskoe izdatel'stvo NKVMF SSSR, 1942. (In Russian)

Denisov, A.P., and Yu.G. Perechnev. *Russkaya beregovaya artilleriya* [Russian coast artillery]. Moscow: Voenizdat, 1956. (In Russian)

Istoriya material'noi chasti artillerii [History of the artillery materiel]. Vol. 1, *Istoriya material'noi chasti artillerii ot pervobytnykh vremen do XIX veka* [History of the artillery materiel from primitive times to the 19th century], compiled by A.A. Nilus. St Petersburg: Tipografiya P.P. Soikina, 1904. (In Russian)

Istoriya otechestvennoi artillerii [History of domestic artillery]. 5 vols., edited by S.S. Varentsov. Vol. 2, bk. 1. Moscow: Tipografiya Voennoi artilleriiskoi akademii, 1960. (In Russian)

Kolosov, E.E. “‘Podlinnoe nauchenie ot artillerii konstapelyam morskim i sukhoputnym’ (Nastavlenie po strel'be 1718 g.)” [‘True teaching of the Artillery to naval and coast warrant officers’ (Instruction on Shooting, 1718)]. In *Sbornik issledovanii i materialov Artilleriiskogo istoricheskogo muzeya* [Collection of studies and materials of the Military Historical Museum of Artillery], edited by I.P. Ermoshin, iss. 3, 211–14. Leningrad: Artilleriiskii istoricheskii muzei, 1958. (In Russian)

Kozlovskii, D.E. *Istoriya material'noi chasti artillerii* [History of the artillery materiel]. Moscow: [n.p.], 1946. (In Russian)

Krotkov, A.S. *Russkii flot v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II s 1772 g. po 1783 god* [The Russian Navy during the reign of Empress Catherine II from 1772 to 1783]. St Petersburg: Tipografiya Morskogo ministerstva v Glavnom Admiralteistve, 1889. (In Russian)

Krotov, P.A. “Rossiiskii flot na Baltike pri Petre Velikom” [The Russian Navy in the Baltic under Peter the Great]. Doctoral diss., St Petersburg State University, 1999. (In Russian)

Lobin, A.N. *Artilleriya Petra Velikogo. “V nachale slavnykh del”* [Artillery of Peter the Great. “At the beginning of glorious deeds”]. Moscow: Eksmo, 2023. (In Russian)

Manoilenko, E.Yu. “Russkaya artilleriya pri blizhaishikh preemnikakh Petra Velikogo (1725–1730-e gg.)” [Russian artillery under the Immediate Successors of Peter the Great (1725 – the 1730s)]. *Istoriya voennogo dela: Issledovaniya i istochniki*, vol. 7 (2015): 174–95. Accessed November 4, 2023. http://www.milhist.info/2015/09/14/manoilenko_1 (In Russian)

Manoilenko, E.Yu. “Russkaya artilleriya v pervoi treti XVIII veka” [Russian artillery in the first third of the 18th century]. PhD diss., Herzen State Pedagogical University of Russia, 2010. (In Russian)

Nazarenko, K.B. “Russkaya morskaya artilleriiskaya ekzertsitsiya petrovskogo vremeni” [Russian naval artillery drill of Petrine Time]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 4 (40) (2023): 309–19. (In Russian)

Nazarenko, K.B. “Shvedskie korni russkoi morskoi artilleriiskoi ekzertsitsii petrovskogo vremeni” [Swedish roots of the Russian naval artillery drill regulations of Petrine Time]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, vol. 68, iss. 4 (2023): 927–42. https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.408 (In Russian)

Ovchinnikov, V.D. “Lichnost' admirala F.F. Ushakova i vliyanie ego deyatel'nosti na stroitel'stvo i primenenie otechestvennogo flota” [The personality of Admiral F.F. Ushakov and the impact of his activities on the construction and use of the Russian navy]. Doctoral diss., Ogarev Mordovia State University, 2019. (In Russian)

Prochko, I.S. *Istoriya razvitiya artillerii* [History of the development of artillery]. 5 vols. Vol. 1, *S drevneishikh vremen i do kontsa XIX veka* [From ancient times till the end of the 19th century]. Moscow: Tipografiya Artakademii, 1945. (In Russian)

Strukov, D.P. “Proshloe ustavov russkoi artillerii” [The past of the Russian artillery regulations]. *Artilleriiskii zhurnal*, no. 10 (1891): 857–982. (In Russian)

Yurkevich, E.I. “Artilleriya Gatchinskikh voisk velikogo knyazya Pavla Petrovicha (1783–1796) i ee vliyanie na razvitie russkoi polevoi artillerii kontsa XVIII – 1-i chetverti XIX vekov” [The artillery of the Gatchina Troops of Grand Duke Pavel Petrovich (1783–1796) and their influence on the development of Russian field artillery at the end of 18th – 1st quarter of the 19th century]. PhD diss., St Petersburg State University, 2003. (In Russian)

Информация об авторе

Кирилл Борисович Назаренко – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, kirbornaz@yandex.ru, Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук (д. 7, ул. Петрозаводская, 197110 Санкт-Петербург, Россия); профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (д. 7–9, Университетская наб., 199034 Санкт-Петербург, Россия).

Information about the author

Kirill B. Nazarenko – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, kirbornaz@yandex.ru, St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (SPBIH RAS) (7, ul. Petrozavodskaya, 197110 St Petersburg, Russia); Professor, St Petersburg University (7–9, Universitetskaya nab., 199034 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 05.11.2023; одобрена после рецензирования 16.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 05.11.2023; approved after reviewing 16.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 4. С. 1126–1174.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 4 (2024): 1126–74.

Научная статья
УДК 94 (476):351.745+35.087.41
https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-2
EDN: OHTLSD

Жалование чинов общей полиции белорусских губерний (1855–1881)

Александр Александрович Киселев
Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Белоруссия,
kiselev_aa@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-3084-9067
Aleksandr A. Kiselev
Belarus State Economic University,
Minsk, Belarus,
kiselev_aa@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-3084-9067

Аннотация. В статье рассматривается проблема денежного содержания чиновников общей полиции в белорусских губерниях в 60–80-х гг. XIX в. В современной историографии существует две точки зрения по вопросу о материальном обеспечении чинов полиции в Российской империи. Большинство исследователей на примере изучения ситуации в разных регионах империи считают, что полиция, несмотря на повышение жалования в 1862 г., на протяжении всего указанного периода не получала достаточного финансирования. При этом ряд историков указывают на постепенное улучшение материального положения чиновников в целом и относительно благополучное материальное положение чиновников городских и уездных полицейских управлений в правление Александра II. На основании материалов официального делопроизводства показывается, что жалование полицейских чиновников и нижних чинов в белорусских губерниях не отличалось от содержания полицейских служащих в остальных губерниях. Польское восстание 1863–1864 гг. и обострение внутриполитической ситуации, связанной с ним, не стало основанием для повышения окладов. Предпринятые правительством меры по стимулированию переезда на службу в белорусские губернии и поощрению чиновников полиции не имели надежного источника финансирования, надбавки к жалованию были незначительными и применялись выборочно, что не смогло существенно повлиять на уровень материального благополучия служащих полиции. В конце 60-х гг. XIX в. местная администрация белорусских губерний констатировала незначительный размер жалования служащих городской полиции, что негативно сказывалось на качестве кадрового состава. Нижние чины городских полицейских управлений получали крайне ограниченное содержание, зачастую уступавшее оплате труда наемных работников в сельском хозяйстве. В свою очередь, нижние чины уездной полиции

© Киселев А.А., 2024
© Kiselev A., 2024

либо вообще не получали оплаты за исполнение полицейской повинности, либо их вознаграждение было чисто символическим. Это лишало чиновников уездной полиции надежных исполнителей. При этом сами чиновники уездной полиции находились в более выгодном положении по сравнению с чинами городской полиции из-за дешевизны стоимости жизни в сельской местности и уездных городах. Анализ жалования чиновников полиции на примере белорусских губерний показывает, что негативная оценка денежного обеспечения стражей порядка более объективно отражает уровень их материального положения.

Ключевые слова: исполнительная полиция, тысячский, сотский, десятский, урядник, городовой, белорусские губернии, жалование, полицейские чиновники

Для цитирования: *Киселев А.А.* Жалование чинов общей полиции белорусских губерний (1855–1881) // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 4. С. 1126–1174, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-2; EDN: OHTLSD

Salaries of the Officers of the General Police in the Belarusian Governorates (1855–1881)

Abstract. The article addresses the issue of monetary allowance for general police officials in the Belarusian governorates in the 1860s–80s. In modern historiography, there are two views on the financial support of police officials in the Russian Empire. Based on studies of various regions of the empire, most researchers believe that the police were underfunded throughout the period despite a salary rise in 1862. At the same time, some historians highlight a gradual improvement in the financial situation of officials in general and relatively favorable conditions for officials in city and uyezd police departments during the reign of Alexander II. Official records indicate that the salaries of police officials and lower ranks in the Belarusian governorates were comparable to those in other governorates. The Polish uprising of 1863–64 and aggravation of the internal political situation connected with it did not result in increased salaries. Government measures to encourage people to move to the Belarusian governorates for service or to reward police officials lacked reliable funding. Increments were insignificant and were applied selectively, which did not greatly influence the financial well-being of police officers. By the late 1860s, local administration in the Belarusian governorates noted the inadequate salaries of city police, which negatively affected personnel quality. The lower ranks of city police departments received very limited salaries, often less than those of hired laborers in agriculture. Similarly, the lower ranks of rural police either did not receive any payment for performing their duties or were paid symbolically, which is why uyezd police officials lacked reliable subordinates. However, uyezd police officials were in a more favorable position compared to city police due to the lower cost of living in rural areas. The analysis of the salaries of police officials in the Belarusian governorates shows that the negative assessment of the monetary provision of the minions of the law reflects their financial situation more adequately.

Keywords: executive police, rural precinct warden, senior village warden, junior village warden, village constable, policeman, Belarusian governorates, salary, police officials

For citation: Kiselev, A.A. “Salaries of the Officers of the General Police in the Belarusian Governorates (1855–1881).” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 4 (2024): 1126–74, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-2; EDN: OHTLSD

Введение

В современной российской историографии неоднократно отмечалось недостаточное финансирование общей полиции на местном уровне в пореформенный период. В частности, в фундаментальном исследовании деятельности правительства по реформированию уездной полиции Ю.В. Тота констатировалось, что «материальное обеспечение служащих полиции уступало материальному обеспечению других чиновников местной администрации»[1]. Невзирая на то, что это негативным образом сказывалось на комплектовании полиции, «оклады чиновникам полиции на протяжении XIX в. незначительно повышались всего дважды: в 1837 г. и 1862 г.»[2]. Еще более категорично оценил ситуацию историк полиции А.В. Борисов, заметив, что в 1862 г. «оклады полицейских были незначительно повышены, но по-прежнему оставались ниже, чем оклады других чиновников уезда, губернии»[3]. Отклонение всех попыток Министерства внутренних дел повысить финансирование не позволило «решить одну из главных задач полицейской реформы – улучшить кадровый состав полицейских служащих»[4].

В своих диссертационных исследованиях ряд авторов, изучавших структуры исполнительной полиции на примере отдельных губерний или целых регионов империи, также отмечали относительно низкий уровень материального обеспечения полицейских чинов в эпоху Великих реформ и пореформенное время. Например, характеризуя материальное положение полицейских чинов в Симбирской губернии, Ю.Б. Сысуев отметил, что «материальное благополучие полицейских, не только нижних чинов, но и средних росло не такими быстрыми темпами»[5]. В результате «именно незначительное денежное содержание становилось причиной того, что на службу в полицию уездные исправники не могли подобрать людей соответственно их желания и возможностей по исполнению возложенных на них обязанностей наилучшим образом»[6]. К аналогичным выводам при анализе материального положения разных категорий полицейских чинов в губерниях Иркутского генерал-

[1] *Тот Ю.В.* Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербургский государственный университет, 2003. С. 33.

[2] *Тот Ю.В.* Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке. С. 33.

[3] *Борисов А.В.* Проблемы реформирования полиции Российской империи в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 1 (25). С. 79.

[4] *Борисов А.В.* Проблемы реформирования полиции Российской империи в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. С. 79.

[5] *Сысуев Ю.Б.* Полиция Симбирской губернии во второй половине XIX века: дис. … канд. ист. наук. Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2002. С. 239.

[6] *Сысуев Ю.Б.* Полиция Симбирской губернии во второй половине XIX века. С. 240.

губернаторства[7], Тобольской[8], Уфимской[9], Оренбургской[10], Курской[11] и Вятской[12] губерний пришли и другие исследователи. Независимо от них американский историк Р. Эбботт в своей статье о полицейских преобразованиях в Ярославской губернии высказал схожую точку зрения, указав на мнение местной тогдашней администрации о том, что увеличенные в 1862 г. оклады уже в ближайшее время перестанут выполнять задачу по привлечению на службу компетентных чиновников[13]. В своей обобщающей работе «Городовой царя: местная полиция в эпоху потрясений» Р. Эбботт, отмечая троекратное повышение жалования в 1862 г., констатировал, что неизменность установленных окладов на протяжении всего правления императора Александра II уже в 70-х гг. XIX в. привела к негативным последствиям в виде «текучки кадров». Особенно сильно эта тенденция проявлялась среди нижних чинов полиции. В результате «неспособность правительства поднять заработную плату до уровня, который мог бы привлечь способных новобранцев, сопровождалась неспособностью убедить тех, кто уже находился на службе, служить достаточно долго, чтобы воспользоваться их опытом»[14].

Наряду с подобным мнением ряда ученых другие исследователи придерживаются более оптимистических оценок денежного содержания местной полиции в пореформенное время. Например, историк Н.И. Горлова по

---

[7] *Шитова Т.В.* Полиция в административно-правоохранительной системе Сибири в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Юридический институт МВД РФ, 2002. URL: https://www.dissercat.com/content/politsiya-v-administrativno-pravookhranitelnoi-sisteme-sibiri-v-xix-nachale-xx-vv (дата обращения: 20.05.2023).

[8] *Сунгуров П.А.* Полиция Тобольской губернии в 1867–1917 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюменский государственный университет, 2014. С. 21.

[9] *Масалимов А.С.* Реформы суда и полиции России 60–90-х годов XIX века (на материалах Уфимской губернии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфимский юридический институт МВД Российской Федерации, 2000. URL: https://www.dissercat.com/content/reformy-suda-i-politsii-rossii-60-90-kh-godov-xix-veka-na-materialakh-ufimskoi-gubernii (дата обращения: 12.05.2023).

[10] *Сичинский Е.П.* Становление полиции на Южном Урале (последняя четверть XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинский государственный университет, 2006. С. 44.

[11] *Степанова Е.И.* Эволюция деятельности уездной полиции Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Курский государственный университет, 2012. С. 19.

[12] *Трушков С.А.* Административно-полицейские органы Вятской губернии второй половины XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Удмуртский государственный университет, 2001. URL: https://www.dissercat.com/content/administrativno-politseiskie-organy-vyatskoi-gubernii-vtoroi-poloviny-xix-nachala-xx-vv (дата обращения: 22.05.2023).

[13] *Abbott R.J.* Police Reform in the Russian Province of Iaroslavl, 1856–1876 // Slavic Review. 1973. Vol. 32, iss. 2. P. 301. https://doi.org/10.2307/2495964

[14] *Abbott R.J.* Policemen of the Tsar: Local Police in an Age of Upheaval. Budapest; Vienna; New York: Central European University Press, 2022. P. 115.

итогам изучения полиции в Курской губернии утверждала, что «меры по материальному и моральному стимулированию служебной деятельности позволили несколько улучшить кадровый состав полиции в губернии, а также обеспечивали более достойные условия жизни полицейских и членов их семей»[15]. К сходному выводу пришла исследовательница полиции Пензенской губернии О.В. Лазарева, отметив, что на протяжении всего XIX в. «росло материальное благополучие полицейских, причем не только средних, но и нижних чинов»[16]. С некоторыми оговорками данную тенденцию в обеспечении псковской городской полиции отмечал А.В. Седунов[17]. В ходе изучения материального положения среди чиновников полиции Вятской губернии историки С.Г. Егоров и С.А. Трушков высказали мнение, что «для большинства полицейских чиновников 60–70-е гг. XIX в. были периодом относительного материального благополучия»[18]. Вместе с тем они констатировали, что в это же время семейные «чиновники низших рангов, даже получая новые оклады, испытывали немалые материальные затруднения, а семьи столоначальников и регистраторов полицейских управлений (женатыми являлись 67 % этих должностных лиц) фактически находились за чертой бедности»[19].

Наличие некоторого расхождения в оценках материального обеспечения чинов общей полиции обусловливает необходимость привлечения дополнительных данных. В этой связи представляет интерес анализ материального положения чинов уездной и городской полиции в белорусских губерниях в 60–80-х гг. XIX в., поскольку денежное обеспечение полиции в этом регионе империи специально не рассматривалось ни в российской, ни в зарубежной историографии.

---

[15] *Горлова Н.И.* Полиция российской провинции в XIX веке (на примере Курской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курский государственный университет, 2005. URL: https://www.dissercat.com/content/politsiya-rossiiskoi-provintsii-v-xix-veke-na-primere-kurskoi-gubernii (дата обращения: 16.05.2023).

[16] *Лазарева О.В.* Провинциальная полиция в конце XVIII – начале XX в. (по материалам Пензенской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2000. URL: https://www.dissercat.com/content/provintsialnaya-politsiya-v-kontse-xviii-nachale-xx-v-po-materialam-penzenskoi-gubernii (дата обращения: 26.05.2023).

[17] *Седунов А.В.* Губернский городовой: История Псковской городской полиции в XVIII – начале XX вв. Псков: Псковская областная типография, 2004. С. 113.

[18] *Егоров С.Г., Трушков С.А.* Состав и деятельность полиции в Вятской губернии в пореформенную эпоху // Вопросы истории. 2020. № 6. С. 136. https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202006Statyi08

[19] *Егоров С.Г., Трушков С.А.* Состав и деятельность полиции в Вятской губернии в пореформенную эпоху. С. 136.

Основная часть

Накануне полицейских преобразований 1862 г. денежное обеспечение чинов общей полиции в белорусских губерниях неоднократно расценивалось представителями местной администрации как неудовлетворительное. В частности, витебский губернатор А.С. Оголин в своем рапорте от 10 декабря 1860 г. докладывал министру внутренних дел С.С. Ланскому о тяжелом материальном положении чинов городской полиции, приводя в доказательство следующие данные по годовому содержанию полиции в губернском Витебске:

> полицеймейстер 321 руб. 20 коп., частный пристав 172 р. 90 коп., квартальный надзиратель 114 р. 30 коп., а в прочих городах городничий 280 р. 20 к. и квартальный надзиратель 42 руб. 80 коп. в год[20] (здесь и далее цитаты из документов приведены с сохранением их орфографии и пунктуации. – *А. К.*).

Средства на содержание канцелярий были настолько малы, что частные приставы, имея на своих руках 74 руб. 28 коп. на канцелярские расходы, не могли на эту сумму нанять даже «одного порядочного писца»[21]. Губернатор констатировал, что

> при таких ничтожных средствах, несмотря на все мои усилия, замещения по городским полициям должностей людьми добросовестными и способными, совершенно невозможно[22].

В составленном им всеподданнейшем отчете за 1862 г. он утверждал, что по-прежнему чиновников в городскую полицию «невозможно было приискать, по скудному содержанию»[23]. В таких оценках витебский губернатор не был одинок. Например, минский губернатор А.Л. Кожевников в отчете за 1862 г. недостатки чинов городской полиции видел «в скудости получаемого ими содержания»[24]. В своем представлении на имя виленского генерал-губернатора В.И. Назимова от 19 декабря 1862 г. А.Л. Кожевников выражался более

[20] Рапорт витебского губернатора министру внутренних дел от 10 декабря 1860 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1286. Оп. 21. Д. 1090. Л. 6 об.

[21] Там же. Л. 7.

[22] Там же. Л 7 об.

[23] Отчет начальника Витебской губернии за 1862 год // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3026. Л. 480.

[24] Отчет начальника Минской губернии за 1862 год // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3029. Л. 277.

определенно. Он утверждал, что «состояние полицейских чинов и особенно чинов городской полиции по истине возбуждает сострадание», поскольку

> получаемые ими оклады содержания столь ничтожны, что не только не обеспечивают им безбедной жизни, но не достаточны и для дневного, самого скудного, пропитания[25].

Именно этим объяснялось взяточничество среди полицейских чиновников, «на которое отовсюду слышатся справедливые нарекания»[26]. Гродненский губернатор И.В. фон-Галлер также отмечал, что по «весьма скудному содержанию, получаемому при том от неимения городских доходов несвоевременно», полиция находится «в самом неудовлетворительном состоянии»[27]. Немногим лучше было материальное положение чинов земской полиции. В своем письме от 9 января 1863 г. гродненский губернатор писал министру внутренних дел П.А. Валуеву о чиновниках уездной полиции как о людях «с крайне ограниченным содержанием и с сильною материальною поддержкою от дворянства»[28]. В целом Комиссия о губернских и уездных учреждениях была вынуждена признать, что по всей империи «содержание чинов земской полиции, при существующих ценах, очевидно, не соответствует самым скромным потребностям»[29]. На практике это означало, что из всех

> 1227 становых приставов, конечно, отыщется несколько десятков и, быть может, несколько сотен людей, которые не позволяют себе вымогательных поборов, но едва ли найдется много таких, которые не пользовались бы добровольными приношениями напр. от питейного откупа, от вотчинных помещичьих контор и т.п.[30]

Сопоставление штатов полицейских управлений, утвержденных для белорусских губерний Министерством внутренних дел 17 февраля 1863 г., с жалованием чинов городской и уездной полиции накануне полицейских преобразований показывает, что увеличение содержания действительно имело

[25] Донесение минского гражданского губернатора Виленскому военному губернатору и генерал-губернатору Гродненскому, Ковенскому и Минскому от 19 декабря 1862 г. // Литовский государственный исторический архив (далее – ЛГИА). Ф. 378. Оп. 71. Д. 18. Л. 9.

[26] Там же.

[27] Отчет начальника Гродненской губернии за 1862 год // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3030. Л. 107–108.

[28] Письмо гродненского губернатора министру внутренних дел от 9 января 1863 г. // РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 121. Л. 119.

[29] Труды комиссии об уездных и губернских учреждениях. Ч. 1. Учреждения уездные. Кн. 2. Объяснительные записки. Санкт-Петербург, 1860. С. 53.

[30] Труды комиссии об уездных и губернских учреждениях. Ч. 1, кн. 2. С. 54.

место. Кроме того, показательно, что, несмотря на Январское восстание 1863 г., штатное содержание в белорусских губерниях ничем не отличалось от установленного жалования в прочих губерниях империи. Однако обращает на себя внимание расхождение в оценках этого повышения в историографии, варьирующееся от незначительного до существенного. Как представляется, причина подобной разницы во мнениях заключается в том, что одни исследователи учитывают кризисное состояние финансов в 50–60-х гг. XIX в., связанное с обесцениванием кредитных билетов и ростом цен, а другие, напротив, не обращают внимания на этот экономический контекст. В действительности же в 1858 г. обесценивание кредитного билета достигло 20 %, а «рост цен достигал 75 % и выше»[31].

Если исходить из официального разменного курса серебряного рубля на кредитные билеты в 1862 г., то окажется, например, что оклад исправника был равен приблизительно 466 руб. кредитными билетами, станового пристава – 310,8 руб., секретаря – 186,48 руб. В свою очередь по новым штатам уездной полиции от 17 февраля 1863 г. исправнику устанавливался оклад в 1500 руб., его помощнику – 1000 руб., становому приставу – 600 руб. и 300 руб. на канцелярские расходы, секретарю – 400 руб., столоначальнику и регистратору – по 200 руб. Полицейские приставы уездной полиции получали 600 руб. и 200 на канцелярские расходы, их помощники – 400 руб. Полицейские надзиратели 1-го и 2-го разрядов довольствовались окладом в 400 руб., но им выплачивались деньги на канцелярские расходы: 150 и 100 руб. соответственно. Сравнение дореформенных окладов с новыми штатами позволило отдельным историкам утверждать, что произошло резкое (в 2,1–3,2 раза) увеличение содержания классных чинов уездной полиции. Если говорить о жаловании классных чиновников городских полицейских управлений, то и их содержание было значительно увеличено. Так, полицеймейстерам городских управлений I-го (Вильно), II-го (все прочие губернские города) и III-го (Брест, Бобруйск, Динабург) разрядов назначалось жалование в 1500, 1200 и 1000 руб. соответственно; приставам – по 600, но в зависимости от разрядности полагалось от 300 до 100 руб. на канцелярские расходы, помощникам приставов – по 400 руб., а секретарям – от 400 до 600 руб. Это также позволило увеличить оклады служащим городской полиции в 2–3,5 раза, а по некоторым должностям – почти в 4 раза.

Однако такое значительное повышение оказалось номинальным, а не фактическим. Отнюдь не случайно министр внутренних дел П.А. Валуев во всеподданнейшем отчете за 1861–1863 гг. констатировал, что новые оклады полиции

[31] *Малышев А.И., Таранков В.И., Смиренный И.Н.* Бумажные денежные знаки России и СССР. Москва: Финансы и статистика, 1991. С. 45.

> не могут быть признаны достаточными, чтобы вполне вознаградить часто весьма тяжелую службу полицейских чиновников и предупредить или устранить извлечение незаконных доходов из исполнения их обязанностей[32].

При этом разработанные штаты не отражали и специфику «различной местной ценности жизненных потребностей»[33]. В историческом обзоре чиновника особых поручений министра внутренних дел Е.Н. Анучина констатировалось, что новые штатные полицейские оклады полиции хотя и были «значительно возвышенными против прежнего», но все равно

> оклады для чинов полиции и сами по себе, и, в особенности, по сравнению с окладами соответственных чинов всех других ведомств, представлялись до такой степени скудными[34],

что ставили под вопрос как возможность кадрового улучшения состава полиции, так и борьбу с коррупцией. Интересно, что эти официальные оценки не получили отражения в юбилейной истории Министерства внутренних дел, где отмечалось, что «на улучшение общего полицейского состава оказало влияние значительное возвышение окладов, которое привлекло в ряды полиции более надежных людей»[35]. В этой связи более близкими к реальности будут оценки исследователей, указывающих на незначительный прирост жалования и улучшение материального положения чинов полиции.

Следует отметить, что утвержденные в 1863 г. штаты чиновников уездной полиции на протяжении всего правления императора Александра II оставались почти неизменными. Исключением стала выплата квартирных денег, размер которых с 15 января 1880 г. для исправников и их помощников по всей империи был установлен в размере 142,85 руб.[36] В свою очередь становым

---

[32] Извлечение из Отчета министра внутренних дел за 1861, 1862 и 1863 гг. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1865. С. 66.

[33] Извлечение из Отчета министра внутренних дел за 1861, 1862 и 1863 гг. С. 66.

[34] Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени: составлен по распоряжению министра внутренних дел чиновником особых поручений при министре Е. Анучиным. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1872. С. 167.

[35] Министерство внутренних дел (1802–1902). Исторический очерк. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1902. С. 133.

[36] 60385 – января 15. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета – О производстве квартирных денег Урядным Исправникам и их Помощникам // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе: с 12 декабря 1825 по 28 февраля 1881 гг. (далее – ПСЗ-II). Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1881. Т. LIV. Отделение 2. 1879 по 18 февраля 1880. С. 366.

приставам устанавливались квартирные доплаты в размере 120 руб., а также были увеличены на 200 руб. канцелярские суммы. В остальном установленные оклады оставались неизменными.

Особенностью белорусских губерний являлось массовое наличие таких нижних чинов уездной полиции, как тысячские и пятисотские. Их жалование вообще никак не регламентировалось. Так, в 1863 г. тысячским по Минской губернии выплачивалось от 50 до 130 рублей в год, собираемых с местного населения «по уравнительной раскладке»[37]. В Виленской губернии начальник губернии затруднился назвать размер получаемого ими содержания, указав на то, что они «пользуются добровольными пожертвованиями местных жителей», что «имеет вредное влияние на их служебные отношения»[38]. Губернатор И.В. Галлер считал справедливым установление этим чинам постоянного ежемесячного жалования в размере 10 руб. серебром, т.е. годовой оклад в 120 руб. В Гродненской губернии материальное обеспечение тысячских и пятисотских было аналогичным. По крайней мере, в рапорте гродненского губернатора утверждалось, что жалования

> эти нижние чины не получают, за исключением весьма немногих местностей, где жители производят им по добровольному согласию самое ограниченное содержание, не превышающее 60 руб.[39]

Приемлемым содержанием для данной категории служащих губернатор И.Н. Скворцов считал сумму в 240 руб. В итоге в служебной «Записке о нижних служителях уездной полиции», подготовленной для виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева, констатировалось, что

> содержание тысячским и пятисотским производилось на основании обычая деньгами или продуктами в различном количестве, без определенной нормы, от того сбор этот в некоторых местах оказался обременительным[40].

[37] Донесение минского губернатора Виленскому военному губернатору и генерал-губернатору Гродненскому, Ковенскому и Минскому от 27 июля 1863 г. // ЛГИА. Ф. 378. Оп. 71. Д. 18. Л. 202.

[38] Донесение виленского губернатора Виленскому военному, Ковенского, Гродненского и Минского генерал-губернатору, главному начальнику Витебской и Могилевской губернии от 21 августа 1863 г. // ЛГИА. Ф. 378. Оп. 71. Д. 18. Л. 234.

[39] Донесение военного губернатора Гродно и гродненского губернатора Виленскому военному, Ковенскому, Гродненскому и Минскому генерал-губернатору, главному начальнику Витебской и Могилевской губернии от 5 ноября 1863 г. // ЛГИА. Ф. 378. Оп. 71. Д. 18. Л. 291.

[40] Записка о нижних служителях уездной полиции // ЛГИА. Ф. 378. Оп. 71. Д. 18. Л. 326.

После урегулирования их правового статуса по указу от 5 июля 1868 г. им было установлено регулярное жалование в размере 120 руб. в год[41], которое оставалось неизменным вплоть до замены тысячских на урядников. В свою очередь сменившие их полицейские урядники – нижний чин уездной полиции, введенный 9 июня 1878 г. по всей империи, в том числе и в белорусских губерниях, – получали утвержденное в законе годовое содержание: 200 руб. жалования, 50 руб. на обмундирование и 100 руб. на содержание лошади[42]. Для сравнения отметим, что учитель сельского училища Минской губернии получал содержание от 150 до 200 руб., причем в 1880 г. отмечалось, что при «постоянно возрастающей дороговизне на все жизненные потребности, оклад в 150 р. становится крайне ничтожным и неудовлетворительным, так что лучшие учебные силы, при первой возможности, спешат оставить учительские должности»[43]. В Гродненской губернии в 1881 г. годовая оплата труда сельскохозяйственного работника, не получавшего питания за счет нанимателя, колебалась от 80 до 132 руб.[44] Как и в случае с классными чинами уездной полиции, практически сразу встал вопрос об обеспечении урядников жильем. Так, по Минской губернии 8 января 1880 г. было принято решение, согласно которому, вследствие невозможности обеспечить урядников квартирами, перешли к выплате квартирных денег. В зависимости от уезда размер годовых выплат колебался от 44 руб. 33 коп. до 100 руб. Однако такой разброс был признан неудобным, по всей видимости, для исчисления земского сбора, из сумм которого предполагалось выплачивать квартирные деньги, поэтому в итоге сошлись на установлении сбора, позволявшего выплачивать единообразно деньги уряднику на наем и отопление квартиры в сельской местности в размере 48 руб., а в местечке – 60 руб. В Виленской губернии 15 декабря 1879 г. взяли за основу сумму в 65 руб. уряднику на квартирные деньги, но распределение этих денег предполагалось делать в зависимости от местных цен на отопление, освещение и найм, которые колебались в диапазоне от 60 до 100 руб. В Гродненской губернии пришли к тому, чтобы на земские расходы перенести сумму в 60 руб., но и здесь распределение выплат ставилось в зависимость от размещения уряднической квартиры по уездам: от 100 руб. в Белостокском уезде до 36 руб. в Кобринском уезде. В Могилевской губернии также констатировали практически сразу возникшую проблему в размещении урядников в населенных пунктах с помощью «отвода для них квартир в

[41] ПСЗ-II. Т. XLIII. Отделение второе. № 46082. С. 35.

[42] Сведения о числе полицейских чинов в уездах Виленской, Ковенской и Гродненской губерний // ЛГИА. Ф. 378. Оп. 86. Д. 61. Л. 180–181.

[43] Обзор Минской губернии за 1880 год. Приложение к Всеподданнейшему отчету Минского Губернатора. Минск: Губернская типография, 1881. С. 30.

[44] Обзор Гродненской губернии за 1881 год. Приложение ко Всеподданнейшему отчету Гродненского губернатора. Гродно: Губернская типография, 1882. С. 78.

натуре»[45]. В итоге по приговорам волостных сходов для содержания урядников в деревнях на найм квартир собирали от 40 до 50 руб., а при размещении урядника в местечке – от 50 до 60 руб., а «даже в некоторых местечках 75 руб.»[46]. В результате 30 января 1880 г. было принято решение о выделении 60 руб. каждому уряднику на найм жилья путем введения земского сбора. В Витебской губернии аналогичное решение было принято только 28 мая 1880 г., причем после опроса исправниками землевладельцев и волостных обществ, в результате которого большинство высказалось за перевод квартирной повинности в денежную форму. В Витебске Губернский распорядительный комитет решил установить сбор, который позволял бы обеспечивать урядников квартирными деньгами в размере 50 % от квартирных выплат становым приставам, т.е. в витебском и динабургском уезде урядникам полагалось 60 руб., в полоцком и режицком уездах – 55 руб., а в прочих уездах – 50 руб. Отметим, что в местной администрации сложилось определенное представление о стандарте жизни урядника. Так, виленский генерал-губернатор П.П. Альбединский полагал, что помещение «для полицейских урядников должно состоять из одной комнаты и помещения для лошади»[47].

Наконец, если говорить о выборных чинах сельской полиции, т.е. о сотских и десятских, то содержание этих чинов было или символическим, или вообще отсутствовало. Для сельского населения полицейская служба являлась государственной повинностью, которую крестьяне старались избегать. В рапорте гродненского губернатора И.Н. Скворцова от 5 ноября 1863 г. отмечалось, что «содержание десятские и сотские не получают и оное производится от обывателей только тем из них, которые будут назначены в сии должности не по наряду сельских обществ». Кроме того, во время несения службы выборные чины «свободны от общественных и господских работ»[48]. Отсутствие материального содержания обусловило ситуацию, когда

> в это звание избираются самые неспособные члены общества, которые ни по физическим, ни по моральным силам не могут исправлять

[45] Постановление Могилевского Губернского распорядительного комитета от 30 января 1880 г. // РГИА. Ф. 1286. Оп. 40. Д. 63. Л. 19.

[46] Там же.

[47] Отношение Виленского, Ковенского и Гродненского губернатора от 4 июля 1887 г. // РГИА. Ф. 1286. Оп. 40. Д 63. Л. 132.

[48] Донесение военного губернатора Гродно и гродненского губернатора Виленскому военному, Ковенскому, Гродненскому и Минскому генерал-губернатору, главному начальнику Витебской и Могилевской губернии от 5 ноября 1863 г. // ЛГИА. Ф. 378. Оп. 71. Д. 18. Л. 293.

> многосложные обязанности, возлагаемые на служителей земской полиции законом[49].

Виленский губернатор С.Ф. Панютин в рапорте от 21 августа 1863 г. констатировал, что сотские и десятские избираются «обыкновенно из безграмотных, часто дряхлых и увечных крестьян, неспособных к полевым работам, … действуют с совершенною апатиею к делу и притом только вследствие понуждения». Однако несмотря на такое отношение к выборной полицейской службе, начальник губернии считал, что выборным сельским чинам и впредь «не следует полагать особого содержания»[50]. Вместо выплат жалования их предлагалось освобождать от воинского постоя и прочих повинностей.

В 1868 г. администрация виленского генерал-губернатора А.Л. Потапова попыталась оценить размер содержания сотских и десятских во всех губерниях Северо-Западного края путем перевода в денежный эквивалент стоимости некоторых повинностей, от которых освобождались чины сельской полиции, натуральной оплаты зерном и учета денег, собиравшихся сельскими обществами выборным или нанимаемым сотским или десятским. В результате среднее «годовое содержание сотского определяется в 37 руб., десятского в 22 руб.», причем считалось, «что цифра эта гораздо ниже» необходимого уровня вознаграждения, а сама стоимость службы выборных сельских полицейских называлась «ничтожной»[51]. Действительно, чуть позже в донесениях губернаторов в адрес Комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений стали тиражироваться аналогичные суждения. Так, в рапорте могилевского губернатора В.Д. Дунина-Барковского от 14 октября 1870 г. констатировалось, что сотские и десятские комплектуются

> из неграмотных, не развитых и в большей части бедных крестьян, избираемых обществом в службу не более на год, с весьма ничтожным вознаграждением (до 5 руб. в год), а чаще без всякой платы[52].

---

[49] Донесение военного губернатора Гродно и гродненского губернатора Виленскому военному, Ковенскому, Гродненскому и Минскому генерал-губернатору, главному начальнику Витебской и Могилевской губернии от 5 ноября 1863 г. // ЛГИА. Ф. 378. Оп. 71. Д. 18. Л. 293.

[50] Донесение виленского губернатора Виленскому военному, Ковенскому, Гродненскому и Минскому генерал-губернатору, главному начальнику Витебской и Могилевской губернии от 21 августа 1863 г. // ЛГИА. Ф. 378. Оп. 71. Д. 18. Л. 234 об.

[51] Объяснительная записка // Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 295. Оп. 1. Д. 2133. Л. 5 об.

[52] Донесение могилевского губернатора от 14 октября 1870 г. в Комиссию о губернских и уездных учреждениях // РГИА. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 23. Л. 526–527.

Положение не менялось на протяжении всего последующего времени. Например, могилевский губернатор А.С. Дембовецкий в своем донесении от 10 августа 1875 г. отметил, что сотских и десятских выбирают обычно из

> не грамотных и совершенно не развитых, часто даже физически неспособных к полицейской деятельности как то малолетних, стариков и больных, к тому и эти жалкие полицейские чины вовсе не обеспечены или весьма скудно содержанием и должны думать скорее о дневном пропитании, чем о каких бы то ни было обязанностях[53].

Ситуация в Могилевской губернии принципиально не отличалась от того, что было в других белорусских губерниях. В Витебской губернии, согласно донесению губернатора П.Я. Ростовцева от 29 августа 1870 г., на должности сотских и десятских крестьянами избирался

> обыкновенно тот, кто меньше просит денег, больше представляет ручательство на снисхождение и поблажку, коему дома нечего делать или кого влечет приманка получить задаром хотя небольшие деньги, вообще избираются плохие люди и хозяева[54].

Сельские общества «платят сотским жалование хлебом и деньгами 50 руб. в год, а десятскому 10 руб. в год и сверх сего лица эти избавлены от квартирной, подводной и дорожной повинностей»[55]. Спустя почти 10 лет положение не изменилось. Так, невельский исправник М.А. Околович (Витебская губерния) в своей докладной записке от 27 августа 1879 г. писал о том, что служить на этих должностях соглашаются

> преимущественно недоимщики с ничтожным жалованием, которое кроме того засчитывается полностью в платежи, следовательно человек, не получая по должности вознаграждения[56],

не проявляет никакой заинтересованности к службе. Согласно рапорту виленского губернатора Е.П. Стеблин-Каменского от 8 сентября 1870 г., на места сотских и десятских «избираются обществом самые бесполезные люди,

[53] Донесение могилевского губернатора от 10 августа 1875 г. // НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1126. Л. 99 об.

[54] Донесение витебского губернатора от 29 августа 1870 г. в Комиссию о губернских и уездных учреждениях // РГИА. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 23. Л. 151.

[55] Там же. Л. 151 об.

[56] Докладная записка невельского уездного исправника // РГИА. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 292. Л. 205.

для которых исполнение обязанностей… не мыслимо»[57]. При этом «бесполезные люди» обходились крестьянам не так дешево, поскольку им выплачивалось из сборов «средним числом по 37 руб. на сотского и по 22 руб. на десятского»[58]. В Минской губернии

> сельские общества, как бы сознавая бесполезность сотских и десятских, избирают или нанимают в эти должности самых бесполезных членов общества, обремененных недоимками, бобылей или бездомных нижних чинов, вынужденных служить за ничтожную плату[59].

Сохранение положения, при котором «правительство так и не решилось отказаться от натуральной повинности при комплектовании низшего звена полиции – сотских и десятских», в основном объясняется отсутствием «в казне средств»[60].

После 17 февраля 1863 г. кардинально не пересматривалось и жалование чинов отделений городской полиции. Вместе с тем в течение 1863–1864 гг. в городских полицейских управлениях белорусских губерний было немного повышено жалование отдельных полицейских чиновников, увеличены расходы на содержание канцелярий, введены дополнительные должности. Это удалось сделать по инициативе виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева с целью улучшения материального обеспечения полиции путем перевода полицейских управлений в более высокий разряд: Гродно, Витебск, Динабург, Минск и Могилев – в первый разряд; Бобруйск и Брест – во второй разряд. 25 февраля 1864 г. было учреждено Полоцкое Городское полицейское управление сразу во втором разряде, 6 февраля 1864 г. появилось городское полицейское управление третьего разряда в Пинске, а в Белостоке 11 апреля 1864 г. открылось городское полицейское управление второго разряда.

В отличие от чинов уездной полиции, ограниченность материального обеспечения служащих городской полиции дала о себе знать уже к концу 60-х гг. XIX в. В частности, оценивая в 1868 г. в Комитете министров проект нового устройства виленской городской полиции, санкт-петербургский обер-полицмейстер генерал-адъютант Ф.Ф. Трепов самой уязвимой стороной

[57] Донесение виленского губернатора от 29 августа 1870 г. в Комиссию о губернских и уездных учреждениях // РГИА. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 23. Л. 25.

[58] Там же.

[59] Донесение минского губернатора от 1 сентября 1870 г. в Комиссию о губернских и уездных учреждениях // РГИА. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 23. Л. 522.

[60] *Тот Ю.В.* Реформа уездной полиции Александра II // Вып. 4: Эпоха Великих реформ: история и документальное наследие, ч. 2: сборник научных трудов / под редакцией Н.В. Дунаева, С.Г. Кащенко. Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2019. С. 83.

проектируемых преобразований считал материальное обеспечение полицейских. По его словам,

> назначены чиновникам полиции столь скудные оклады содержания, что они не приведут без сомнения ни к улучшению состава должностных лиц, ни к исправлению самого способа отправления полицейской службы[61].

Реформатор санкт-петербургской полиции указал на то, что «экономические условия жизни в Вильне весьма немного разнятся от Петербурга, по сему очевидно, что назначенные оклады содержания» полицейских чиновников «недостаточны для самого скромного существования этих лиц»[62]. Например, Ф.Ф. Трепов предлагал жалование частного пристава увеличить в 2 раза (с 600 до 1200 руб.), помощников пристав в 1,88 раз (с 400 до 750 руб.). Однако замечания генерал-адъютанта не были учтены при утверждении новых штатов Виленского ГПУ[63]. Не отличалась в лучшую сторону ситуация с обеспечением чиновников полиции и в прочих городских управлениях. Так, в своем представлении от 6 марта 1874 г. на имя министра внутренних дел витебский губернатор П.Я. Ростовцев указывал на то, что

> ограниченное содержание полицейских чиновников, при значительной дороговизне жизни в Динабурге, непосильном труде, ответственности и значительности расходов на содержание канцелярий и разъезды по городу – делают особенные затруднения в выборе способных и честных людей в полицейские должности[64].

В целях исправления ситуации начальник губернии предлагал увеличить содержание полицеймейстера с 1500 до 2000 руб. для обеспечения ему возможности «безбедного существования»[65]. В свою очередь, частным приставам, помимо штатных окладов, он испрашивал «прибавить на расходы по канцелярии, разъезды по городу и другие, непредвиденные, но тем не менее неизбежные при исполнении полицейских обязанностей расходы» по 300 руб. Однако Министерство финансов отказалось выделить из бюджета деньги на улучшение материального содержания. Чуть раньше в рапорте на имя министра внутренних дел от 26 октября 1872 г. могилевский губернатор

[61] Мнение генерал-адъютанта Трепова по делу о преобразовании Виленской городской полиции // ЛГИА. Ф. 378. Оп. 75. Д. 24. Л. 182.

[62] Там же. Л. 182–183.

[63] ПСЗ-II. Т. XLIII. Отделение второе. № 46114. С. 67–68.

[64] Представление витебского губернатора от 6 марта 1874 г. // РГИА. Ф. 1286. Оп. 35. Д. 11. Л. 1–1 об.

[65] Там же. Л. 1 об.

А.С. Дембовецкий отмечал, что достаточно сложно найти желающих занять должность полицеймейстера в губернском городе в силу «ничтожности получаемого им содержания – всего 1200 руб., при дороговизне жизни губернского города»[66]. По крайней мере, исправники – начальники уездных полицейских управлений – получали до 2000 руб., поэтому предпочитали уклоняться от перевода на полицеймейстерскую должность.

В итоге к концу правления Александра II реальное материальное положение чиновников городской полиции в белорусских губерниях ухудшилось. В этом отношении показательна ситуация в крупнейшем полицейском управлении Западного края – Виленском ГПУ. Так, в отзыве виленского губернатора Е.П. Стеблин-Каменского от 14 сентября 1881 г. констатировалось, что

> за ныне полагаемые оклады в таком большом городе как Вильно невозможно иметь сколько-нибудь соответствующих своему назначению ни участковых приставов и их помощников, ни околоточных и городовых[67].

Так, частному приставу для найма квартиры и при ней канцелярии в Вильно «надобно не менее 500 руб. каждому», на содержание канцелярии, т.е. найм писцов и канцелярские принадлежности – тоже в среднем 500 руб. При этом в каждом участке приходилось нанимать трех писцов на жалование в 120 руб. в год каждому, причем за такое содержание наем «едва возможен при настоящем условии существования, т.е. при дороговизне жизни, припасов и в особенности квартир». Однако приставам на квартирные (300 руб.) и канцелярские (300 руб.) нужды выплачивалось всего 600 руб. В итоге общее содержание виленского частного пристава составляло 1200 руб., что с действительными расходами на наем квартиры и содержание канцелярии приблизительно в 1000 руб., оставляло приставу на собственные расходы 200 руб. в год. В результате оставалось задаваться риторическим вопросом

> на какой счет должны содержаться он сам и его семейство, а также где [брать] средства на покупку одежды и обязательные расходы по разъездам во время еженедельных суточных дежурств по городу[68].

Виленский губернатор констатировал, что преобразование виленской городской полиции окажется обреченным на неудачу без надлежащего материального содержания, поскольку

---

[66] Представление могилевского губернатора от 26 октября 1872 г. // РГИА. Ф. 1286. Оп. 33. Д. 53. Л. 2 об.

[67] Отзыв виленского губернатора от 14 сентября 1881 г. // РГИА. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 132. Л. 7.

[68] Там же. Л. 14.

> полицейские чиновники должны быть на столько обеспечены, чтобы не находиться в нужде и за свой служебный труд иметь достаточные средства к содержанию себя и своих семейств[69].

Размер жалования нижних чинов городских полиций в белорусских губерниях в конце 70-х гг. XIX в. не был одинаковым. Старшему околоточному надзирателю в Виленском ГПУ выплачивалось 162 руб. 42 коп., а младшим надзирателям – 114 руб. 42 коп. Такое жалование расценивалось как недостаточное. Так, виленский губернатор Е.П. Стеблин-Каменский считал, что

> столь ограниченное содержание не может привлечь на эту службу людей достаточно развитых и способных, а потому большая часть околоточных надзирателей поступают из отпускных и отставных нижних чинов малограмотных и не на столько развитых, насколько требует их служебная деятельность[70].

В свою очередь околоточные надзиратели Гродно вознаграждались в размере 180 руб. Такое же содержание выплачивалось в Белостоке, Кобрине и Бельске. Однако в Бресте жалование удалось поднять до 200 руб., а в Слониме оставался самый низкий оклад – 164 руб.

Если говорить о содержании самой массовой категории нижних чинов – городской полиции, то к моменту вступления на трон императора Александра II все чины городских полицейских команд комплектовались путем перевода из батальонов внутренней стражи нижних чинов II разряда. Для нижних чинов, служивших в белорусских губерниях, предусматривались следующие оклады: старшим унтер-офицерам платили 12 руб., младшим – 9 руб., а рядовым – по 4 руб. 50 коп., т.е. по низшему разряду[71]. С 1864 г. обязанность пополнения кадрами полицейских команд стала возлагаться на местные войска, т.е. резервные войска (резервный батальон) и войска внутренней службы (губернский батальон, уездные команды при наличии). Однако оклады чинов полицейских команд не менялись в сторону повышения. Например, в 1867 г. город Динабург (Витебская губерния) тратил на содержание одного «полицейского солдата» в год «71 руб. и унтер-офицера в 76 руб. в год»[72]. По

[69] Отзыв виленского губернатора от 14 сентября 1881 г. // РГИА. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 132. Л. 25.

[70] Представление виленского губернатора от 29 октября 1874 г. // ЛГИА. Ф. 378. Оп. 82. Д. 152. Л. 2.

[71] Ведомость утвержденным 6 августа 1859 г. штатам полицейских и пожарных для городов команд // РГИА. Ф. 1286. Оп. 14. Д. 565. Л. 69 об.–70, 72–73, 77 об.–78.

[72] Рапорт витебского губернатора от 11 июля 1867 г. // РГИА. Ф. 1286. Оп. 27. Д. 1369. Л. 8.

Могилевской губернии складывалась приблизительно такая же годовая стоимость обеспечения нижнего чина: 4 руб. 50 коп. жалования, 18 руб. 25 коп. на провиант и 51 руб. 89 коп. на одежду от белья до зимнего полушубка и элементов экипировки[73].

Циркуляром Министерства внутренних дел от 14 марта 1868 г. полицейские команды предписывалось переводить на начала вольного найма, а с 4 июля 1873 г. был окончательно утвержден порядок, согласно которому комплектование полицейских команд повсеместно переводилось исключительно на вольнонаемный принцип, причем его реализация везде шла с трудом[74]. С переходом на вольный найм с конца 60-х – начала 70-х гг. XIX в. жалование городовых различалось от города к городу. Так, городовые Виленского ГПУ получали 78 руб. 42 коп. в год или 6 руб. 53 коп. в месяц. Рассыльным при участках выплачивалось еще меньше – 66 р. 42 коп. А городовые Гродненского ГПУ с 1872 г. получали жалование в 144 руб. в год, т.е. 12 руб. ежемесячно. В целом по Гродненской губернии в 1881 г. городовые получали аналогичный оклад только в Белостоке и Бресте, а в прочих уездных городах им начисляли 120 руб. Гродненский губернатор Н.М. Цеймерн признавал, что содержание нижних чинов таково, что

> приискать на должность городового честного, расторопного, трезвого и хотя немного грамотного человека крайне затруднительно[75].

Например, по расчетам губернатора, годового жалования в размере 144 руб. хватало на найм квартиры с отоплением и освещением (24 руб.), питание (72 руб.), белье (5 руб.), одежду (28 руб.), обувь (8 руб.) и мелкие расходы (3 руб.). В результате «получаемого городовым содержания едва лишь хватает на удовлетворение самых необходимых потребностей», но при этом «семейному человеку на должности городового служить невозможно»[76].

Ситуация с материальным обеспечением городовых в Витебской губернии негативно сказывалась на комплектовании штатов. Так, в донесении витебского губернатора П.Я. Ростовцева от 10 сентября 1871 г. указывалось на то, что «лучшие и способные» вольнонаемные витебской полицейской команды из числа отставных нижних чинов с жалованием в 8 руб. в месяц, «приискав себе

[73] Штат полицейских команд в уездных городах Могилевской губернии // ЛГИА. Ф. 378. Оп. 73. Д. 26. Л. 117–117 об.

[74] *Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С.* Полиция Российской империи. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. С. 173.

[75] Отзыв гродненского губернатора от 5 сентября 1881 г. // РГИА. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 132. Л. 237.

[76] Там же. Л. 237, 240.

выгоднейшие места, оставили должности полицейской службы»[77]. Найти им замену представляло значительную сложность в силу того, что заработок на строительстве железных дорог, сплаве леса по Западной Двине или на работах «по сельскому хозяйству»[78] был выше. В своем рапорте от 24 мая 1872 г. витебский губернатор уведомлял Департамент исполнительной полиции о том, что

> железные дороги и увеличившаяся плата за земледельческий труд отвлекли более надежных людей и поставили в необходимость наполнять полицию людьми нетрезвого поведения и сомнительной нравственности, которые при отсутствии служебной ответственности, как у военнослужащих, и при небольшом содержании относятся к своему делу с возмутительною небрежностью, не дорожат своею службою и готовы во всякое время… оставить место служения[79].

В 1878 г. городовые городских полицейских управлений Витебской губернии получали следующее жалование: в Витебске – 125 руб., в Динабурге – 120 руб., в Полоцке – 96 руб.[80]. В отношении от 12 сентября 1881 г. витебский губернатор В.В. фон Валь констатировал, что в среднем городовой по губернии получал от 8 до 10 рублей в месяц «на собственном продовольствии». Однако такое содержание

> превышает всякий другой заработок или службу, вследствие чего сказанные команды по необходимости комплектуются или людьми неспособными к полицейской службе или же такими, которые поступают сюда на самое короткое время до приискания других с более выгодным содержанием занятий[81].

В Минской губернии в конце 70-х гг. XIX в. городовой губернского города получал жалованье в 96 руб., а старший городовой – 144 руб. (правда, таковых оказалось всего 3 чина), городовой в Бобруйске – 91 руб. 50 коп., в Пинске –

[77] Рапорт витебского губернатора от 10 сентября 1871 г. // РГИА. Ф. 1286. Оп. 27. Д. 1369. Л. 25 об.

[78] Там же. Л. 26.

[79] Рапорт витебского губернатора от 24 мая 1872 г. // РГИА. Ф. 1286. Оп. 27. Д. 1369. Л. 37 об.

[80] Ведомость о составе городских полицейских команд и о расходах на их содержание к 1 июля 1878 г. по Витебской губернии // РГИА. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 67. Л. 7 об.

[81] Отзыв витебского губернатора от 12 сентября 1881 г. // РГИА. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 132. Л. 193.

84 руб. в год, т.е. всего 7 руб. в месяц[82]. Городовые Могилевского ГПУ получали разное жалование в зависимости от порядка комплектования. Те, кто в 70-х гг. все еще находился на действительной службе, получали в зависимости от должности: городовой – 98 руб. 64 коп., старший городовой – 103 руб. 14 коп. Однако вольнонаемные соглашались на службу при жаловании в 154 руб. 14 коп.[83] Такой минимум оплаты был мотивирован состоянием рынка труда. В частности, Гомельская Городская дума 28 августа 1872 г. отмечала, что при месячной оплате вольнонаемного полицейского в 6 руб. 39 коп. и при росте цен в

> рабочем классе встречается большой недостаток, всякий свободный человек бросается на заработки более выгодные, в особенности в местах, где строятся железные дороги[84].

Могилевский губернатор А.С. Дембовецкий в 1881 г. отмечал, что в зависимости от городских доходов размер жалования вольнонаемных чинов команд в губернии колебался от 76 до 160 рублей в год. С учетом того обстоятельства, что поденная плата составляла от 30 до 50 коп, а прислуга зарабатывала от 10 до 15 руб. в месяц, возможность найти желавших служить в полицейской команде появлялась лишь там, где годовая плата оказывалась выше 120 рублей.

При рассмотрении вопроса о материальном обеспечении чиновников полиции в белорусских губерниях невозможно обойти стороной вопрос о чрезвычайных выплатах вследствие польского восстания 1863–1864 гг. В частности, 5 марта 1864 г. был принят указ, согласно которому генерал-губернатор М.Н. Муравьев получил право выплачивать по своему усмотрению «благонадежным русским полицейским чиновникам» денежное пособие в размере до 50 % от всего их содержания. Все чиновники Министерства внутренних дел, в том числе и полиции, получали прогоны вне зависимости от расстояния до места будущей службы и подъемные деньги[85]. Однако достаточно быстро выявилась ограниченность этих надбавок. Так, в своем всеподданнейшем отчете об управлении краем за 1868–1870 гг. виленский генерал-губернатор А.Л. Потапов констатировал, что сумма прогонных и подъемных денег «едва достаточна для возмещения издержек по переезду и

[82] Ведомость о составе городских полицейских команд // РГИА. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 75. Л. 10б об.

[83] Ведомость о составе могилевской городской полицейской команды и расходах на содержание оной к 1 июля 1878 г. // РГИА. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 77. Л. 5.

[84] Рапорт могилевского губернатора от 11 февраля 1872 г. // РГИА. Ф. 1286. Оп. 27. Д. 1387. Л. 27 об.

[85] ПСЗ-II. Т. XXXIX. Отделение первое. № 40655. С. 203–204.

устройству здесь домашнего быта»[86]. Источником дополнительного финансирования полицейских чиновников являлись сборы с помещичьих имений. Поскольку этот источник материального стимулирования полиции ставился в зависимость от контрибуционных сборов, которые в принципе имели временный характер, то неизбежно вставал вопрос о перспективах таких выплат.

С учетом этого обстоятельства 21 ноября 1869 г. были утверждены «Правила о назначении и производстве процентной прибавки к содержанию и пособий чиновникам русского происхождения, служащим в западных губерниях»[87]. Согласно новым правилам, полицейским чинам, переходившим на службу в белорусские губернии с 1870 г., прекращались вообще выплаты, поскольку надбавка и пособия выплачивались лишь тем, кто получал «содержание из средств государственного казначейства»[88]. Введение в действие указа привело к тому, что попытка установления генерал-губернатором доплат чинам полиции Виленской губернии за 1870 г. потребовала рассмотрения на уровне Комитета министров. Генерал-губернатор А.Л. Потапов, апеллируя к букве закона, требовал утверждения со стороны Министерства внутренних дел списка на доплаты для тех чиновников общей полиции, кто прибыл на службу в край еще до 1870 г., а значит, имел право на назначенные им прежде процентные надбавки, хотя до 1870 г. и не служил на полицейских должностях, или был переведен в 1870 г. с одной полицейской должности на другую. При этом помимо правовой аргументации, начальник края не преминул заметить, что из «внутренних губерний почти уже никто не прибывает на места, дающие содержания менее 1000 рублей»[89].

Согласно правилам, утвержденные прежде надбавки сохранялись за чиновниками до их отбытия из края, причем в случае любых должностных перемещений, в том числе и повышений, за ними сохранялась выплата, назначенная в зависимости от их прежнего оклада. В случае пересмотра штатов в сторону увеличения окладов надбавка не пересчитывалась. В отношении вновь прибывавших на службу в губернии Западного края предусматривался иной порядок начисления процентов к жалованию. Вместо общих выплат генерал-губернатор по представлению губернаторов и прочих высших должностных лиц получил право назначать чиновникам «русского происхождения», имеющим отличия по службе, процентные надбавки или

[86] Отчет Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора за 1868, 1869 и 1870 г. // РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 46. Л. 110.

[87] ПСЗ-II. Т. XLIV. Отделение второе. № 47700. С. 305–307.

[88] ПСЗ-II. Т. XLIV. Отделение второе. № 47700. С. 307.

[89] О выдаче пособий взамен процентной прибавки полицейским чиновникам в Северо-Западном крае // РГИА. Ф. 1263. Оп. Алф. Д. 3539. Л. 4.

пособия. Однако окончательное решение об утверждении денежных выплат оставалось за соответствующим министерством. Характерно, что на канцелярских служителей не распространялось начисление надбавок. По всей видимости, пересмотр выплат для чиновников в сторону уменьшения был обусловлен тем, что правительство планировало в ближайшее время сократить размер процентного сбора с польских землевладельцев западных губерний. В частности, по указу от 31 декабря 1870 г. во всех губерниях Северо-Западного края, а также в Витебской и Могилевской губерниях, процентный сбор сокращался вдвое, что, несомненно, ограничивало источники финансирования чиновничества[90].

В любом случае размер доплат для полицейских чиновников оказался в последующем незначительным. Так, согласно расчетам виленского генерал-губернатора П.П. Альбединского, в общем расходе суммы процентного сбора в размере 349 939 руб. с Виленской, Гродненской и Ковенской губерний на пособие полицейским чиновникам ежегодно выделялось 11 077 руб., т.е. всего 3 %[91]. В Минской губернии на выплату пособия полицейским чиновникам вместо процентной прибавки за первую половину 1878 г. расходовалось всего 800 руб.[92], а сами деньги получали лишь 4 чиновника. Очевидно, что такие выплаты не могли массово обеспечивать каких-либо заметных материальных доплат полиции.

Заключение

Таким образом, в результате преобразования местных полицейских учреждений в 1862 г. был повышен уровень денежного содержания чинов полиции. Польское восстание 1863 г. не оказало какого-либо влияния на штатное жалование чиновников городских и уездных полицейских управлений в белорусских губерниях, которое проектировалось на тех же основаниях, что и в прочих европейских губерниях империи. Вместе с тем улучшение материального обеспечения с самого начала не имело радикального характера, отчасти компенсируя рост цен и инфляцию, и лишь на непродолжительное время снизило проблему несоответствия размера жалования уровню служебной ответственности и объему административной и правоохранительной деятельности. В последующем размер жалования классных чиновников в белорусских губерниях практически не пересматривался вплоть до конца правления императора Александра II. В результате уже к концу 60-х гг. XIX в. для классных чиновников городской полиции отдельных городов белорусских

[90] ПСЗ-II. Т. XLV. Отделение второе. № 49091. С. 631–632.

[91] О процентном сборе в 9-ти Западных губерниях империи // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 4100. Л. 166.

[92] Ведомость // НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 3272. Л. 4.

губерний материальное вознаграждение стало признаваться недостаточным. Во всех губерниях края материальное обеспечение нижних чинов городской полиции считалось местной администрацией неудовлетворительным.

Значительно хуже обстояло дело с содержанием выборных чинов сельской полиции: сотских и десятских, для которых полицейские обязанности были повинностью либо без какой-либо оплаты, либо за ничтожное и несоразмерное затраченным ресурсам вознаграждение. Это фактически лишало уездные полицейские управления дееспособных нижних чинов. Особенностью белорусских губерний являлось существование подчиненной становым приставам должности тысячских, которым с 1868 г. стало на систематической основе выплачиваться незначительное жалование. Сменившим их с 1878 г. полицейским урядникам были назначены оклады, которые, по крайней мере, в самом начале учреждения этой должности в составе уездной полиции можно признать относительно высокими для нижних чинов полицейских управлений. В целом материальное положение чиновников уездной полиции в силу обстоятельств их проживания в сельской местности было более выгодным по сравнению с сотрудниками городских полицейских управлений. Возможность повышения жалования чинам полиции в белорусских губерниях за счет контрибуционных сборов с целью привлечения на службу сотрудников из внутренних губерний или стимулирования местных чинов имела кратковременный характер, причем с самого начала данной практики чины общей полиции могли рассчитывать лишь на выборочное применение этой меры.

В итоге к концу 70-х гг. XIX в. жалование чинов полиции расценивалось местной администрацией как низкое. В частности, виленский генерал-губернатор П.П. Альбединский в своем отчете за 1874–1877 гг. писал о

> недостаточности содержания полицейских чиновников, далеко не дающего того материального обеспечения, на которое они имеют право, как ближайшие пред населением представители правительственной власти[93].

С самого начала 60-х гг. XIX в. постепенно нарастал разрыв между новыми штатными окладами полицейских чиновников и возможностью поддерживать приемлемый уровень жизни, что превращало полицию в малопрестижный вид государственной службы.

[93] Всеподданнейший отчет Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора генерал-адъютанта Альбединского по управлению краем за 1874, 1875, 1876 и 1877 годы // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 16. Д. 51. Л. 98.

Introduction

Present-day Russian historiography has repeatedly noted insufficient funding of the general police at the local level in the post-reform period. In particular, in his fundamental study of the government's activities to reform the uyezd police, Yu. Tot stated that "the financial support of police officers was inferior to the financial support of other officials of the local administration."[1] Despite a negative impact on the staffing of the police, "the salaries of police officials were slightly increased only twice in the 19th century: in 1837 and 1862."[2] Police historian A. Borisov assessed the situation even more judgmentally, noting that in 1862 "the salaries of police officers were slightly increased, but still remained lower than the salaries of other uyezd and governorate officials."[3] The rejection of all attempts to increase funding made by the Ministry of Internal Affairs did not allow one of the main tasks of the police reform – to improve the personnel of police officers – to be solved."[4]

In their dissertation research, a number of authors who studied the structures of the executive police using individual governorates or entire regions of the empire as examples also noted the relatively low level of financial support for police officials during the era of the Great Reforms and the post-reform period. For example, when describing the financial situation of police officials in Simbirsk Governorate, Yu. Sysuev noted that "the financial well-being of police officers of lower and middle ranks did not grow at a fast pace."[5] As a result, "it was the insignificant salaries that became the reason why uyezd police officers could not select people to serve in the police force according to their desires and capabilities to perform the duties assigned to them in the best possible way."[6] Other researchers came to similar conclusions when analyzing financial situation of different categories of police officials in the governorates of Irkutsk Governorate General,[7] Tobolsk,[8] Ufa,[9]

[1] Yu.V. Tot, "Reform of the Uyezd Police in the Government Policy of Russia in the 19th Century" [in Russian] (Doctoral thesis, St Petersburg State University, 2003), 33.

[2] Tot, "Reform of the Uyezd Police," 33.

[3] A.V. Borisov, "Problems of Reforming the Police of the Russian Empire in the Late 1860s – Early 1980s" [in Russian], *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, no. 1 (2013): 79.

[4] Borisov, "Problems of Reforming the Police of the Russian Empire," 79.

[5] Yu.B. Sysuev, "Police of Simbirsk Governorate in the Second Half of the 19th Century" [in Russian] (PhD diss., National Research Mordovia State University, 2002), 239.

[6] Sysuev, "Police of Simbirsk Governorate," 240.

[7] T.V. Shitova, "Police in the Administrative Law Enforcement System of Siberia in the 19th – Early 20th Centuries" [in Russian] (PhD thesis, Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2002, accessed May 20, 2023, https://www.dissercat.com/content/politsiya-v-administrativno-pravookhranitelnoi-sisteme-sibiri-v-xix-nachale-xx-vv

[8] P.A. Sungurov, "The Police of Tobolsk Governorate in 1867–1917" [in Russian] (PhD thesis, University of Tyumen, 2014), 21.

Orenburg,[10] Kursk,[11] and Vyatka.[12] Independently of them, American historian R. Abbott expressed a similar opinion in his article on police reforms in Yaroslavl Governorate, pointing to the opinion of the local administration that the salaries increased in 1862 would soon cease to fulfill the task of attracting competent officials to the service.[13] Noting the threefold increase in salaries in 1862 in his summarizing work *Policemen of the Tsar: Local Police in an Age of Upheaval*, R. Abbott stated that the immutability of salaries established during the reign of Emperor Alexander II led to negative consequences in the form of "staff turnover" in the 1870s. This tendency was especially strong among the lower ranks of the police. As a result, "the government's failure to raise salaries to a level that could attract capable recruits was accompanied by an inability to convince those already in service to serve long enough to benefit from their experience."[14]

Along with similar opinion of a number of scientists, other researchers adhere to more optimistic assessments of the salaries of the local police in the post-reform period. For example, based on the results of her study of the police in Kursk Governorate, historian N. Gorlova asserted that "financial and moral incentives allowed for some improvement in the police personnel in the governorate and also provided more decent living conditions for policemen and their family members."[15] A similar conclusion was reached by the researcher of the police of Penza Governorate O. Lazareva, who noted that throughout the 19th century "the financial well-being of the police grew, and not only among the middle ranks but also among

[9] A.S. Masalimov, "Court and Police Reforms in Russia in the 1860s–1890s: A Case Study of Ufa Governorate" [in Russian] (PhD thesis, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2000), accessed May 12, 2023, https://www.dissercat.com/content/reformy-suda-i-politsii-rossii-60-90-kh-godov-xix-veka-na-materialakh-ufimskoi-gubernii

[10] E.P. Sichinskii, "Formation of Police in the Southern Urals: The Last Quarter of the 18th – Early 20th Centuries" [in Russian] (Doctoral thesis, Chelyabinsk State University, 2006), 44.

[11] E.I. Stepanova, "Evolution of the Uyezd Police Activities of Kursk Governorate in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries" [in Russian] (PhD thesis, Kursk State University, 2012), 19.

[12] S.A. Trushkov, "Administrative Police Bodies of Vyatka Governorate in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries" [in Russian] (PhD thesis, Udmurt State University, 2001), accessed May 22, 2023, https://www.dissercat.com/content/administrativno-politseiskie-organy-vyatskoi-gubernii-vtoroi-poloviny-xix-nachala-xx-vv

[13] R.J. Abbott, "Police Reform in the Russian Province of Iaroslavl, 1856–1876," *Slavic Review*, vol. 32, iss. 2 (1973): 301, https://doi.org/10.2307/2495964

[14] R.J. Abbott, *Policemen of the Tsar: Local Police in an Age of Upheaval* (Budapest; Vienna; New York: Central European University Press, 2022), 115.

[15] N.I. Gorlova, Police of the Russian province in the 19th century: on the example of Kursk Governorate [in Russian], PhD thesis (Kursk: Kursk State University, 2005), accessed May 16, 2023, https://www.dissercat.com/content/politsiya-rossiiskoi-provintsii-v-xix-veke-na-primere-kurskoi-gubernii

the lower ranks."[16] With some reservations, that trend in the provision of the Pskov city police was noted by A. Sedunov.[17] During a study of the financial situation among police officials in Vyatka Governorate, historians S. Egorov and S. Trushkov expressed the opinion that "for the majority of police officials, the 1860s and 1870s were a period of relative financial well-being."[18] However, they noted that even when receiving new salaries, "the lower-ranking officials who had families suffered from considerable financial difficulties, and the families of clerks and police department registrars (67% of those officials were married) were actually below the poverty line."[19]

The existence of some discrepancies in the assessments of financial support for general police officers necessitates the use of additional data. In this regard, analysis of the financial situation of uyezd and city police officers in the Belarusian governorates in the 1860s–1880s is of interest, since the financial support of the police in this region of the empire has not been specifically examined in either Russian or foreign historiography.

Main body

On the eve of the police reforms of 1862, the financial support of the general police officers in the Belarusian governorates was repeatedly assessed by representatives of the local administration as unsatisfactory. In particular, in his report as of December 10, 1860, Vitebsk Governor A. Ogolin reported to the Minister of Internal Affairs S. Lanskoi the difficult financial situation of the city police, citing as evidence the following data on the annual maintenance of the police in the governorate city of Vitebsk:

> police chief, 321 roubles 20 kopecks; precinct chief of police, 172 roubles 90 kopecks; district policeman, 114 roubles 30 kopecks; and in other cities, policeman, 280 roubles 20 kopecks and district policeman, 42 roubles 80 kopecks per year.[20]

[16] O.V. Lazareva, "Provincial Police in the Late 18th – Early 20th Centuries: A Case Study of Penza Governorate" [in Russian] (PhD thesis, National Research Mordovia State University, 2000), accessed May 26, 2023, https://www.dissercat.com/content/provintsialnaya-politsiya-v-kontse-xviii-nachale-xx-v-po-materialam-penzenskoi-gubernii

[17] A.V. Sedunov, *A Governorate Policeman: History of the Pskov City Police in the 19th – Early 20th Centuries* [in Russian] (Pskov: Pskovskaya oblastnaya tipografiya, 2004), 113.

[18] S.G. Egorov, and S.A. Trushkov, "Police Personnel and Practices in Vyatka Governorate in the Post-reform Era" [in Russsian], *Voprosy Istorii*, iss. 6 (2020): 136, https://doi.org/10.31166/voprosyistorii202006statyi08

[19] Egorov, and Trushkov, "Police Personnel and Practices in Vyatka Governorate," 136.

[20] "Raport vitebskogo gubernatora ministru vnutrennikh del ot 10 dekabrya 1860 g." [Report of the Vitebsk Governor to the Minister of Internal Affairs as of December 10, 1860]. F. 1286,

The funds for maintaining the offices were so small that having 74 roubles 28 kopecks on hand for office expenses, precinct chiefs of police could not hire even "one decent scribe."[21] The governor stated:

> With such insignificant resources, despite all my efforts, it is completely impossible to fill city police positions with conscientious and capable people.[22]

In his report for 1862 submitted to the emperor, he claimed that it was still impossible "to find officials for the city police, due to their meager pay."[23] The Vitebsk Governor was not alone in making such assessments. For example, in his report for 1862, Minsk Governor A. Kozhevnikov explained he shortcomings of city police officials by "the meager pay they received."[24] In his dispatch to Vilna Governor-General V. Nazimov as of December 19, 1862, A. Kozhevnikov expressed himself more definitely. He claimed that the state of police officials and especially city police officials truly aroused compassion because

> the salaries they receive are so insignificant that not only do they not provide them with a comfortable life, but they are not even sufficient for their daily, most meager, food.[25]

That explains the bribery among police officials, which was "the subject of justifiable criticism from everywhere."[26] Grodno Governor I. von Haller also noted that due to "the very meager salaries, received untimely due to the lack of city revenues," the police was "in a very unsatisfactory state."[27] The financial situation of the officials of the zemstvo police was hardly any better. In his letter of January 9, 1863, the Grodno Governor wrote to Minister of Internal Affairs P. Valuev about

op. 21, d. 1090, l. 6 ob. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

[21] Ibid., l. 7.

[22] Ibid., l. 7 ob.

[23] "Otchet nachal'nika Vitebskoi gubernii za 1862 god" [Account of the Head of Vitebsk Governorate for 1862]. F. 1263, op. 1, d. 3026, l. 480. RGIA.

[24] "Otchet nachal'nika Minskoi gubernii za 1862 god" [Account of the Head of Minsk Governorate for 1862]. F. 1263, op. 1, d. 3029, l. 277. RGIA.

[25] "Donesenie minskogo grazhdanskogo gubernatora Vilenskomu voennomu gubernatoru i general-gubernatoru Grodnenskomu, Kovenskomu i Minskomu ot 19 dekabrya 1862 g." [Dispatch of the Minsk Civil Governor to the Vilna Military Governor and Governor-General of Grodno, Kovno and Minsk as of December 19, 1862]. F. 378, op. 71, d. 18, l. 9. Litovskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Lithuanian State Historical Archives] (LGIA), Vilnius, Lithuania.

[26] Ibid.

[27] "Otchet nachal'nika Grodnenskoi gubernii za 1862 god" [Account of the Head of Grodno Governorate for 1862]. F. 1263, op. 1, d. 3030, ll. 107–108. RGIA.

the officials of the uyezd police as people "with extremely limited salaries and with strong financial support from the nobility."[28] On the whole, the Commission on Uyezd and Governorate Institutions was forced to admit that throughout the empire "the salaries of the officials of the zemstvo police, given the existing prices, obviously did not meet the most modest needs."[29] In practice, this meant that

> of all 1227 district police officers, of course, there will be several dozen and, perhaps, several hundred people who do not permit themselves to practice extortion, but it is unlikely that there are many who would not use voluntary donations, for example, from drinking tax farming, from the patrimonial landowners' offices, etc.[30]

A comparison of staffing of police departments approved for the Belarusian governorates by the Ministry of Internal Affairs on February 17, 1863 with the salaries of city and uyezd police officials on the eve of the police reforms shows that a raise of salaries did indeed take place. It is also significant that despite the January Uprising of 1863, salaries in the police of the Belarusian governorates were no different from the established salaries in other governorates of the empire. However, noteworthy is the discrepancy in the assessments of this increase in historiography, ranging from insignificant to significant. It appears that the reason for this difference in opinion is that some researchers take into account the financial crisis in the 1850s and 1860s, associated with the depreciation of banknotes and rising prices, while others, on the contrary, do not pay attention to this economic context. In reality, the depreciation of the banknote reached 20% in 1858, and "the rise in prices reached 75% and more."[31]

If we proceed from the official exchange rate of the silver rouble for credit notes in 1862, it turns out, for example, that the salary of a police officer was approximately 466 roubles in banknotes; of a district police officer, 310.8 roubles; of a secretary, 186.48 roubles. In turn, according to the new staff lists of the uyezd police from February 17, 1863, the police officer was given a salary of 1,500 roubles; his assistant, 1,000 roubles; a district police officer, 600 roubles and 300 roubles for office expenses; a secretary, 400 roubles; a clerk and a registrar,

[28] "Pis'mo grodnenskogo gubernatora ministru vnutrennikh del ot 9 yanvarya 1863 g." [Letter from the Grodno Governor to the Minister of Internal Affairs as of January 9, 1863]. F. 908, op. 1, d. 121, l. 119. RGIA.

[29] *Transactions of the Commission on Uyezd and Governorate Institutions* [in Russian], pt. 1, *Uyezd Institutions*, bk. 2, *Explanatory Notes* (St Petersburg, 1860), 53.

[30] *Transactions of the Commission on Uyezd and Governorate Institutions*, pt. 1, bk. 2, 54.

[31] A.I. Malyshev, V.I. Tarankov, and I.N. Smirennyi, *Paper Banknotes of Russia and the USSR* [in Russian] (Moscow: Finansy i statistika, 1991), 45.

200 roubles each. Police officers of the uyezd police were paid 600 roubles and 200 roubles for office expenses; their assistants, 400 roubles. Police wardens of the 1st and 2nd categories were content with a salary of 400 roubles, but they were reimbursed for office expenses, 150 and 100 roubles, respectively. Comparison of pre-reform salaries with the new ones allowed some historians to claim that there was a sharp increase (2.1–3.2 times) in the salaries of the class ranks of the uyezd police. If we talk about the salaries of class officials of city police departments, their salaries were also significantly increased. Police chiefs of city departments of the 1st (Vilna), 2nd (all other governorate cities), and 3rd (Brest, Bobruisk, Dinaburg) categories were assigned a salary of 1,500, 1,200 and 1,000 roubles respectively; bailiffs, 600 roubles; but depending on the rank, they were supposed to get from 300 to 100 roubles for office expenses; district superintendent assistants, 400 roubles; secretaries, from 600 to 400 roubles. This also made it possible to increase the salaries of city police officers by 2–3.5 times, and even almost 4 times for some positions.

However, such a significant increase turned out to be nominal rather than actual. It is no coincidence that Minister of Internal Affairs P. Valuev in his report for 1861–63 submitted to the emperor stated that the new police salaries

> cannot be considered sufficient to fully reward the service of police officials, often very difficult, and to prevent or eliminate the extraction of illegal income from the performance of their duties.[32]

At the same time, the developed salary schedules did not reflect the peculiarities of "different local costs of satisfying basic needs."[33] A historical review by E. Anuchin, an official for special assignments under the Minister of Internal Affairs stated that although they were "significantly increased if compared to the previous ones," still

> the salaries for police officers, both in themselves and, especially, in comparison with the salaries of corresponding officers in all other departments, seemed so meager[34]

[32] *Extract from the Report of the Minister of Internal Affairs for 1861, 1862, and 1863* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1865), 66.

[33] *Extract from the Report of the Minister of Internal*, 66.

[34] *Historical Overview of the Development of Administrative Police Institutions in Russia, from the Statute on the Provinces of 1775 until Recently: Compiled by Order of the Minister of the Interior by Official for Special Assignments under the Minister E. Anuchin* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1872), 167.

that it questioned the possibility of improving the police force and combating corruption. It is interesting that these official assessments were not reflected in the anniversary publication on the history of the Ministry of Internal Affairs, where it was noted that "the improvement of the overall police force was influenced by a significant increase in salaries, which attracted more reliable people to the police force."[35] In this regard, the assessments of researchers indicating a slight increase in salaries and improvement in the financial situation of police officers are closer to reality.

It should be noted that the manning tables of uyezd police approved in 1863 remained almost unchanged throughout the reign of Emperor Alexander II. An exception was the payment of housing allowances, the amount of which was set at 142.85 roubles for police chiefs and their assistants throughout the empire on January 15, 1880.[36] In turn, district police officers were given housing allowances of 120 roubles, and reimbursement of office expenses were increased by 200 roubles. Otherwise, the established salaries remained unchanged.

A peculiarity of the Belarusian governorates was the mass presence of such lower ranks of the uyezd police as rural precinct wardens and junior rural precinct wardens. Their salaries were not regulated at all. In 1863, rural precinct wardens in Minsk Governorate were paid from 50 to 130 roubles a year, collected from the local population "according to the equalization distribution."[37] The head of Vilna Governorate found it difficult to indicate the amount of the salary they received, pointing out that they "used voluntary donations from local residents," which produces "a harmful effect on their official relations."[38] Governor I. Haller considered it fair to establish a permanent monthly salary of 10 roubles in silver for these ranks, i.e. an annual salary of 120 roubles. In Grodno Governorate, the

[35] *Ministry of Internal Affairs (1802–1902): A Historical Essay* [in Russian] (St Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1902), 133.

[36] "60385 – January 15. Supremely Approved Opinion of the State Council – On Accommodation Allowance for Police Officers and Their Assistants" [in Russian], *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second collection: from December 12, 1825 to February 28, 1881* (hereinafter *PSZ-II*), vol. 54, otd. 2, *1879 to February 18, 1880* (St Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E.I.V. Kantselyarii, 1881), 366.

[37] "Donesenie minskogo gubernatora Vilenskomu voennomu gubernatoru i general-gubernatoru Grodnenskomu, Kovenskomu i Minskomu ot 27 iyulya 1863 g." [Dispatch of the Minsk Governor to the Vilna Military Governor and the Governor-General of Grodno, Kovno, and Minsk as of July 27, 1863]. F. 378, op. 71, d. 18, l. 202. LGIA.

[38] "Donesenie vilenskogo gubernatora Vilenskomu voennomu, Kovenskogo, Grodnenskogo i Minskogo general-gubernatoru, glavnomu nachal'niku Vitebskoi i Mogilevskoi gubernii ot 21 avgusta 1863 g." [Dispatch of the Vilna Governor to the Vilna military, Kovno, Grodno and Minsk Governor-General, Head of Vitebsk and Mogilev governorates as of August 21, 1863]. F. 378, op. 71, d. 18, l. 234. LGIA.

financial support of rural precinct wardens and junior rural precinct wardens was similar. At least, the report of the Grodno Governor stated that

> these lower ranks did not receive any salaries, with the exception of a very few localities, where residents provide them with the most limited maintenance not exceeding 60 roubles by voluntary consent.[39]

Governor I. Skvortsov considered the amount of 240 roubles to be acceptable for this category of employees. As a result, in the official "Note to the Lower Ranks of the Uyezd Police," prepared for the Vilna Governor-General M. Murav'ev, it was stated that

> maintenance of the rural precinct wardens and junior rural precinct wardens was carried out on the basis of custom in money or in kind, in various quantities, without a specific norm, which is why this duty in some places turned out to be burdensome.[40]

After their legal status was regulated by the decree of July 5, 1868, they were given a regular salary of 120 roubles per year,[41] which remained unchanged until the rural precinct wardens were replaced by village constables. In turn, the village constables, the lower rank of the uyezd police, introduced on June 9, 1878 throughout the whole empire, including the Belarusian governorates, received the salary established by law: 200 roubles as salary, 50 roubles for uniforms, and 100 roubles for the upkeep of a horse.[42] For comparison, let us note that a teacher at a rural school in Minsk Governorate received a salary of 150 to 200 roubles, and the following was pointed out in 1880: "With the constantly increasing cost of all vital needs, a salary of 150 roubles becomes extremely insignificant and unsatisfactory, so the best teaching

[39] "Donesenie voennogo gubernatora Grodno i grodnenskogo gubernatora Vilenskomu voennomu, Kovenskomu, Grodnenskomu i Minskomu general-gubernatoru, glavnomu nachal'niku Vitebskoi i Mogilevskoi gubernii ot 5 noyabrya 1863 g." [Dispatch of the Military Governor of Grodno and the Grodno Governor to the Military of Vilna, Kovno, Grodno, and Minsk to the Governor-General, Head of Vitebsk and Mogilev Governorates as of November 5, 1863]. F. 378, op. 71, d. 18, l. 291. LGIA.

[40] "Zapiska o nizhnikh sluzhitelyakh uezdnoi politsii" [Note on the lower ranks of the uyezd police]. F. 378, op. 71, d. 18, l. 326. LGIA.

[41] *PSZ-II*, vol. 43, otd. 2, no. 46082, 35.

[42] "Svedeniya o chisle politseiskikh chinov v uezdakh Vilenskoi, Kovenskoi i Grodnenskoi gubernii" [Information on the number of police ranks in the uyezds of Vilna, Kovno and Grodno governorates]. F. 378, op. 86, d. 61, ll. 180–181. LGIA.

staff rush to leave their teaching positions at the first opportunity."[43] In 1881, the annual salary of an agricultural worker who did not receive food at the employer's expense ranged from 80 to 132 roubles in Grodno Governorate.[44] As in the case of the class ranks of the uyezd police, the issue of providing village constables with housing arose almost immediately. In Minsk Governorate, a decision was made on January 8, 1880. According to it, due to the impossibility of providing constables with housing, it was decided to reimburse rent. Depending on the uyezd, the amount of annual payments ranged from 44 roubles 33 kopecks to 100 roubles. However, such a discrepancy was considered inconvenient, apparently, for calculating the zemstvo tax, from which it was supposed to pay money for rent, so in the end it was agreed to establish a tax that made it possible to pay a uniform sum for rent and heating to a constable in the amount of 48 roubles in rural areas and 60 roubles in the city. On December 15, 1879, the sum of 65 roubles for a constable's housing allowance was taken as a basis in Vilna Governorate, but the distribution of this money was supposed to be made depending on local prices for heating, lighting, and rent, which fluctuated in the range from 60 to 100 roubles. In Grodno Governorate, they came to the conclusion that the sum of 60 roubles should be transferred to zemstvo expenses, but here too the distribution of allowances was made dependent on the location of the constables' apartments by uyezd: from 100 roubles in Belostok Uyezd to 36 roubles in Kobrin Uyezd. In Mogilev Governorate, it was noted that there was an almost immediate problem, that of accommodating constables in populated areas with the help of "allocating apartments for them in kind."[45] As a result, according to the verdicts of the volost assemblies, 40 to 50 roubles for reimbursing the rent were collected for the maintenance of constables in the villages; 50 to 60 roubles were collected when accommodating a ranger in a tow, and "even 75 roubles in some towns."[46] As a result, on January 30, 1880, a decision was made to allocate 60 roubles to each village as housing allowance by introducing a zemstvo tax. In Vitebsk Governorate, a similar decision was made only on May 28, 1880, after a survey of landowners and volost communities by the police officers, as a result of which the majority spoke in favor of converting the

[43] *Review of Minsk Governorate for 1880. Appendix to the Report of the Minsk Governor Submitted to the Emperor* [in Russian] (Minsk: Gubernskaya tipografiya, 1881), 30.

[44] *Review of Grodno Governorate for 1881. Appendix to the Report of the Grodno Governor Submitted to the Emperor* [in Russian] (Grodno: Gubernskaya tipografiya, 1882), 78.

[45] "Postanovlenie Mogilevskogo Gubernskogo rasporyaditel'nogo komiteta ot 30 yanvarya 1880 g." [Resolution of the Mogilev Governorate Administrative Committee as of January 30, 1880]. F. 1286, op. 40, d. 63, l. 19. RGIA.

[46] "Postanovlenie Mogilevskogo Gubernskogo rasporyaditel'nogo komiteta ot 30 yanvarya 1880 g." [Resolution of the Mogilev Governorate Administrative Committee as of January 30, 1880]. F. 1286, op. 40, d. 63, l. 19. RGIA.

housing allowance into monetary form. In Vitebsk, the Governorate Administrative Committee decided to establish a tax that would allow village constables to be provided with housing money in the amount of 50% of the housing payments to the uyezd police officers, i.e. in Vitebsk and Dinaburg uyezds, village constables were entitled to 60 roubles; in Polotsk and Rezhitsk uyezds, 55 roubles; in other uyezds, 50 roubles. It should be noted that the local administration had developed a certain idea about the standard of living for a village constable. For instance, Vilna Governor-General P. Albedinskii believed that the premises "for village constables should consist of one room and a room for a horse."[47]

Finally, if we talk about the elected ranks of the rural police, i.e., senior and junior village wardens, maintenance of these ranks was either symbolic or completely absent. For the rural population, police service was a state duty, which peasants tried to avoid. The report of Grodno Governor I. Skvortsov dated November 5, 1863 state the following: "Senior and junior village wardens do not receive any maintenance and it is produced by the residents only for hose of them who will be appointed to these positions not by order of the rural communities." In addition, during the service, the elected ranks were "free from public and lordly work."[48] The lack of maintenance led to a situation when

> the most incapable members of society are elected to this rank; they have neither physical nor moral strength to make them able to perform the complex duties imposed on the zemstvo police by law.[49]

In his report of August 21, 1863, Vilna Governor S. Panyutin stated that the senior and junior village wardens were usually elected "from illiterate, often decrepit and crippled peasants incapable of working in the field. . . who act with complete indifference to the cause and only under duress." However, despite such an attitude towards the elected police officials, the governor believed that elected rural policemen "should not be paid special maintenance"[50] in the future. Instead of

[47] "Otnoshenie Vilenskogo, Kovenskogo i Grodnenskogo gubernatora ot 4 iyulya 1887 g." [Memorandum of the Vilna, Kovno, and Grodno governors as of July 4, 1887]. F. 1286, op. 40, d. 63, l. 132. RGIA.

[48] "Donesenie voennogo gubernatora Grodno i grodnenskogo gubernatora Vilenskomu voennomu, Kovenskomu, Grodnenskomu i Minskomu general-gubernatoru, glavnomu nachal'niku Vitebskoi i Mogilevskoi gubernii ot 5 noyabrya 1863 g." [Dispatch of the Military Governor of Grodno and the Grodno Governor to the Military of Vilna, Kovno, Grodno, and Minsk to the Governor-General, Head of Vitebsk and Mogilev governorates as of November 5, 1863]. F. 378, op. 71, d. 18, l. 293. LGIA.

[49] Ibid.

[50] "Donesenie vilenskogo gubernatora Vilenskomu voennomu, Kovenskomu, Grodnenskomu i Minskomu general-gubernatoru, glavnomu nachal'niku Vitebskoi i Mogilevskoi gubernii ot

paying their salaries, it was proposed to exempt them from billeting and other duties.

In 1868, the administration of Vilna Governor-General A. Potapov attempted to estimate the size of the maintenance of the senior and junior village wardens in all governorates of Northwestern Krai by converting into a monetary equivalent the cost of certain duties from which rural policemen were exempt, grain collections, paying in kind by grain and accounting for money and payments collected by rural communities for elected or hired senior and junior village wardens. As a result, the average annual maintenance of a senior village warden was determined to amount to 37 roubles; of a junior village warden, to 22 roubles," and it was believed that that figure was "much lower" than the required level of remuneration, and the cost of the service of elected rural police officials was called "insignificant."[51] Indeed, a little later, similar judgments began to be circulated in the reports of the governors to the Commission on the transformation of governorate and uyezd institutions. Thus, the report of Mogilev Governor V. Dunin-Barkovskii of October 14, 1870 stated that the senior and junior village wardens

> were recruited from illiterate, undeveloped, and mostly poor peasants, elected by the community to serve for no more than a year, with very insignificant remuneration (up to 5 roubles per year) and often without any payment.[52]

The situation did not change throughout the subsequent period. For example, Mogilev Governor A. Dembovetskii noted in his report as of August 10, 1875 that the senior and junior village wardens were usually chosen from

> illiterate and completely undeveloped persons, often even physically incapable of police work, such as minors, old people and the sick, and these miserable police officials are not provided with a salary at all or are very poorly provided and must think more about their daily food than about any duties.[53]

---

21 avgusta 1863 g." [Dispatch of the Vilna Governor to the Vilna Military, Kovno, Grodno, and Minsk Governor-General, Head of Vitebsk and Mogilev governorates as of August 21, 1863]. F. 378, op. 71, d. 18, l. 234 ob. LGIA.

[51] "Ob"yasnitel'naya zapiska" [Letter of explanation]. F. 295, op. 1, d. 2133, l. 5 ob. Natsional'nyi istoricheskii arkhiv Belarusi [National Historical Archives of Belarus] (NIAB), Minsk, Belarus.

[52] "Donesenie mogilevskogo gubernatora ot 14 oktyabrya 1870 g. v Komissiyu o gubernskikh i uezdnykh uchrezhdeniyakh" [Dispatch of the Mogilev Governor as of October 14, 1870 to the Commission on Governorate and Uyezd Institutions]. F. 1316, op. 1, d. 23, ll. 526–527. RGIA.

[53] "Donesenie mogilevskogo gubernatora ot 10 avgusta 1875 g." [Report of the Mogilev Governor asof August 10, 1875]. F. 2001, op. 1, d. 1126, l. 99 ob. NIAB.

The situation in Mogilev Governorate was not fundamentally different from what was in other Belarusian governorates. According to the report of Governor P. Rostovtsev dated August 29, 1870, a peasant elected to the position of senior or junior village warden in Vitebsk Governorate was

> usually the one who asks for less money, is more of a guarantee for leniency and indulgence, has nothing to do at home or is attracted by getting even a little money for doing nothing, in general, bad persons and bad contrivers are chosen.[54]

Rural communities pay "senior village wardens a salary in bread and money of 50 roubles per year; junior village wardens, 10 roubles per year; in addition, these persons are exempt from housing, water, and road duties."[55] Almost 10 years later, the situation did not change. Nevel Police Chief M. Okolovich (Vitebsk Governorate) described those who agreed to serve in these positions in his report dated August 27, 1879. They were

> mostly people in debt with a paltry salary, which is fully spent on payments, therefore the person does not receive remuneration for his position[56]

and shows no interest in service. According to the report of Vilna Governor E. Steblin-Kamenskii as of September 8, 1870, "the most useless people for whom the performance of duties... is unthinkable are elected by the community"[57] to the positions of senior and junior village wardens. At the same time, "useless people" were not so cheap for the peasants to maintain, since they were paid from the collected duties "an average of 37 roubles per senior village warden and 22 roubles per junior village warden."[58] In Minsk Governorate,

[54] "Donesenie vitebskogo gubernatora ot 29 avgusta 1870 g. v Komissiyu o gubernskikh i uezdnykh uchrezhdeniyakh" [Dispatch of the Vitebsk Governor as of August 29, 1870 to the Commission on Governorate and Uyezd Institutions]. F. 1316, op. 1, d. 23, l. 151. RGIA.

[55] Ibid., l. 151 ob.

[56] "Dokladnaya zapiska nevel'skogo uezdnogo ispravnika" [Memorandum of the Nevelsk district police officer]. F. 1286, op. 53, d. 292, l. 205. RGIA.

[57] "Donesenie vilenskogo gubernatora ot 29 avgusta 1870 g. v Komissiyu o gubernskikh i uezdnykh uchrezhdeniyakh" [Dispatch of the Vilna Governor as of August 29, 1870 to the Commission on Governorate and Uyezd Institutions]. F. 1316, op. 1, d. 23, l. 25. RGIA.

[58] "Donesenie vilenskogo gubernatora ot 29 avgusta 1870 g. v Komissiyu o gubernskikh i uezdnykh uchrezhdeniyakh" [Dispatch of the Vilna Governor as of August 29, 1870 to the Commission on Governorate and Uyezd Institutions]. F. 1316, op. 1, d. 23, l. 25. RGIA.

> as if realizing the uselessness of the senior and junior village wardens, rural communities, elect or hire for these positions the most useless members of the community, burdened with arrears, single men or homeless lower ranks forced to serve for a paltry salary.[59]

The persistence of the situation in which "the government had not yet decided to abandon the payment in kind when staffing the lower ranks of the police, senior and junior village wardens," is mainly explained by the lack of "funds in the treasury."[60]

After February 17, 1863, the salaries of city police officials were not revised fundamentally either. At the same time, during 1863–64, the salaries of individual police officials in the city police departments of the Belarusian governorates were slightly raised expenses for maintaining offices were increased, and additional positions were introduced. It was done on the initiative of Vilna Governor-General M. Murav'ev with the aim of improving the financial support of the police by transferring police departments to the highest category: Grodno, Vitebsk, Dinaburg, Minsk and Mogilev, to the first category; Bobruisk and Brest, to the second category. On February 25, 1864, the Polotsk City Police Department was established immediately in the second category, on February 6, 1864, the city police department of the third category appeared in Pinsk, and on April 11, 1864, the city police department of the second category was opened in Bialystok.

Unlike the uyezd police, limited financial support for city police officials had already become apparent by the end of the 1860s. In particular, when assessing the project for a new structure for the Vilna city police in the Committee of Ministers in 1868, St Petersburg Chief of Police, Adjutant General F. Trepov, considered financial support of police officers to be the most vulnerable aspect of the planned reforms. According to him,

> The salaries assigned to police officials are so meager that it is certain that they will result neither in an improvement in staffing nor to a correction in the very way the police service is carried out.[61]

[59] "Donesenie minskogo gubernatora ot 1 sentyabrya 1870 g. v Komissiyu o gubernskikh i uezdnykh uchrezhdeniyakh" [Dispatch of the Minsk Governor as of September 1, 1870 to the Commission on Governorate and Uyezd Institutions]. F. 1316, op. 1, d. 23, l. 522. RGIA.

[60] Yu.V. Tot, "Alexander II's Reform of the Uyezd Police" [in Russian], in *The Epoch of Great Reforms: History and Archival Heritage*, pt. 2, *Collection of Research Works*, ed. N.V. Dunaev, and S.G. Kashhenko (St Petersburg: Prezidentskaya biblioteka, 2019), 83.

[61] "Mnenie general-ad"yutanta Trepova po delu o preobrazovanii Vilenskoi gorodskoi politsii" [Opinion of Adjutant General Trepov on the case of the transformation of the Vilna city police]. F. 378, op. 75, d. 24, l. 182. LGIA.

The reformer of the St Petersburg police pointed out that "the economic conditions of life in Vilna differ very little from St Petersburg;" therefore it was obvious that the appointed salaries for the maintenance of police officials were "insufficient for the most modest existence of these persons."[62] For example, F. Trepov proposed to increase the salary of a precinct chief of police twice (from 600 to 1,200 roubles), and assistant precinct chiefs of police by 1.88 times (from 400 to 750 roubles). However, the comments of the adjutant general were not taken into account when approving the new staff lists for the Vilna city police department.[63] The situation with the maintenance of police officials in other city departments was not much better. Thus, in his representation as of March 6, 1874 to the Minister of Internal Affairs, Vitebsk Governor P. Rostovtsev pointed out:

> The limited salaries of police officials, given the significant cost of living in Dinaburg, the backbreaking work, responsibility, and significant expenses for maintaining offices and travelling around the city make it especially difficult to select capable and honest people for police positions.[64]

In order to rectify the situation, the governor proposed increasing the police chief's salary from 1,500 to 2,000 roubles in order to ensure that he could live a "comfortable life."[65] In turn, in addition to regular salaries of precinct chiefs of police, he asked to add 300 roubles "for office expenses, travelling around the city, and other unforeseen but nevertheless inevitable expenses in the performance of police duties." However, the Ministry of Finance refused to allocate money from the budget to improve the financial support. A little earlier, in a report to the Minister of Internal Affairs as of October 26, 1872, Mogilev Governor A. Dembovetskii noted that it was quite difficult to find people willing to take the position of police chief in the governorate capital due to the "insignificance of the salary he receives – only 1,200 roubles – given high cost of living in the governorate capital."[66] District superintendents of police – the heads of uyezd police departments – received up to 2,000 roubles, so they preferred to avoid being transferred to the positions of police chief.

As a result, by the end of the reign of Alexander II, the financial situation of city police officials in the Belarusian governorates had worsened. In this regard, the

[62] Ibid. ll. 182–183.

[63] *PSZ-II*, vol. 43, otd. 2, no. 46114, 67–68.

[64] "Predstavlenie vitebskogo gubernatora ot 6 marta 1874 g." [Representation of the Vitebsk Governor as of March 6, 1874]. F. 1286, op. 35, d. 11, l. 1–1 ob. RGIA.

[65] Ibid., l. 1 ob.

[66] "Predstavlenie mogilevskogo gubernatora ot 26 oktyabrya 1872 g." [Representation of the Mogilev Governor as of October 26, 1872]. F. 1286, op. 33, d. 53, l. 2 ob. RGIA.

situation in the largest police department of Western Krai – the Vilna City Police Department – is indicative. For instance, the opinion of Vilna Governor E. Steblin-Kamenskii as of September 14, 1881 stated that

> for the current salaries in such a large city as Vilna it is impossible to have any uyezd police officers and their assistants, or local police officers or policemen who are in any way up to their purpose.[67]

In particular, for renting an apartment and an office in Vilna, precinct chiefs of police "needed at least 500 roubles each," and for maintaining the office, i.e., hiring scribes and buying office supplies, an average of 500 roubles also. Thus, in each area it was necessary to hire three scribes at a salary of 120 roubles per year each, and for such maintenance hiring "was hardly possible under the current conditions of existence, i.e., with such high cost of living, supplies, and especially apartments." However, police officers were paid only 600 roubles as house allowance (300 roubles) and expenses for office needs (300 roubles). As a result, the total maintenance of a Vilna precinct police chief was only 1,200 roubles. With "actual expenses for renting an apartment and maintaining an office of approximately 1,000 roubles, it left the policeman with 200 roubles per year for his own expenses." As a result, a rhetorical question was what was left:

> On what account should he and his family be supported, and also where [to find] the funds for purchasing clothes and the obligatory expenses for travelling around the city during weekly daily shifts?[68]

The Vilna Governor stated that the transformation of the Vilna city police would be doomed to failure without proper financial support, since

> Police officials must be provided with enough resources to ensure that they are not in need and that they have sufficient funds for the support of themselves and their families for their official work.[69]

Salaries of the lower ranks of the city police in the Belarusian governorates in the late 1870s were not the same. The senior local police officer in the Vilna City Police Department was paid 162 roubles 42 kopecks; junior wardens, 114 roubles

[67] "Otzyv vilenskogo gubernatora ot 14 sentyabrya 1881 g." [Opinion of the Vilna Governor as of September 14, 1881]. F. 1316, op. 1, d. 132, l. 7. RGIA.

[68] Ibid., l. 14.

[69] "Otzyv vilenskogo gubernatora ot 14 sentyabrya 1881 g." [Opinion of the Vilna Governor as of September 14, 1881]. F. 1316, op. 1, d. 132, l. 25.

42 kopecks. Such a salary was considered insufficient. Vilna Governor E. Steblin-Kamenskii believed:

> Such a limited salary cannot attract sufficiently developed and capable people to this service, and therefore the majority of the district wardens come from the lower ranks who resigned or retired, are illiterate, and not as developed as their official activities require.[70]

In turn, the local police officers of Grodno were remunerated in the amount of 180 roubles. The same allowance was paid in Bialystok, Kobrin, and Belsk. In Brest, however, it was possible to raise the salary to 200 roubles, but in Slonim it remained 164 roubles, the lowest salary.

If we talk about the maintenance of the most massive category of lower ranks, the city police, at the time when Emperor Alexander II ascended the throne, all ranks of city police teams were staffed by transfer from the battalions of the internal guard of the lower ranks of the 2nd category. For the lower ranks serving in the Belarusian governorates, the following salaries were provided: senior non-commissioned officers were paid 12 roubles; junior, 9 roubles; privates, 4 roubles 50 kopecks, i.e., the lowest.[71] In 1864, the responsibility for staffing police teams was assigned to the local troops, i.e., reserve troops (reserve battalion) and internal service troops (governorate battalion, uyezd teams, if any). However, the salaries of police team ranks did not grow. For example, in 1867, the city of Dinaburg (Vitebsk Governorate) spent "71 roubles per year on the maintenance of one police soldier and 76 roubles per year for a non-commissioned officer."[72] In Mogilev Governorate, the annual cost of providing for a lower rank was approximately the same: 4 roubles 50 kopecks for salary, 18 roubles 25 kopecks for provisions, and 51 roubles 89 kopecks for clothing from underwear to a winter short fur coat and equipment items.[73]

A circular from the Ministry of Internal Affairs as of March 14, 1868 ordered that police teams be transferred to the principle of voluntary employment. On July 4, 1873, the procedure was finally approved, according to which the staffing of police

[70] "Predstavlenie vilenskogo gubernatora ot 29 oktyabrya 1874 g." [Representation of the Vilna Governor as of October 29, 1874]. F. 378, op. 82, d. 152, l. 2. LGIA.

[71] "Vedomost' utverzhdennym 6 avgusta 1859 g. shtatam politseiskikh i pozharnykh dlya gorodov komand" [Payroll of the police and fire brigade personnel approved for cities on August 6, 1859]. F. 1286, op. 14, d. 565, ll. 69 ob.–70, 72–73, 77 ob.–78. RGIA.

[72] "Raport vitebskogo gubernatora ot 11 iyulya 1867 g." [Report of the Vitebsk Governor as of July 11, 1867]. F. 1286, op. 27, d. 1369, l. 8. RGIA.

[73] "Shtat politseiskikh komand v uezdnykh gorodakh Mogilevskoi gubernii" [Staff list of police teams in the uyezd cities of Mogilev Governorate]. F. 378, op. 73, d. 26, l. 117–117 ob. LGIA.

teams was transferred everywhere exclusively to the voluntary employment principle, and its implementation was quite difficult everywhere.[74] With the transition to voluntary employment in the late 1860s – early 1870s, salaries of policemen varied from city to city. For example, policemen of the Vilna City Police Department received 78 roubles 42 kopecks per year or 6 roubles 53 kopecks per month. Messengers at the police stations were paid even less, 66 rubles 42 kopecks. In 1872, policemen of the Grodno City Police Department started to receive a salary of 144 roubles per year, that is, 12 roubles per month. In general, in 1881, policemen of Grodno Governorate received a similar salary only in Bialystok and Brest, and in other uyezd cities they were paid 120 roubles. Grodno Governor N. Tseimern admitted that the maintenance of the lower ranks was such that

> it is extremely difficult to find an honest, efficient, sober and at least somewhat literate person for the position of a policeman.[75]

For example, according to the governor's calculations, an annual salary of 144 roubles was enough to rent an apartment with heating and lighting (24 roubles), food (72 roubles), linen (5 roubles), clothing (28 roubles), shoes (8 roubles), and minor expenses (3 roubles). As a result, the salary received by a policeman was "barely enough to satisfy the most basic needs," and at the same time it was "impossible for a family man to serve as a policeman."[76]

The situation with the financial support of the policemen in Vitebsk Governorate had a negative impact on staffing. In the report of Vitebsk Governor P. Rostovtsev as of September 10, 1871, it was indicated that the "best and most capable" civilian employees of the Vitebsk police team from among the retired lower ranks with a salary of 8 roubles per month, "left their positions in the police, having found themselves more profitable jobs."[77] It was quite difficult to find a replacement for them because earnings at the construction of railways, rafting timber along the Western Dvina, or work "in agriculture"[78] were higher. In his report dated May 24, 1872, the Vitebsk Governor notified the Department of Executive Police:

[74] A.V. Borisov, A.Ya. Malygin, and R.S. Mulukaev, *Police of the Russian Empire* [in Russian] (Moscow: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2015), 173.

[75] "Otzyv grodnenskogo gubernatora ot 5 sentyabrya 1881 g." [Opinion of the Grodno Governor as of September 5, 1881]. F. 1316, op. 1, d. 132, l. 237. RGIA.

[76] Ibid., l. 237, 240.

[77] "Raport vitebskogo gubernatora ot 10 sentyabrya 1871 g." [Report of the Vitebsk Governor as of September 10, 1871]. F. 1286, op. 27, d. 1369, l. 25 ob. RGIA.

[78] Ibid., l. 26. RGIA.

> The railways and increased wages for agricultural labor have taken more reliable people and made it necessary to fill the police with people of drunken behavior and dubious morals; in the absence of official responsibility like that of military men and with little pay, they treat their work with outrageous negligence, do not value their service and are ready at any time. . . to leave their place of service.[79]

In 1878, the policemen of the city police departments of Vitebsk Governorate received the following salaries: 125 roubles in Vitebsk; 120 roubles in Dinaburg; 96 roubles in Polotsk.[80] In the opinion as of September 12, 1881, Vitebsk Governor V. von Wahl stated that a policeman in the governorate received on average from 8 to 10 roubles per month "being on his own provisions." However,

> any other earnings or service exceed such a salary, as a result of which the said teams are necessarily staffed either with the people incapable of police service or with those who come here for the shortest time until they find more other, more profitable occupations.[81]

In Minsk Governorate, a policeman of the governorate city received a salary of 96 rubles in the late 1870s; a senior policeman, 144 roubles (although there were only 3 such positions); a policeman in Bobruisk, 91 roubles 50 kopecks; in Pinsk, 84 roubles per year, i.e., only 7 roubles per month.[82] Policemen of the Mogilev City Police Department received different salaries depending on the order of recruitment. Those who were still in active service in the 1870s received different salaries, depending on their position: policeman, 98 roubles 64 kopecks; senior policeman, 103 roubles 14 kopecks. However, civilian employees agreed to serve with a salary of 154 roubles 14 kopecks.[83] Such a minimum payment was motivated by the state of the labor market. In particular, the Gomel City Duma noted on August 28, 1872

[79] "Raport vitebskogo gubernatora ot 24 maya 1872 g." [Report of the Vitebsk Governor as of May 24, 1872]. F. 1286, op. 27, d. 1369, l. 37 ob. RGIA.

[80] "Vedomost' o sostave gorodskikh politseiskikh komand i o raskhodakh na ikh soderzhanie k 1 iyulya 1878 g. po Vitebskoi gubernii" [Statement on the staffing of city police teams and the costs of their maintenance as of July 1, 1878 in Vitebsk Governorate] F. 1286, op. 39, d. 67, l. 7 ob. RGIA.

[81] "Otzyv vitebskogo gubernatora ot 12 sentyabrya 1881 g." [Opinion of the Vitebsk Governor as of September 12, 1881]. F. 1316, op. 1, d. 132, l. 193. RGIA.

[82] "Vedomost' o sostave gorodskikh politseiskikh komand" [Statement on the staffing of city police teams]. F. 1286, op. 39, d. 75, l. 10b ob. RGIA.

[83] "Vedomost' o sostave mogilevskoi gorodskoi politseiskoi komandy i raskhodakh na soderzhanie onoi k 1 iyulya 1878 g." [Statement on the staffing of the Mogilev city police team and the costs of maintaining it as of July 1, 1878]. F. 1286, op. 39, d. 77, l. 5. RGIA.

that with the monthly salary of a civilian police officer of 6 roubles 39 kopecks and with growing prices,

> There is a great shortage of the working class; every free man rushes to find more profitable jobs, especially in the places where railways are being built.[84]

In 1881, Mogilev Governor A. Dembovetskii noted that depending on the city's income, the salary of civilian employees in the police fluctuated between 76 and 160 roubles per year. Considering the fact that daily wages ranged from 30 to 50 kopecks, and servants earned from 10 to 15 roubles per month, it was possible to find people willing to serve in the police team only in the places where the annual salary was higher than 120 roubles.

When considering the issue of financial support for police officials in the Belarusian governorates, it is impossible to ignore the issue of emergency payments due to the Polish Uprising of 1863–64. In particular, on March 5, 1864, a decree was adopted according to which Governor-General M. Murav'ev was granted the right to pay "trustworthy Russian police officials" an allowance in the amount of up to 50% of their total salary at his discretion. All officials of the Ministry of Internal Affairs, including the police, received allowances regardless of the distance to the place of future service and a resettlement allowance.[85] However, the limitations of these allowances became apparent quickly. In his report submitted to the emperor on the administration of the region for 1868–70, Vilna Governor-General A. Potapov stated that the amount of travel and resettlement allowances "was barely sufficient to cover the costs of moving and setting up a home here."[86] Levies from landowners' estates constituted an additional source of funding for police officials. Since this source of financial incentives for the police was made dependent on contribution levies, which were temporary in nature in principle, the question of the prospects for such payments inevitably arose.

Taking this circumstance into account, the Rules on the Assignment and Implementation of an Increment of the Salaries and Allowances of the Officials of Russian Origin Serving in the Western Governorates[87] were approved on November 21, 1869. According to the new rules, payments to the police officers who were transferred to serve in the Belarusian governorates in 1870 stopped because the

[84] "Raport mogilevskogo gubernatora ot 11 fevralya 1872 g." [Report of the Mogilev Governor as of February 11, 1872]. F. 1286, op. 27, d. 1387, l. 27 ob. RGIA.

[85] *PSZ-II*, vol. 39, otd. 1, no. 40655, 203–04.

[86] "Otchet Vilenskogo, Kovenskogo i Grodnenskogo general-gubernatora za 1868, 1869 i 1870 g." [Account of the Vilna, Kovno, and Grodno Governor-General for 1868, 1869, and 1870]. F. 1263, op. 4, d. 46, l. 110. RGIA.

[87] *PSZ-II*, vol. 44, otd. 2, no. 47700, 305–07.

increment and allowances were paid only to those who received "salaries from the state treasury."[88] The implementation of the decree led to the fact that the attempt made by the Governor-General to establish additional payments to the police officers of Vilna Governorate for 1870 required consideration at the level of the Committee of Ministers. Appealing to the letter of the law, Governor-General A. Potapov demanded that the Ministry of Internal Affairs should approve the list of additional payments for those general police officials who came to serve in the region before 1870 and therefore had the right to the increments previously assigned to them, although they had not served in police positions before 1870 or were transferred in 1870 from one police position to another. At the same time, in addition to legal arguments, the head of the region did not fail to note that hardly anyone arrived "from the internal governorates to take positions that provide a salary of less than 1,000 roubles."[89]

According to the rules, previously approved increments were retained for officials until their departure from the region, and in the event of any job transfers including promotions they retained the payments assigned depending on their previous salary. In the event of a revision of the staffing lists in terms of increasing salaries, the increments were not revised. A different procedure for calculating increments of salaries was envisaged for the new arrivals to serve in the governorates of Western Krai. Instead of general payments, the Governor-General was granted the right to give increments or allowances upon the recommendation of governors and other senior officials to the officials of "Russian origin" who had distinctions in service. However, the final decision on the approval of cash payments remained with the relevant ministry. It is characteristic that increments did not apply to office workers. Apparently, the downward revision of payments for officials was due to the fact that the government was planning to reduce the levies collected form the Polish landowners in the western governorates in the near future. In particular, according to the decree of December 31, 1870, the levy was reduced by half in all governorates of Northwestern Krai as well as in Vitebsk and Mogilev governorates, which undoubtedly limited the sources of funding the officials.[90]

In any case, the amount of additional payments for police officials turned out to be insignificant later. According to the calculations of Vilna Governor-General P. Albedinskii, of the total expenditure of the 349,939 roubles of the levy collected from the Vilna, Grodno, and Kovno governorates, only 11,077 roubles (i.e., only

[88] *PSZ-II*, vol. 44, otd. 2, no. 47700, 307.

[89] "O vydache posobii vzamen protsentnoi pribavki politseiskim chinovnikam v Severo-Zapadnom krae" [On the grant of benefits to police officials in Northwestern Krai in exchange for a percentage increase]. F. 1263, op. alf, d. 3539, l. 4. RGIA.

[90] *PSZ-II*, vol. 45, otd. 2, no. 49091, 631–32.

3%) were allocated annually for the allowances to be paid to police officials.[91] In Minsk Governorate, only 800 roubles were spent in the first half of 1878 on paying allowances to police officials instead of the increment,[92] and only 4 officials received the money. Obviously, such payments could not provide any significant additional payments to the police on a massive scale.

Conclusion

As a result of the transformation of local police institutions in 1862, the level of salaries of police officers was increased. The Polish Uprising of 1863 did not have any impact on the regular salaries of city and uyezd police officials in the Belarusian governorates, the salaries being calculated on the same basis as in other European governorates of the empire. At the same time, the improvement of financial support was not radical in nature from the very beginning, partly compensating for the rising prices and inflation, and only for a short while reduced the problem of the discrepancy between the size of the salary and the level of official responsibility and the administrative and law enforcement workload. Subsequently, the size of the salary of class officials in the Belarusian governorates was practically not revised until the end of the reign of Emperor Alexander II. As a result, by the end of the 1860s, remuneration for class officials of individual city police departments in the Belarusian governorates had been recognized insufficient. Financial support of the lower ranks of the city police was considered unsatisfactory by the local administration in all governorates of the region.

The situation was much worse with the maintenance of the elected officials of the rural police (senior and junior village wardens, for whom police duties were a duty either without any payment or for an insignificant and disproportionate reward for the resources expended). This actually deprived the uyezd police departments of capable lower ranks. A peculiarity of the Belarusian governorates was the existence of the position of rural precinct wardens who began to be paid an insignificant salary on a systematic basis in 1868 and were subordinate to the district police officers. Village constables, who replaced them in 1878, were assigned salaries that can be considered relatively high for the lower ranks of the police departments, at least at the very beginning of the establishment of this position in the uyezd police. In general, due to the circumstances of their residence in rural areas, the financial situation of uyezd police officials was more advantageous compared to the officials of city police departments. The possibility of increasing the salaries of police officials in the Belarusian governorates at the expense of contributions levied in the

[91] "O protsentnom sbore v 9-ti Zapadnykh guberniyakh imperii" [On the interest-based fee in 9 Wesern governorates]. F. 1263, op. 1, d. 4100, l. 166. RGIA.

[92] "Vedomost'" [Payroll]. F. 295, op. 1, d. 3272, l. 4. NIAB.

region in order to attract employees from the internal governorates or to stimulate local officials was short-lived, and from the very beginning of this practice, the officials of general police could only count on selective application of this measure.

As a result, by the end of the 1870s, the salaries of police ranks were considered low by the local administration. In particular, Vilna Governor-General P. Albedinskii wrote in his report for 1874–77 about

> the insufficiency of the maintenance of police officials, which does not provide the financial support to which they are entitled as the representatives of the government's authority closest to the population.[93]

From the very beginning of the 1860s, the gap between the new regular salaries of police officials and the ability to maintain an acceptable standard of living gradually grew, which turned the police into a low-prestige type of state service.

Список литературы

Борисов А.В. Проблемы реформирования полиции Российской империи в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 1 (25). С. 78–81.

Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Полиция Российской империи. Москва: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. 320 с.

Горлова Н.И. Полиция российской провинции в XIX веке (на примере Курской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курский государственный университет, 2005. 26 с.

Егоров С.Г., Трушков С.А. Состав и деятельность полиции в Вятской губернии в пореформенную эпоху // Вопросы истории. 2020. № 6. С. 129–140.

Лазарева О.В. Провинциальная полиция в конце XVIII – начале XX в. (по материалам Пензенской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2000. 16 с.

Малышев А.И., Таранков В.И., Смиренный И.Н. Бумажные денежные знаки России и СССР. Москва: Финансы и статистика, 1991. 496 с.

Масалимов А.С. Реформы суда и полиции России 60–90-х годов XIX века (на материалах Уфимской губернии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфимский юридический институт МВД Российской Федерации, 2000. 22 с.

Седунов А.В. Губернский городовой: История Псковской городской полиции в XVIII – начале XX вв. Псков: Псковская областная типография, 2004. 232 с.

[93] "Vsepoddanneishii otchet Vilenskogo, Kovenskogo i Grodnenskogo general-gubernatora general-ad"yutanta Al'bedinskogo po upravleniyu kraem za 1874, 1875, 1876 i 1877 gody" [Report of the Vilna, Kaunas, and Grodno Governor-General, Adjutant General Albedinskii Submitted to the Emperor on the Governance of the Region for 1874, 1875, 1876, and 1877]. F. 16, d. 51, l. 98. Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Manuscript Department of the Russian State Library], Moscow, Russia.

Сичинский Е.П. Становление полиции на Южном Урале (последняя четверть XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинский государственный университет, 2006. 49 с.

Степанова Е.И. Эволюция деятельности уездной полиции Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Курский государственный университет, 2012. 26 с.

Сунгуров П.А. Полиция Тобольской губернии в 1867–1917 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюменский государственный университет, 2014. 30 с.

Сысуев Ю.Б. Полиция Симбирской губернии во второй половине XIX века: дис. … канд. ист. наук. Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2002. 278 с.

Тот Ю.В. Реформа уездной полиции Александра II // Вып. 4: Эпоха Великих реформ: история и документальное наследие, ч. 2: сборник научных трудов / под редакцией Н.В. Дунаева, С.Г. Кащенко. Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2019. С. 72–84.

Тот Ю.В. Реформа уездной полиции в правительственной политике России в XIX веке: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербургский государственный университет, 2003. 38 с.

Трушков С.А. Административно-полицейские органы Вятской губернии второй половины XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Удмуртский государственный университет, 2001. 26 с.

Шитова Т.В. Полиция в административно-правоохранительной системе Сибири в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Юридический институт МВД РФ, 2002. 24 с.

Abbott R.J. Police Reform in the Russian Province of Iaroslavl, 1856–1876 // Slavic Review. 1973. Vol. 32, iss. 2. P. 292–302. https://doi.org/10.2307/2495964

Abbott R.J. Policemen of the Tsar. Local Police in an Age of Upheaval. Budapest; Vienna; New York: Central European University Press, 2022. 240 p.

References

Abbott, R.J. “Police Reform in the Russian Province of Iaroslavl, 1856–1876.” *Slavic Review*, vol. 32, no. 2 (1973): 292–302. https://doi.org/10.2307/2495964.

Abbott, R.J. *Policemen of the Tsar: Local Police in an Age of Upheaval*. Budapest; Vienna; New York: Central European University Press, 2022. https://doi.org/10.1515/9789633865767

Borisov, A.V. “Problemy reformirovaniya politsii Rossiiskoi imperii v kontse 60-kh – nachale 70-kh gg. XIX v.” [Problems of reforming the police of the Russian Empire in the late 1860s – early 1980s]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, no. 1 (2013): 78–81. (In Russian)

Borisov, A.V., A.Ya. Malygin, and R.S. Mulukaev. *Politsiya Rossiiskoi imperii* [Police of the Russian Empire]. Moscow: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2015. (In Russian)

Egorov, S.G., and S.A. Trushkov. “Sostav i deyatel'nost' politsii v Vyatskoi gubernii v poreformennuyu epokhu” [Police personnel and practices in Vyatka Governorate in the post-reform era]. *Voprosy Istorii*, iss. 6 (2020): 129–40. https://doi.org/10.31166/voprosyistorii202006statyi08 (In Russian)

Gorlova, N.I. “Politsiya rossiiskoi provintsii v XIX veke” (na primere Kurskoi gubernii) [Police of the Russian province in the 19th century: A case study of Kursk Governorate]. PhD thesis, Kursk State University, 2005. (In Russian)

Lazareva, O.V. “Provintsial'naya politsiya v kontse XVIII – nachale XX v. (po materialam Penzenskoi gubernii)” [Provincial police in the late 18th – early 20th centuries: A case study of Penza Governorate]. PhD thesis, National Research Mordovia State University, 2000. (In Russian)

Malyshev, A.I., V.I. Tarankov, and I.N. Smirennyi. *Bumazhnye denezhnye znaki Rossii i SSSR* [Paper banknotes of Russia and the USSR]. Moscow: Finansy i statistika, 1991. (In Russian)

Masalimov, A.S. “Reformy suda i politsii Rossii 60–90-kh godov XIX veka (na materialakh Ufimskoi gubernii) [Court and police reforms in Russia in the 1860s–1890s: a case study of Ufa Governorate]. PhD thesis, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2000. (In Russian)

Sedunov, A.V. *Gubernskii gorodovoi: Istoriya Pskovskoi gorodskoi politsii v XVIII – nachale XX vv.* [A governorate policeman: History of the Pskov city police in the 19th – early 20th centuries]. Pskov: Pskovskaya oblastnaya tipografiya, 2004. (In Russian)

Shitova, T.V. “Politsiya v administrativno-pravookhranitel'noi sisteme Sibiri v XIX – nachale XX vv.” [Police in the administrative law enforcement system of Siberia in the 19th – early 20th centuries]. PhD thesis, Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2002. (In Russian)

Sichinskii, E.P. “Stanovlenie politsii na Yuzhnom Urale (poslednyaya chetvert' XVIII – nachalo XX vv.)” [Formation of police in the Southern Urals: the last quarter of the 18th – early 20th centuries]. Doctoral thesis, Chelyabinsk State University, 2006. (In Russian)

Stepanova, E.I. “Evolyutsiya deyatel'nosti uezdnoi politsii Kurskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.” [Evolution of the uyezd police activities of Kursk Governorate in the second half of the 19th – early 20th centuries]. PhD thesis, Kursk State University, 2012. (In Russian)

Sungurov, P.A. “Politsiya Tobol'skoi gubernii v 1867–1917 godakh” [The police of Tobolsk Governorate in 1867–1917]. PhD thesis, University of Tyumen, 2014. (In Russian)

Sysuev Yu.B. “Politsiya Simbirskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX veka” [Police of Simbirsk Governorate in the second half of the 19th century]. PhD diss., National Research Mordovia State University, 2002. (In Russian)

Tot, Yu.V. “Reforma uezdnoi politsii Aleksandra II” [Alexander II’s Reform of the uyezd police]. In *Epokha Velikikh reform: istoriya i dokumental'noe nasledie* [The epoch of Great Reforms: history and archival heritage], pt. 2, *Sbornik nauchnykh trudov* [Collection of research works], edited by N.V. Dunaev, S.G. Kashhenko, 72–84. St Petersburg: Prezidentskaya biblioteka, 2019. (In Russian)

Tot, Yu.V. “Reforma uezdnoi politsii v pravitel'stvennoi politike Rossii v XIX veke” [Reform of the uyezd police in the government policy of Russia in the 19th century]. Doctoral thesis, St Petersburg State University, 2003. (In Russian)

Trushkov, S.A. “Administrativno-politseiskie organy Vyatskoi gubernii vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.” [Administrative police bodies of Vyatka Governorate in the second half of the 19th – early 20th centuries]. PhD thesis, Udmurt State University, 2001. (In Russian)

Информация об авторе

Александр Александрович Киселев – кандидат исторических наук, доцент, https://orcid.org/0000-0003-3084-9067, kiselev_aa@list.ru, Белорусский государственный экономический университет (д. 26, пр-т Партизанский, 220070 Минск, Белоруссия).

Information about the author

Aleksandr A. Kiselev – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, https://orcid.org/0000-0003-3084-9067, kiselev_aa@list.ru, Belarus State Economic University (26, pr. Partizanskii, 220070 Minsk, Belarus).

Статья поступила в редакцию 28.06.2023; одобрена после рецензирования 19.07.2023; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 28.06.2023; approved after reviewing 19.07.2023; accepted for publication 26.06.2024.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 4. С. 1175–1197.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 4 (2024): 1175–97.

Научная статья
УДК: 94(430).084
https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-3
EDN: WXBCYQ

Германская колониальная экспансия в Китай в конце XIX в.

Александр Сергеевич Тихонов
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия,
sashati99@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-1405-8936
Aleksandr S. Tikhonov
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia,
sashati99@mail.ru, https://orcid.org/0009-0009-1405-8936

Аннотация. В статье рассматривается германская политика, которая проводилась в восточноазиатском регионе в конце XIX в. и была направлена на приобретение незамерзающего порта в Китае с целью дальнейшей экономической экспансии в регионе. Проанализированы экономические и военно-политические причины расширения влияния Второго рейха на Восточную Азию в конце XIX – начале XX в. Выявлены основания выбора порта Цзяочжоу в качестве основной цели германской колониальной политики в Восточной Азии и роль Альфреда фон Тирпица в выборе данного порта. Кроме того, обозначена степень влияния германского военно-морского флота в указанном регионе и дана оценка его усилиям по превращению Цзяочжоу в образцовую колонию. Отмечается постепенная трансформация направленности германского колониализма в Китае под воздействием интересов двух крупнейших держав в регионе – Великобритании и России. Указывается на активное использование англо-русского антагонизма для укрепления позиций Германии в Восточной Азии и создания собственной зоны влияния в регионе. Автор приходит к выводу, что захват бухты Цзяочжоу в ноябре 1897 г. дал старт новому этапу европейской политики в отношении Китая, начавшему раздел его территорий между великими державами, имевшими свои интересы в Восточной Азии.

Ключевые слова: колониальная экспансия, международные отношения, рынки сбыта, Германская империя, Российская империя, Дальний Восток

Благодарности: Работа выполнена под руководством доктора исторических наук, профессора Б.Л. Хавкина.

Для цитирования: *Тихонов А.С.* Германская колониальная экспансия в Китай в конце XIX в. // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 4. С. 1175–1197, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-3; EDN: WXBCYQ

© Тихонов А.С., 2024
© Tikhonov A., 2024

German Colonial Expansion into China in the Late 19th Century

Abstract. The article examines the policy pursued by Germany in the East Asian region in the late 19th century aimed at acquiring an ice-free port in China for further economic expansion in the region. The author analyzes economic and military-political reasons for German expansion into East Asia in the late 19th – early 20th centuries and reveals the reasons for choosing the port of Jiaozhou as the main target for German colonial expansion in East Asia and the role of Alfred von Tirpitz, the future creator of the German "high seas fleet," in choosing that port. In addition to that, the author identifies the degree of the German Navy's influence in the region and assesses its efforts to turn Jiaozhou into a model colony. It is noted that there was a gradual transformation of the German colonial policy in China under the influence of the interests of the two largest powers in the region – Great Britain and Russia. It is shown that Anglo–Russian antagonism was used to strengthen German position in East Asia and to create its own zone of influence in the region. The author concludes that the capture of Jiaozhou Bay in November 1897 launched a new stage of European policy in relation to China, which was the starting point in the territorial division of China between the great powers that had their own interests in East Asia.

Keywords: colonial expansion, international relations, sales markets, German Empire, Russian Empire, Far East

Acknowledgments: The research was conducted under the supervision of Doctor of Historical Sciences, Professor B.L. Khavkin.

For citation: Tikhonov, A.S. "German Colonial Expansion into China in the Late 19th Century." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 4 (2024): 1175–97, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-3; EDN: WXBCYQ

Введение

На рубеже XIX–XX вв. Китай стал центром пересечения интересов сильнейших европейских военно-морских держав – Великобритании, Франции, Германии, России, а также США и Японии. Китай того времени являлся одним из крупнейших и перспективнейших рынков сбыта для европейских товаров, что в условиях слабости императорской власти Китая привело к переделу сфер влияния в Восточной Азии, сопровождавшемуся военными конфликтами, одним из которых стала русско-японская война 1904–1905 гг. В целом, борьба великих держав за «место под солнцем» в Азиатско-Тихоокеанском регионе оказала существенное влияние на развитие международных отношений в начале XX в.

После сокрушительного поражения Китая в японо-китайской войне 1894–1895 гг. империалистические державы стремились воспользоваться слабостью китайских властей в своих интересах, ведя политику активного проникновения европейского и американского капитала в страну и христианизации китайского населения. Все это сопровождалось разделом территории империи на сферы влияния между великими державами. И одним из государств, стремившихся воспользоваться ослаблением Китая в своих интересах, стал молодой Второй Рейх.

Исследование германской колониальной экспансии в Китай представляет особую ценность в рамках изучения «мировой политики», проводимой Германией на рубеже XIX–XX вв. Германская экспансия в Восточной Азии, начиная от попыток мирного проникновения и заканчивая военной интервенцией в Цзяочжоу, наглядно демонстрирует первые шаги декларируемой Вильгельмом II «мировой политики».

В современной зарубежной историографии германская колониальная экспансия в Китай на рубеже XIX–XX вв. широко исследована в политическом, экономическом и военном аспектах. Основная масса зарубежных исследований рассматривает германскую восточноазиатскую политику в рамках «мировой политики» (Weltpolitik), направленной на подъем германского влияния в Европе и за ее пределами[1], либо в рамках политики Альфреда фон Тирпица по строительству германского флота в конце XIX – начале XX в.[2] Также имеются научные работы, представляющие германскую восточноазиатскую политику в контексте русско-германских отношений конца XIX – начала XX в.[3]

Кроме того, в немецкой историографии освещена история создания и становления германской колонии в Киао-чао (Циндао) с 1897 до 1914 г.[4], а также проблема взаимовосприятия немцев и китайцев на примере отчетов путешественников[5].

В свою очередь, отечественная историография рассматривает германскую колониальную политику в Китае лишь в рамках политики «нового

[1] *Baumgart W.* Deutschland im Zeitalter des Imperialismus (1890–1914). Grundkräfte, Thesen und Strukturen. Frankfurt am Main: Ullstein, 1976; *Altrichter H.* Konstitutionalismus und Imperialismus: der Reichstag und die deutsch-russischen Beziehungen, 1890–1914. Frankfurt am Main: P. Lang, 1977.

[2] *Berghahn V.R.* Der Tirpitz-Plan. Genesis und Verfall einer innenpolitischen Krisenstrategie unter Wilhelm II. Düsseldorf: Droste, 1971; *Ganz A.H.* The German Navy in the Far East and the Pacific: The Seizure of Kiaochow and After // Germany in the Pacific and Far East, 1870–1914 / edited by J.A. Moses, P.M. Kennedy. St. Lucia: University of Queensland Press, 1977. P. 115–136.

[3] *Vogel B.* Deutsche Russlandpolitik. Das Scheitern Weltpolitik unter Bülow 1900–1906. Dusseldorf: Bertelsmann Universitätsverlag, 1973; *Geyer D.* Der russische Imperialismus: Studien über den Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik, 1860–1914. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977.

[4] *Schrecker J. E.* Kiautschou and the Problems of German Colonialism // Germany in the Pacific and Far East, 1870–1914 / edited by J.A. Moses, P.M. Kennedy. St. Lucia: University of Queensland Press, 1977. P. 185–208.

[5] *Liu J.* Wahrnehmung des Fremden: China in deutschen und Deutschland in chinesischen Reiseberichten Vom Opiumkrieg bis zum Ersten Weltkrieg: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen. Universität Freiburg, 2003.

маринизма»[6] или англо-русско-германского соперничества в Китае на рубеже XIX–XX вв[7].

Целью данной статьи является комплексное изучение германской колониальной политики в Китае в конце XIX в. на основе доступных автору источников и литературы. Была предпринята попытка проанализировать характер и особенности дипломатической борьбы великих держав за сферы влияния в регионе, а также изучить значение германской колонии в Циндао (Цзяочжоу) для укрепления позиций Германии в Восточной Азии.

Основная часть

К концу XIX в. в результате строительства железных дорог, открытия новых заводов и налаживания судоходства наблюдался устойчивый рост импорта европейской продукции в Китай, что открывало весьма перспективный рынок сбыта, поскольку население Китая на тот момент уже превысило 400 млн чел.

Германия в то время была одним из крупнейших импортеров промышленных товаров в Китай. В частности, в 1889 г. общий германский экспорт в Китай составлял 25 млн марок. Со временем он увеличивался по экспоненте, достигнув к 1900 г. 52,7 млн марок, а к 1913 г. – 131 млн марок[8]. В основе германского экспорта в Китай находилась продукция оборонной, металлургической, текстильной и химической промышленности.

В это же время, за период 1890–1900 гг., общее водоизмещение грузов, перевозимых германскими торговыми судами в Китай, удвоилось, дойдя до 2,6 млн тонн или 10 % от общего объема морских грузоперевозок в Китай[9].

Таким образом, германо-китайские торговые отношения имели для Германии первостепенную важность, поскольку уже к началу 1890-х гг. общий товарооборот с Китаем превышал аналогичный товарооборот с германскими колониями в Африке и на Тихом океане в несколько раз[10].

---

[6] *Шилов С.П.* Кайзеровский военно-морской флот и Россия: от идеи германо-русского союза к конфронтации в 1897–1914 гг. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2004; *Шилов С.П.* Адмирал Тирпиц и захват Германией Цзяочжоу в 1897 году // Вестник Тюменского государственного университета, выпуск № 2. 2002. С. 35–40; *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией / перевод с английского Н. Мишаковой. Москва: Новое литературное обозрение, 2009.

[7] *Сергеев Е.Ю.* Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897–1903 гг. Москва: ИВИ РАН, 1998.

[8] *Liu J.* Wahrnehmung des Fremden. S. 33.

[9] China: Schilderungen aus Leben und Geschichte, Krieg und Sieg: ein Denkmal den Streitern und der Weltpolitik / Herausgegeben von J. Kurschner. Berlin: Deutsche Kriegerbund-Buchhandlung, Dr. Hans Natge, 1901. S. 391.

[10] *Altrichter H.* Konstitutionalismus und Imperialismus. S. 201.

Для дальнейшей экспансии немецкого капитала и товаров в Китай, германское внешнеполитическое руководство решило опереться на опыт Великобритании, которая с целью проникновения на китайские рынки сбыта и создания военно-морской базы в регионе приобрела Гонконг[11].

Для реализации подобных намерений Германия приняла участие в совместном франко-русско-германском выступлении против условий Симоносекского мирного договора, заключенного между Китаем и Японией в апреле–мае 1895 г. По мнению германского руководства, «совместные действия с Россией, возможно, единственный способ для нас, чтобы благодарный Китай <…> уступил или сдал в аренду <…> место для флотской или угольной станции»[12].

Однако, поскольку Россия сохраняла status quo в Китае, Германии не удалось приобрести необходимый порт. Впрочем, у германского дипломатического ведомства получилось добиться открытия торговых филиалов в Тяньцзине и Ханькоу в октябре 1895 г.[13], что позволило в короткие сроки вытеснить преимущественно английские торговые дома из Тяньцзиня и Кантона (Гуанчжоу), а также существенно ухудшить условия для английских фирм в Шанхае[14].

Несмотря на наличие торговых филиалов на юге и севере Китая, Германия не отказывалась и от планов по приобретению там незамерзающего порта. Более того, со временем простая идея создания военно-морской базы для германского флота вкупе с торговым портом трансформировалась в намерение организовать полноценную торговую колонию, которая бы в первую очередь удовлетворяла потребности германской экономики.

По мнению германского внешнеполитического руководства, приобретаемый порт должен был соответствовать требованиям германского флота и располагаться на основных железнодорожных магистралях Китая для продвижения германских торговых интересов. В то же время он должен был находиться вдали от портов других европейских держав, чтобы можно было

---

[11] *Wilhelmy E.* China. Land und Leute. Illustrierte Geschichte des Reiches der Mitte, Berlin: Verlag Merkur, 1903. S. 525.

[12] Nr. 2238. Pfomemoria des Gesandten z. D. von Brandt. Berlin, den 8. April 1895 [Памятная записка посланника З.Д. фон Брандта, Берлин, 8 апреля 1895 года] // Eigenhändig Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes / Herausgegeben von J. Lepsius, A. Medelsohn-Bartholdy, F. Thimme. Berlin: Deutsche verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1924. Bd. 9: Der nahe und der Ferne Osten, S. 265–266.

[13] *Graudenz K.* Die deutschen Kolonien: Geschichte der deutsche Schutzgebiete in Wort, Bild und Karte. München: Sudwest-Verlag, 1984. S. 295.

[14] China: Schilderungen aus Leben und Geschichte, Krieg und Sieg: ein Denkmal den Streitern und der Weltpolitik. S. 389–390.

сформировать собственную экономическую зону, не подвергая угрозе сферы интересов других держав[15].

С целью тщательного изучения подходящих портов в июне 1896 г. на пост начальника германской восточноазиатской эскадры был назначен контр-адмирал Тирпиц, бывший начальник штаба Верховного командования флотом[16]. Прибыв к месту службы, Тирпиц приступил к исследованию возможных мест для организации германской колонии в Восточной Азии.

Опираясь на свои наблюдения и результаты бесед с несколькими иностранными специалистами по данному региону, такими как первый секретарь английского посольства в Пекине Бюклер, знаток Китая и морской инженер Р. Гардинг и английский консул в Китае, а по совместительству торговый специалист, Дрэнан, Тирпиц отобрал несколько вариантов для организации германской морской станции[17].

Наиболее предпочтительным вариантом, по мнению Тирпица, являлась бухта Киао-Чао (Цзяочжоу) на Шаньдунском полуострове. Преимуществом Цзяочжоу являлось присутствие на Шаньдунском полуострове многочисленных немецких католических миссий[18], которые могли бы оказать поддержку в случае организации там германской морской станции, а также наличие в непосредственной близости от порта угольных месторождений[19].

Равноудаленность от преимущественно английской и русской экономических зон на реке Янцзы и в Маньчжурии соответственно давала возможность основать зону немецкого экономического влияния в богатой провинции Шаньдун, примыкавшей к столичной провинции Чжили. Кроме того, строительство франко-бельгийским синдикатом железнодорожной линии Пекин-Ханькоу открывало широкие перспективы выхода на внутренний китайский рынок при условии строительства железнодорожной ветки от Цзяочжоу до столицы провинции Шаньдун Цинаньфу и далее[20].

---

[15] China: Schilderungen aus Leben und Geschichte, Krieg und Sieg: ein Denkmal den Streitern und der Weltpolitik. S. 522–523.

[16] *Ganz A.H.* The German Navy in the Far East and the Pacific: The Seizure of Kiaochow and After. P. 121.

[17] *Шилов С.П.* Кайзеровский военно-морской флот и Россия. С. 41.

[18] *Franzius G.* Kiautschou. Deutschlands Erwerbung in Ostasien. Berlin: Schall & Grund, 1898. S. 125–128.

[19] Nr. 3664. Der Gesandte in Peking Freiherr von Heyking an den Reichskanzler Fürsten von Hohenlohe Ausfertigung. Peking, den 22. August 1896 [№ 3664. Посланник в Пекине Фрайхер фон Хейкинг при рейхсканцлере принце фон Гогенлоэ. Пекин, 22 августа 1896 г.] // Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914. Bd. 14.1: Weltpolitische Rivalitäten. S. 34–36.

[20] China: Schilderungen aus Leben und Geschichte, Krieg und Sieg: ein Denkmal den Streitern und der Weltpolitik. S. 415–416.

Однако еще зимой 1895 г. китайские власти выдали разрешение Российской империи на базирование в бухте Киао-Чао (Цзяочжоу) кораблей русской Тихоокеанской эскадры[21]. Попытки немецких дипломатов прощупать почву в отношении данного порта ясно дали понять, что Цзяочжоу входит в российскую зону интересов на Дальнем Востоке[22].

В связи с этим германское внешнеполитическое руководство склонялось к другому варианту – порту Амой на побережье Тайваньского пролива. В отличие от бухты Киао-Чао, порт Амой имел единственную в Китае (после Гонконга) гавань, способную принимать суда любой осадки и защищать их от любых ветров[23]. Кроме того, порт Амой имел развитую инфраструктуру и занимал 9-е место среди других китайских портов по объему торговли[24].

Впрочем, как отмечал Тирпиц в своем отчете, порт Амой имел туманные экономические перспективы для развития, поскольку общий товарооборот через этот порт за последние 7 лет упал почти на 42 % за счет развития Шанхая, Кантона (Гуанчжоу) и Гонконга[25].

Кроме того, канцлер Гогэнлоэ отмечал, что китайские морские пошлины, собираемые в порту Амой, «являются единственным залогом для облигаций, взятых Китаем, в которых значительно участвуют французский, русский и английский капиталы»[26]. Данный факт неизбежно повлек бы за собой активное противодействие германской инициативе не только со стороны Китая, но и России, Великобритании и Франции.

Несмотря на все контрагрументы, активными сторонниками приобретения Германией порта Амой оставались кайзер Вильгельм II и немецкий посланник в Пекине Эдмунд фон Гейкинг. Уверенность кайзера в данной возможности основывалась на широко известном высказывании английского адмирала Буллера летом 1895 г. о возможности уступки бухты Германии. Однако, как отмечал Тирпиц в своем отчете вице-адмиралу Кнорру от 5 августа 1896 г.,

---

[21] *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу. С. 247–248.

[22] Nr. 3664. Der Gesandte in Peking Freiherr von Heyking an den Reichskanzler Fürsten von Hohenlohe Ausfertigung. Peking, den 22. August 1896. S. 34–36.

[23] Nr. 3650. Aufzeichnung des Stellvertretenden Staatssekretärs des Auswärtigen Amtes Freiherrn von Rotenhan. Berlin, den 9. September 1895 [Записка заместителя государственного секретаря Министерства иностранных дел Фрайхерна фон Ротенана, Берлин, 9 сентября 1895 года] // Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914. Bd. 14.1: Weltpolitische Rivalitäten. S. 14–15.

[24] *Шилов С.П.* Адмирал Тирпиц и захват Германией Цзяочжоу в 1897 году. С. 36.

[25] *Шилов С.П.* Адмирал Тирпиц и захват Германией Цзяочжоу в 1897 году. С. 36.

[26] Nr. 3669. Aufzeichnung des Vortragenden Rats im Auswärtigen Amt Klehmet. Berlin, den 28. November 1896 [Записка докладчика в Министерстве иностранных дел Клемета. Берлин, 28 ноября 1896 года] // Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914. Bd. 14.1. Weltpolitische Rivalitäten. S. 43–46.

«такую позицию английского адмирала вряд ли стоит принимать во внимание без предварительного одобрения английского правительства»[27].

Последним из возможных вариантов германское внешнеполитическое руководство рассматривало порт Талиенвань (бухта Замза) на Ляодунском полуострове. Несмотря на его существенные недостатки в виде неблагоприятных природных условий и отсутствия перспектив экономического развития[28], выбор порта Талиенвань был единственным, который не нес рисков столкновения с другими европейскими державами.

Таким образом, германская восточноазиатская политика, направленная на приобретение незамерзающего порта в Китае, была вынуждена постоянно лавировать между интересами России и Великобритании, являвшимися основными игроками в данном регионе. Обе державы стремились использовать германскую экспансию в Восточной Азии в своих интересах, направляя внимание германского внешнеполитического руководства на зону влияния своего конкурента[29].

В этих условиях Германии оставалось лишь осторожно прощупывать почву в надежде на определенные уступки одной из сторон. И благодаря дипломатическим навыкам контр-адмирала Тирпица удалось выяснить отсутствие у российской стороны намерений приобрести порт Цзяочжоу в собственность Российской империи.

В конфиденциальном разговоре командующий русской Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал Алексеев признал, что порт Цзяочжоу не интересен российскому Морскому министерству[30], что было подтверждено в июне 1897 года германским послом в Петербурге графом Радолином[31].

---

[27] *Шилов С.П.* Адмирал Тирпиц и захват Германией Цзяочжоу в 1897 году. С. 36.

[28] *Тирпиц А.* Воспоминания / перевод с немецкого В.Я. Голанта. Москва: Воениздат, 1957. С. 111.

[29] *Сергеев Е.Ю.* Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897–1903 гг. С. 30.

[30] *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу. С. 248.

[31] Nr. 3676. Der Botschafter in Petersburg Fürst von Radolln an den Reichskanzler Fürsten von Hohenlohe. St. Petersburg, den 3. Juli 1897 [№ 3676. Посол в Петербурге князь фон Радолльн к рейхсканцлеру князю фон Гогенлоэ. Санкт-Петербург, 3 июля 1897 г.]; Nr. 3677. Der Botschafter in Petersburg Fürst von Radolin an den Reichskanzler Fürsten von Hohenlohe. St. Petersburg, den 8. Juli 1897 [№ 3677. Посол в Петербурге князь фон Радолин к рейхсканцлеру князю фон Гогенлоэ. Санкт-Петербург, 8 июля 1897 г.]; Nr. 3679. Der Stellvertretende Staatssekretär des Auswärtigen Amtes Botschafter Bernhard von Bülow, z. Z. in Petersburg, an das Auswärtige Amt. St. Petersburg, den 11. August 1897 [№ 3679. Заместитель статс-секретаря Министерства иностранных дел Посол Бернхард фон Бюлов, в настоящее время в Петербурге, в Министерство иностранных дел. Санкт-Петербург, 11 августа 1897 г.] // Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914. Bd. 14.1: Weltpolitische Rivalitäten. S. 55–59.

Тирпицу удалось убедить германское внешнеполитическое руководство, что даже в случае приобретения порта Цзяочжоу Россией, она еще долгие годы не сможет вкладывать деньги в военное или экономическое развитие порта и прилегающих территорий, ибо, по его мнению, и так «имеет в Китае столько, что ей все просто не унести»[32].

Подобные выводы имели под собой основания, поскольку российская казна на рубеже XIX – XX вв. не могла себе позволить вкладывать значительные средства в российскую экономическую экспансию в Маньчжурии, не говоря уже о центральном Китае. Все свободные средства Министерства финансов уходили на концессии, связанные со строительством железной дороги в Маньчжурии (позднее КВЖД)[33]. Более того, министр иностранных дел России М.Н. Муравьев признавал, что экономическая экспансия России в Центральный Китай невозможна ввиду отсутствия достаточных средств[34].

Помимо этого, приобретение Россией порта Цзяочжоу в перспективе расширяло российскую сферу влияния на весь северный и центральный Китай, что выводило бы конфликт с Великобританией в Восточной Азии на новый уровень. По этой причине, российское внешнеполитическое руководство не стремилось приобретать данный порт, но при этом продолжало быть заинтересованным в его использовании для нужд русской Тихоокеанской эскадры.

Подобная ситуация открывала для германской дипломатии возможность договориться с русским правительством и императором Николаем II об уступке порта Цзяочжоу на взаимовыгодных условиях. С этой целью в августе 1897 г. Вильгельм II совершил официальный визит в Кронштадт во главе броненосной эскадры, где в ходе кулуарных переговоров смог добиться устного согласия Николая II на оборудование стоянки германских кораблей в бухте Цзяочжоу, но лишь при одобрении русского военно-морского командования на местах[35].

Однако германское внешнеполитическое руководство восприняло это дозволение как карт-бланш на свободу действий в отношении порта Цзяочжоу, в том числе и на его захват[36]. Убийство двух немецких миссионеров в провинции Шаньдун 1 ноября 1897 г. дало Второму Рейху прекрасный повод для занятия порта Цзяочжоу, и уже 14 ноября основные

[32] *Шилов С.П.* Адмирал Тирпиц и захват Германией Цзяочжоу в 1897 году. С. 37.

[33] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. С. 105.

[34] *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав…». С. 139.

[35] *Сергеев Е.Ю.* Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897–1903 гг. С. 31.

[36] *Altrichter H.* Konstitutionalismus und Imperialismus. S. 197.

силы германской восточноазиатской эскадры под командованием контр-адмирала Дидерикса заняли порт Цзяочжоу и прилегающий к нему район[37].

Подобные агрессивные действия со стороны Германии закономерно вызвали протест со стороны русского Министерства иностранных дел и лично графа М.Н. Муравьева. Несогласие с политикой, проводимой внешнеполитическим ведомством Германии, было подкреплено угрозой отправить русские боевые корабли в порт Цзяочжоу, «как только немецкие корабли войдут в порт»[38].

Решительное противодействие со стороны российской дипломатии вызвало у германской внешнеполитической элиты опасение в возможности военного конфликта с Россией в регионе. Однако, несмотря на определенные сомнения со стороны министра иностранных дел Бюлова, канцлера Гогэнлоэ и статс-секретаря Имперского морского министерства Тирпица, германский император во главе группы приближенных к нему лиц принял решение продолжить акцию, а возникшие русско-германские противоречия решить дипломатическим путем[39].

Впрочем, опасения части германской элиты были напрасны, поскольку российское внешнеполитическое руководство не пожелало идти на реальный конфликт с Германией из-за малозначимого порта в северном Китае[40].

В свою очередь, консультации с английским правительством показали, что Германия может не опасаться агрессивных шагов со стороны Великобритании, поскольку германская агрессия не затронула английскую зону интересов на юге Китая[41].

Таким образом, Германии удалось вклиниться между зонами интересов России и Великобритании, решив возникшие противоречия с Россией путем переговоров. Оставшись в международной изоляции перед лицом германской экспансии, китайское правительство было вынуждено заключить 6 марта 1898 г. договор с Германией об аренде района Цзяочжоу площадью 560 км² на

---

[37] *Schrecker J. E.* Kiautschou and the Problems of German Colonialism. P. 188.

[38] Nr, 3693. Der Stellvertretende Staatssekretär des Auswärtigen Amtes Freiherr von Rotenhan an Kaiser Wilhelm II, z. Z. in Groß-Strehlitz. Berlin, den 10. *November 1897 [№ 3693. Заместитель государственного секретаря Министерства иностранных дел Фрайхерра фон Ротенхана при кайзере Вильгельме II, в настоящее время в Гросс-Штрихлице. Берлин, 10 ноября 1897 г.] // Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914. Bd. 14.1: Weltpolitische Rivalitäten. S. 74.

[39] *Шилов С.П.* Кайзеровский военно-морской флот и Россия. С. 44–45.

[40] *Кондратенко Р.В.* Российские морские агенты об усилении японского флота в конце XIX – начале XX века // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник / под редакцией О.Р. Айрапетова. Москва: Три квадрата, 2004. С. 87.

[41] *Altrichter H.* Konstitutionalismus und Imperialismus. S. 199.

99 лет с правом постройки железной дороги в провинции Шаньдун и разработки месторождений полезных ископаемых в пятнадцатикилометровой зоне по обеим сторонам от железной дороги[42].

Оккупация Германией Цзяочжоу нарушила сложившийся status quo в регионе, ознаменовав собой начало территориальной экспансии европейских держав на китайскую территорию. Вслед за Германией Россия оккупировала Порт-Артур, а затем заключила аналогичный с германским договор об аренде Ляодунского полуострова[43]. За ними последовали оккупация Великобританией и Францией Вэй-хай-вэя и Гуанчжоуваня[44].

Характерной особенностью вновь образованной германской колонии являлось ее подчинение Имперскому морскому министерству во главе с губернатором из числа старших морских офицеров, а не Имперскому колониальному министерству (Reichs-Kolonial-Amt)[45]. Однако, находясь под управлением военно-морского ведомства, Киао-Чао оставалась в первую очередь торговой колонией, а уже затем военно-морской базой.

С целью активного проникновения на китайские рынки с нуля был выстроен порт Киао-Чао (Цзяочжоу), доки и верфь, проложена железнодорожная ветка из порта в столицу провинции Шаньдунь Цзинань, а также отдельные ветки в угольные шахты возле Вэйсяня и Пошаня[46].

В сентябре 1898 г. Киао-Чао был объявлен свободным портом для всех торговых судов[47]. Все эти действия вкупе с существенными государственными дотациями от германского правительства привели к экономическому процветанию колонии. Общий объем торговли через порт увеличился в период с 1900 по 1909 г. с 5,9 млн до 65 млн «мексиканских долларов»[48], а количество судов, пришедших в порт, выросло со 192 кораблей в 1900 г. до 509 в 1909 г.[49]

Заключение

Таким образом, германская колониальная экспансия в Китай в конце XIX в. имела целью экономическую эксплуатацию китайских ресурсов, в которой Второй Рейх стремился сравняться с другими крупными европейскими

[42] *Liu J.* Wahrnehmung des Fremden. S. 38.

[43] *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу. С. 257.

[44] *Altrichter H.* Konstitutionalismus und Imperialismus. S. 200.

[45] *Graudenz K.* Die deutschen Kolonien. S. 296.

[46] *Liu J.* Wahrnehmung des Fremden. S. 39.

[47] *Schrameier W.* Die Grundlagen der wirtschaftlichen Entwicklung in Kiautschou. Berlin: Druck von Trowitzsch & Sohn, 1903. S. 32–33.

[48] Одна из валют, использовавшихся в Киао-Чао. Курс мексиканского доллара колебался между 1,63 и 2,39 немецкой марки.

[49] *Graudenz K.* Die deutschen Kolonien. S. 306.

державами. Приобретение Киао-Чао позволило Германии создать свою собственную сферу влияния на севере Китая за счет строительства железных дорог и добычи полезных ископаемых в провинции Шаньдун. Благодаря значительному вкладу в развитие этого региона, который в значительной степени заключался в стремлении превратить Киао-Чао в образцовую колонию, военно-морской флот обеспечил эффективное управление и экономический прогресс в арендованном владении и, таким образом, создал колонию Германии, которую многие считали самой успешной. Вместе с тем, агрессивная колониальная политика Германии нарушила сложившийся баланс сил в регионе, покончив с почти полувековым англо-русским противостоянием в Китае и ознаменовав начало англо-русско-германского соперничества в Китае на рубеже XIX–XX вв.

Introduction

In the late 1890s – early 1900s, China became a point of intersection of the interests of the strongest European naval powers – Great Britain, France, Germany, and Russia – and also the United States and Japan. China at that time offered one of the largest and most promising markets for selling European goods. Given the weakness of the imperial power of China, it led to a redistribution of spheres of influence in East Asia, which was accompanied by military conflicts, including the Russo–Japanese War of 1904–05. In general, the struggle of the great powers for "a place in the sun" in the Asia–Pacific region had a significant impact on the development of international relations in the early 20th century.

After China's crushing defeat in the Sino–Japanese War of 1894–95, the imperialist powers sought to take advantage of the weakness of the Chinese authorities in their own interests, pursuing the policy of active penetration of European and American capital into the country and Christianization of the Chinese population. All this was accompanied by the division of the empire's territory into spheres of influence between the great powers. The young Second Reich was among the states that sought to take advantage of China's weakening in its own interests.

The study of German colonial expansion into China is of particular value in the context of the study of the "world policy" pursued by Germany at the turn of the 20th century. German expansion in East Asia, from its attempts of peaceful penetration to military intervention in Jiaozhou, clearly demonstrates the first steps of the world policy (*Weltpolitik*) declared by Wilhelm II.

German colonial expansion into China at the turn of the 20th century has been studied by present-day foreign historiography in its political, economic, and military aspects. The bulk of foreign studies examine German East–Asian policy within the framework of *Weltpolitik* aimed at raising German influence in Europe and beyond,[1] or within the framework of Alfred von Tirpitz's policy of building the German fleet in the late 19th – early 20th centuries.[2] There are also scholarly works examining German East Asian policy in the context of Russian-German relations in the late 19th – early 20th centuries.[3]

[1] W. Baumgart, *Deutschland im Zeitalter des Imperialismus (1890–1914). Grundkräfte, Thesen und Strukturen* (Frankfurt am Main: Ullstein, 1976); H. Altrichter, *Konstitutionalismus und Imperialismus: der Reichstag und die deutsch-russischen Beziehungen, 1890–1914* (Frankfurt am Main: P. Lang, 1977).

[2] V.R. Berghahn, *Der Tirpitz-Plan. Genesis und Verfall einer innenpolitischen Krisenstrategie unter Wilhelm II* (Düsseldorf: Droste, 1971); A.H. Ganz, "The German Navy in the Far East and the Pacific: The Seizure of Kiaochow and After," in *Germany in the Pacific and Far East, 1870–1914*, ed. J.A. Moses, P.M. Kennedy (St Lucia: University of Queensland Press, 1977), 115–36.

[3] B. Vogel, *Deutsche Russlandpolitik. Das Scheitern Weltpolitik unter Bülow 1900–1906* (Düsseldorf: Bertelsmann Universitätsverlag, 1973); D. Geyer, *Der russische Imperialismus: Studien über den Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik, 1860–1914* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977).

In addition, German historiography covers the history of creation and development of the German colony in Kiautschou (Qingdao) from 1897 to 1914[4] as well as the problem of mutual perception of Germans and Chinese using the example of travelogues.[5]

Domestic historiography, in its turn, considers German colonial policy in China only within the framework of the policy of new Marinism[6] or Anglo–Russian–German rivalry in China at the turn of the 20th century.[7]

The purpose of this article is to conduct a comprehensive study of German colonial policy in China at the end of the 19th century based on sources and literature available to the author. An attempt was made to analyze the nature and features of the diplomatic struggle of the great powers for spheres of influence in the region and to study the significance of the German colony in Qingdao (Jiaozhou) for strengthening the position of Germany in East Asia.

Main body

At the end of the 19th century, there was a steady growth in the import of European goods to China as a result of the construction of railways, opening of new factories, and establishment of shipping, which opened up a very promising sales market, since the population of China at that time had already exceeded 400 million people.

At that time, Germany was one of the largest importers of industrial goods to China. In particular, in 1889, total German exports to China amounted to 25 million marks. Over time, it increased exponentially, amounting to 52.7 million marks in 1900 and 131 million marks in 1913.[8] The bulk of German exports to China were products of the defense, metallurgy, textile, and chemical industries.

[4] J.E. Schrecker, "Kiautschou and the Problems of German Colonialism," in *Germany in the Pacific and Far East, 1870–1914*, ed. J.A. Moses, P.M. Kennedy (St Lucia: University of Queensland Press, 1977), 185–208.

[5] J. Liu, "Wahrnehmung des Fremden: China in deutschen und Deutschland in chinesischen Reiseberichten. Vom Opiumkrieg bis zum Ersten Weltkrieg" (PhD diss., University of Freiburg, 2003).

[6] S.P. Shilov, *The Kaiser's Navy and Russia: From the Idea of a German–Russian Alliance to Confrontation in 1897–1914* [in Russian] (Tyumen: Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004); S.P. Shilov, "Admiral Tirpitz and the capture of Jiaozhou by Germany in 1897" [in Russian], *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (2002): 35–40; 4. D. Schimmelpenninck van der Oye, *Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan* [in Russian], trans. N. Mishalova (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009).

[7] E.Yu. Sergeev, *Policy of Great Britain and Germany in the Far East, 1897–1903* [in Russian] (Moscow: IVI RAN, 1998).

[8] Liu, *Wahrnehmung des Fremden*, 33.

At the same time, during the period 1890–1900, the total tonnage of cargo carried by German merchant ships to China doubled and reached 2.6 million tons or 10% of the total amount of sea cargo transported to China.[9]

Thus, German–Chinese trade relations were of paramount importance for Germany because by the beginning of the 1890s, the total trade turnover with China had exceeded the similar trade turnover with the German colonies in Africa and the Pacific Ocean several times.[10]

In order to further expand German capital and goods into China, the German foreign policy leadership decided to rely on the experience of Great Britain, which acquired Hong Kong with the aim of penetrating Chinese markets and establishing a naval base in the region.[11]

To implement such intentions, Germany took part in a joint Franco–Russo–German action against the terms of the Shimonoseki Peace Treaty concluded between China and Japan in April–May 1895. The German leadership stated: "Joint action with Russia was perhaps the only way for us to make grateful China. . . cede or lease. . . a place for a naval or coal station."[12]

Nevertheless, since Russia kept the status quo in China, Germany failed to acquire the necessary port. However, the German diplomatic department succeeded in opening trade branches in Tianjin and Hankou in October 1895,[13] which made it possible to quickly oust the trading houses that were predominantly English from Tianjin and Canton (Guangzhou) and also significantly worsen the conditions for English firms in Shanghai.[14]

Despite the presence of trade branches in the south and north of China, Germany did not abandon plans to acquire an ice-free port in China. Moreover, over time, the simple idea of establishing a naval base for the German fleet together with a commercial port transformed into the intention to organize a full-fledged trading colony, which would primarily satisfy the needs of German economy.

According to the German foreign policy leadership, the acquired port had to meet the requirements of the German fleet and be located on the main railway lines of China to promote German trade interests. At the same time, it had to be located far

---

[9] *China: Schilderungen aus Leben und Geschichte, Krieg und Sieg: ein Denkmal den Streitern und der Weltpolitik*, hrsg. von J. Kurschner (Berlin: Deutsche Kriegerbund-Buchhandlung, Dr. Hans Natge, 1901), 391.

[10] Altrichter, *Konstitutionalismus und Imperialismus*, 201.

[11] E. Wilhelmy, *China. Land und Leute. Illustrierte Geschichte des Reiches der Mitte* (Berlin: Verlag Merkur, 1903), 525.

[12] "Nr. 2238. Pfomemoria des Gesandten z. D. von Brandt. Berlin, den 8. April 1895," in *Eigenhändig Die Grosse Politik der Europaischen Kabinette, 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes*, hrsg. von J. Lepsius, A. Medelsohn-Bartholdy, F. Thimme, Bd. 9, *Der nahe und der Ferne Osten* (Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1924), 265–66.

[13] K. Graudenz, *Die deutschen Kolonien: Geschichte der deutsche Schutzgebiete in Wort, Bild und Karte* (München: Sudwest-Verlag, 1984), 295.

[14] *China: Schilderungen aus Leben und Geschichte*, 389–90.

from the ports of other European powers, so that it could form its own economic zone without threatening the spheres of interest of other powers.[15]

In order to thoroughly investigate suitable ports, Rear Admiral Tirpitz, former Chief of Staff of the Supreme Command of the Navy, was appointed Commander of the German East Asia Squadron in June 1896.[16] Upon arrival, Tirpitz started investigating possible sites to organize a German colony in East Asia.

Based on his observations and results of conversations with several foreign experts on the region, among whom were Bückler (the first secretary of the English embassy in Beijing), R. Harding (naval engineer and an expert on China), and Drennan (British consul in China who was also a trade specialist), Tirpitz selected several options for organizing a German naval station.[17]

According to Tirpitz, the most preferable option was the bay of Kiautschou (Jiaozhou) on the Shandong Peninsula. The advantage of Jiaozhou was the presence of numerous German Catholic missions on the Shandong Peninsula,[18] which could provide support in the event of the organization of a German naval station there, as well as the presence of coal deposits in the immediate vicinity of the port.[19]

Equidistance from the predominantly English and Russian economic zones on the Yangtze River and in Manchuria, respectively, made it possible to establish a zone of German economic influence in the rich province of Shandong adjacent to the capital province of Zhili. In addition, the construction of the Beijing–Hankou railway line by the Franco-Belgian syndicate opened up broad prospects for entering the internal Chinese market, provided that a railway line was built from Jiaozhou to Qinanfu, the capital of Shandong province, and further.[20]

However, back in the winter of 1895, the Chinese authorities issued permission to the Russian Empire to base ships of the Russian Pacific Squadron in Kiautschou (Jiaozhou) Bay.[21] Attempts by German diplomats to test the waters regarding this port made it clear that Jiaozhou was part of Russia's zone of interests in the Far East.[22]

In this regard, the German foreign policy leadership was inclined to another option, the port of Amoy on the coast of the Taiwan Strait. Unlike the Kiautschou Bay, the port of Amoy had the only harbor in China (after Hong Kong) capable of accepting

[15] *China: Schilderungen aus Leben und Geschichte*, 522–23.

[16] Ganz, *The German Navy in the Far East*, 121.

[17] Shilov, *The Kaiser's Navy and Russia*, 41.

[18] G. Franzius, *Kiautschou. Deutschlands Erwerbung in Ostasien* (Berlin: Schall & Grund, 1898), 125–28.

[19] "Nr. 3664. Der Gesandte in Peking Freiherr von Heyking an den Reichskanzler Fürsten von Hohenlohe Ausfertigung. Peking, den 22. August 1896," in *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914*, Bd. 14.1, *Weltpolitische Rivalitäten*, 34–36.

[20] *China: Schilderungen aus Leben und Geschichte*, 415–16.

[21] Schimmelpenninck, *Toward the Rising Sun*, 247–48.

[22] "Nr. 3664. Der Gesandte in Peking Freiherr von Heyking an den Reichskanzler Fürsten von Hohenlohe Ausfertigung. Peking, den 22. August 1896," 34–36.

ships of any draught and protecting them from any winds.[23] In addition, the port of Amoy had a developed infrastructure and ranked 9th among other Chinese ports in terms of trade.[24]

However, as Tirpitz noted in his report, the port of Amoy had dim economic prospects for development, since the total trade turnover through that port over the past seven years had fallen by almost 42% due to the development of Shanghai, Canton (Guangzhou), and Hong Kong.[25]

In addition, Chancellor Hohenlohe noted that the Chinese maritime duties collected in the port of Amoy were the only collateral for the bonds taken by China, in which French, Russian and English capital were significantly involved. That fact would inevitably entail active opposition to the German initiative not only from China but also from Russia, Great Britain, and France.[26]

Despite all the counterarguments, Kaiser Wilhelm II and German Envoy to Beijing Edmund von Heyking, remained active supporters of the acquisition of the port of Amoy by Germany. The Kaiser's confidence in the possibility of ceding Amoy to Germany was based on the widely known statement by the British Admiral Buller in the summer of 1895 about the possibility of ceding the bay to Germany. However, Tirpitz noted in his report to Vice-Admiral Knorr on August 5, 1896, "Such a position of the British admiral is hardly worth taking into account without the prior approval of the British government."[27]

The last of the possible options that the German foreign policy leadership considered was the port of Talienwan (Zamza Bay) on the Liaodong Peninsula. Despite its significant disadvantages in the form of unfavorable natural conditions and the lack of prospects for economic development,[28] choice of the port of Talienwan was the only one that did not bear the risk of clashing with other European powers.

Thus, German East Asian policy aimed at acquiring an ice-free port in China was forced to constantly maneuver between the interests of Russia and Great Britain, which were the main players in the region. Both powers sought to use German expansion in East Asia in their own interests, directing the attention of German foreign policy leadership to the zone of influence of their competitor.[29]

In those circumstances, Germany could only cautiously test the waters hoping for certain concessions from any party. Thanks to the diplomatic skills of Rear Admiral

[23] "Nr. 3650. Aufzeichnung des Stellvertretenden Staatssekretärs des Auswärtigen Amtes Freiherrn von Rotenhan. Berlin, den 9. September 1895," in *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914*, Bd. 14.1, *Weltpolitische Rivalitäten*, 14–15.

[24] Shilov, "Admiral Tirpitz and the Capture of Jiaozhou," 36.

[25] Shilov, "Admiral Tirpitz and the Capture of Jiaozhou," 36.

[26] "Nr. 3669. Aufzeichnung des Vortragenden Rats im Auswärtigen Amt Klehmet. Berlin, den 28. November 1896," in *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914*, Bd. 14.1, *Weltpolitische Rivalitäten*, 43–46.

[27] Shilov, "Admiral Tirpitz and the Capture of Jiaozhou," 36.

[28] A. Tirpitz, *Memoirs* [in Russian] (Moscow: Voenizdat, 1957), 111.

[29] Sergeev, *Policy of Great Britain and Germany in the Far East*, 30.

Tirpitz, it was possible to find out that the Russian side had no intention of acquiring the port of Jiaozhou as property of the Russian Empire.

In a confidential conversation, Rear Admiral Alekseev, Commander of the Russian Pacific Squadron, admitted that the port of Jiaozhou was not of interest to the Russian Naval Ministry,[30] which was confirmed in June 1897 by German ambassador in St Petersburg Prince of Radolin.[31]

Tirpitz managed to convince the German foreign policy leadership that even if Russia acquired the port of Jiaozhou, it would not be able to invest money in the military or economic development of the port and the surrounding areas for many years because, in his opinion, it already "had so much in China that it simply could not bear it all."[32]

Such conclusions were well founded, since at the turn of the 20th century the Russian treasury could not afford to invest significant funds in Russian economic expansion into Manchuria, let alone central China. All available funds of the Ministry of Finance were spent on concessions related to the construction of a railway in Manchuria (later the CER).[33] Moreover, Russian Foreign Minister M. Murav'ev admitted that Russia's economic expansion into central China was impossible due to the lack of sufficient funds.[34]

In addition, Russia's acquisition of the Jiaozhou port would potentially expand Russia's sphere of influence to the whole of northern and central China, which would take the conflict with Great Britain in East Asia to a new level. For that reason, the Russian foreign policy leadership did not seek to acquire that port but at the same time was still interested in its use for the needs of the Russian Pacific Squadron.

That situation offered German diplomacy an opportunity to negotiate with the Russian government and Emperor Nicholas II on the cession of the port of Jiaozhou on mutually beneficial terms. For that purpose, Wilhelm II made an official visit to Kronstadt at the head of an armored squadron in August 1897. During behind-the-scenes negotiations there, he was able to obtain Nicholas II's verbal consent to the establishment of a berth for German ships in Jiaozhou Bay, but only with the consent of the Russian local naval command.[35]

---

[30] Schimmelpenninck, *Toward the Rising Sun*, 248.

[31] "Nr. 3676. Der Botschafter in Petersburg Fürst von Radolln an den Reichskanzler Fürsten von Hohenlohe. St Petersburg, den 3. Juli 1897"; "Nr. 3677. Der Botschafter in Petersburg Fürst von Radolln an den Reichskanzler Fürsten von Hohenlohe. St Petersburg, den 8. Juli 1897"; "Nr. 3679. Der Stellvertretende Staatssekretär des Auswärtigen Amtes Botschafter Bernhard von Bülow, z. Z. in Petersburg, an das Auswärtige Amt. St Petersburg, den 11. August 1897," in *Die Grosse Politik der Europaischen Kabinette, 1871–1914*, Bd. 14.1, *Weltpolitische Rivalitäten*, 55–59.

[32] Shilov, "Admiral Tirpitz and the Capture of Jiaozhou," 37.

[33] I.V. Lukoyanov, *"Keeping Up with the Powers..." Russia in the Far East in the Late 19th – Early 20th Centuries* [in Russian] (St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008), 105.

[34] Lukoyanov, *"Keeping Up with the Powers..."*, 139.

[35] Sergeev, *Policy of Great Britain and Germany in the Far East*, 31.

However, the German foreign policy leadership perceived that agreement as a carte blanche for freedom of action regarding the port of Jiaozhou, including its capture.[36] The murder of two German missionaries in Shandong Province on November 1, 1897 gave the Second Reich an excellent pretext for occupying the port of Jiaozhou, and on November 14, the main forces of the German East Asian Squadron under the command of Rear Admiral von Diederichs occupied the port of Jiaozhou and the adjacent region.[37]

Such aggressive actions on the part of Germany naturally provoked a protest from the Russian Ministry of Foreign Affairs and from Count M. Murav'ev personally. Disagreement with the actions of the German foreign policy department was reinforced by the threat to send Russian warships to the port of Jiaozhou, "as soon as German ships enter the port."[38]

The decisive opposition from Russian diplomacy caused the German foreign policy elite to fear the possibility of a military conflict with Russia in the region. However, despite certain doubts from Foreign Minister von Bülow, Chancellor Hohenlohe, and State Secretary of the Imperial Naval Ministry Tirpitz, the German Emperor at the head of a group of people close to him decided to continue the action and resolve the Russian–German contradictions through diplomatic means.[39]

However, the fears of some people from the German elite were unfounded, since the Russian foreign policy leadership did not want to enter into a real conflict with Germany over an insignificant port in northern China.[40]

In turn, consultations with the English government showed that Germany need not fear aggressive steps from Great Britain, since German aggression did not affect the English zone of interests in the south of China.[41]

Thus, Germany managed to interpose between the zones of interest of Russia and Great Britain, resolving the contradictions that arose with Russia through negotiations. Remaining in international isolation in the face of German expansion, on March 6, 1898, the Chinese government was forced to conclude an agreement with Germany on the lease of the Jiaozhou region with an area of 560 km² for 99 years with the right to build a railway in Shandong Province and develop mineral deposits on a fifteen-kilometer strip on both sides of the railway.[42]

---

[36] Altrichter, *Konstitutionalismus und Imperialismus*, 197.

[37] Schrecker, *Kiautschou and the Problems of German Colonialism*, 188.

[38] "Nr, 3693. Der Stellvertretende Staatssekretär des Auswärtigen Amtes Freiherr von Rotenhan an Kaiser Wilhelm II, z. Z. in Groß-Strehlitz. Berlin, den 10.* November 1897," in *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914*, Bd. 14.1, *Weltpolitische Rivalitäten*, 74.

[39] Shilov, *The Kaiser's Navy and Russia*, 44–45.

[40] R.V. Kondratenko, "Russian Maritime Agents on the Strengthening of the Japanese fleet in the Late 19th – Early 20th Century" [in Russian], In *Russo–Japanese War, 1904–1905. A Look through the Century. An International Historical Collection*, ed. O.R. Airapetov (Moscow: Tri kvadrata, 2004), 87.

[41] Altrichter, *Konstitutionalismus und Imperialismus*, 199.

[42] Liu, "Wahrnehmung des Fremden," 38.

Germany's occupation of Jiaozhou broke the status quo in the region, marking the beginning of territorial expansion of European powers into Chinese territory. Following Germany, Russia occupied Port Arthur and then concluded a similar treaty to Germany's for the lease of the Liaodong Peninsula.[43] They were followed by the occupation of Weihaiwei and Guangzhouwan by Britain and France.[44]

A characteristic feature of the newly formed German colony was its subordination to the Imperial Naval Ministry headed by a governor from among senior naval officers rather than the Imperial Colonial Ministry (Reichs-Kolonial-Amt).[45] However, being controlled by the naval department, Kiautschou remained a trading colony first and foremost and only then a naval base.

In order to actively penetrate the Chinese markets, the port of Kiautschou (Jiaozhou), docks and a shipyard were built from scratch; a railway line was laid from the port to the capital of Shandong Province, Jinan, as well as separate lines to the coal mines near Weixian and Poshan.[46]

In September 1898, Kiautschou was declared a free port for all merchant ships.[47] All those actions together with substantial state subsidies from the German government led to the economic prosperity of the colony. The total volume of trade through the port increased between 1900 and 1909 from 5.9 million to 65 million Mexican dollars,[48] and the number of ships arriving at the port increased from 192 in 1900 to 509 in 1909.[49]

Conclusion

German colonial expansion into China in the late 19th century was aimed at the economic exploitation of Chinese resources, in which the Second Reich sought to match other major European powers. The acquisition of Kiautschou allowed Germany to create its own sphere of influence in northern China through the construction of railways and the extraction of minerals in Shandong Province. Through its significant contribution to the development of the region, which largely consisted in the desire to turn Kiautschou into a model colony, the navy ensured effective governance and economic progress in the leased possession and thus created what was widely considered Germany's most successful colony. At the same time, Germany's aggressive colonial policy broke the established balance of power in the region, ending almost half a century of Anglo-Russian confrontation in China and

[43] Schimmelpenninck, *Toward the Rising Sun*, 257.

[44] Altrichter, *Konstitutionalismus und Imperialismus*, 200.

[45] Graudenz, *Die deutschen Kolonien*, 296.

[46] Liu, "Wahrnehmung des Fremden," 39.

[47] W. Schrameier, *Die Grundlagen der wirtschaftlichen Entwicklung in Kiautschou* (Berlin: Druck von Trowitzsch & Sohn, 1903), 32–33.

[48] One of the currencies used in Kiautschou. The Mexican dollar fluctuated between 1.63 and 2.39 German marks.

[49] Graudenz, *Die deutschen Kolonien*, 306.

marking the beginning of Anglo–Russian–German rivalry in China at the turn of the 20th century.

Список литературы

Кондратенко Р.В. Российские морские агенты об усилении японского флота в конце XIX – начале XX века // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник / под редакцией О.Р. Айрапетова. Москва: Три квадрата, 2004. С. 62–110.

Лукоянов И.В. «Не отстать от держав…». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2008. 668 с.

Сергеев Е.Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897–1903 гг. Москва: ИВИ РАН, 1998. 230 с.

Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией / перевод с английского Н. Мишаковой. Москва: Новое литературное обозрение, 2009. 421 с.

Шилов С.П. Адмирал Тирпиц и захват Германией Цзяочжоу в 1897 году // Вестник Тюменского государственного университета. 2002. Вып. 2. С. 35–40.

Шилов С.П. Кайзеровский военно-морской флот и Россия: от идеи германо-русского союза к конфронтации в 1897–1914 гг. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2004. 143 с.

Altrichter H. Konstitutionalismus und Imperialismus: der Reichstag und die deutsch-russischen Beziehungen, 1890–1914. Frankfurt am Main: P. Lang, 1977. 426 S.

Baumgart W. Deutschland im Zeitalter des Imperialismus (1890–1914). Grundkräfte, Thesen und Strukturen. Frankfurt am Main: Ullstein, 1976. 240 S.

Berghahn V.R. Der Tirpitz-Plan. Genesis und Verfall einer innenpolitischen Krisenstrategie unter Wilhelm II. Düsseldorf: Droste, 1971. 640 S.

Ganz A.H. The German Navy in the Far East and the Pacific: The Seizure of Kiaochow and After // Germany in the Pacific and Far East, 1870–1914 / edited by J.A. Moses, P.M. Kennedy. St. Lucia: University of Queensland Press, 1977. P. 115–136.

Geyer D. Der russische Imperialismus: Studien über den Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik, 1860–1914. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. 344 S.

Graudenz K., Die deutschen Kolonien: Geschichte der deutsche Schutzgebiete in Wort, Bild und Karte. München: Sudwest-Verlag, 1984. 319 S.

Liu J. Wahrnehmung des Fremden: China in deutschen und Deutschland in chinesischen Reiseberichten Vom Opiumkrieg bis zum Ersten Weltkrieg: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen. Universität Freiburg, 2003. 300 S.

Schrecker J. E. Kiautschou and the Problems of German Colonialism // Germany in the Pacific and Far East, 1870–1914 / edited by J.A. Moses, P.M. Kennedy. St. Lucia: University of Queensland Press, 1977. P. 185–208.

Vogel B. Deutsche Russlandpolitik. Das Scheitern Weltpolitik unter Bülow 1900–1906. Dusseldorf: Bertelsmann Universitätsverlag, 1973. 335 S.

References

Altrichter, H. *Konstitutionalismus und Imperialismus: der Reichstag und die deutsch-russischen Beziehungen, 1890–1914*. Frankfurt am Main: P. Lang, 1977.

Baumgart, W. *Deutschland im Zeitalter des Imperialismus (1890–1914). Grundkräfte, Thesen und Strukturen*. Frankfurt am Main: Ullstein, 1976.

Berghahn, V.R. *Der Tirpitz-Plan. Genesis und Verfall einer innenpolitischen Krisenstrategie unter Wilhelm II*. Düsseldorf, 1971.

Ganz, A.H. "The German Navy in the Far East and Pacific: The Seizure of Kiaochow and After." In *Germany in the Pacific and Far East, 1870–1914*, edited by J.A. Moses, and P.M. Kennedy, 115–36. St Lucia: University of Queensland Press, 1977.

Geyer, D. *Der russische Imperialismus: Studien über den Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik; 1860–1914*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977.

Graudenz, K. *Die deutschen Kolonien: Geschichte der deutsche Schutzgebiete in Wort, Bild und Karte*. München: Sudwest-Verlag, 1984.

Kondratenko, R.V. "Rossiiskie morskie agenty ob usilenii yaponskogo flota v kontse XIX – nachale XX veka" [Russian maritime agents on the strengthening of the Japanese fleet in the late 19th – early 20th century]. In *Russko-yaponskaya voina 1904–1905. Vzglyad cherez stoletie. Mezhdunarodnyi istoricheskii sbornik* [Russo–Japanese War, 1904–1905. A look through the century. An international historical collection], edited by O.R. Airapetov, 62–110. Moscow: Tri kvadrata, 2004. (In Russian)

Liu, J. "Wahrnehmung des Fremden: China in deutschen und Deutschland in chinesischen Reiseberichten. Vom Opiumkrieg bis zum Ersten Weltkrieg." PhD diss., University of Freiburg, 2003.

Lukoyanov, I.V. *"Ne otstat' ot derzhav…" Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv.* ["Keeping up with the powers..." Russia in the Far East in the late 19th – early 20th century]. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. (In Russian)

Schimmelpenninck, van der Oye D. *Navstrechu Voskhodyashchemu solntsu: Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k voine s Yaponiei* [Toward the rising sun: Russian ideologies of empire and the path to war with Japan]. Translated from German by N. Mishalova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. (In Russian)

Schrecker, J.E. "Kiautschou and the Problems of German Colonialism." In *Germany in the Pacific and Far East, 1870–1914*, edited by J.A. Moses, and P.M. Kennedy, 185–208. St. Lucia: University of Queensland Press, 1977.

Sergeev, E.Yu. *Politika Velikobritanii i Germanii na Dal'nem Vostoke 1897–1903 gg.* [Policy of Great Britain and Germany in the Far East, 1897–1903]. Moscow: IVI RAN, 1998. (In Russian)

Shilov, S.P. "Admiral Tirpits i zakhvat Germaniei Tszyaochzhou v 1897 godu" [Admiral Tirpitz and the capture of Jiaozhou by Germany in 1897]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, iss. 2 (2002): 35–40. (In Russian)

Shilov, S.P. *Kaizerovskii voenno-morskoi flot i Rossiya: ot idei germano-russkogo soyuza k konfrontatsii v 1897–1914 gg.* [The Kaiser's Navy and Russia: From the idea of a German–Russian alliance to confrontation in 1897–1914]. Tyumen: Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004. (In Russian)

Vogel, B. *Deutsche Russlandpolitik. Das Scheitern Weltpolitik unter Bülow 1900–1906*. Düsseldorf: Bertelsmann Universitätsverlag, 1973.

Информация об авторе

Тихонов Александр Сергеевич – аспирант кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики, https://orcid.org/0009-0009-1405-8936, sashati99@mail.ru, Российский государственный гуманитарный университет (д. 15, корп. 7, ул. Чаянова, 125047 Москва, Россия).

Information about the author

Aleksandr S. Tikhonov – Postgraduate Student of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy, https://orcid.org/0009-0009-1405-8936, sashati99@mail.ru, Russian State University for the Humanities (15, building 7, ul. Chayanova, 125047 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 22.05.2023; одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 22.05.2023; approved after reviewing 10.10.2023; accepted for publication 26.06.2024.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 4. С. 1198–1245.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 4 (2024): 1198–1245.

Научная статья
УДК 94:376
https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-4
EDN: RGFSTZ

«Идеальные» дети и «идеальные» взрослые в эпоху модернизации: поиски эталона воспитания подрастающих поколений в сербской интеллектуальной среде начала XX в.

Людмила Константиновна Новосельцева
Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия,
mnovoseltseva91@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1793-6505
Liudmila K. Novoseltseva
Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia,
mnovoseltseva91@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-1793-6505

Аннотация. Открытие детства сербским обществом произошло в начале XX в. на фоне демографического кризиса, обусловленного переходом от традиционного общества к индустриальному, и поражения, которое потерпело национальное движение в борьбе против политики мадьяризации, проводимой властями Венгерского королевства. Интеллектуальная элита пыталась решить проблему высокой смертности, связанной с низкой медицинской грамотностью, реализуя ряд просветительских проектов. Один из них координировала Милица Томич (1859–1944), известная как филантроп, организатор женского движения и главный редактор женского журнала «Жена». Творческий коллектив издания разрабатывал «детскую» проблематику в сотрудничестве с медиками и педагогами. В фокусе их внимания оказались такие вопросы как организация детского питания, личная гигиена, детский алкоголизм, применение насилия в семье, которые отчасти возникали в силу отсутствия обоюдно признанных границ между миром детей и миром взрослых. На страницах журнала специалисты призывали общество отказаться от традиционных для сербских патриархальных семей партнерских взаимоотношений с детьми и принять всю полноту ответственности за их настоящее и будущее. Предлагаемый новый подход к воспитанию требовал большей вовлеченности родителей в жизненные процессы детей. Опираясь на достижения современной педологии, авторы старались снабдить взрослых необходимой актуальной информацией и предоставить некие образцы взаимодействия, поэтому в издании публиковались рекомендации по уходу за детьми разных возрастов, транслировалась

© Новосельцева Л.К., 2024
© Novoseltseva L., 2024

необходимость педиатрического контроля, формирования и поддержания здоровых привычек, выстраивания доверительных отношений в семье. В статье на основании опубликованных материалов показано, как сербская интеллектуальная элита проводила границы между детским и взрослым мирами, каким представлялось «идеальное» детство, и какую роль в нем играл «идеальный» взрослый.

Ключевые слова: история детства, конструкт «идеальное детство», «мир детства», эталон воспитания, сербы монархии Габсбургов, журнал «Жена», просветительские проекты, сербская интеллектуальная элита, традиционное общество, модернизация

Для цитирования: *Новосельцева Л.К.* «Идеальные» дети и «идеальные» взрослые в эпоху модернизации: поиски эталона воспитания подрастающих поколений в сербской интеллектуальной среде начала XX в. // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 4. С. 1198–1245, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-4; EDN: RGFSTZ

“Perfect” Children and “Perfect” Adults in the Era of Modernization: Serbian Intellectuals in Search of a Model for Raising the Younger Generations in the Early 20th Century

Abstract. The discovery of childhood by Serbian society took place in the early 20th century against the background of the demographic crisis caused by the transition from traditional to industrial society and the defeat of the national movement in the struggle against the policy of Magyarization pursued by the authorities of the Kingdom of Hungary. The intellectual elite tried to solve the problem of high mortality associated with low medical literacy by implementing a number of educational projects. One of them was coordinated by Milica Tomić (1859–1944), known as a philanthropist, organizer of the women’s movement, and editor-in-chief of the women’s magazine *Žena*. The creative team of the publication developed “children’s” issues in cooperation with doctors and teachers. Their attention focused on such issues as the organization of children’s nutrition, personal hygiene, child alcoholism, and domestic violence, which partly arose due to the lack of mutually recognized boundaries between the world of children and the world of adults. In the pages of the magazine, experts called on society to abandon the relationship of partnership with children typical for Serbian patriarchal families and take on full responsibility for the children’s present and future. The proposed new approach to upbringing required greater involvement of parents in the life processes of children. Proceeding from the achievements of contemporary pedology, the contributors to the magazine tried to provide adults with the necessary relevant information and give some models of interaction. That is why the magazine published recommendations on caring about children of different ages and emphasized the need for pediatric control, formation and maintenance of healthy habits, and building trusting relationships in the family. Based on the published materials, the article shows how the Serbian intellectual elite drew boundaries between the child and adult worlds, what the “perfect” childhood looked like, and what role the “perfect” adult played in it.

Keywords: history of childhood, construct of ideal childhood, world of children, model of unbringing, Serbs in Habsburg monarchy, the *Žena* magazine, educational projects, Serbian intellectual elite, traditional society, modernization

For citation: Novoseltseva, L.K. “‘Perfect’ Children and ‘Perfect’ Adults in the Era of Modernization: Serbian Intellectuals in Search of a Model for Raising the Younger Generations in

the Early 20th Century." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 4 (2024): 1198–1245, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-4; EDN: RGFSTZ

Дети без детства?

В исторических исследованиях, связанных с феноменом детства в сербском социокультурном пространстве, наблюдается значительный перевес в пользу изучения народного просвещения и школы как социального института[1]. Благодаря работам сербских и российских специалистов известно, как в Княжестве (с 1882 г. Королевстве) Сербия в последней трети XIX – начале XX в. функционировала система образования, демонстрируя механический рост числа учебных заведений при стабильно низких качественных показателях – полученные знания оставались невостребованными у основной массы населения, так как мало соотносились с нуждами и жизненными условиями крестьян, представлявших подавляющее большинство населения. Более того, практичные родители, использовавшие труд детей в хозяйстве, находили посещение школы бессмысленной тратой времени[2].

Нельзя утверждать, что отношение к учености было принципиально иным среди крестьян, проживавших по другую сторону Дуная и Савы, однако особенности жизни сербов монархии Габсбургов сделали необходимым систематическое образование сначала практической, а затем и внутренней потребностью. Благодаря модернизации империи в правление Марии Терезии и Иосифа II сербское сообщество гораздо раньше претерпело трансформацию социальной структуры. Во второй половине XVIII в. консолидировался слой образованного духовенства, в регулярной армии и полках Военной границы росло число офицеров из сербов, быстрыми темпами развивалось сословие ремесленников и торговцев. К концу столетия появился немногочисленный, но влиятельный класс чиновников сербского происхождения и выделилась интеллигенция, а с ее появлением стала зарождаться и гражданская национальная культура[3]. На Темешварском саборе в 1790 г. светские сословия

[1] *Dujmović S.M.* Pod državnim okriljem. Istorija detinjstva u Bosni u Hercegovini 1878–1941. Sarajevo: Institut za historiju Univerziteta, 2021. S. 13–14.

[2] *Шемякин А.Л.* Система народного образования в независимой Сербии: принуждение и потребность // Человек на Балканах: социокультурное измерение модернизации на Балканах: (середина XIX – середина XX в.) / под редакцией Р.П. Гришиной. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. С. 90–102; *Исић М.* Писменост у Србији у 19. веку // Образовање код Срба кроз векове: зборник радова са научног скупа одржаног, 09 септембра 2003 / уредио Р. Петковић. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2003. С. 63–80.

[3] *Novoseltseva L.* The Making of the Serbian Academic Community in the Second Half of the Nineteenth Century: A Prosopography // Historical Studies on Central Europe. 2022. Vol. 2, № 2. P. 131–148. https://doi.org/10.47074/HSCE.2022-2.08

оспорили монополию духовенства на политическую власть, но в полной мере определять приоритеты сербского сообщества они стали в результате переустройства монархии Габсбургов на дуалистических началах в 1867 г. Движение за реализацию национальных прав в Венгерском королевстве сплотило представителей буржуазии, бюрократии и интеллигенции, которые благодаря ценностному консенсусу сформировали идеологически единую национальную элиту. На протяжении второй половины XIX в. и в начале XX в. в этой среде существенный вес имела интеллигенция, так как именно она действовала ради защиты политических интересов консолидированного общества.

Борьба за право получать образование на родном языке была одним из направлений национального движения сербов Австро-Венгрии[4]. Его руководители еще в последней четверти XIX в. акцентировали эту особенность, а также то, какую ценность представляли подрастающие поколения для сербского народа: в этот период дети в публичном пространстве воспринимались чуть ли не соратниками в борьбе за национальные интересы. Складывалась парадоксальная ситуация: сербская элита монархии Габсбургов признавала высокую социальную ценность детей, манипулировала угрозой их будущему в рамках этнической мобилизации против политики мадьяризации[5] на рубеже XIX–XX вв., но не уделяла им должного внимания как социальной группе и феномену детства как таковому. Несмотря на то, что внешне сербское общество демонстрировало признаки модернизации, в отношении к детям оно проявляло себя как традиционное: мир детства воспринимался частью мира взрослых, дети выступали как младшие партнеры в труде и отдыхе, их быт не

[4] *Васин Г.* Српски црквено-народни сабори и питање црквено-школске аутономије 1867–1918 // Стотину двадесет година од почетка борбе српског народа у Босни и Херцеговини за црквено-школску аутономију (1896–2016) / уредио Б. Микановић. Бања Лука: Универзитет и Бањој Луци, 2017. С. 51–70.

[5] Мадьяризация – в определении Т.М. Исламова, политика утверждения господствующего положения мадьяр в Венгерском королевстве путем форсированной искусственной ассимиляции нетитульных наций государства. В 1880–1890-е гг. реализация программы осуществлялась через деятельность культурно-просветительских объединений, миссия которых заключалась в распространении венгерского языка и культуры среди представителей немадьярских подданных королевства. Подробнее см.: *Исламов Т.М.* Политика мадьяризации и национальные конфликты в 80-х – 90-х годах XIX в. // История Венгрии / под редакцией Т.М. Исламова. Т. 2. Москва: Наука, 1972. С. 275–281. В сербской историографии еще в межвоенный период утвердилось мнение, что мадьяризации в первую очередь подверглись немногочисленные образовательные учреждения начальных ступеней с сербским языком преподавания, курируемые Карловицкой митрополией. Подробнее см.: *Кириловић Д.* Помађаривање у бившој Угарској. Прилог историји српских школа. Сремски Карловци: Српска манастирска штампарија, 1935.

был обособлен[6]. Вместе с тем исследователи отмечают, что в начале XX в. из представлений о том, что дети обладают правами, производными от прав человека, пришло осознание особых их потребностей[7]. На наш взгляд, эта тенденция прослеживается и на примере сербского сообщества, правда, с тем уточнением, что дети не обладали правами, но разделяли проблемы этнического меньшинства в многонациональной Австро-Венгерской империи.

Элита демонстрировала обеспокоенность высокой смертностью и минимальным приростом населения, вызванными прохождением сербским обществом первого этапа демографического перехода[8]. Средства массовой информации публиковали материалы о потенциальном исчезновении сербской нации под нажимом ассимиляции и в процессе вымирания, чем вызвали в обществе смятение, вылившееся в социальную рефлексию. В поисках ответа на вопрос, как сберечь нацию, и последовал сдвиг в понимании детства – от представлений, бытовавших в традиционной крестьянской культуре, к взглядам эпохи модерна. Механизмы этого сдвига описаны в классической работе Филиппа Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке»[9], и хотя методы и некоторые выводы автора уже более полувека продолжают порождать дискуссии в научном сообществе, его гипотеза о том, что в Новое время детство стало приобретать четкие контуры, а с ними и социальную, и политическую значимость, находит все больше подтверждений.

«Открытие» детства рядом обществ в эпоху модернизации, или в конце XIX – начале XX в. (по крайней мере такие хронологические рамки выделяют специалисты) – явление, можно сказать, распространенное. Историк Катриона Келли отметила, что рубеж веков был периодом, когда элита Российской империи обеспокоилась «отсталостью страны по сравнению с Западом», восхитившись социальной политикой, проводимой в Великобритании и

---

[6] *Шемякин А.Л.* Мир детства сербов в путевых заметках П.А. Ровинского // Славянский альманах 2003 / под редакцией Т.И. Вендиной и др. Москва: Индрик, 2004. С. 78.

[7] *Щеглова С.Н.* Социология прав детей в России: новый век, новые проблемы, новые перспективы. Москва: Социум, 2001. URL: http://www.childsoc.ru/doc/kniga1.pdf (дата обращения: 13.02.2024).

[8] *Fassmann H.* Die Bevölkerungsentwicklung, 1850–1910 // Die Habsburgermonarchie, 1848–1918 / Herausgegeben von H. Rumpler, P. Urbanitsch. Bd. IX. Soziale Strukturen: Von Der Feudal-Agrarischen Zur Burgerlich-Industriellen Gesellschaft. Teilbd. 1. Lebens- und Arbeitswelten in der industriellen Revolution. Wien: Austrian Academy of Sciences Press, 2010. S. 166.

[9] *Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / перевод с французского Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999.

низкими показателями летальности среди младенцев в Норвегии. При этом исследовательница уточнила, что

> озабоченность детской смертностью – это один из признаков внимания, которое было обращено на детство в позднеимперское время[10].

В Венгерском королевстве помимо смертности катализатором общественного интереса к детям стала также проблема беспризорников. В период с 1890-х гг. и до начала Первой мировой войны эти вопросы частично решались усилиями женских благотворительных обществ, которые оказывали финансовую поддержку сиротам и матерям-одиночкам, организовывали детские сады в городах. Благодаря возраставшему присутствию венгерских женщин в публичном пространстве, потребности детей попали в фокус внимания широкой общественности. По инициативе интеллектуальной элиты в 1903 г. было учреждено Общество по изучению детства, в ходе исследований установившее, что дети являются жертвами отсутствия интереса со стороны взрослых и их безграмотности[11]. Наметившиеся перемены были связаны с активностью объединившихся под эгидой Венгерской феминистской ассоциации энтузиастов, которые, по замечанию историка Андреи Петё, транслировали обществу по всем доступным каналам культ ребенка, ориентируясь на ценности среднего класса. Публиковались различные материалы с руководствами по семейной жизни, где были изложены основные принципы воспитания, развития, обучения и развлечения детей. Пионером в этой деятельности была Лаура Поланьи (1882–1957). Другим направлением, результаты деятельности которого по достоинству общество оценило в годы Первой мировой войны, был просветительский проект, посвященный обучению населения уходу за детьми и освоению им элементарной медицинской грамотности[12].

---

[10] *Келли К.* Влияние новой идентичности на культуру: «открытие» детства в позднеимперской России // Малолетние подданные большой империи. Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX в.): материалы Международной научной конференции «История детства как предмет исследования: наследие Ф. Арьеса в Европе и России» (Москва, 1–2 октября 2009 г.) / составители В.Г. Безрогов, О.Е. Кошелева, М.В. Тендрякова. Москва: РГГУ, 2012. С. 93.

[11] *Pető A.* Children and the State in Hungary: From the Periphery to the Center (19–20th Century) // Childhood in South East Europe: Historical Perspectives on Growing up in the 19th and 20th Century / edited by M. Jovanović, S. Naumović. Београд: Удружење за друштвену историју, 2001. P. 75–77.

[12] *Pető A.* Children and the State in Hungary. P. 78.

Поскольку сербское сообщество Австро-Венгрии оказалось в схожей ситуации, то и выход из нее, вероятно, виделся в осуществлении аналогичных практик – пропаганде культа ребенка. Их реализацию взяла на себя группа активистов во главе с Милицей Томич (1859–1944), тесно сотрудничавшей с Венгерской феминистской организацией. Томич была известна как филантроп, организатор движения сербских женщин за эмансипацию, владелица и главный редактор женского журнала «Жена» («Женщина»), выходившего под ее руководством в Нови-Саде с 1911 по 1921 г. с перерывом на годы Первой мировой войны[13]. Используя журнал как общественную трибуну, подвижники представили публике детей по-новому, с их особенностями и потребностями.

Благодаря исследованиям повседневности ученым в целом известно, как проходила жизнь сербских детей в мире взрослых сербов[14]. Но как направление в сербском социокультурном пространстве «история детства» находится на этапе становления. Среди исследователей стоит упомянуть Дубравку Стоянович[15], Момчило Исича[16] и российского историка А.Л. Шемякина, которые обращались к вопросам детства в рамках изучения модернизационных процессов в Сербии, традиционного крестьянского общества и национальных элит на базе статистических данных и этнографических наблюдений. Важно также отметить коллективную работу «Детство в прошлом», которая хотя и является учебным пособием для средней школы, но в то же время остается единственной на данный момент попыткой представить завершенный образ детства на Балканах в XIX и XX столетиях[17].

Настоящая статья освещает результаты экспериментального исследования, целью которого было на основании материалов журнала «Жена» определить, каким, по мнению сербской интеллектуальной элиты, было/должно было быть

[13] *Новосельцева Л.К.* Движение сербских женщин в Австро-Венгрии во второй половине XIX – начале XX в.: идеология, организации, лидеры // Центральноевропейские исследования. 2023. Т. 2023, № 6. С. 208–241. https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.8

[14] *Тимотијевић М.* Рађање модерне приватности: приватни живот Срба у Хабзбуршкој монархији од краја 17. до почетка 19. века. Београд: Clio, 2006; Приватни живот код Срба у деветнаестом веку: од краја осамнаестог века до почетка Првог светског рата / приред Н. Макуљевић, А. Столић. Београд: Clio, 2006.

[15] *Stojanović D.* U senci “velikog narativa”: Stanje zdravlja žena i dece u Srbiji početkom XX veka // Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka / edited by L. Perović. Knj. 4. Žena i deca. Beograd: Helsinšku odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006. S. 160–175.

[16] *Isić M.* Dete i žena na selu u Srbiji između dva svetskih rata // Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka / edited by L. Perović. Knj. 4. Žena i deca. Beograd: Helsinšku odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006. S. 131–159.

[17] Детињство у прошлости 19.–20. век. Помоћни наставни материјал / уредио М. Ристовић, Д. Стојановић. Београд: Удружење за за друштвену историју, 2001.

«идеальное детство» в начале XX в. Для ее достижения автор попытался обнаружить границы между детским и взрослым мирами, по крайней мере, понять критерии их разграничения, а также обозначить круг проблем, которые в сербском обществе считались детскими, и пути их решения, предлагавшиеся сообществом специалистов. Их привлечение было принципиальной позицией Милицы Томич как главного редактора издания, поэтому многие его материалы подготовлены врачами и педагогами. Разработка проблематики осуществлялась сотрудниками журнала в формате интервью с ними, в авторских статьях, а также в полезных заметках, чаще заимствованных из профильных медицинских изданий, как сербских («Народно здравље»), так и иностранных (“Allgemeine Wiener medicinische Zeitung”).

Как снизить младенческую смертность и сохранить здоровье детей?

Наибольшую обеспокоенность интеллектуальной элиты вызывала высокая младенческая смертность и, как следствие, ощутимое сокращение численности сербской нации. Важным шагом для преодоления этой тенденции представлялось детабуирование темы деторождения в обществе. В статье «Основы воспитания детей» Вукица Алексиевич рассуждала, что главная наука, которую постигали девушки в сербских семьях – это «готовить, шить, убирать, чтить свекра и свекровь, слушать мужа», при этом большинство из них не знало буквально ничего о детях до появления своего первого ребенка. В качестве причин автор называла традиционные принципы – поколениями женщины в общении с дочерями не говорили о деторождении и не затрагивали темы полового воспитания ввиду постыдности темы[18].

В силу этого женщины оказывались без грамотного наблюдения во время беременности и какого-либо акушерского сопровождения родов, поэтому нередки были случаи несвоевременного обращения за медицинской помощью при патологиях, что влекло за собой гибель как роженицы, так и ребенка. Для младенцев потенциальная опасность заключалась в отсутствии неонатального обследования, опыта и необходимых знаний у матерей, а также зачастую во вредных советах несведущих, но обладавших авторитетом родственников. Например, только родившегося ребенка могли порекомендовать обмыть ледяной водой, в течение первых двух суток жизни вообще не прикладывать к груди и ограничивать в питании до достижения месячного возраста, либо с самого рождения кормить цельным коровьим молоком, в лучшем случае кипяченым. Специалисты призывали тщательно следить за состоянием новорожденных, так как отмечали высокую смертность детей первого месяца жизни от обезвоживания или последствий аллергии на белки коровьего

[18] *Алексијевић В.* Основно васпитање деце // Жена. 1911. № 1. С. 37.

молока[19]. Врач общей практики Славко Милетич критиковал женщин за отказ от грудного вскармливания, совершаемый чаще из-за трудностей его налаживания или под давлением мужа и родственников[20]. Безусловно, в большинстве случаев это было связано с необходимостью быстро вернуться к трудовой деятельности. Помимо неполноценного питания дети страдали от несоблюдения взрослыми элементарных правил гигиены новорожденных, содержания в неподходящих для здорового развития условиях: в душных, редко проветриваемых и убираемых, небольших по площади комнатах, в которых проживало по несколько человек[21].

Решение этой проблемы специалистами виделось в первую очередь в организации родовспоможения и неонатального контроля, а также в просвещении родителей, которым неравнодушные интеллектуалы предполагали предоставить четкие «инструкции к детям». В первый год жизни ребенка от родных требовалось следить за его физическим и психомоторным развитием и в меньшей степени уделять внимание психосоциальным проблемам, так как считалось, что жизнь ребенка до 1 года представляет собой совокупность сугубо физиологических процессов. В ситуации, когда врачебный контроль развития детей был практически недоступен, матерям рекомендовалось внимательно наблюдать за их состоянием, а лучше всего записывать информацию о каждом этапе развития, указывать особенности, т.е. вести подобие амбулаторной карты, но без медицинской терминологии. Такие сведения значительно облегчили бы работу врачу в случае обращения по болезни[22]. Чтобы врачебное консультирование было своевременным, в журнале публиковались различные памятки, например, содержащие информацию о сезонных заболеваниях, симптомах, инкубационных периодах тех или иных инфекций, а также рекомендации по самостоятельному лечению и т.д.

Медики с сожалением признавали, что невозможно организовать профилактические осмотры детей и взрослых в каждом сербском населенном пункте не столько из-за нехватки квалифицированного персонала, сколько по причинам высокой для сельского населения и низших городских слоев стоимости оказываемых медицинских услуг и недоверия к врачам[23]. О полноценном педиатрическом контроле речь не заходила – даже в случае тяжелого течения болезни родители редко обращались за помощью, исходя из

[19] *Алексијевић В.* Основно васпитање деце. С. 38.

[20] *Милетић С.* Зашто умиру толико деца? // Жена. 1912. № 8. С. 462–463.

[21] *Stojanović D.* U senci “velikog narativa”: Stanje zdravlja žena i dece u Srbiji početkom XX veka. S. 168.

[22] Кад треба “здрави” да зову лечника? // Жена. 1911. № 1. С. 50–51.

[23] *Томић М.* Сестринска помоћ // Жена. 1911. № 3. С. 165–170.

соображения, что «на все воля Божья»[24]. Тем не менее медики активно выступали за необходимость обязательной диспансеризации хотя бы перед поступлением ребенка в школу. В результате подобных осмотров врачи с сожалением констатировали неутешительный факт: детей с ограниченными возможностями физического и умственного здоровья среди сербских школьников было много. В качестве причин выделяли неполноценное питание, несоблюдение гигиены, многочисленные травмы и вовремя не диагностированные или не долеченные заболевания, которые приводили к инвалидности детей уже в дошкольном возрасте[25].

Авторы журнала старались приводить убедительные доводы в пользу заботы о здоровье детей, подбирая ключи к сердцам взрослых. В первую очередь предупреждали о трудностях содержания и воспитания физически неразвитых, болезненных детей, объясняли, что они «в силу слабости тела не развиваются умственно, поздно начинают говорить, а потому у них скудный разум», и в будущем такие дети станут обузой для родителей. Для кого-то важным аргументом становился тот факт, что сызмальства здоровые люди могут больше работать и зарабатывать. Неравнодушных к проблемам национального бытия наставляли, что настоящая сербская душа может вырасти только в крепком закаленном теле[26].

Первые результаты пропаганды комплексного подхода к воспитанию детей и бережного отношения к их хрупкому здоровью, на наш взгляд, представлены в анонимном эссе «Женский труд и младенческая смертность», опубликованном в 1913 г. Примечательно, что к этому времени сербы стали чаще обращаться за медицинской помощью. Это стало возможным благодаря улучшению финансовых возможностей граждан, увеличению численности врачей и более доступным ценам на их услуги. Тем не менее, как утверждал автор, население Нови-Сада, города с развитой социальной и детской инфраструктурой, прирастало исключительно за счет приезжих – так высока были младенческая и детская смертность. Причину он обнаруживал в возросшей в начале XX в. занятости женщин не только в сельском хозяйстве, но и в торговле, кустарном и промышленном производстве, при сохранении за ними обязанностей по поддержанию порядка в доме, приготовлению пищи и др. Согласно приведенной статистике, меньше всего времени и возможностей ухаживать за детьми было у поглощенных тяжелым трудом крестьянок и уличных

[24] *Stojanović D.* U senci “velikog narativa”: Stanje zdravlja žena i dece u Srbiji početkom XX veka. S. 168–169.

[25] *Алексијевић В.* Основно васпитање деце. С. 40–41.

[26] Телесно васпитање // Жена. 1912. № 1. С. 60–61.

торговок[27]. Конечно, речь в первую очередь шла о работницах и хозяйках единоличных подворий. Автор статьи рассуждал, что, пока сербы жили в задругах[28], несмотря на специфическое отношение в патриархальной общине к детям, обязанность по уходу за младенцами ложилась на плечи бабушек или женщин, меньше задействованных в тяжелом труде, например, по причине слабого здоровья. Таким образом, за младенцами в подобном сообществе было кому присмотреть, вовремя покормить, отследить состояние здоровья, в отличие от рассматриваемой ситуации, когда, в силу занятости, матери или другие ответственные за ребенка лица исполняли родительские функции не надлежащим образом[29]. Меньше всего детей умирало в семьях служащих, жены которых благодаря относительному семейному достатку могли больше времени и сил уделять заботе о детях и их воспитанию[30].

Проблема социального неравенства и его отражения на судьбах детей не раз поднималась в материалах журнала «Жена». Например, благополучие чиновничьих семей, а точнее преференции, которые им предоставляло государство в связи с пополнением, натолкнуло Милицу Томич на рассуждение о том, что социальные льготы должны распространяться на всех граждан, которые воспитывают детей. Она предложила временно освобождать от уплаты налогов малоимущих родителей, а для стабильно зарабатывающих граждан, за исключением зажиточных, предусмотреть введение пропорционального налога в зависимости от количества детей в семье. Более того, она выдвинула тезис о том, что реализация социальной политики в интересах детей и детства – новая задача, которую должно было решать государство или национальное сообщество[31]. По сути, подобные материалы отражали ожидания сербской интеллектуальной и политической элиты в начале XX в.

Как организовать ребенку здоровое питание?

На практике же предстояло научить взрослых правильно заботиться о детях и удовлетворять хотя бы базовые их потребности, в первую очередь, в еде, поэтому в журнале «Жена» были представлены разнообразные материалы о

[27] Женски напорни рад и умирање мале деце // Жена. 1913. № 5. С. 293–294.

[28] Задруга — патриархальная семья-община у южных славян. Состояла из 20–30 членов, чаще всего родителей и нескольких их сыновей с женами и детьми, проживавших в одном дворе. Воспитанием детей в задруге занимались старшие женщины – бабушка или редуша (от серб. «ред» – порядок, «редуша» – распорядительница), пока матери, как правило, были заняты сельскохозяйственными работами.

[29] Женски напорни рад и умирање мале деце. С. 293–294.

[30] Женски напорни рад и умирање мале деце. С. 293–294.

[31] Старање држави о деце // Жена. 1912. № 1. С. 53–55.

здоровом рационе и культуре питания. Большинство рекомендаций относительно детей в возрасте до года посвящено выстраиванию младенческого распорядка дня, режима сна и приемов пищи. Грудное или искусственное вскармливание рекомендовалось налаживать на второй день после рождения: предлагать ребенку молоко каждые два часа в течение первых четырех–пяти недель, до трех месяцев – каждые два с половиной часа, потом – каждые три часа, постепенно увеличивая интервалы. Поскольку здоровый малыш много спит, советовали его не будить специально для кормления – сон важнее, чем еда. Специалисты подчеркивали важность соблюдения режима как основы будущего воспитания, и, например, советовали

> не кормить младенца по первому требованию по двум причинам: бесконтрольная еда – это перегрузка для детского желудка и потакание его капризам, в то время как соблюдение режима приучает даже такого маленького ребенка к терпению и выдержке[32].

Дисциплинированными должны были быть и родители – в частности, кормящим матерям предлагалось придерживаться диеты. В их рационе приветствовались «молоко, масло, мед, фрукты, яйца, сыры, овощи, зеленые салаты (от 1 до 14,5 ложек), приправленные лимонным соком, но не уксусом; в умеренном количестве мучное и мясо, лучше вареное, домашней птицы, дичи, телятина, ягнятина, говядина». Рекомендовалось исключить из меню вяленое мясо, колбасы и чорбы – сербские густые наваристые супы. В отличие от современных, специалисты начала XX в. ограничивали кормящих матерей в приеме жидкости: пить воду рекомендовали при сильной жажде после обеда и в небольшом количестве, кофе категорически запрещался. Интересно, что против вина, пива, ракии врачи возражали не в связи с их вредом для здоровья младенца, а потому что

> в результате употребления алкогольных напитков меняется вкус грудного молока – оно становится кислым или слишком сладким[33].

Питание детей младшего возраста должно было быть регулярным и сбалансированным, в меню обязательно включали супы, мясо, зелень, овощи, фрукты и черный хлеб[34]. Очевидно, что врачи боролись с молочной диетой, на

[32] *Алексијевић В.* Основно васпитање деце. С. 40–41.

[33] Шта да једе жена док дете доји? // Жена. 1911. № 4. С. 259–260.

[34] «Снажна» дечја храна // Жена. 1912. № 2. С. 119–120; Чиме да ранимо дете од године дана? // Жена. 1911. № 9. С. 578–579.

которой вынуждено «сидели» дети – этой проблеме посвящено несколько материалов. Наиболее емко и доступно мнение специалистов было сформулировано в заметке «Ребенок и молоко»: «Молоко не должно быть единственным продуктом питания для детей!». Особенно это касалось детей, у которых уже были все молочные зубы, ведь им надлежало употреблять пищу с разной текстурой для развития челюстей и формирования правильного прикуса[35]. Исключительно молочное питание приводило к тому, что до 70 % поступающих в школу детей имели стоматологические проблемы, многие из них страдали от анемии и мышечной дистрофии[36]. В первую очередь, это были крестьянские дети, которые, по выражению историка М. Исича,

> с трех-четырехлетнего возраста отрабатывали свой хлеб и, как могли, помогали по хозяйству – ухаживали за домашней птицей, постарше – пасли крупный скот[37].

Но на страницах журнала мы встречаем размышления и о том, стоит ли баловать детей лакомствами и позволять им питаться только сладостями во время праздников. Авторы обратили внимание на увеличение частоты обращений к врачам с детскими жалобами на боль в животе в период Рождества. Конечно, объяснялось это тем, что в праздничные дни дети едят гораздо больше кондитерских изделий, чем обычно, а некоторые даже завтракают только сладостями. Специалисты рекомендовали поддерживать обычный рацион, предлагать детям десерты не раньше обеда и отдавать предпочтение подсушенному бисквиту, конфетам или шоколаду и не угощать пирожными с жирным кремом, конфетами с ликером или миндалем. Не поощрялось употребление пищи перед сном в постели, даже если речь шла о яблоках, орехах, конфетах. Категорически возбранялось есть после вечерних гигиенических процедур. Важным считалось научить детей правильно раскалывать орехи и объяснить им, что это нельзя делать зубами. Кроме того, родителей призывали обращать внимание на посуду, в которой готовится пища для детей и с которой они играют самостоятельно. Одной из настоятельных рекомендаций был отказ от эмалированной посуды из-за содержания в ней олова и выделения его оксида в пищу при нагревании[38].

---

[35] Дете и млеко? // Жена. 1911. № 4. С. 259–260.

[36] *Stojanović D.* U senci “velikog narativa”: Stanje zdravlja žena i dece u Srbiji početkom XX veka. S. 170.

[37] *Исић М.* Сељаштво у Србији 1918–1941. Књ.1. Београд: Институт за новију историју Србије, 2000. С. 249.

[38] Празници и дечје здравље // Жена. 1912. № 1. С. 57–58.

Проблема организации правильного питания для детей разных возрастов подробно и последовательно освещена на страницах журнала «Жена». Представляется, что это был незамысловатый, но действенный способ обратить внимание читающей аудитории на различия между взрослыми и детьми и подчеркнуть, что круг базовых детских потребностей значительно шире, и родители должны их удовлетворять по мере возможностей. Демонстрируя диаметральные по содержанию зарисовки из жизни – в то время как одни дети вынуждены были питаться только молоком, других ограничивали в лакомствах – авторы, на наш взгляд, пытались донести простую истину, что для здорового развития любому ребенку нужно умеренное сбалансированное питание без излишеств и ограничений. Более того, транслировалась мысль, что еду нельзя использовать как средство воспитания, в первую очередь, нельзя наказывать голодом, потому что такое ограничение на регулярной основе негативно сказывается на физическом и психическом здоровье детей[39].

Как научить детей соблюдать гигиену и вести активный образ жизни?

Антрополог Каталин Юхас на примере венгерского общества, начиная с рубежа XIX–XX вв., выделила пять моделей поддержания чистоты и гигиены и определила их тесную связь с процессом «обуржуазивания крестьянства». До начала 1910-х гг. господствовали архаичные крестьянские гигиенические практики, имевшие мало общего со здоровым образом жизни и поддержанием удовлетворительного санитарного состояния жилища, поскольку были ограничены борьбой с паразитами и удалением грязи с видимых частей тела. Модернизация деревни способствовала распространению гигиенических практик горожан среди сельских жителей, которые под влиянием школьного образования, пропаганды и улучшения качества здравоохранения их перенимали. Привычными становились ежедневные утренние и вечерние процедуры (умывание, очищение рук и ног, обливание выше пояса) и полноценное мытье раз в неделю. Видимых результатов удалось добиться в отношении детей – в школах обязательным требованием стала чистота лица, шеи, ушей и ногтей[40].

Сербская интеллектуальная элита в начале XX в. также надеялась решить проблему пренебрежения гигиеной с помощью пропаганды и профилактических мероприятий среди школьников, которые оценивались как самое эффективное средство. В журнале «Жена» представлены

[39] Не кажњавајте децу глађу! // Жена. 1912. № 2. С.118–119.

[40] *Юхас К.* Грязь для чистоты? Опыт этнографического изучения использования воды в целях гигиены // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2018. Т. 2, № 1. С. 31–59. https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-1-3

многочисленные материалы по организации порядка в доме и поддержанию чистоты, даны рекомендации по уходу за телом соответственно возрасту.

Особое внимание уделялось гигиене самых маленьких – младенцев надлежало купать каждый день в теплой воде и следить, чтобы в уши не попадала вода, закрывая их ватой[41]. На страницах издания присутствовала реклама товаров, облегчающих уход за новорожденными, например, муслиновых пеленок Марии Латвезен и хлопковых вставок в подгузники. Очевидно, что пользоваться ими могли только в обеспеченных семьях. В рекламном тексте утверждалось, что муслиновые пеленки –

> лучшее решение для горожан, обитателей небольших квартир – за их стирку недорого берут прачки, при необходимости можно постирать и высушить дома, а также их легко брать с собой в путешествие, потому что они не займут много места в багаже[42].

Ежедневная гигиена детей постарше заключалась в чистке зубов и умывании прохладной водой, примерно 24 градуса, утром и вечером; также настоятельно рекомендовалось обливание холодной водой перед сном для закаливания. С восьмилетнего возраста дети должны были уже сами осуществлять основные гигиенические процедуры, однако родителей призывали контролировать уход за глазами, ушами и носом, проверять их на предмет наличия инородных предметов и обращаться к врачу для извлечения[43]. Также важно было научить детей ухаживать за ногтями: «еженедельно стричь их острыми ножницами, палочкой из слоновой кости отодвигать кожицу, чтобы не образовывались заусеницы»[44].

На взрослых также возлагалась ответственность за поддержание чистоты и свежести одежды и помещения, в котором содержались дети. Предметы гардероба необходимо было регулярно стирать и полоскать в воде при температуре 18 градусов. Предпочтение следовало отдавать одежде из легких и мягких тканей, чтобы она хорошо стиралась и быстро высыхала. Элементы костюма не должны были стеснять движений, в частности мальчикам не рекомендовалось носить узкие брюки. Подчеркивалось, что детей нужно одевать по сезону – поддевы использовать в холодное время года, а не в летнюю жару. Специалисты советовали поддерживать чистоту и свежий воздух в комнате, где дети проводят больше всего времени, обязательно проветривать

[41] Кад купамо и умивамо децу // Жена. 1912. № 5. С. 316.
[42] Нове пелене // Жена. 1912. № 5. С. 322.
[43] Страни предмети у носу // Жена. 1911. № 11. С. 709.
[44] Неговање ноктију код деце // Жена. 1911. № 12. С. 767–768.

перед сном, чтобы установилась рекомендованная температура 16 градусов. Спать им полагалось на матрасе без перины, под одеялом, а летом и без него[45].

Авторы колонки о здоровье обращали внимание публики на вопросы интимной гигиены и полового воспитания детей и подростков. Транслировалась мысль, почерпнутая из материалов международной конференции о гигиене школьников, что над этой проблемой сообща должны работать родители и образовательные учреждения в рамках профилактических мероприятий и бесед по половому воспитанию. Предполагалось на уроках знакомить учеников начальной школы с основами интимной гигиены, а с подростками – обсуждать не только физиологическую, но и морально-этическую сторону вопроса. Вести такие занятия доверили бы врачам и опытным педагогам с разрешения родителей, которых считалось разумным приглашать на занятия младших школьников для того чтобы ознакомить с санитарно-гигиеническими нормами и показателями здорового развития детей[46]. Однако такие намерения выглядели преждевременными для общества с патриархальными взглядами на личную жизнь человека и, думается, поэтому были опосредованно представлены публике в виде заметки о специализированной конференции. Тем не менее, это была реакция на актуальную проблему, для которой авторы постарались найти комфортное решение – в нескольких номерах журнала в переводе на сербский опубликовали выдержки из книги финского врача, специалиста по гигиене и здравоохранению, профессора университета в Хельсинки Максимиллиана Окер-Блома (1863–1917) «Чему Марта научилась у дяди-доктора в деревне: книга для родителей». В пособии понятным для обывателя языком, без сложной медицинский терминологии, были изложены основы полового воспитания подростков, представлены конкретные ситуации, которые родители могли бы привести в пример в разговоре с детьми.

Вместе с советами по соблюдению гигиенических норм часто публиковались и рекомендации по физической активности, необходимой для поддержания здоровья детей. В первую очередь речь шла о балансе между учебой и отдыхом: «хорошо, если дети проводят вечернее время на свежем воздухе, общаются, танцуют, поют, играют в подвижные игры»[47]. Утром рекомендовалась обязательная зарядка, причем девочки и мальчики должны были выполнять разные упражнения[48]. Поощрялись такие зимние забавы как катание на санках и коньках, а если вьюга или сильный мороз вынуждали оставаться дома, то для

[45] Како да сачувамо децу од велика зла // Жена. 1911. № 2. С. 132.
[46] Међународни збор за школску хигијену у Паризу // Жена. 1911. № 2. С. 130–131.
[47] Како да сачувамо децу од велика зла. С. 132.
[48] Подједнака гимнастичка вежбања мушке и женске деце // Жена. 1911. № 9. С. 580.

детей предлагалось полезное для здоровья развлечение – надувание мыльных пузырей. И руки вымыты с мылом, и выполнена дыхательная гимнастика! Но самая главная рекомендация, конечно, была в том, чтобы взрослые по возможности составляли детям компанию в подвижных играх, прогулках, занятиях спортом – т.е. личным примером помогали сформировать полезные для здоровья привычки.

Как избавить детей от вредных семейных привычек?

Однако специалисты понимали, что взрослые могли подавать и дурной пример, поэтому в многочисленных заметках уделялось внимание такому вопросу, как вовлечение детей в употребление алкогольных напитков. О масштабах проблемы мы можем судить на основании других источников. В опубликованной в 1909 г. в журнале «Народно здравље» («Здоровье нации») статье «О здоровье школьников» врач Милош Попович охарактеризовал ситуацию как катастрофическую, ссылаясь на комментарии учителей, «которые после трехдневных праздников не могли работать с детьми, страдавшими от похмелья»[49]. Более того, он представил неутешительные результаты опроса учеников основной школы, среди которых почти треть употребляла алкоголь регулярно, две трети – по праздникам (из них почти половина – крепкие напитки), и лишь менее 5 % опрошенных никогда не пробовали спиртного[50]. В рекомендациях по питанию, опубликованных в журнале «Жена», было четко обозначено, что детям нельзя «предлагать ни пиво, ни вино, ни ракию, даже по чуть-чуть», а застольным напитком для них может быть малиновый или виноградный сок[51]. Приучение к распитию спиртного также рассматривали как устаревшую («так веками делали наши несведущие и безответственные предки») и пагубную практику не только для отдельно взятого ребенка, но и для будущего нации в целом[52]. В качестве профилактики предлагался отказ родителей, в первую очередь отцов, от употребления алкоголя, а также пропаганда трезвого образа жизни. Журнал «Жена» публиковал и рекламу специализированных изданий, например, газеты «Нови нараштај» («Новое поколение»), выпускавшейся Обществом абстинентов Хорватии и Славонии и доступной по льготной цене для учащихся и членов сокольского движения[53]. Обыденной вредной привычкой для детей было и курение, борьбу с которым

[49] *Stojanović D.* U senci “velikog narativa”: Stanje zdravlja žena i dece u Srbiji početkom XX veka. S. 171.

[50] *Stojanović D.* U senci “velikog narativa”: Stanje zdravlja žena i dece u Srbiji početkom XX veka. S. 171.

[51] Како да сачувамо децу од велика зла // Жена. 1911. № 2. С. 132.

[52] Алкохол и Свето писмо // Жена. 1912. № 1. С. 51.

[53] Књижњвност и уметност // Жена. 1913. № 4. С. 246.

вели в образовательных учреждениях. Гимназическими уставами «курение запрещалось в школе, общественных местах и дома»[54], неизвестно, однако, насколько это правило исполнялось вне школьных стен. Распространение среди детей вредных для здоровья привычек демонстрировало их излишнюю с современной точки зрения вовлеченность в жизнь взрослых, поэтому заострение внимания на этой проблеме в публичном пространстве было способом провести четкую границу между взрослым и детским мирами.

Опубликованные в журнале «Жена» материалы отчасти позволяют реконструировать и травматический опыт, которым, к сожалению, обладало большинство детей. В уже упоминавшейся заметке «Не наказывайте детей голодом» авторы увещевали не лишать ребенка обеда за шалости или плохие оценки, а если он действительно заслуживал наказания, то рекомендовали не морить голодом, а применить силу[55]. Правда, в этом деле призывали не усердствовать, а «подходить с умом и не бить детей по голове, чтобы не нанести несовместимых с жизнью увечий». Как идеальная характеризовалась практика отказа от физического насилия в принципе,

> потому что ребенок, которого ударили, в силу тонкости и несовершенства душевной организации испытывает спектр эмоций, но только не раскаяние в содеянном[56].

Как воспитывать без насилия?

Насилие, как физическое, так и психологическое, было едва ли не единственным инструментом воспитания детей с младенческого до подросткового возраста. Интеллектуальное сообщество фиксировало этот феномен и обращало на него внимание общественности: дети с опытом жертвы в свою очередь применяли насилие или угрожали им как сверстникам, так и взрослым – были известны случаи нападения подростков на учителей с применением холодного и огнестрельного оружия[57]. Те дети, что не выдерживали давления, заканчивали жизнь самоубийством. Рассуждая о том, как изменить ситуацию, сербские интеллектуалы приходили к выводу, что применение родителями силы происходит от неграмотности – т.е. массе людей просто не знакомы другие, ненасильственные способы воздействия на детей.

На наш взгляд, авторы журнала «Жена» искали варианты выхода из замкнутого круга, ориентируясь на накопленный мировой опыт знаний о детях и их воспитании. Во-первых, они предложили по-другому взглянуть на детей и

[54] Детињство у прошлости 19.–20. век. Помоћни наставни материјал. С. 49.
[55] Не кажњавајте децу глађу! // Жена. 1912. № 2. С. 118–119.
[56] Не ударајте дете по глави // Жена. 1911. № 12. С. 768–769.
[57] Самоубијство код деце // Жена. 1912. № 6. С. 359–365.

осознать их ценность. Красноречивым примером было опубликованное в январском номере 1912 г. стихотворение «Что такое ребенок?» – своеобразный опрос на заданную тему. Так, маленькая девочка ответила, что ребенок – это «мамина куколка», а мальчик-подросток заявил, что, когда вырастет, будет знать все, т.е. представил себя носителем универсального знания. Автор отметил, что мать при ответе на вопрос старалась скрыть улыбку и просиявший взгляд и неискренне отвечала: «Ребенок – это обуза, что же еще?» По мнению учителя, дети являлись объектом воздействия: детей нужно всему учить, потому что им нести на своих плечах бремя ответственности за весь мир. Мудрец сравнил детвору с утренней росой – живительной влагой, благодаря которой расцветет в будущем нация. Подводя итог, анонимный автор заключал: «редко какая мать знает, ктó есть на самом деле ее “куколка”»[58].

Во-вторых, родителям рекомендовали принять возложенную на них ответственность за воспитание детей и не перекладывать ее на других родственников или образовательные учреждения. Подчеркивалось, что приемлемая модель поведения – это наставничество, поскольку оно исключает возможность общения с ребенком как с равным, что ранее имело место в сербских традиционных семьях при сохранении установленной иерархии[59]. Такие изменения в субординации требовали от взрослых стабильной линии поведения, поэтому так или иначе в представленных материалах возникала критика матерей за излишне трепетное отношение к детям и потакание их капризам, а отцов – за нетерпеливость и безразличие[60].

Кроме того, родитель в идеале должен был осознавать значимость своих слов и поступков для детей и с учетом этого выстраивать с ними взаимодействие. Напутствуя аудиторию, авторы журнала «Жена» обращались к методу конкретных ситуаций (кейс-методу), нередко предлагая сравнить правильный или неправильный сценарий общения между детьми и родителями. Серьезной «проработанностью» в этом смысле отличается текст «Мать и дитя», опубликованный в январском номере 1912 г. Там описаны разговоры матерей с сыновьями на тему «откуда берутся дети?» В первой описанной семье мать, будучи продуктом своей эпохи и среды, в которой табуировалась тема деторождения, сказала сыну Йовице, что «детей приносит аист, который вылавливает их в колодце, далеко-далеко отсюда». От логичных вопросов о том, откуда аист знает, кому и когда нужно доставить ребенка, как дети не замерзают даже зимой в колодезной воде, играют ли они там с лягушками, она

[58] Шта је дете? // Жена. 1912. № 1. С. 5–7.
[59] *Шемякин А.Л.* Мир детства сербов в путевых заметках П.А. Ровинского. С. 76–77.
[60] *Алексијевић В.* Основно васпитање деце. С. 41.

отмахнулась и, сославшись на занятость, прекратила разговор. В школе мальчик попал в неловкую ситуацию, блеснув знаниями о «грузоподъемности» аистов, что дало одноклассникам повод высмеять его наивную версию появления детей. Более подкованные в вопросе школьники донесли до мальчика истину в скабрезной манере. Расстроенный Йовица уточнил у матери, правду ли она ему сказала, и пересказал, чему научили его приятели. Оценив ситуацию, а самое главное, свою ошибку, женщина не дала комментариев и под угрозой физической расправы запретила сыну приставать к ней «со срамными вопросами». Мальчик сделал выводы о достоверности сведений одноклассников и о том, что мать скрывает от него правду. Как подчеркивал автор под псевдонимом Нели,

> меньше любить ее он не стал, но о доверительных отношениях речи быть и не могло. Йовица теперь знал, что должен скрывать от нее часть своей жизни[61].

Во второй семье разговор состоялся между сыном и матерью, которая была в курсе современных тенденций воспитания и оказалась способной преодолеть собственный дискомфорт от обсуждения подобной темы с сыном. Ребенок неожиданно задал вопрос о том, как появляются дети, но мать быстро нашлась что ответить, поскольку задумывалась об этом ранее. Отец ребенка читал в журнале, как вести подобную беседу, и поначалу им с женой показалось странным говорить детям правду и называть вещи своими именами. Но в итоге родители пришли к выводу, что будет лучше, если ребенок узнает все о процессе зачатия и деторождения от них, чем от других детей или чужих ему взрослых. Поэтому она рассказала, что ребенок развивается в теле матери до момента рождения, о боли, которую испытывают женщины в родах, о том, что они долго восстанавливают здоровье, но вскоре забывают о неприятных ощущениях и радуются тому, как растут и развиваются их малыши. Размышляя об услышанном, мальчик чувствовал себя достаточно взрослым и уважаемым матерью, раз она, пытаясь объяснить сложные вещи, говорила с ним на равных и ничего не утаила от него. Это восхитило ребенка, он стал не только любящим сыном, но и другом своей матери[62].

На наш взгляд, данный текст демонстрирует, как происходила легализация темы деторождения и внедрение комплексного подхода к воспитанию. Материал также представляется важным в концепции общего разграничения детского и взрослого миров, которую реализовывали авторы издания. В

[61] Нели. Мати и дете // Жена. 1912. № 1. С. 33–35.

[62] Нели. Мати и дете. С. 35–36.

описанных ситуациях подчеркивается, что взрослые обладают знаниями, еще не доступными детям, и ответственный родитель должен предпочесть, чтобы ребенок преодолел эту грань с его помощью, а не в силу иных обстоятельств, которые могут оказаться и травматичными. Вместе с тем, читателям предоставлялся выбор – действовать в рамках традиций или изменить свое мышление и поведение ради комфорта и здорового развития детей.

Как сформировать у детей эстетический вкус?

На страницах журнала «Жена» отражено своеобразное видение детской культуры. Очевидно, авторы на момент публикаций еще не определили для себя содержание этого понятия, поэтому сведения об их отношении к материальным и духовным ценностям, созданным самими детьми или для них, отрывочны, но вполне соответствуют транслируемой системе взглядов. Например, в статье Вукицы Алексиевич утверждалось, что игры, с игрушками или без, для детей являются эквивалентом трудовой деятельности взрослых:

> Игрушки и игры – не баловство, они крайне важны для развития, как еда и движение, поэтому подвижные игры особенно полезны для здоровья. Дети должны много времени проводить на свежем воздухе, разумеется, под присмотром взрослых. Коллективные игры необходимы для формирования человеческих качеств[63].

Автор также рекомендовала разумно подходить к выбору игрушек. Безусловно, главным критерием была безопасность – острые и режущие предметы не должны были попасть в детские руки. Особенно тщательно нужно было подбирать игрушки для самых маленьких: предпочтение необходимо отдавать игрушкам из натуральных материалов, важно следить за состоянием предметов из дерева и целлулоида, чтобы цветные краски и лаки, которыми они покрыты, не потрескались и не попали ребенку в рот или глаза[64].

Приветствовалась умеренность, поэтому не стоило дарить детям дорогие игрушки, например кукол в нарядных платьях, «похожих на княгинь из сказок», или упряжку игрушечных лошадей и экипаж. В. Алексиевич констатировала следующее:

> Небогатые люди пройдут мимо такого предложения, вздыхая, что никогда не подарят своим детям такие игрушки. А капризные отпрыски богатых

[63] *Алексијевић В.* Деца и дечје играчке // Жена. 1911. № 2. С. 85.

[64] Празници и дечје здравље. С. 57–58.

> родителей поиграют и быстро забудут, поскольку привыкли получать подарки[65].

Лучше всего дарить такие вещи, которые

> пробудили бы в детях творческое мышление, т.е. те предметы, вокруг которых они «выстроят» игру и сами придумают, как из досок смастерить коляску, из бечевки сделать упряжь или построят куклам домик и сошьют яркий наряд[66].

Сделанная своими руками игрушка для ребенка гораздо ценнее купленной, а дорогие «готовые» игрушки только вредят детской душе: они не дают возможности мыслить, быстро наскучивают и провоцируют чувство неудовлетворенности. Пресыщенность игрушками превращает ребенка в недовольного старичка, который с детства не приучен к простым радостям, не видит жизнь такой прекрасной, как она есть. Также дети, получающие игрушки в подарок, не могут сформировать собственный вкус, а в будущем подвержены чужому влиянию и не обладают твердым и решительным характером[67].

При этом существовало мнение, что взрослые должны оказывать влияние на формирование вкуса у детей и подростков. Так, в мартовском номере 1913 г. авторы рассуждали о вредном влиянии кинематографа на детскую психику. Родителей призывали не поощрять регулярные походы в кинотеатры и следить за тем, какие фильмы смотрят дети, поскольку в основном репертуар был ориентирован на взрослых людей, а поучительные и образовательные картины как правило отсутствовали. Кроме того, безобидное на первый взгляд увлечение могло провоцировать плохое поведение – часть детей игнорировала выполнение домашних обязанностей, допоздна отсутствовали дома, а некоторые шли на кражу денег для покупки билета в кино.

Автор заметки выражал свое негодование родительской и педагогической общественности, допускавшей подобное поведение детей, в забавной, но заставляющей задуматься фразе:

> Ответственные родители вряд ли хотели, чтобы их дети ознакомились с кинокартинами под названиями «Линчевание», «Морские ужасы», «Белая рабыня», «Грешная любовь». При этом кинотеатры посещают до 90 % школьников разных возрастов, естественно, без сопровождения взрослых. Государство, хотя и признает такое времяпровождение небезопасным для

[65] *Алексијевић В.* Деца и дечје играчке. С. 85.
[66] *Алексијевић В.* Деца и дечје играчке. С. 85.
[67] *Алексијевић В.* Деца и дечје играчке. С. 86.

детей, но не запрещает им посещение, перекладывая ответственность на родителей и педагогов, поскольку они должны объяснять детям, что просмотры фильмов в кино – пустая трата времени[68].

Заключение

Разумеется, что в опубликованных заметках и статьях журнала «Жена» не описывались реальные мальчики и девочки, а было представлено отношение к ним узкого круга взрослых людей. Более того, тексты не являются в полной мере отображением жизни, а демонстрируют лишь мнение о том, каким ребенок должен быть – т.е. нормативный канон, по определению И.С. Кона[69]. Однако, в ходе детального изучения материалов становится понятным, что авторы, вскрывая наболевшие проблемы общества, прежде всего ожидали каноничного поведения от взрослых. Если использовать современную терминологию, речь шла об осознанном родительстве, с принципами которого и старались ознакомить публику авторы издания.

Утверждалось, что дети должны правильно развиваться физически и ментально, жить в пригодных условиях, принимать здоровую и полезную пищу – всем этим их в идеале должны были обеспечивать родители. Несомненно, дальнейшего изучения требует вопрос, почему на страницах издания не поднималась тема детского труда. Возможно, это связано с тем, что практика была не распространена в семьях основной читательской аудитории – среднего класса. Но так ли были актуальны его представителям рекомендации по соблюдению гигиены и организации детского питания? Авторское допущение же заключается в том, что интеллектуальная элита в принципе не считала возможной эксплуатацию детей и не оставляла для нее места в «идеальном детстве». Также обращает на себя внимание факт, что на страницах издания практически не представлены материалы педагогической тематики. Вероятно, их отсутствие – сознательный шаг со стороны редакции, потому что в стенах учебных заведений дети, вне сомнения, были детьми, а несоответствие их возраста и положения обнаруживалось вне школы и дома, что было необходимо скорректировать.

В сущности, активисты, сплотившиеся вокруг журнала «Жена», – это представители национальной элиты, в ее понимании Хосе Ортега-и-Гассетом, как группы людей с высоким чувством ответственности. В этой среде бытовало мнение, что, в отличие от сербов, представители других этносов Австро-

[68] Кинематографске представе опасне су по младеж // Жена. 1913. № 3. С. 186–187.

[69] *Кон И.С.* Открытия Филиппа Арьеса и гендерные аспекты истории детства // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 15 (58). С. 13.

Венгрии имеют большие доходы, рационально управляют хозяйством, благоразумно используют имеющиеся ресурсы, а потому их дети меньше болеют и умирают. Пристальное внимание к традиционным крестьянским семьям было сопряжено с убеждением, что благодаря просвещению и грамотному вмешательству в жизнь сербского села можно было на национальном уровне повлиять на экономическое развитие, снизить летальность, предотвратить эпидемии, привить гигиену и сформировать медицинскую грамотность[70]. А дети и детство в данном случае выступали как точка сближения различных слоев общества, ради них задумывалось и реализовывалось тесное взаимодействие всех сил общества. Более того, журнал «Жена» – пример средства массовой информации, благодаря которому были сформированы новые социальные образцы взаимодействия детей и родителей, получившие развитие в XX в.

[70] *Соколовска В., Трипковић Г.* Друштвени и породични живот Срба у Војводини на почетку 20 века у огледалу Упитног листа Матице Српске // Зборник Матице Српске за друштвене науке. 2012. № 139. С. 250.

Children without childhood?

Historical research related to the phenomenon of childhood in the Serbian socio-cultural space is heavily weighted in favor of studying public education and school as a social institution.[1] Thanks to the work of Serbian and Russian researchers, it is known how the system of education functioned in the Principality of Serbia (The Kingdom of Serbia since 1882) n the last third of the 19th – early 20th century, demonstrating a mechanical increase in the number of educational institutions with consistently low quality indicators: the knowledge gained remained unclaimed by the greater part of the population, since it had little correlation with the needs and living conditions of the peasants who represented the vast majority of the population. Moreover, practical parents who used children's labor in the household believed going to school to be a waste of time.[2]

It can hardly be stated that the attitude towards learning was fundamentally different among the peasants who lived on the other side of the Danube and the Sava, but the peculiarities of life of the Serbs of the Habsburg monarchy made systematic education necessary, first as a practical and then as an internal need. Thanks to the modernization of the empire during the reign of Maria Theresa and Joseph II, the Serbian community underwent a transformation of the social structure much earlier. In the second half of the 18th century, a stratum of educated clergy consolidated, the number of Serbian officers grew in the regular army and regiments of the Military Frontier, and the class of artisans and merchants developed rapidly. By the end of the century, a small but influential class of officials of Serbian origin had emerged and the intelligentsia had taken shape. With its appearance, a civil national culture began to emerge.[3] At the Temišvarski Sabor of 1790, the secular estates challenged the monopoly of the clergy on political power, but they began to fully determine the priorities of the Serbian community later, as a result of the reorganization of the Habsburg monarchy on a dualistic basis in 1867. The movement for the realization of national rights in the Kingdom of Hungary brought together representatives of the bourgeoisie, bureaucracy, and intelligentsia, who formed ideologically unified

[1] S.M. Dujmović, *Pod državnim okriljem. Istorija detinjstva u Bosni u Hercegovini 1878–1941* (Sarajevo: Institut za historiju Univerziteta, 2021), 13–14.

[2] A.L. Shemyakin, "The System of Public Education in Independent Serbia: Coercion and Need" [in Russian], in *Man in the Balkans: Socio-Cultural Dimension of Modernization in the Balkans: (mid-19th – mid-20th century),* ed. R.P. Grishina (St Peterburg: Aleteiya, 2007), 90–102; M. Isić, "Pismenost u Srbiji u 19. veku," in *Obrazovanje kod Srba kroz vekove: zbornik radova sa naučnog skupa održanog, 09 septembra 2003*, ed. R. Petković (Belgrade: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2003), 63–80.

[3] L. Novoseltseva, "The Making of the Serbian Academic Community in the Second Half of the Nineteenth Century: A Prosopography," *Historical Studies on Central Europe*, vol. 2, no. 2 (2022): 131–48, https://doi.org/10.47074/HSCE.2022-2.08

national elite due to the consensus of values. During the second half of the 19th century and the early 20th century, the intelligentsia had significant weight in this environment, since it was the intelligentsia that acted to protect the political interests of the consolidated society.

The struggle for the right to study in their native language was one of the directions of Serbian national movement in Austria-Hungary.[4] As early as in the last quarter of the 19th century, its leaders emphasized that feature and the value of younger generations for the Serbian people: during that period, children were perceived in the public space almost as comrades-in-arms in the struggle for national interests. A paradoxical situation had developed: the Serbian elite of the Habsburg monarchy recognized the high social value of children and manipulated the threat to their future within the framework of ethnic mobilization against the policy of Magyarization[5] at the turn of the 20th century but did not pay due attention to them as a social group and to the phenomenon of childhood as such. Despite the fact that Serbian society showed signs of modernization on the outside, in relation to children it manifested itself as a traditional society: the world of childhood was perceived as part of the adult world, children acted as junior partners in work and recreation, their way of life was not isolated.[6] At the same time, the researchers note that at the beginning of the 20th century, awareness of children's special needs evolved from the idea that they had the rights derived from human rights.[7] In my opinion, this trend can be observed in the Serbian community, with the clarification that children did not have rights but

[4] G. Vasin, "Srpski crkveno-narodni sabori i pitanje crkveno-školske autonomije 1867–1918," *Stotinu dvadeset godina od početka borbe srpskog naroda u Bosni i Hercegovini za crkveno-školsku autonomiju (1896–2016)*, ed. B. Mikanović (Banja Luka: Univerzitet i Banjoj Luci, 2017), 51–70.

[5] As defined by T. Islamov, Magyarization was the policy of asserting the dominant position of the Magyars in the Kingdom of Hungary by means of artificial forced assimilation of non-titular nations of the state. In the 1880s – 90s, the program was implemented through the activities of cultural and educational associations whose mission was to disseminate the Hungarian language and culture among the non-Magyar subjects of the kingdom. For more, see T.M. Islamov, "The Policy of Magyarization and National Conflicts in the 1880s – 1890s" [in Russian], in *History of Hungary*, ed. T.M. Islamov (Moscow: Nauka, 1972), vol. 2, 275–81. Back in the interwar period, Serbian historiography formed an opinion, according to which the few primary educational institutions with the Serbian language of instruction that were supervised by the Metropolitanate of Karlovci were primarily subjected to Magyarization. For more, see D. Kirilović, *Pomađarivanje u bivšoj Ugarskoj. Prilog istoriji srpskih škola* (Sremski Karlovci: Srpska manastirska štamparija, 1935).

[6] A.L. Shemyakin, "The World of Serb Childhood in the Travel Notes of P.A. Rovinskii" [in Russian], in *Slavic Almanac 2003*, ed. T.I. Vendina et al. (Moscow: Indrik, 2004), 78.

[7] S.N. Shcheglova, *Sociology of Children's Rights in Russia: New Century, New Problems, New Prospects* [in Russian] (Moscow: Sotsium, 2001), accessed February 13, 2024, http://www.childsoc.ru/doc/kniga1.pdf

shared the problems of an ethnic minority in the multinational Austro-Hungarian Empire.

The elite demonstrated concern about high mortality and minimal population growth caused by the passage through the first stage of demographic transition by the Serbian society.[8] The press published materials about the potential disappearance of the Serbian nation under the pressure of assimilation and in the process of dying out, which caused confusion in society, resulting in social reflection. In search of an answer to the question how to save the nation, a shift in the understanding of childhood occurred – from the ideas that existed in traditional peasant culture to the views of the modern era. The mechanisms of that shift are described in the classic work by Philippe Ariès *Centuries of Childhood: A Social History of Family Life*.[9] Although the author's methods and some of his conclusions have continued to generate discussions in the scientific community for more than half a century, his hypothesis that in the Modern Period childhood began to acquire clear contours and together with them social and political significance finds more and more proof.

The "discovery" of childhood by a number of societies in the era of modernization or in the late 19th – early 20th century (such a chronological framework is identified by the experts) is a widespread phenomenon. Historian Catriona Kelly noted that the turn of the century was a period when the elite of the Russian Empire became concerned about the "backwardness of the country compared to the West," admiring the social policy pursued in the UK and the low mortality rate of infants in Norway. At the same time, the researcher clarified that

> concern about child mortality is one of the signs of attention that was paid to childhood in the late imperial period.[10]

In addition to mortality, the problem of homeless children also became a catalyst for public interest in children in the Kingdom of Hungary. In the period from the 1890s

[8] H. Fassmann, "Die Bevölkerungsentwicklung, 1850–1910," in *Die Habsburgermonarchie, 1848–1918*, hrsg. H. Rumpler, und P. Urbanitsch, Bd. 9, *Soziale Strukturen: Von der Feudal-Agrarischen zur Bürgerlich-Industriellen Gesellschaft*, Teilbd. 1, *Lebens- und Arbeitswelten in der industriellen Revolution* (Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2010), 166.

[9] Ph. Ariès, *Centuries of Childhood: A Social History of Family Life* [in Russian], trans. Ya.Yu. Startsev, and V.A. Babintsev (Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1999).

[10] C. Kelly, "The Impact of New Identity on Culture: The 'Discovery' of Childhood in Late Imperial Russia" [in Russian], in *Minor Subjects of the Great Empire. Philippe Ariès and the History of Childhood in Russia (17th – Early 20th Century): Proceedings of the International Scientific Conference "History of Childhood as a Subject of Research: the Legacy of Ph. Ariès in Europe and in Russia" (Moscow, October 1–2, 2009)*, comp. V.G. Bezrogov, O.E. Kosheleva, and M.V. Tendryakova (Moscow: RGGU, 2012), 93.

and the beginning of the First World War, those issues were partially resolved by the efforts of women's charitable societies, which provided financial support to orphans and single mothers and organized kindergartens in cities. Due to the increased presence of Hungarian women in the public space, the needs of children came into the focus of attention of the general public. At the initiative of the intellectual elite, the Society for the Study of Childhood was founded in 1903. In the course of research, it established that children were "victims of lack of interest on the part of adults and their ignorance."[11] The emerging changes were associated with the activity of the enthusiasts who united under the auspices of the Hungarian Feminist Association. According to historian Andrei Pető, they promoted the cult of the child to society through all available channels, focusing on the values of the middle class. Various materials with manuals on family life were published. They outlined basic principles of upbringing, development, education, and entertainment of children. Laura Polanyi (1882–1957) was a pioneer in that activity. There was also another trend, the results of which the society appreciated during the First World War. It was an educational project dedicated to teaching the population to care for children and mastering basic health literacy.[12]

Since the Serbian community of Austria-Hungary found itself in a similar situation, the way out of it was probably seen in the implementation of similar practices – propaganda of the cult of the child. Their implementation was undertaken by a group of activists led by Milica Tomić (1859–1944), who closely cooperated with the Hungarian Feminist Organization. Tomić was known as a philanthropist, founder of the Serbian women's movement for emancipation, and owner and editor-in-chief of the women's magazine *Žena* [Woman], published under her leadership in Novi Sad from 1911 to 1921 with a break during the First World War.[13] Using the magazine as a public platform, the activists presented children to the public in a new way, with their own peculiar features and needs.

[11] A. Pető, "Children and the State in Hungary: From the Periphery to the Center (19–20th Century)," in *Childhood in South East Europe: Historical Perspectives on Growing up in the 19th and 20th Century*, ed. M. Jovanović, and S. Naumović (Belgrade: Udruženje za društvenu istoriju, 2001), 75–77.

[12] Pető, "Children and the State in Hungary," 78.

[13] L.K. Novoseltseva, "Serbian Women's Movement in Austria-Hungary from the Second Half of the 19th to the Early 20th Centuries: Ideology, Organisations, and Leaders" [in Russian], *Tsentral'noevropeiskie issledovaniya=Central-European Studies*, no. 6 (2023): 208–41, https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.8

Thanks to the research of everyday life, scientists generally know how the Serbian children lived in the world of adult Serbs.[14] However, as a direction in the Serbian socio-cultural space, the history of childhood is at the stage of formation. Among the researchers, it is worth mentioning Dubravka Stojanović,[15] Momčilo Isić,[16] and Russian historian A. Shemyakin. They addressed childhood issues as part of the study of modernization processes in Serbia, traditional peasant society, and national elites based on statistical data and ethnographic observations. It is also important to note the collective work *Detinjstvo u prošlosti* [Childhood in the past]. Although it is a textbook for secondary schools, it remains the only attempt undertaken so far to present a complete image of childhood in the Balkans in the 19th – 20th centuries.[17]

This article highlights the results of an experimental study, the purpose of which was to determine what the "perfect childhood" was / should have been in the early 20th century in the opinion of the Serbian intellectual elite according to the materials of the magazine *Žena*. To achieve this purpose, the author of the article tried to find the boundaries between the children's and adult's worlds, at least, to understand the criteria for their differentiation, and to identify a range of problems that were considered children's problems by the Serbian society as well as ways to solve them proposed by the expert community. As the editor-in-chief of the publication, Milica Tomić took a principled stand in the matter of involving experts, which is why many of the materials were prepared by doctors and teachers. The staff of the magazine presented the range of problems the magazine dealt with in the format of interviews with experts, featured articles, and useful pieces, often borrowed from specialized medical publications, both Serbian (*Narodno zdravlje*) and foreign (*Allgemeine Wiener medicinische Zeitung*).

How to reduce infant mortality and maintain children's health?

The greatest concern of the intellectual elite was caused by high infant mortality and, as a result, a noticeable decline in the Serbian population. An important step to overcome that trend was to de-taboo the topic of childbearing in society. In the article

[14] M. Timotijević, *Rađanje moderne privatnosti: privatni život Srba u Habzburškoj monarhiji od kraja 17. do početka 19 veka* (Belgrade: Clio, 2006); N. Makuljević, and A. Stolić., comps. *Privatni život kod Srba u devetnaestom veku* (Belgrade: Clio, 2006).

[15] D. Stojanović, "U senci 'velikog narativa': Stanje zdravlja žena i dece u Srbiji početkom XX veka," in *Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka,* ed. L. Perović, knj. 4, *Žena i deca* (Belgrade: Helsinšku odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006), 160–75.

[16] M. Isić, "Dete i žena na selu u Srbiji između dva svetskih rata," in *Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka*, ed. L. Perović, knj. 4, *Žena i deca* (Belgrade: Helsinšku odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006), 131–59.

[17] M. Ristović, and D. Stojanović, eds., *Detinjstvo u prošlosti 19.–20. vek. Pomoćni nastavni materijal* (Belgrade: Udruženje za društvenu istoriju, 2001).

Osnovno vaspitanje dece [Fundamentals of parenting], Vukica Aleksijević argued that the main science that the girls learned in Serbian families was "cooking, sewing, cleaning, honoring their father-in-law and mother-in-law, and listening to their husband," while most of them knew literally nothing about children before the birth of their first child. The author cited traditional principles as the reasons for that: for generations, women had not talked about childbirth with their daughters and had not touched on the topic of sex education due to its shameful nature.[18]

Because of that, women found themselves without competent supervision during pregnancy and any obstetric support for childbirth, so there were frequent cases of untimely medical care for pathologies, which entailed death of both the woman in labor and the child. For infants, the potential danger consisted in the lack of neonatal examination, lack of experience and necessary knowledge of mothers, and often harmful advice from ignorant but influential relatives. For example, a newborn could be recommended to be washed in ice-cold water, not to be brought to the breast at all during the first two days of life, and to be limited in nutrition until the age of one month or to be fed whole cow's milk, boiled at best, from the birth. Experts called for careful monitoring of the condition of newborns because they noted high mortality rate of infants in the first month of life from dehydration or the effects of allergies to cow's milk proteins.[19] General practitioner Slavko Miletić criticized women for refusing to breastfeed, often due to difficulties in establishing it or under pressure from their husbands and relatives.[20] Of course, in most cases that was due to the need to quickly return to work. In addition to malnutrition, children suffered from the adults' non-compliance with basic rules of hygiene of newborns that were kept in the conditions unsuitable for healthy development: stuffy, rarely aired and cleaned small rooms, in which several people lived.[21]

Experts saw the solution to that problem primarily in the organization of maternity care and neonatal control as well as in educating parents. Caring intellectuals intended to provide clear "instructions to children" for parents. In the first year of a baby's life, relatives were required to monitor its physical and psychomotor development and to a lesser extent pay attention to psychosocial problems, since it was believed that a child's life up to 1 year was a set of purely physiological processes. In a situation where medical control of babies' development was practically unavailable, mothers were advised to closely monitor their condition and to record information about each stage of development, indicate features, i.e., to keep a semblance of an outpatient chart, but without medical terminology. Such

[18] V. Aleksijević, "Osnovno vaspitanje dece," *Žena*, no. 1 (1911): 37.
[19] Aleksijević, "Osnovno vaspitanje dece," 38.
[20] S. Miletić, "Zašto umiru toliko deca?," *Žena*, no. 8 (1912): 462–63.
[21] Stojanović, "U senci 'velikog narativa'," 168.

information would greatly facilitate the work of a doctor in case of an illness.[22] In order for medical advice to be timely, various memos were published in the magazine, for example, containing information about seasonal diseases, symptoms, incubation periods of certain infections, recommendations for self-treatment, etc.

Doctors regretfully admitted that it was impossible to organize preventive examinations of children and adults in every Serbian settlement, not so much because of the lack of qualified personnel as because of the high cost of medical services provided for the rural population and the lower urban strata and distrust of doctors.[23] There was no talk of full-fledged pediatric control. Even in the instance of severe illness, parents rarely sought help, being guided by the consideration that "everything is God's will.[24] Nevertheless, doctors actively advocated the need for mandatory medical examinations at least before the child started school. As a result of such examinations, doctors regretfully stated a disappointing fact: there were many children with physical and mental disabilities among Serbian schoolchildren. The reasons were poor nutrition, poor hygiene, numerous injuries, and undiagnosed or untreated diseases that led to disability of children already in preschool age.[25]

The authors of the magazine tried to make convincing arguments in favor of taking care of children's health, picking up the keys to the hearts of adults. First of all, they warned about the difficulties of maintaining and educating physically undeveloped, sickly children, explained that due to the weakness of the body they did not develop mentally, started talking late, and therefore had a poor mind and in the future such children would become a burden to parents. For some, the fact that healthy people can work and earn more from a young age was an important argument. Those who were not indifferent to the problems of national existence were instructed that a real Serbian soul could grow up only in a strong healthy body.[26]

The first results of the propaganda of an integrated approach to the upbringing of children and careful attitude to their fragile health, in our opinion, are presented in the anonymous essay *Ženski naporni rad i umiranje male dece* [Women's labor and infant mortality], published in 1913. It is noteworthy that by that time, Serbs had begun to seek medical assistance more often. That was made possible by improving the financial capabilities of citizens, increasing the number of doctors and more affordable prices for their services. Nevertheless, as the author claimed, infant and child mortality was so high that the population of Novi Sad, a city with a developed social and children's infrastructure, was growing exclusively due to newcomers. He

[22] "Kad treba "zdravi" da zovu lečnika?," *Žena*, no. 1 (1911): 50–51.
[23] M. Tomić, "Sestrinska pomoć," *Žena*, no. 3 (1911): 165–70.
[24] Stojanović, "U senci 'velikog narativa'," 168–69.
[25] Aleksijević, "Osnovno vaspitanje dece," 40–41.
[26] "Telesno vaspitanje," *Žena,* no. 1 (1912): 60–61.

found the reason for that in the increased employment of women in the early twentieth century not only in agriculture but also in trade, handicraft, and industrial production, while they still had the responsibilities for maintaining order in the house, cooking, and other household chores. According to the above statistics, female peasants and street vendors engaged in hard work had the least time and opportunities to take care of children.[27] Of course, it was primarily about female workers and owners of individual farmsteads. The author of the article reasoned that while the Serbs lived in zadruga,[28] despite the specific attitude of the patriarchal community towards children, the responsibility for caring for babies fell on the shoulders of grandmothers or women who were less involved in hard work, for example, due to poor health. That is, there was someone to look after babies in such a community, feed them on time, and monitor their health, unlike the situation under consideration, when mothers or other persons responsible for the child were too busy to perform parental functions properly.[29] The least number of children died in the families of officials, as their wives could devote more time and effort to taking care of children and their upbringing due to their relative family wealth.[30]

The problem of social inequality and its reflection on the fate of children was raised more than once in the publications of the magazine *Žena*. For example, the well-being of the families of officials, or rather the preferences that the state granted them in connection with childbirth, prompted Milica Tomić to argue that social benefits should be extended to all citizens who raise children. She proposed to temporarily exempt low-income parents from paying taxes and to introduce a proportional tax depending on the number of children in the family for the citizens with a stable income with the exception of the wealthy. Moreover, she put forward the thesis that the implementation of social policy in the interests of children and childhood was a new task that the state or the national community had to solve.[31] In fact, such publications reflected the expectations of Serbian intellectual and political elite at the beginning of the 20th century.

[27] "Ženski naporni rad i umiranje male dece," *Žena*, no. 5 (1913): 293–94.

[28] Zadruga is a patriarchal family community among the southern Slavs. It consisted of 20–30 members, most often parents and several of their sons with their wives and children, who lived in the same homestead. Older women – grandmother or *reduša* (from Serbian *red* [order], *reduša* – manager, administrator) – were involved in the upbringing of children in the zadruga, while mothers were usually busy with agricultural work.

[29] "Ženski naporni rad," 293–94.

[30] "Ženski naporni rad," 293–94.

[31] "Staranje državi o dece," *Žena*, no. 1 (1912): 53–55.

How to organize healthy nutrition for your child?

In practice, it was necessary to teach adults how to properly take care of their children and meet their basic needs at least, primarily in food. Therefore, a variety of materials on healthy diet and food culture were published in the *Žena* magazine. Most of the recommendations for children under the age of one year were devoted to building an infant's daily routine, sleep patterns, and meals. Breastfeeding or bottle-feeding was recommended to put on track on the second day after birth: to offer milk to the infant every two hours for the first four to five weeks, every two and a half hours up to three months, and then every three hours, gradually increasing the intervals. Since a healthy baby sleeps a lot, it was advised not to wake it up specifically for feeding: sleep is more important than food. Experts emphasized the importance of following daily routine as the basis for future upbringing, and, for example, advised not to feed the baby on demand for two reasons:

> uncontrolled food is an overload for the baby's stomach and indulging its whims, while following the routine trains even such a small baby to patience and forbearance.[32]

Parents also had to be disciplined; in particular, breastfeeding mothers were asked to follow a special diet. It welcomed "milk, butter, honey, fruit, eggs, cheese, vegetables, green salads (from 1 to 14.5 spoons) seasoned with lemon juice but not vinegar; farinaceous foods and poultry, game, veal, lamb, beef, preferably boiled, in moderate amounts." It was recommended to exclude dried meat, sausages, and chorba (Serbian thick rich soups). Unlike today, the experts of the early 20th century restricted nursing mothers in taking liquids: it was recommended to drink water in small quantities in case of severe thirst after lunch and coffee was strictly prohibited. Interestingly, doctors objected to wine, beer, and raki not because they were harmful to the health of the baby but because alcoholic beverages changed the taste of breast milk, "it becomes sour or too sweet."[33]

The diet of young children had to be regular and balanced. The menu should necessarily include soups, meat, herbs, vegetables, fruit, and brown bread.[34] It is obvious that doctors were struggling with a dairy diet, which children were forced to follow: several publications were devoted to that problem. The most succinct and accessible expert opinion was formulated in the piece *Dete i mleko?* [Baby and milk]: "Milk should not be the only food for children!" That was especially true for the

[32] Aleksijević, "Osnovno vaspitanje dece," 40–41.

[33] "Šta da jede žena dok dete doji?," *Žena*, no. 4 (1911): 259–60.

[34] "'Snažna' dečja hrana," *Žena*, no. 2 (1912): 119–20; "Čime da ranimo dete od godine dana?," *Žena*, no. 9 (1911): 578–79.

children who already had all their baby teeth because they had to eat food with different textures to develop their jaws and form a correct bite.[35] Exclusively dairy-based nutrition led to the fact that up to 70% of children entering school had dental problems; many of them suffered from anemia and muscular dystrophy.[36] First of all, these were peasant children. According to historian M. Isić,

> from the age of three or four, they earned their bread and helped around the house as best they could (looked after poultry and herded large cattle when they grew older).[37]

However, in the pages of the magazine we also find reflections on whether it was worth pampering children with treats and allowing them to eat only sweets during the holidays. The authors drew attention to an increased frequency of visits to doctors with children's complaints of abdominal pain during the Christmas period. Of course, that was explained by the fact that children ate much more confectionery than usual on holidays and some even had only sweets for breakfast. Experts recommended maintaining a regular diet, offering desserts to children no earlier than lunch and giving preference to dried biscuits, sweets or chocolate, and not treating them to cakes with cream, liqueur, or almonds. Eating in bed before going to sleep was not encouraged even if it was about apples, nuts, and candies. It was strictly forbidden to eat after evening hygiene procedures. It was considered important to teach children how to crack nuts correctly and explain them that it was not to be done with their teeth. In addition, parents were urged to pay attention to the kitchen utensils used for preparing food for children and the dishes with which they played on their own. One of the urgent recommendations was to abandon enameled dishes due to the content of tin in it and the release of its oxide into food when heated.[38]

The problem of organizing proper nutrition for children of different ages is covered in detail and consistently in the pages of the *Žena* magazine. It seems that it was an uncomplicated but effective way to draw the readers' attention to the differences between adults and children and emphasize that the range of basic children's needs was much wider and that parents were to meet them as far as possible. Demonstrating life sketches diametrically opposite in contents (while some children were forced to eat only milk, others were limited in treats), as it seems to me, the authors tried to convey the simple truth that to grow healthy, any child needs a moderate balanced

[35] "Dete i mleko?," *Žena*, no. 4 (1911): 259–60.

[36] Stojanović, "U senci 'velikog narativa'," 170.

[37] M. Isić, *Seljaštvo u Srbiji 1918–1941*, knj.1 (Belgrade: Institut za noviju istoriju Srbije, 2000), 249.

[38] "Praznici i dečje zdravlje," *Žena*, no. 1 (1912): 57–58.

diet without excesses and restrictions. Moreover, the idea was conveyed that food should not be used as a means of upbringing and children should not be punished by hunger in the first place because such restriction on a regular basis could have a negative effect on the physical and mental health of children.[39]

How to teach children to maintain hygiene and lead an active lifestyle?

Using the example of Hungarian society starting from the turn of the 20th century, anthropologist Katalin Juhász singled out five models of maintaining cleanliness and hygiene and identified their close connection with the process of "bourgeoisization of the peasantry." Until the early 1910s, archaic peasant hygiene practices prevailed. They had little to do with a healthy lifestyle and maintaining a satisfactory sanitary condition of the abode, since they were limited to fighting parasites and removing dirt from visible parts of the body. Modernization of the village contributed to the spread of hygienic practices of city-dwellers among rural residents, who adopted them under the influence of school education, propaganda, and improvement of the quality of health care. Daily morning and evening procedures became customary (washing, cleansing hands and feet, showering above the waist) as well as a full-fledged bathing once a week. Visible results were achieved in relation to children – cleanliness of the face, neck, ears and nails became mandatory in schools.[40]

In the early 20th century, Serbian intellectual elite also hoped to solve the problem of neglecting hygiene through propaganda and preventive measures among schoolchildren, which were considered the most effective means. The *Žena* magazine presented numerous materials on organizing order in the house and maintaining cleanliness, and offered recommendations on body care according to age.

Special attention was paid to the hygiene of the youngest – infants had to be bathed every day in warm water and care had to be taken to prevent water from getting into their ears, which were to be covered with cotton wool.[41] The pages of magazine contained advertisements of the goods that facilitated the care of newborns, for example, muslin swaddling clothes by Maria Latvesen and cotton inserts in diapers. Obviously, they could only be used in well-off families. The advertisement claimed that muslin clothes were

> the best solution for citizens, residents of small apartments as laundresses charged inexpensively for washing them; they could be washed and dried at

[39] "Ne kažnjavajte decu glađu!," *Žena*, no. 2 (1912): 118–19.

[40] K. Juhász, "Pollution for Cleanliness? Lessons from an Ethnographic Research on the Rural Use of Water for Hygienic Purposes," *Historia provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 2, no. 1 (2018): 31–59, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-1-3

[41] "Kad kupamo i umivamo decu," *Žena*, no. 5 (1912): 316.

> home if necessary, and they were also easy to take on a trip, because they would not take up much space in the luggage.[42]

The daily hygiene of older children consisted of brushing their teeth and washing with cool water (about 24 degrees) in the morning and in the evening. Pouring cold water on the body before going to bed for developing resistance to the cold was also strongly recommended. From the age of eight, children had to carry out basic hygiene procedures themselves, but parents were urged to control the care of their eyes, ears, and nose, check them for foreign objects, and consult a doctor for extraction.[43] It was also important to teach children how to take care of their nails: "cut them weekly with sharp scissors and move the skin with an ivory stick so that hangnails do not form."[44]

Adults were also responsible for maintaining cleanliness and freshness of clothes and the room in which the children were kept. Clothes had to be washed regularly and rinsed in water at the temperature of 18 degrees. Preference should be given to clothes made of light and soft fabrics so that they were well washed and dried quickly. The elements of clothing were not supposed to restrict movement, in particular, boys were not recommended to wear tight trousers. It was emphasized that children should be dressed according to the season: warm underwear should be used in the cold season but not in the summer heat. Experts advised to keep air clean and fresh in the room where children spent most of their time. It was recommended to air the room before going to bed so that the recommended temperature of 16 degrees was set. Children were supposed to sleep on a mattress without a feather bed under a blanket and without it in the summer.[45]

The authors of the health column drew the public's attention to the issues of intimate hygiene and sexual education of children and adolescents. The idea borrowed from the proceedings of the international conference on schoolchildren's hygiene was conveyed. According to it, parents and educational institutions should work together on that problem as part of preventive measures and discussions on sex education. It was supposed to introduce elementary school students to the basics of intimate hygiene in the lessons and to discuss not only the physiological but also the moral and ethical side of the issue with teenagers. Doctors and experienced teachers would be entrusted to teach such classes with the permission of parents; it was considered reasonable to invite them to classes for younger schoolchildren in order to familiarize them with sanitary and hygienic standards and indicators of healthy

[42] "Nove pelene," *Žena*, no. 5 (1912): 322.
[43] "Strani predmeti u nosu," *Žena*, no. 11 (1911): 709.
[44] "Negovanje noktiju kod dece," *Žena*, no. 12 (1911): 767–68.
[45] "Kako da sačuvamo decu od velika zla," *Žena*, no. 2 (1911): 132.

development of children.[46] However, such intentions looked premature for a society with patriarchal views on a person's private life and, it seems, that is why they were indirectly presented to the public in the form of a correspondence about a specialized conference. Nevertheless, it was a response to an urgent problem, for which the authors tried to find a comfortable solution. In several issues of the magazine they published excerpts in Serbian translation from the book *What Martha Learned from Her Uncle the Doctor in the Village: A Book for Parents* by Maximilian Oker-Blom (1863–1917), a Finnish doctor, specialist in hygiene and health care, professor at the University of Helsinki. In a language understandable to an average person, using no complex medical terminology, the book outlined the basics of sex education for teenagers and presented specific situations that parents could use as examples in conversations with their children.

Along with advice on hygiene standards, recommendations on physical activity necessary to maintain children's health were often published. First of all, it was about the balance between study and recreation: "It is good if children spend their evenings outdoors, socialize, dance, sing, and play active outdoor games."[47] Mandatory morning exercises were recommended, and girls and boys had to perform different exercises.[48] Winter activities such as sledding and ice skating were encouraged, and if a blizzard or severe frost forced children to stay indoors, blowing soap bubbles was offered as healthy entertainment. Hands were washed with soap, and breathing exercises were performed! But the most important recommendation, of course, was that if possible, adults should keep children company in outdoor games, walks, sports, i.e., they helped to form healthy habits by their personal example.

How to rid children of bad family habits?

However, experts understood that adults could set a bad example, so numerous pieces paid attention to the issue of involving children in the consumption of alcoholic beverages. We can imagine the scale of the problem referring to other sources. In the article *On the Health of Schoolchildren* published in the magazine *Narodno zdravlje* [Health of the Nation] in 1909, doctor Miloš Popović described the situation as catastrophic, citing comments from teachers "who, after three-day holidays, could not work with hangover children."[49] Moreover, he presented disappointing results of a survey of primary school pupils, among whom almost a third drank alcohol regularly, two thirds did it on holidays (of which almost half

[46] "Međunarodni zbor za školsku higijenu u Parizu," *Žena*, no. 2 (1911): 130–31.

[47] "Kako da sačuvamo decu od velika zla," 132.

[48] "Podjednaka gimnastička vežbanja muške i ženske dece," *Žena*, no. 9 (1911): 580.

[49] Stojanović, "U senci 'velikog narativa'," 171.

drank strong drinks), and only less than 5% of respondents had never tasted alcohol.[50] In the nutrition recommendations published in the *Žena* magazine, it was clearly stated that children should not be "offered beer, wine, or raki, even a little bit," and raspberry or grape juice could be a table drink for them.[51] The habituation to drinking alcohol was also considered an outdated ("our ignorant and irresponsible ancestors did this for centuries") and harmful practice not only for an individual child but also for the future of the nation as a whole.[52] As a preventive measure, it was proposed that parents, primarily fathers, should give up alcohol and a sober lifestyle should be promoted. The *Žena* magazine also published advertisements for specialized publications, for example, the newspaper *Novi naraštaj* [New Generation], issued by the Society of the Abstinents of Croatia and Slavonia and available at a discounted price for students and members of the Sokol movement.[53] Smoking was also a common bad habit for children. It was combated at educational institutions. Gymnasium regulations "prohibited smoking at school, in public places, and at home."[54] However, it is not known how much that rule was observed outside the school walls. The spread of unhealthy habits among children demonstrated their excessive from the present-day point of view involvement in the adult life, so focusing attention on that problem in the public space was a way to draw a clear line between the adults' and children's worlds.

The materials published in the *Žena* magazine partly allow us to reconstruct the traumatic experience, which, unfortunately, most children had. In the abovementioned piece *Ne kažnjavajte decu glađu!* [Do not punish children with hunger], the authors admonished not to deprive a child of lunch for pranks or bad marks, but if he really deserved punishment, they recommended using force rather than starving.[55] However, they urged not to be zealous in doing that but "to be wise and not to hit children on the head so as not to cause injuries incompatible with life." The practice of renouncing physical violence in principle was described as ideal

> because due to the subtlety and imperfection of the mental organization, the child who was hit experiences a wide range of emotions, but not remorse for what he did.[56]

[50] Stojanović, "U senci 'velikog narativa'," 171.
[51] "Kako da sačuvamo decu od velika zla," 132.
[52] "Alkohol i Sveto pismo," *Žena*, no. 1 (1912): 51.
[53] "Književnjvnost i umetnost," *Žena*, no. 4 (1913): 246.
[54] Ristović and Stojanović, *Detinjstvo u prošlosti 19.–20. vek*, 49.
[55] "Ne kažnjavajte decu glađu!," *Žena*, no. 2 (1912): 118–19.
[56] "Ne udarajte dete po glavi," *Žena*, no. 12 (1911): 768–69.

How to raise children without violence?

Violence, both physical and psychological, was almost the only tool for raising children from infancy to adolescence. The intellectual community recorded that phenomenon and drew public attention to it: children with victim experience, in turn, used violence or threatened both their peers and adults (there were instances of teenagers attacking teachers with cold steel and firearms.[57] Those children who could not stand the pressure ended up committing suicide. Talking about how to change the situation, Serbian intellectuals came to the conclusion that the use of force by parents came from illiteracy, i.e., masses of people were simply unfamiliar with other, nonviolent, ways of influencing children.

In our opinion, the authors of the *Žena* magazine were looking for ways out of the vicious circle, focusing on the accumulated experience and knowledge about children and their upbringing. Firstly, they offered to look at children in a different way and to realize their value. An eloquent example was the poem *Šta je dete?* [What is a child?], published in the January issue of1912. It was a kind of survey of the given topic. A little girl replied that the child was a "mother's doll." A teenage boy said that when he grew up, he would know everything, i.e., he presented himself as a bearer of universal knowledge. The author noted that when answering the question, a mother tried to hide a smile and a beaming look and answered insincerely, "A child is a burden, what else?" According to a teacher, children were the object of influence: they needed to be taught everything because they were to bear the burden of responsibility for the whole world on their shoulders. A sage compared children to the morning dew – the life-giving moisture, thanks to which the nation would flourish in the future. Summing up, the anonymous author concluded: "Rarely does any mother know who her "doll" really is."[58]

Secondly, parents were advised to accept the responsibility assigned to them for the upbringing of children and not to shift it to other relatives or educational institutions. It was emphasized that mentoring was an acceptable model of behavior, since it excluded the possibility of communicating with a child as an equal, which had taken place in traditional Serbian families previously, while maintaining the established hierarchy.[59] Such changes in subordination required adults to have a stable line of behavior, which is why the publications under consideration contained criticism of mothers for being overly sensitive to children and indulging their whims, and of fathers, for their impatience and indifference.[60]

[57] "Samoubijstvo kod dece," *Žena*, no. 6 (1912): 359–65.
[58] "Šta je dete?," *Žena*, no. 1 (1912): 5–7.
[59] Shemyakin, "The World of Serb Childhood," 76–77.
[60] Aleksijević, "Osnovno vaspitanje dece," 41.

In addition, ideally, the parents should have been aware of the significance of their words and actions for the children and build interaction with them taking that into account. Instructing the audience, the authors of the *Žena* magazine turned to the method of specific situations (case method), often offering to compare a correct or incorrect scenarios of communication between children and parents. The text *Mati i dete* [Mother and Child] published in the January issue of 1912 is distinguished by serious "elaboration" in that respect. It describes conversations between mothers and sons on the topic "where do babies come from?" In the first family described in the text, being a product of her era and the environment where the topic of childbearing was tabooed, the mother told her son Jovica that children were "brought by a stork that fishes them out from a well far-far away from." She waved away logical questions how the stork knew who needed a baby to be delivered and when, how children did not freeze in winter in well water, if they played with frogs and cut short the conversation referring to her busyness. Parading his knowledge about the "carrying capacity" of storks at school, the boy got into an awkward situation, which gave classmates an excuse to ridicule his naive version of the appearance of children. More knowledgeable classmates brought the truth to the boy in a scabrous manner. Upset Jovica asked his mother if she had told him the truth and retold what his friends had taught him. Assessing the situation and, most importantly, her mistake, the woman did not comment and forbade her son to bother her "with shameful questions" under the threat of physical violence. The boy drew conclusions about the reliability of his classmates' information and that his mother was hiding the truth from him. As the author under the pseudonym Neli emphasized:

> He did not love her less, but there could be no question of a trusting relationship. Jovica now knew that he had to hide part of his life from her.[61]

In the second family, the conversation took place between the son and the mother who was aware of current parenting trends and was able to overcome her own discomfort from discussing such a topic with her son. The child suddenly asked a question about how children are born, but the mother quickly found something to answer because she had thought about that earlier. The child's father had read in a magazine how to conduct such a conversation and at first he and his wife found it strange to tell the children the truth and call things by their proper names. But in the end, the parents came to the conclusion that it would be better if the child learnt everything about the process of conception and childbirth from them than from other children or adults who were strangers to him. Therefore, she told her son that a baby grew in the mother's body until the moment of birth and that women suffered great

[61] Neli, "Mati i dete," *Žena*, no. 1 (1912): 33–35.

pain in childbirth and restored their health for a long time but soon forgot about unpleasant sensations and rejoiced at how their babies grew and developed. Reflecting on what he had heard, the boy felt quite grown up and respected by his mother because trying to explain difficult things, she spoke to him as an equal and did not hide anything from him. This delighted the child, and he became not only a loving son but also a friend to his mother.[62]

In our opinion, this text demonstrates how the legalization of the topic of childbearing and the introduction of an integrated approach to education took place. The material also seems to be important in the concept of general differentiation of the child and adult worlds, which was implemented by the contributors to the periodical. In the situations described, it was emphasized that adults possessed knowledge that was not yet available to children, and a responsible parent should like his child to overcome that line with his assistance rather than due to other circumstances, which might turn out to be traumatic. At the same time, readers were given a choice whether to act within the framework of traditions or to change their way of thinking and behavior for the sake of comfort and healthy development of their children.

How to develop aesthetic taste in children?

The pages of the magazine *Žena* reflect a peculiar vision of children's culture. Obviously, by the time of publication, the authors had not yet determined the content of that concept for themselves. Therefore, the information about their attitude to material and spiritual values created by or for children is sketchy but quite consistent with the system of views they adhered. For example, in an article by Vukica Aleksijević, it was argued that for children, games with or without toys were equivalent to adult work:

> Toys and games are not pampering, they are extremely important for development, like food and movement, therefore outdoor games are especially beneficial for health. Children should spend a lot of time outdoors, of course, under the supervision of adults. Collective games are necessary for the formation of human qualities.[63]

The author also recommended a reasonable approach to choosing toys. Undoubtedly, safety was the main criterion, as sharp and cutting objects should not fall into children's hands. Toys for the youngest had to be selected especially carefully: preference should be given to the toys made of natural materials, it was important to

[62] Neli, "Mati i dete," 35–36.

[63] V. Aleksijević, "Deca i dečje igračke," *Žena*, no. 2 (1911): 85.

monitor the condition of the objects made of wood and celluloid so that the paints and varnish did not crack and get into the child's mouth or eyes.[64]

Moderation was welcomed, which is why it was not recommended to give children expensive toys, such as dolls clad in fancy dresses "resembling princesses from fairy tales" or a team of toy horses and a carriage. V. Aleksijević stated:

> Poor people will pass by such an offer, sighing that they will never give their children such toys. And the capricious offspring of rich parents will play and quickly forget because they are used to receiving gifts.[65]

It is best to present children with such things that

> would awaken creative thinking in them, i.e., those objects around which they will "build" a game and figure out for themselves how to make a stroller out of planks a harness out of twine, or build a dollhouse and sew a bright outfit.[66]

A handmade toy for a child is much more valuable than a purchased one, and expensive ready-made toys only harm the child's soul: they do not give you the opportunity to think, make children feel bored quickly, and provoke a feeling of dissatisfaction. Satiety with toys turns a child into an annoyed old man who has not been accustomed to simple joys since childhood and cannot see life as beautiful as it is. Also, children who receive toys as a gift cannot form their own taste, and in the future they will be subject to someone else's influence and do not have a firm and decisive character.[67]

At the same time, there was an opinion that adults should influence the formation of tastes in children and adolescents. For example, in the March issue of 1913, the authors discussed harmful effects of cinema on the child's psyche. Parents were urged not to encourage regular trips to cinemas and to monitor what films children watched, since the repertoire was mainly aimed at adults and usually there were no instructive and educational pictures. In addition, a seemingly harmless hobby could provoke bad behavior: some children ignored their household chores and came back home late and some of them even stole money to buy a cinema ticket.

The author of the piece expressed his indignation at the parental and pedagogical community that allowed such behavior of children in a funny but thought-provoking phrase:

[64] "Praznici i dečje zdravlje," 57–58.
[65] Aleksijević, "Deca i dečje igračke," 85.
[66] Aleksijević, "Deca i dečje igračke," 85.
[67] Aleksijević, "Deca i dečje igračke," 86.

> Responsible parents hardly want their children to get familiar with the pictures under the titles *Lynching*, *Sea Horrors*, *White Slave*, or *Sinful Love*. Up to 90% of schoolchildren of different ages go to the cinema unaccompanied by adults. Although the state recognizes such a pastime as unsafe for children, it is not prohibited and responsibility is shifted on parents and teachers, since they must explain to children that watching films in the cinema is a waste of time.[68]

Conclusion

Obviously, the pieces and articles published in the *Žena* magazine did not describe real boys and girls but presented the attitude of a narrow circle of adults towards them. Moreover, the texts are not a full reflection of life, but they only demonstrate an opinion about what a child should be like, i.e., a normative canon as defined by I. Kon.[69] However, in the course of detailed study of the published materials, it becomes clear that revealing the urgent problems of society, first of all the authors expected canonical behavior from adults. In modern terms, it was about conscious parenting, the principles of which the authors of the publication tried to introduce to the public.

It was stated that children should properly develop physically and mentally, live in suitable conditions, eat healthy food – ideally, their parents should provide them with all that. Undoubtedly, the question of why the topic of child labor was not raised in the pages of the publication requires further study. Perhaps, it was accounted for by the fact that that practice was not common in the middle class families that constituted the majority of the magazine's readership. But were the recommendations on hygiene and organization of child nutrition so relevant to its representatives? The author's assumption is that the intellectual elite did not consider the exploitation of children possible in principle and left no room for it in the "perfect childhood." It is also noteworthy that the publication contains very few materials on pedagogical topics. Probably, their absence was a conscious step on the part of the editorial board because children undoubtedly remained children within the walls of educational institutions, and the discrepancy between their age and status was found outside school and at home, which needed to be corrected.

In fact, the activists rallying around the *Žena* magazine were representatives of the national elite, a group of people with a high sense of responsibility in Jose Ortega y Gasset's terms. In that milieu, there was an opinion that unlike the Serbs, the representatives of other ethnic groups of Austria-Hungary had large incomes, managed their households rationally, and used available resources wisely, and

[68] "Kinematografske predstave opasne su po mladež," *Žena*, no. 3 (1913): 186–87.

[69] I.S. Kon, "Discoveries of Philippe Ariès and Gender Aspects of the History of Childhood" [in Russian], *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*, no. 15 (58) (2010): 13.

therefore their children were less likely to get sick and die. Close attention to traditional peasant families was associated with the belief that through education and competent intervention in the life of the Serbian village, it was possible to influence economic development at the national level, reduce mortality, prevent epidemics, instill hygiene, and form medical literacy.[70] Children and childhood in that case acted as a point of convergence of various strata of society, and close interaction of all forces of society was conceived and implemented for their sake. Moreover, the *Žena* magazine is an example of a mass medium that helped to form new social patterns of interaction between children and parents, which further evolved in the 20th century.

Список литературы

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / перевод с французского Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. 416 с.

Исламов Т.М. Политика мадьяризации и национальные конфликты в 80-х – 90-х годах XIX в. // История Венгрии: в 3 т. / под редакцией Т.М. Исламова. Т. 2. Москва: Наука, 1972. С. 275–281.

Келли К. Влияние новой идентичности на культуру: «открытие» детства в позднеимперской России // Малолетние подданные большой империи. Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX в.): материалы Международной научной конференции «История детства как предмет исследования: наследие Ф. Арьеса в Европе и России» (Москва, 1–2 октября 2009 г.) / составители В.Г. Безрогов, О.Е. Кошелева, М.В. Тендрякова. Москва: РГГУ, 2012. С. 89–117.

Кон И.С. Открытия Филиппа Арьеса и гендерные аспекты истории детства // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 15 (58). С. 12–24.

Новосельцева Л.К. Движение сербских женщин в Австро-Венгрии во второй половине XIX – начале XX в.: идеология, организации, лидеры // Центральноевропейские исследования. 2023. Т. 2023, № 6. С. 208–241. https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.8

Шемякин А.Л. Мир детства сербов в путевых заметках П.А. Ровинского // Славянский альманах 2003 / под редакцией Т.И. Вендиной и др. Москва: Индрик, 2004. С. 72–93.

Шемякин А.Л. Система народного образования в независимой Сербии: принуждение и потребность // Человек на Балканах: социокультурное измерение модернизации на Балканах: (середина XIX – середина XX в.) / под редакцией Р.П. Гришиной. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. С. 90–102.

Щеглова С.Н. Социология прав детей в России: новый век, новые проблемы, новые перспективы. Москва: Социум, 2001. 86 с. URL: http://www.childsoc.ru/doc/kniga1.pdf (дата обращения: 13.02.2024).

[70] V. Sokolovska, and G. Tripković, "Društveni i porodični život Srba u Vojvodini na početku 20 veka u ogledalu Upitnog lista Matice Srpske," *Zbornik Matice Srpske za društvene nauke*, no. 139 (2012): 250, https://doi.org/10.2298/ZMSDN1239249S

Юхас К. Грязь для чистоты? Опыт этнографического изучения использования воды в целях гигиены // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2018. Т. 2, № 1. С. 31–59. https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-1-3

Васин Г. Српски црквено-народни сабори и питање црквено-школске аутономије 1867–1918 // Стотину двадесет година од почетка борбе српског народа у Босни и Херцеговини за црквено-школску аутономију (1896–2016) / уредио Б. Микановић. Бања Лука: Универзитет и Бањој Луци, 2017. С. 51–70.

Детињство у прошлости 19.–20. век. Помоћни наставни материјал / уредио М. Ристовић, Д. Стојановић. Београд: Удружење за за друштвену историју, 2001. 100 с.

Исић М. Писменост у Србији у 19. веку // Образовање код Срба кроз векове: зборник радова са научног скупа одржаног, 09 септембра 2003 / уредио Р. Петковић. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2003. С. 63–80.

Исић М. Сељаштво у Србији 1918–1941. Књ.1. Београд: Институт за новију историју Србије, 2000. 272 с.

Кириловић Д. Помађаривање у бившој Угарској. Прилог историји српских школа. Сремски Карловци: Српска манастирска штампарија, 1935. 145 с.

Приватни живот код Срба у деветнаестом веку: од краја осамнаестог века до почетка Првог светског рата / приред Н. Макуљевић, А. Столић. Београд: Clio, 2006. 1030 с.

Соколовска В., Трипковић Г. Друштвени и породични живот Срба у Војводини на почетку 20. века у огледалу Упитног листа Матице српске // Зборник Матице српске за друштвене науке. 2012. № 139. С. 249–257. https://doi.org/10.2298/ZMSDN1239249S

Тимотијевић М. Рађање модерне приватности: приватни живот Срба у Хабзбуршкој монархији од краја 17. до почетка 19. века. Београд: Clio, 2006. 682 с.

Dujmović S.M. Pod državnim okriljem. Istorija detinjstva u Bosni u Hercegovini 1878–1941. Sarajevo: Institut za historiju Univerziteta, 2021. 317 s.

Fassmann H. Die Bevölkerungsentwicklung, 1850–1910 // Die Habsburgermonarchie, 1848–1918 / Herausgegeben von H. Rumpler, P. Urbanitsch. Bd. IX. Soziale Strukturen: Von Der Feudal-Agrarischen Zur Burgerlich-Industriellen Gesellschaft. Teilbd. 1. Lebens- und Arbeitswelten in der industriellen Revolution. Wien: Austrian Academy of Sciences Press, 2010. S. 159–184.

Isić M. Dete i žena na selu u Srbiji između dva svetskih rata // Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka / edited by L. Perović. Knj. 4. Žena i deca. Beograd: Helsinšku odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006. S. 131–159.

Novoseltseva L. The Making of the Serbian Academic Community in the Second Half of the Nineteenth Century: A Prosopography // Historical Studies on Central Europe. 2022. Vol. 2, № 2. P. 131–148. https://doi.org/10.47074/HSCE.2022-2.08

Pető A. Children and the State in Hungary: From the Periphery to the Center (19–20th Century) // Childhood in South East Europe: Historical Perspectives on Growing up in the 19th and 20th Century / edited by M. Jovanović, S. Naumović. Београд: Удружење за друштвену историју, 2001. P. 75–77.

Stojanović D. U senci "velikog narativa": Stanje zdravlja žena i dece u Srbiji početkom XX veka // Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka / edited by L. Perović. Knj. 4. Žena i deca. Beograd: Helsinšku odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006. S. 160–175.

References

Ariès, Ph. *Rebenok i semeinaya zhizn' pri starom poryadke* [Centuries of childhood: A social history of family life], translated from French by Ya.Yu. Startsev with the assistance of V.A. Babintsev. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1999. (In Russian)

Dujmović, S.M. *Pod državnim okriljem. Istorija detinjstva u Bosni u Hercegovini 1878–1941*. Sarajevo: Institut za historiju Univerziteta, 2021.

Fassmann, H. "Die Bevölkerungsentwicklung, 1850–1910. " In *Die Habsburgermonarchie, 1848–1918,* herausgegeben von H. Rumpler, und P. Urbanitsch, Bd. 9, *Soziale Strukturen: Von der Feudal-Agrarischen zur Bürgerlich-Industriellen Gesellschaft,* Teilbd. 1, *Lebens- und Arbeitswelten in der industriellen Revolution,* 159–84. Vienna: Austrian Academy of Sciences Press, 2010.

Isić, M. "Dete i žena na selu u Srbiji između dva svetskih rata." In *Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka*, edited by L. Perović, knj. 4, *Žena i deca,* 131–59. Beograd: Helsinšku odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006.

Isić, M. "Pismenost u Srbiji u 19. veku." In *Obrazovanje kod Srba kroz vekove: zbornik radova sa naučnog skupa održanog, 09 septembra 2003*, edited by R. Petković, 63–80. Belgrade: Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, 2003.

Isić, M. Seljaštvo u Srbiji 1918–1941. Knj.1. Belgrade: Institut za noviju istoriju Srbije, 2000.

Islamov, T.M. "Politika mad'yarizatsii i natsional'nye konflikty v 80-kh – 90-kh godakh XIX v." [The policy of Magyarization and national conflicts in the 1880s – 1890s]. In *Istoriya Vengrii* [History of Hungary], 3 vols., edited by T.M. Islamov, vol. 2, 275–81. Moscow: Nauka, 1972. (In Russian)

Juhász, K. "Pollution for Cleanliness? Lessons from an Ethnographic Research on the Rural Use of Water for Hygienic Purposes." *Historia provinciae – the Journal of Regional History,* vol. 2, no. 1 (2018): 31–59. https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-1-3

Kelly, C. "Vliyanie novoi identichnosti na kul'turu: 'otkrytie' detstva v pozdneimperskoi Rossii" [The impact of new identity on culture: the 'discovery' of childhood in late imperial Russia]. In *Maloletnie poddannye bol'shoi imperii. Filipp Ar'es i istoriya detstva v Rossii (XVIII – nachalo XX v.): materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Istoriya detstva kak predmet issledovaniya: nasledie F. Ar'esa v Evrope i Rossii" (Moskva, 1–2 oktyabrya 2009 g.)* [Minor subjects of the great empire. Philippe Ariès and the history of childhood in Russia (17th – early 20th century): Proceedings of the international scientific conference "History of Childhood as a Subject of Research: the Legacy of Ph. Ariès in Europe and in Russia" (Moscow, October 1–2, 2009)], compiled by V.G. Bezrogov, O.E. Kosheleva, and M.V. Tendryakova, 89–117. Moscow: RGGU, 2012. (In Russian)

Kirilović, D., *Pomađarivanje u bivšoj Ugarskoj. Prilog istoriji srpskih škola*. Sremski Karlovci: Srpska manastirska štamparija, 1935.

Kon, I.S. "Otkrytiya Filippa Ar'esa i gendernye aspekty istorii detstva" [Discoveries of Philippe Ariès and gender aspects of the history of childhood]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*, no. 15 (58) (2010): 12–24. (In Russian)

Makuljević, N., and A. Stolić., comps. *Privatni život kod Srba u devetnaestom veku*. Belgrade: Clio, 2006.

Novoseltseva, L. "The Making of the Serbian Academic Community in the Second Half of the Nineteenth Century: A Prosopography." *Historical Studies on Central Europe*, vol. 2, no. 2 (2022): 131–48. https://doi.org/10.47074/HSCE.2022-2.08

Novoseltseva, L.K. "Dvizhenie serbskikh zhenshchin v Avstro-Vengrii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.: ideologiya, organizatsii, lidery" [Serbian women's movement in Austria-Hungary from the second half of the 19th to the early 20th centuries: Ideology, organisations, and leaders]. *Tsentral'noevropeiskie issledovaniya=Central-European Studies*, no. 6 (2023): 208–41. https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.8 (In Russian)

Pető, A. "Children and the State in Hungary: From the Periphery to the Center (19–20th Century)." In *Childhood in South East Europe: Historical Perspectives on Growing up in the 19th and 20th Century*, edited by M. Jovanović, and S. Naumović, 75–77. Belgrade: Udruženje za društvenu istoriju, 2001.

Ristović, M., and D. Stojanović, eds. *Detinjstvo u prošlosti 19.–20. vek. Pomoćni nastavni materijal*. Belgrade: Udruženje za društvenu istoriju, 2001.

Shcheglova, S.N. *Sotsiologiya prav detei v Rossii: novyi vek, novye problemy, novye perspektivy* [Sociology of children's rights in Russia: New century, new problems, new prospects]. Moscow: Sotsium, 2001. Accessed February 13, 2024. http://www.childsoc.ru/doc/kniga1.pdf (In Russian)

Shemyakin, A.L. "Mir detstva serbov v putevykh zametkakh P.A. Rovinskogo" [The world of Serb childhood in the travel notes of P.A. Rovinskii]. In *Slavyanskii al'manakh 2003* [Slavic Almanac 2003], edited by T.I. Vendina et al., 72–93. Moscow: Indrik, 2004. (In Russian)

Shemyakin, A.L. "Sistema narodnogo obrazovaniya v nezavisimoi Serbii: prinuzhdenie i potrebnost'" [The system of public education in independent Serbia: Coercion and need]. In *Chelovek na Balkanakh: sotsiokul'turnoe izmerenie modernizatsii na Balkanakh: (seredina XIX – seredina XX v.)* [Man in the Balkans: Socio-cultural dimension of modernization in the Balkans: (mid-19th – mid-20th century)], edited by R.P. Grishina, 90–102. St Peterburg: Aleteiya, 2007. (In Russian)

Sokolovska, V., and G. Tripković. "Društveni i porodični život Srba u Vojvodini na početku 20 veka u ogledalu Upitnog lista Matice Srpske." *Zbornik Matice Srpske za društvene nauke*, no. 139 (2012): 249–57. https://doi.org/10.2298/ZMSDN1239249S

Stojanović, D. "U senci 'velikog narativa': Stanje zdravlja žena i dece u Srbiji početkom XX veka." In *Srbija u modernizacijskim procesima XIX i XX veka*, edited by L. Perović, knj. 4, *Žena i deca*, 160–75. Belgrade: Helsinšku odbor za ljudska prava u Srbiji, 2006.

Timotijević, M. *Rađanje moderne privatnosti: privatni život Srba u Habzburškoj monarhiji od kraja 17. do početka 19 veka*. Belgrade: Clio, 2006.

Vasin, G. "Srpski crkveno-narodni sabori i pitanje crkveno-školske autonomije 1867–1918." In *Stotinu dvadeset godina od početka borbe srpskog naroda u Bosni i Hercegovini za crkveno-školsku autonomiju (1896–2016)*, edited by B. Mikanović, 51–70. Banja Luka: Univerzitet i Banjoj Luci, 2017.

Информация об авторах

Людмила Константиновна Новосельцева – младший научный сотрудник, https://orcid.org/0000-0002-1793-6505, mnovoseltseva91@gmail.com, Институт славяноведения РАН (д. 32А, пр-т Ленинский, 119334 Москва, Россия).

Information about the authors

Liudmila K. Novoseltseva – Junior Research Fellow, https://orcid.org/0000-0002-1793-6505, mnovoseltseva91@gmail.com, Institute of Slavic Studies of the RAS (32A, pr. Leninskii, 119334 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 21.02.2024; одобрена после рецензирования 01.04.2024; принята к публикации 15.04.2024.

The article was submitted 21.02.2024; approved after reviewing 01.04.2024; accepted for publication 15.04.2024.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 4. С. 1246–1275.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 4 (2024): 1246–75.

Научная статья
УДК 93/94
https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-5
EDN: ROIFMT

Чехословацкая народная партия и вопрос о признании СССР в феврале–апреле 1927 года (по документам советского полномочного представительства в Праге)

Николай Николаевич Станков
Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия,
stankovnn@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5248-1027

Nikolay N. Stankov
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia,
stankovnn@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5248-1027

Аннотация. Автор статьи, основываясь на документах Архива внешней политики Российской Федерации, исследует особенности подхода Чехословацкой народной партии к признанию Советского государства, ее мотивацию в этом вопросе. В статье показано, что выступление депутата Национального собрания ЧСР от Чехословацкой народной партии, каноника Оломоуцкой епархии монсеньора Ф. Светлика 11 февраля 1927 г. в парламентской комиссии по иностранным делам было первым на таком уровне заявлением представителя руководства этой партии о признании СССР. Выступая за сближение с Москвой, Светлик и его сторонники исходили не только из экономических интересов своей страны, но и рассчитывали на «смягчение» революционной идеологии большевиков, на расширение деятельности католической церкви в СССР. Автор подробно рассматривает дискуссию в Чехословацкой народной партии и реакцию других политических сил в ЧСР на выступление Светлика. В статье значительное внимание уделено исследованию действий советского полномочного представительства в Праге по установлению контактов с католическими кругами ЧСР и нейтрализации сообщений чехословацкой прессы об антирелигиозной политике советской власти и преследованиях верующих в СССР, для чего полпредством широко использовалась книга директора Папского восточного института иезуита М. д'Эрбеньи «Церковная жизнь в Москве». В заключительной части статьи автор отмечает причины, по которым в 1927 г. Чехословацкая народная партия, несмотря на свой статус

© Станков Н.Н., 2024
© Stankov N., 2024

правительственной партии, не смогла взять на себя инициативу и оказать влияние на принятие на государственном уровне решения о признании СССР *de jure*, среди которых называет: региональную разобщенность партии, разногласия в ее руководстве, значительную зависимость от внутриполитической и международной ситуации, продолжавшиеся преследования католического духовенства в Советском Союзе. В таких условиях усилия советских дипломатов побудить руководство Чехословацкой народной партии выступить с инициативой признании СССР *de jure* были обречены на неуспех.

Ключевые слова: Чехословацкая народная партия, проблема признания СССР, чехословацко-советские отношения, В.А. Антонов-Овсеенко, Р.О. Якобсон, Ф. Светлик, Я. Шрамек, Й. Долежал

Для цитирования: *Станков Н.Н.* Чехословацкая народная партия и вопрос о признании СССР в феврале–апреле 1927 года (по документам советского полномочного представительства в Праге) // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 4. С. 1246–1275, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-5; EDN: ROIFMT

Czechoslovak People's Party and the Issue of Recognizing the USSR in February–April 1927 (According to the Documents of the Soviet Plenipotentiary Representation in Prague)

Abstract. Referring to the documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, the author of the article examines the approach of the Czechoslovak People's Party to the recognition of the Soviet state and the motivation of the former in that matter. The article shows that the first statement made by the party's leadership on the recognition of the USSR was the speech delivered by Mngr. F. Světlík (canon of the Olomouc Diocese, deputy of the National Assembly of the Czechoslovak Republic from the Czechoslovak People's Party) in the Parliamentary Commission on Foreign Affairs on February 11, 1927. Advocating rapprochement with Moscow, Světlík and his supporters proceeded from the economic interests of their country and counted on the softening of the Bolsheviks' revolutionary ideology and the expansion of the Catholic Church's activities in the USSR. The author considers in detail the discussion in the Czechoslovak People's Party and the response of other political forces in the Czechoslovak Republic to Světlík's speech. Considerable attention is paid to the study of the activities conducted by the Soviet plenipotentiary representation in Prague in order to establish contacts with the Catholic circles of the Czechoslovak Republic and neutralize the publications in the Czechoslovak press about the anti-religious policy of the Soviet government and persecution of believers in the USSR, for which the plenipotentiary representation widely used the book *Church Life in Moscow* by Jesuit M. d'Herbigny, director of the Pontifical Oriental Institute. In the final part of the article, the author notes the reasons why the Czechoslovak People's Party was unable to take the initiative and influence the decision of the state to recognize the USSR de jure in 1927 despite its status as a government party. Among those reasons were regional disunity of the party, disagreements in its leadership, significant dependence on the domestic and international political situation, and continued persecution of the Catholic clergy in the Soviet Union. Under such circumstances, the efforts of Soviet diplomats to encourage the leadership of the Czechoslovak People's Party to initiate the recognition of the USSR de jure were doomed to failure.

Keywords: Czechoslovak People's Party, the problem of recognition of the USSR, Czechoslovak–Soviet relations, V.A. Antonov-Ovseenko, R.O. Jakobson, F. Světlík, J. Šrámek, J. Doležal
For citation: Stankov, N.N. "Czechoslovak People's Party and the Issue of Recognizing the USSR in February–April 1927 (According to the Documents of the Soviet Plenipotentiary Representation in Prague)." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 4 (2024): 1246–75, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-5; EDN: ROIFMT

Введение

Проблема признания СССР другими государствами на протяжении длительного времени была первостепенной для советского руководства. Правительства многих стран крайне настороженно относились к тем масштабным политическим и социально-экономическим преобразованиям, которые начались на территории бывшей Российской империи после Октябрьской революции 1917 г. Ставка большевиков на мировую революцию, национализация иностранной собственности, отказ от долговых обязательств прежних правительств сдерживали большинство государств от признания советской власти. К тому же многие западные политики возлагали надежды на ее недолговечность. Процесс признания СССР растянулся вплоть до начала 1940-х годов. Чехословацкая республика (ЧСР) решилась на этот шаг в 1934 г. В трудах отечественных и зарубежных историков рассматривались причины неторопливости Праги в признании СССР, внутриполитическая борьба по этому вопросу, отношение видных чехословацких политических деятелей к Советскому государству[1]. При этом основное внимание уделялось правящей группировке «Град» (Hrad), возглавляемой президентом ЧСР Томашем Гарригом Масариком (Tomáš Garrigue Masaryk) и министром иностранных дел в 1918–1935 гг. Эдвардом Бенешем (Edvard Beneš), имевшей решающее влияние на процесс формирования и осуществления внешней политики Праги, в том числе и в отношении Советского государства[2]. Подробно в

[1] См., например: *Мошечков П.В.* Чехословакия и СССР в 1933 – июне 1934 г.: на пути к установлению дипломатических отношений // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4 (13). С. 242–272. http://doi.org/10.31168/2619-0877.2021.4.10; *Петерс И.А.* Чехословацко-советские отношения (1918–1934). Киев: Наукова думка, 1965; *Серапионова Е.П.* Чехословакия и вопрос о признании Советской России в начале 1920-х гг. // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / под редакцией Е.П. Серапионовой. Москва: Полимедиа, 2020. С. 148–162. http://doi.org/10.31168/0442-8.12; *Lukeš I.* Československo mezi Stalinem a Hitlerem. Benešova cesta k Mnichovu. Praha: Prostor, 1999; *Voráček E., Hubený D., Litera B.* V zájmu velmoci: Československo a Sovětský svaz. Praha: Historický ústav, 2019.

[2] *Марьина В.В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек, 1884–1948. Москва: Индрик, 2013; *Dejmek J.* Edvard Beneš a fenomen Ruska mezi světovými válkami // Slovanský přehled: Review for Central, Eastern and Southeastern European history.

историографии исследована позиция в «русском вопросе» лидера Чехословацкой национально-демократической партии Карела Крамаржа (Karel Kramař)[3]. Отношение к СССР других чехословацких политических партий, составлявших так называемую «Пятерку» (Pětka)[4], рассматривалось фрагментарно. Одним из наименее изученных вопросов данной темы до настоящего времени остается политика Чехословацкой народной партии (ЧНП) в вопросе признания СССР, хотя чешские историки внесли значительный вклад в исследование проблем политического католицизма, формирования Чехословацкой народной партии, ее роли в политической системе ЧСР и специфике деятельности в различных регионах республики[5]. Большой интерес представляют биографии лидера ЧНП Яна Шрамека (Jan Šrámek)[6] и видного

2001. Roč. 87, č. 2. S. 165–188; *Dejmek J.* Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata. Část 1: Revolucionář a diplomat (1884–1935). Praha: Karolinum, 2006; *Doubek V.* Posuny kritiky antidemokratického režimu: T.G. Masaryk, E. Beneš a bolševická revoluce // Doubek V., Hladký L., Vlček R. a kol. T.G. Masaryk a slované. Praha: Historický ústav AV ČR Masarykův ústav a Archiv AV ČR, 2013. S. 73–91; *Olivová V.* Politika Československa v ruské krizi roku 1921 a 1922 // Masaryk T.G., Beneš E. Otevřit Rusko Evropě: Dvě stati k ruské otázce v roce 1922. Praha: H & H, 1992. S. 25–58; TGM, Rusko a Evropa. Dílo – vize – přítomnost. Sborník příspěvků z mezinárodní konference pořádané ve dnech 12. – 14. září 1997 v Praze / pod redakcí K. Krátký. Praha: Masarykův ústav a Archiv AV ČR, 2002.

[3] *Серапионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. Москва: Наука, 2006; Karel Kramář (1860–1937). Život a dílo / k vydaní připravili J. Bílek a L. Velek. Praha: Masarykův ústav a Archiv AV ČR, v.v.i.; Historický ústav AV ČR, 2009; *Winkler M.* Karel Kramář: Selbstbild, Fremdwahrnehmungen und Modernisierungsverständnis eines tschechischen Politikers. München: Oldenbourg, 2002.

[4] «Пятерка» (“Pětka”) – неконституционный орган лидеров чехословацких политических партий, официально выступавший как Объединенный исполнительный комитет их парламентских клубов. В состав «Пятерки» (Pětka) входили лидеры Республиканской партии чехословацких земледельцев и мелких крестьян, Чехословацкой народной партии, Чехословацкой национально-демократической партии, Чехословацкой социал-демократической рабочей партии, Чехословацкой национально-социалистической партии.

[5] *Malíř J., Marek P. a kol.* Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu v letech 1861–2004. Brno: Nakladatelství Doplněk, 2005. D. 1. S. 655–681; *Trapl M.* Historiografie českého politického katolicismu v letech 1918–1938 // Církve 19. a 20. století ve slovenské a české historiografii / pod redakcí P. Mačala, P. Marek, J. Hanuš. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2010. S. 164–169; *Trapl M.* Politika českého katolicismu na Moravě 1918–1938. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1968; *Trapl M.* Politický katolicismus a Československá strana lidová v Československu v letech 1918–1938. Praha: SPN, 1990.

[6] *Trapl M., Konečný K., Marek P.* Politik dobré vůle. Život a dílo msgre Jana Šrámka. Praha: Vyšehrad, 2013.

деятеля этой партии Франтишека Светлика (František Světlík)[7]. М. Трапл и П. Марек в биографии Ф. Светлика отмечают его выступления за признание СССР *de jure* в парламентской комиссии по иностранным делам 11 февраля 1927 г., подчеркивая при этом, что в партии оно вызвало негативную реакцию[8]. В биографии Шрамека авторы несколько конкретизируют отношение членов ЧНП к выступлению Светлика, указывая, что оно привело к острой критике со стороны видных деятелей чешского крыла партии и католической непартийной интеллигенции, а сам Шрамек от прямой поддержки инициативы Светлика уклонился[9].

В настоящей статье предпринята попытка на основе документов Архива внешней политики Российской Федерации рассмотреть отношение отдельных деятелей ЧНП к признанию СССР, исследовать деятельность советского полпредства в Праге по налаживанию отношений с католическими кругами Чехословакии в связи с выступлением Ф. Светлика. Хронологические рамки статьи охватывают период с февраля по апрель 1927 г., когда в ЧНП активно обсуждался вопрос о признании СССР.

Основными источниками для написания статьи явились донесения, отчеты и рабочие дневники советских дипломатов в ЧСР, в которых содержится обширная информация об отношении ЧНП к Советскому государству в указанный период.

От «шпионского процесса» к выступлению монсеньера Ф. Светлика

Советско-чехословацкие отношения в 1920-е гг. развивались неравномерно. Периоды сближения, когда казалось, что со дня на день произойдет признание Чехословацкой республикой СССР и будут установлены полноценные дипломатические отношения, сменялись периодами спада. Очередной кризис в отношениях Праги с Москвой наступил осенью 1926 г., когда в шпионаже был уличен советский вице-консул Христофор Иванович Дымов. В чехословацкой печати развернулась шумная антисоветская кампания. «Газеты полны комментариями к делу о шпионаже», – записал 11 ноября 1926 г. в служебном дневнике полномочный представитель СССР в Чехословакии Владимир Александрович Антонов-Овсеенко[10]. Депутат от Чехословацкой народной партии Вацлав Мысливец (Václav Myslivec), выступая в Национальном собрании ЧСР, потребовал призвать к ответу «миссию Овсеенко» и «разогнать

[7] *Marek P., Trapl M.* Mons. František Světlík (1875–1949): nástin života a díla katolického politika a novináře. Rosice u Brna: Gloria, 2001.

[8] *Marek P., Trapl M.* Mons. František Světlík (1875–1949). S. 69–70.

[9] *Trapl M., Konečný K., Marek P.* Politik dobré vůle. S. 201.

[10] Дневник полпреда СССР в Чехословакии. Прага, 15 ноября 1926 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 05. Оп. 6. П. 15. Д. 56. Л. 125.

это осиное гнездо». Речь Мысливеца была целиком опубликована в католической газете “Čech” и в центральном органе ЧНП “Lidové listy”[11]. 15 и 19 ноября вилла Тереза – резиденция полпреда – подверглась осаде чешскими националистами[12]. Советское полпредство оказалось в изоляции. Опасаясь быть скомпрометированными, общения с советскими дипломатами избегали даже те политики и общественные деятели ЧСР, которые с симпатией относились к Советскому Союзу и были частыми гостями на вилле Тереза[13].

«Шпионский процесс» проходил в январе 1927 г. при «открытых дверях». Много говорилось о советском шпионаже, о подрывной деятельности Коминтерна и ГПУ в Чехословакии. 17 января 1927 г. Антонов-Овсеенко писал заместителю наркома иностранных дел СССР Максиму Максимовичу Литвинову:

> В общем, – мы вышли из процесса с сильным ущербом в широком «общ[ественном] мнении»; нам дают понять, что ни одна из правительственных партий не решится теперь взять на себя инициативу в проведении «признания»[14].

В создавшейся ситуации перед полпредством стояла непростая задача восстановления доверия и прежних связей, а также поиска новых партнеров.

Антонов-Овсеенко рассчитывал, что «усиление в известных кругах интереса к СССР» произойдет вследствие происходившего в то время ухудшения международного положения ЧСР: нарастание ревизионистских настроений в Венгрии, укрепление роли Германии в европейской политике, сближение Будапешта и Берлина с Римом, в связи с чем возникли опасения активизации действий Италии по разрушению Малой Антанты и всей французской системы союзов в Центральной и Юго-Восточной Европе, которую Чехословакия рассматривала как гарантию своей безопасности[15].

---

[11] Дневник полпреда СССР в Чехословакии. Прага, 29 ноября 1926 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 6. П. 15. Д. 56. Л. 107.

[12] Дневник полпреда СССР в Чехословакии. Прага, 22 ноября 1926 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 6. П. 15. Д. 56. Л. 115, 118.

[13] Дневник полпреда СССР в Чехословакии. Прага, 29 ноября 1926 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 6. П. 15. Д. 56. Л. 106.

[14] В.А. Антонов-Овсеенко – М.М. Литвинову. Прага, 17 января 1927 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 52–53.

[15] См.: Дневник полпреда СССР в Чехословакии. Прага, 10 февраля 1927 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 137–139; *Romsics I.* István Bethlen: A Great Conservative Statesman of Hungary, 1874–1946. New York.: Columbia University Press, 1995. P. 223–225.

Предположения полпреда вскоре подтвердились. 11 февраля 1927 г. депутат от ЧНП, каноник Оломоуцкой епархии монсеньор Франтишек Светлик в парламентской комиссии по иностранным делам выступил за признание СССР *de jure*. Свое предложение он обосновывал необходимостью включения большого государства в экономическую жизнь Европы и выразил убеждение, что сотрудничество СССР с европейскими странами будет способствовать «смягчению» революционной идеологии большевиков, и тем самым ослаблению угрозы для всего остального мира. Светлик отметил, что Советский Союз уже признали великие державы, и Чехословакия, принимая во внимание свои экономические интересы, должна последовать их примеру. В то же время он подчеркнул, что ЧНП возмущена преследованием христиан в СССР и не согласна с советским общественным строем[16].

Следует отметить, что Светлик и раньше выступал за сотрудничество с Москвой. В частности, в апреле 1922 г., сразу же после подписания Рапалльского советско-германского договора, газета “Lidové listy”, центральный орган ЧНП, шеф-редактором которого в то время был Светлик, в числе первых выступила за «полное признание» и сближение с Советской Россией[17]. Тогда, в условиях изменений в международных отношениях, чехословацкое правительство вынуждено было 5 июня 1922 г. подписать Временный договор с РСФСР, признав Советское государство *de facto*[18].

В последующие годы Светлик продолжал выступать за развитие отношений с СССР, хотя в руководстве партии далеко не все разделяли его взгляды. 11 февраля 1927 г. член Центрального исполнительного комитета ЧНП, шеф-редактор газеты “Lidové listy” Йозеф Долежал (Josef Doležal) сообщил заведующему бюро советского полпредства Роману Осиповичу Якобсону, что заявлению Светлика предшествовали дебаты в партийном руководстве по поводу признания СССР. Сам Долежал и депутат Национального собрания ЧСР Алоис Петр (Alois Petr) выступали за активное участие партии в деле признания, считая, что его можно будет успешно использовать в пропагандистской работе против социалистов, которые, будучи у власти, не смогли добиться признания СССР. Долежал не скрывал, что против активного участия ЧНП в этом вопросе выступал генеральный секретарь партии Богумил

[16] *Marek P., Trapl M.* Mons. František Světlík (1875–1949). S. 69–70.

[17] П.Н. Мостовенко – М.М. Литвинову. Прага, 24 апреля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 274. Д. 53941. Л. 19.

[18] См.: Временный договор между российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Чехословацкой республикой от 5 июня 1922 г. // Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. Ноябрь 1917 г. – август 1922 г. / под редакцией П.Н. Поспелова. Москва: Наука, 1973. С. 507–511.

Сташек (Bohumil Stašek). Но председатель партии Шрамек не возражал против выступления Светлика в парламентской комиссии по иностранным делам, и Долежал составил тезисы для его речи. По словам Долежала, парламентский клуб ЧНП запретил выступать по «русскому вопросу» своему депутату Мысливецу, противнику признания СССР. Долежал также сообщил Якобсону, что “Lidové listy” выступят в пользу признания[19].

В последующих беседах с советскими дипломатами Долежал убеждал их, что в выступлении Светлика выражено официальное мнение ЧНП, что такая позиция партии усилила ее положение по отношению к социалистам, что против признания выступали только Мысливец, группировавшаяся вокруг газеты “Čech” интеллигенция, католическое духовенство в Праге, в то время как в провинции не было «никаких возражений»[20]. Со статьями и речами в пользу признания СССР, кроме Светлика, выступили депутаты Национального собрания ЧСР от ЧНП А. Петр, Йозеф Новак (Josef Novák) и Антонин Чуржик (Antonín Čuřík). Сам Долежал по этому вопросу опубликовал несколько статей в “Lidové listy”[21].

На приеме в Министерстве иностранных дел ЧСР 16 февраля 1927 г. Светлик сообщил Якобсону, что «нет больше никаких серьезных препятствий к урегулированию чешско-советских отношений», поскольку главный противник признания, лидер Чехословацкой национально-демократической партии Карел Крамарж изолирован. Светлик задал Якобсону ряд вопросов об отношении советского правительства к деятельности католической церкви и подчеркнул, что для его партии «вопрос сближения с СССР интересен лишь постольку, поскольку открывается возможность католической деятельности в СССР». «Католическая работа поляков в России постоянно ведет к конфликту, и это вредит католическому делу», – сказал монсеньор Светлик. Он также сообщил советскому дипломату, что в Чехословакии «начинается подготовка кадров работников для католической деятельности в СССР»[22].

[19] Дневник завбюро печати Р. Якобсона (приложение к дневнику полпреда от февраля 1927 г.) // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 155.

[20] Дневник полпреда СССР в Чехословакии. Прага, 28 февраля 1927 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 187.

[21] Работа бюро печати по инспирации прессы за первые 3 месяца 1927 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 43. Л. 40.

[22] Дневник завбюро печати Р. Якобсона (приложение к дневнику полпреда от 28 февраля 1927 г.) // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 190.

Внутриполитическая борьба в ЧСР после выступления Ф. Светлика и деятельность советского полпредства

Мнение монсеньора Светлика оказалось слишком оптимистичным. Крамарж, который всегда был противником советской власти, не сложил оружия. Он развернул активную деятельность, чтобы «заставить клерикалов переменить решение». Крамарж опирался на группу пражского духовенства и на лидера Словацкой народной партии Андрея Глинку (Andrej Hlinka). На руку ему были и разногласия в ЧНП по поводу признания СССР. Национальные демократы также развернули в печати кампанию, широко освещая гонения на католическое духовенство в СССР[23].

Советские дипломаты прилагали значительные усилия для нейтрализации действий Крамаржа. Антонов-Овсеенко встречался с лояльными к Москве членами чехословацкого правительства, пытался повлиять в нужном направлении на министра Марека Гажика (Marek Gažík) – представителя Словацкой народной партии. Сотрудники советской дипмиссии вступили в переговоры с депутатами от Словацкой народной партии в Национальном собрании ЧСР[24]. Якобсон, помимо Долежала, установил тесные контакты с видным католическим публицистом Альфредом Фухсом (Alfred Fuchs) и с редактором журнала “Rozmach” Яном Шейностом (Jan Scheinost).

С целью развития отношений с католическими кругами ЧСР Антонов-Овсеенко наметил соответствующий план, который 28 февраля 1927 г. направил в Москву. Полпред отмечал, что главным препятствием на пути развития отношений с католическими деятелями являются сообщения о преследованиях католиков в СССР: «Крамаржевцам чрезвычайно на руку были сообщения о новой волне “гонений” на католич[еское] духовенство у нас». Бюро печати полпредства решительно опротестовало эти сообщения. Но вскоре они опять повторились, причем «с таким обилием подробностей, что кажутся правдоподобными», – отмечал Антонов-Овсеенко. В связи с этим он запрашивал у наркомата иностранных дел соответствующую информацию. По его мнению, если сообщения отражали действительное положение дел, то такие действия были «слишком лихорадочными и недостаточно продуманными». Антонов-Овсеенко выражал сомнение, что польские священнослужители под прикрытием католицизма с таким размахом могли заниматься шпионажем, в чем их обвиняли. Полпред призывал принимать во внимание, какой отклик найдут эти преследования за границей. Антонов-Овсеенко писал:

[23] В.А. Антонов-Овсеенко – М.М. Литвинову. Прага, 28 февраля 1927 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 172.

[24] См.: Дневник полпреда СССР в Чехословакии. Прага, 28 февраля 1927 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 181–182.

> Католицизм сейчас такая сила, с которой надо бы попытаться найти модус вивенди и, мне кажется, таковый модус с немалой пользой для нас найти возможно[25].

Полпред считал, что в советской пропаганде «взгляд на Ватикан и его политику <…> крайне поверхностен». В качестве примера он ссылался на брошюру А. Метелева, который обвинял Ватикан во враждебной СССР деятельности, в связях с реакционными силами, в стремлении «держать человечество в ржавых цепях»[26]. В письме полпред подчеркивал, что

> Ватикан ведет политику гораздо более гибкую и часто куда более самостоятельную, чем кажется это т. Метелеву. <…> Стремление сохранить за собою влияние на широкие народные массы иногда толкает клерикальные партии в различных странах к политике, по существу противостоящей политике крайней реакции и часто толкает их на жесты, которые полезно закрепить[27].

По его мнению, это и проявилось в выступлении Светлика за признание СССР. Полпред считал, что чешские клерикалы борются с социалистами «за влияние среди рабочих и городского мещанства и не хотят, чтоб социалисты монополизировали популярный в этих слоях лозунг»[28].

Антонов-Овсеенко предостерегал, что в случае продолжения преследования католической церкви «вскоре весь католич[еский] мир мобилизуется против нас». Он считал, что следовало допустить в СССР епископа Мишеля д'Эрбеньи (Michel-Joseph d'Herbigny) и «предоставить католицизму возможность работы на общих основаниях с другими верованиями». Антонов-Овсеенко сообщал Литвинову, что полпредство широко использует книгу д'Эрбеньи «Церковная жизнь в Москве», которая произвела хорошее впечатление в католических кругах, и считал полезным рекомендовать ее использовать советским полпредам и в других странах[29].

Следует подчеркнуть, что руководство НКИД разделяло многие идеи Антонова-Овсеенко. Нарком Г.В. Чичерин неоднократно ставил перед

---

[25] В.А. Антонов-Овсеенко – М.М. Литвинову. Прага, 28 февраля 1927 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 172.

[26] *Метелев А.* Ватикан. Ленинград: Государственное издательство, 1925. С. 26.

[27] В.А. Антонов-Овсеенко – М.М. Литвинову. Прага, 28 февраля 1927 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 172–173.

[28] Там же. Л. 173.

[29] Там же.

советским руководством вопросы о подготовке законопроекта о положении католической церкви в СССР и об активизации переговоров с Ватиканом[30].

Д'Эрбеньи и его книга «Церковная жизнь в Москве» привлекли внимание советских дипломатов не случайно. В их распоряжении не было более подходящих материалов для нейтрализации в чехословацкой печати сообщений об антирелигиозной политике советского руководства и о репрессиях против верующих, чем свидетельство иезуита, к тому же директора Папского восточного института. Д'Эрбеньи посетил столицу СССР в октябре 1925 г. и вскоре после возвращения издал в Париже на русском языке книгу «Церковная жизнь в Москве»[31].

Преследуя цель создать в СССР католическую церковную иерархию и развернуть широкую миссионерскую деятельность, д'Эрбеньи в своей книге уклонился от прямой критики советских государственных органов, более того, противопоставил их заботу о сохранении церковных памятников вандализму французских революционеров XVIII в. Не отрицая атеистических взглядов правящих кругов СССР, их активную антирелигиозную пропаганду, он отмечал, что в старинных храмах ведутся реставрационные работы, многие церкви открыты и в них совершаются богослужения, причем при большом стечении верующих. Д'Эрбеньи указывал на раздробленность Русской православной церкви на множество (по его выражению) различных партий, боровшихся друг против друга. Основная идея книги – объединение этих «партий» под властью Рима с сохранением восточного обряда, а затем распространение католической миссии «во все глубины Азии». «Азия, приведенная к церкви, ко Христу, скоро, через век или два, Москвой в соединении с Римом – не мечта ли это?»[32]

Книга такого содержания, к тому же и блестяще написанная, не могла не вызвать живой отклик среди католиков, в том числе и в Чехословакии. Антонов-Овсеенко в своем дневнике отметил, с каким большим интересом выслушал изложение книги д'Эрбеньи шеф-редактор газеты "Lidové listy"

[30] Подробнее см.: *Токарева Е.С.* Отношения СССР и Ватикана: от переговоров к разрыву. 1922–1929 гг. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 1998; *Токарева Е.С.* Проблемы статуса католической иерархии в переговорах СССР и Святого Престола в 20-е годы XX века // Россия и Ватикан. Вып. 2: сборник материалов Второго двустороннего коллоквиума историков России и Ватикана (Вена, 24–30 апреля 2001 г.) / под редакцией Е.С. Токаревой, А.В. Юдина. Москва: Наука, 2003. С. 147–180.

[31] О деятельности д'Эрбеньи в СССР подробнее см.: *Венгер А.* Рим и Москва. 1900–1950 / перевод с французского Д.В. Власова. Москва: Русский путь, 2000. С. 178–202.

[32] *Д'Эрбеньи М.* Церковная жизнь в Москве / перевод с французского И.Ф. Наживина. Париж: [б. и.], 1926. С. 114–115.

Й. Долежал во время посещения полпредства 19 февраля 1927 г. Он попросил дать ему эту книгу: «Опираясь на ее свидетельства, легко побивать ложные россказни о гонениях на церковь в СССР и т.д.». Долежал «смаковал» и замечание полпреда, что курс его партии (ЧНП) на признание СССР

> послужит и делу католицизма в СССР, поскольку покажет, что католицизм вовсе не сводится к польской его разновидности, скомпрометированной и компрометирующей католицизм своей шпионской и т.п. работой в пользу польского империализма…[33]

Бюро печати полпредства разослало книгу д'Эрбеньи и извлечения из нее в чешском переводе многим чехословацким политикам и представителям католической печати. «Эта книга была широко использована клерикальной печатью для кампании в пользу признания СССР»[34], – подчеркнул в своем отчете заведующий бюро печати полпредства Р.О. Якобсон. Альфред Фухс опубликовал статьи в пользу признания СССР с обширными цитатами из книги д'Эрбеньи в католических газетах "Našinec" и "Den". Извлечения из нее были напечатаны в газетах "Lidové listy", "Deutsche Presse" (орган Немецкой христианско-социальной народной партии) и "Národní osvobození" (издание Чехословацкого общества легионеров)[35]. Но, очевидно, для освещения религиозной ситуации в СССР книги д'Эрбеньи после первых газетных публикаций было недостаточно. Во всяком случае, Долежал 21 февраля попросил у Якобсона материалы «церковного характера для кампании в пользу признания»[36].

Вопрос о признании СССР, по словам редактора католического журнала "Rozmach" Я. Шейноста, «сильно всколыхнул» Чехословацкую народную партию. Причем, если в Моравии брали верх сторонники признания, то в Чехии – наоборот. Дискуссии по этому поводу на местных собраниях приобретали столь бурный характер, что иногда сторонникам признания грозило избиение. Что касается позиции лидера партии Шрамека, то советские дипломаты получали из разных источников (а порой из одного и того же источника) противоречивые сведения: то Шрамек «солидаризировался со

[33] Дневник полпреда СССР в Чехословакии. Прага, 28 февраля 1927 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 187.

[34] Работа бюро печати по инспирации прессы за первые 3 месяца 1927 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 43. Л. 40.

[35] Там же.

[36] Дневник завбюро печати Р. Якобсона (приложение к дневнику полпреда от 28 февраля 1927 г.) // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 195.

Светликом»[37], то не намерен «оказывать активную поддержку позиции Светлика» и выступление последнего в парламентской комиссии было «совершенно самостоятельно», Шрамек же «против того, чтобы партия ангажировалась в вопросе признания» и даже выразил Долежалу свое недовольство его контактами с советским полпредством и агитацией в пользу активной роли ЧНП в вопросе признания[38]. Сам Долежал уверял советских дипломатов, что Шрамек «не против признания, а против того, чтобы партия выступала в этом вопросе инициативно»[39].

Очевидно, Шрамек вынужден был лавировать, учитывая серьезные разногласия в партии и позицию Ватикана. Заместитель нунция Антонио Арата (Antonio Arata) выразил недовольство выступлением Светлика: во-первых, если для ЧНП действительно важно было выдвинуть на первый план экономические мотивы в пользу признания СССР, то должен был выступить светский депутат, а не духовное лицо. Во-вторых, отношения между Ватиканом и СССР не таковы, чтобы католическая партия выступала с инициативой в вопросе признания. В-третьих, не следовало публично выступать, не договорившись со Словацкой народной партией, и демонстрировать перед общественностью разногласия в католическом лагере, который должен быть единым[40]. Очевидно, позицией Ватикана объяснялось и отношение к признанию СССР Пражского архиепископа Франтишека Кордача (František Kordač), оказывавшего давление на чешское духовенство[41].

В результате, 11 апреля 1927 г. Антонов-Овсеенко сообщил в Москву, что «инициативы чешских клерикалов в данном вопросе ожидать нельзя»[42]. С конца апреля воцарилось «молчание по русскому вопросу», что, по словам А. Фухса, было связано со сложным положением внутри ЧНП и с обострением британско-советских отношений[43]. По утверждению Е.С. Токаревой, Ватикан одобрил разрыв Великобританией дипломатических отношений с Москвой. В

[37] Дневник завбюро печати Р. Якобсона (приложение к дневнику полпреда от 11 марта 1927 г.) // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 228.

[38] Дневник завбюро печати Р. Якобсона (приложение к дневнику полпреда от 28 марта 1927 г.) // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 264.

[39] Там же. Л. 266.

[40] Дневник завбюро печати Р. Якобсона (приложение к дневнику полпреда от 28 февраля 1927 г.) // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 195.

[41] Дневник завбюро печати Р. Якобсона (приложение к дневнику полпреда от 28 марта 1927 г.) // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 42. Л. 262.

[42] В.А. Антонов-Овсеенко – М.М. Литвинову. Прага, 11 апреля 1927 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 43. Л. 7.

[43] Дневник полпреда СССР в Чехословакии. Прага, 25 апреля 1927 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 43. Л. 34.

СССР продолжались преследования католического духовенства. 17 сентября 1927 г. по обвинению в шпионаже был арестован в Минске епископ Слоскан[44].

Все эти события не могли не сказаться на отношениях советского полпредства в Праге с представителями ЧНП и католической прессы. Никто из них не явился в полпредство 7 ноября 1927 г. на прием по случаю 10-летия Октябрьской революции. А. Фухс, поездка которого на юбилейные торжества в Москву была давно согласована, от нее отказался, по словам Антонова-Овсеенко, «под явно несостоятельным предлогом»[45].

Заключение

Документы советского полпредства в ЧСР позволяют выявить отношение руководства Чехословацкой народной партии к вопросу о признании СССР в 1927 г. Наиболее активным сторонником сближения с Москвой был один из основателей партии, депутат Национального собрания ЧСР монсеньор Ф. Светлик, выступление которого в парламентской комиссии по иностранным делам 11 февраля 1927 г. за признание СССР послужило началом острых дебатов по этому вопросу и в ЧНП, и в других политических партиях по всей стране. Инициатива Светлика встретила поддержку главным образом в Моравии. В то время как чешское крыло ЧНП в лице наиболее видных его представителей Б. Сташека и В. Мысливеца выступило категорически против признания.

В борьбу против признания СССР включились другие политические силы, наибольшую активность среди которых проявлял лидер национальных демократов К. Крамарж, стремившийся к объединению всех противников признания. Чтобы свести на нет инициативу Светлика, они весьма умело использовали информацию о преследованиях католиков в СССР. Попытки советского полпредства наладить контакты с католическими кругами в ЧСР и нейтрализовать сообщения чехословацкой прессы об антирелигиозной политике Советского государства в конечном счете не увенчались успехом.

Я. Шрамек – лидер ЧНП, председатель парламентского клуба партии в Национальном собрании ЧСР, министр социального обеспечения, на которого советские дипломаты возлагали большие надежды, вынужден был лавировать, учитывая серьезные разногласия в своей партии, отношения в правительственной коалиции, позицию Ватикана, неблагоприятную для СССР международную ситуацию в Европе. Как свидетельствуют советские

[44] *Токарева Е.С.* Отношения СССР и Ватикана. С. 57.

[45] В.А. Антонов-Овсеенко – М.М. Литвинову. Прага, 14 ноября 1927 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 7. П. 28. Д. 43. Л. 168.

дипломатические документы, Шрамек не возражал против признания СССР, но был против того, чтобы ЧНП выступала инициатором в этом вопросе.

В результате Светлика в партии открыто поддержала лишь небольшая группа его сторонников. ЧНП, несмотря на свой статус правительственной партии, в силу своей региональной разобщенности, разногласий в руководстве партии в вопросе признания СССР, значительной зависимости от внутриполитической и международной ситуации была неспособна выступить с инициативой и оказать влияние на принятие соответственного решения на государственном уровне, особенно в условиях продолжавшихся в Советском Союзе преследований католического духовенства.

Introduction

The problem of recognition of the USSR by other states was paramount for the Soviet leadership for a long time. The governments of many countries were extremely wary of the large-scale political and socio-economic transformations that began in the territory of the former Russian Empire after the October Revolution of 1917. The Bolsheviks' focus on the world revolution, nationalization of foreign property, and repudiation of debt obligations of previous governments deterred most states from recognizing Soviet power. In addition, many Western politicians hoped that it would not last long. The process of recognition of the USSR stretched until the early 1940s. The Czechoslovak Republic (ČSR) decided to take that step only in 1934. The works of domestic and foreign historians examined the reasons for Prague's slowness in recognizing the USSR, the internal political struggle in connection with that issue, and the attitude of prominent Czechoslovak politicians towards the Soviet state.[1] The main attention was paid to the ruling group known as Hrad, which was headed by Tomáš Garrigue Masaryk (President of the Czechoslovak Republic) and Edward Beneš (Minister of Foreign Affairs in 1918–35) and had a decisive influence on the process of forming and implementing Prague's foreign policy, including the policy towards the Soviet state.[2] The position of Karel Kramař (the leader of the Czechoslovak National Democratic Party) on the Russian issue has

[1] See, e.g., P.V. Moshechkov, "Czechoslovakia and the USSR in 1933 – June 1934: On the Way to Establishing Diplomatic Relations" [in Russian], *Tsentral'noevropeiskie issledovaniya*, iss. 4 (13) (2021): 242–72, http://doi.org/10.31168/2619-0877.2021.4.10; I.A. Peters, *Czechoslovak–Soviet Relations (1918–1934)* [in Russian] (Kiev: Naukova dumka, 1965); E.P. Serapionova, "Czechoslovakia and the Issue of Recognition of Soviet Russia in the Early 1920s" [in Russian], in *Czechoslovakia and Soviet Russia on the Ruins of Empires*, ed. E.P. Serapionova (Moscow: Polimedia, 2020), 148–62, http://doi.org/10.31168/0442-8.12; I. Lukeš, *Československo mezi Stalinem a Hitlerem. Benešova cesta k Mnichovu* (Prague: Prostor, 1999); E. Voráček, D. Hubený, and B. Litera, *V zájmu velmoci: Československo a Sovětský svaz* (Prague: Historický ústav, 2019).

[2] V.V. Mar'ina, *Second President of Czechoslovakia Edvard Beneš: a Politician and a Man, 1884–1948* [in Russian] (Moscow: Indrik, 2013); J. Dejmek, "Edvard Beneš a fenomen Ruska mezi světovými válkami," *Slovanský přehled: Review for Central, Eastern and Southeastern European history*, roč. 87, č. 2 (2001): 165–88; J. Dejmek, *Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata*, část 1, *Revolucionář a diplomat (1884–1935)* (Prague: Karolinum, 2006); V. Doubek, "Posuny kritiky antidemokratického režimu: T.G. Masaryk, E. Beneš a bolševická revoluce," in V. Doubek, L. Hladký, R. Vlček, at al., *T.G. Masaryk a slované* (Prague: Historický ústav AV ČR Masarykův ústav a Archiv AV ČR, 2013), 73–91; V. Olivová,"Politika Československa v ruské krizi roku 1921 a 1922," in T.G. Masaryk, E. Beneš, *Otevřit Rusko Evropě: Dvě stati k ruské otázce v roce 1922* (Prague: H & H, 1992), 25–58; K. Krátký, ed., *TGM, Rusko a Evropa. Dílo – vize – přítomnost. Sborník příspěvků z mezinárodní konference pořádané ve dnech 12. – 14. září 1997 v Praze* (Prague: Masarykův ústav a Archiv AV ČR, 2002).

been studied by historiography in detail.[3] The attitude of other Czechoslovak political parties that constituted the so-called Pětka or Committee of Five[4] towards the USSR has been considered only fragmentary. The policy of the Czechoslovak People's Party (ČSL) on the issue of recognition of the USSR remains one of the least studied issues of this topic to date, although Czech historians have made a significant contribution to the study of the problems of political Catholicism, the formation of the Czechoslovak People's Party, its role in the political system of the ČSR and specific feaatures of its activities in various regions of the republic.[5] Of great interest are the biographies of the leader of the ČSL Jan Šrámek[6] and a prominent figure of the party František Světlík.[7] In F. Světlík's biography, M. Trapl and P. Marek point out his speeches for the recognition of the USSR *de jure* in the parliamentary commission on foreign affairs on February 11, 1927, while emphasizing that it caused a negative response in the party.[8] In Šrámek's biography, the authors concretize the attitude of the ČSL members to Světlík's speech, pointing out that it led to sharp criticism from prominent figures of the Czech wing of the party and Catholic non-party intelligentsia, and Šrámek himself avoided supporting Světlík's initiative directly.[9]

---

[3] E.P. Serapionova, *Karel Kramář and Russia. 1890–1937: Ideological Views, Political Activity, Connections with Russian State and Public Figures* [in Russian] (Moscow: Nauka, 2006); J. Bílek, and L. Velek, eds., *Karel Kramář (1860–1937). Život a dílo* (Prague: Masarykův ústav a Archiv AV ČR, v.v.i.; Historický ústav AV ČR, 2009); M. Winkler, *Karel Kramář: Selbstbild, Fremdwahrnehmungen und Modernisierungsverständnis eines tschechischen Politikers* (Munich: Oldenbourg, 2002).

[4] The Pětka or Committee of Five was an unconstitutional body of the leaders of Czechoslovak political parties that officially acted as the Joint Executive Committee of their parliamentary clubs. The Pětka included the leaders of the Republican Party of Farmers and Peasants, the Czechoslovak People's Party, the Czechoslovak National Democratic Party, the Czechoslovak Social Democratic Workers' Party, and the Czech National Social Party.

[5] J. Malíř, P. Marek, et al., *Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu v letech 1861–2004*, d. 1 (Brno: Nakladatelství Doplněk, 2005), 655–81; M. Trapl, "Historiografie českého politického katolicismu v letech 1918–1938," in *Církve 19. a 20. století ve slovenské a české historiografii*, ed. P. Mačala, P. Marek, and J. Hanuš (Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2010), 164–69; M. Trapl, *Politika českého katolicismu na Moravě 1918–1938* (Prague: Státní pedagogické nakladatelství, 1968); M. Trapl, *Politický katolicismus a Československá strana lidová v Československu v letech 1918–1938* (Prague: SPN, 1990).

[6] M. Trapl, K. Konečný, and P. Marek. *Politik dobré vůle. Život a dílo msgre Jana Šrámka* (Prague: Vyšehrad, 2013).

[7] P. Marek, and M. Trapl, *Mons. František Světlík (1875–1949): nástin života a díla katolického politika a novináře* (Rosice u Brna: Gloria, 2001).

[8] Marek, and Trapl, *Mons. František Světlík*, 69–70.

[9] Trapl, Konečný, and Marek, *Politik dobré vůle*, 201.

On the basis of documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation, this article attempts to examine the attitude of individual figures of the ČSL to the recognition of the USSR, to investigate the activities of the Soviet plenipotentiary representation in Prague aimed at establishing relations with the Catholic circles of Czechoslovakia in connection with F. Světlík's speech. The chronological framework of the article covers the period from February to April 1927, when the issue of recognition of the USSR was actively discussed in the ČSL.

The main sources for writing the article were reports, records, and work diaries of Soviet diplomats in Czechoslovakia, which contain extensive information about the attitude of the ČSL to the Soviet state during the period under consideration.

From the "spy trial" to the speech of Monsignor F. Světlík

Soviet–Czechoslovak relations developed unevenly in the 1920s. Periods of decline replaced periods of rapprochement, when it seemed that the Czechoslovak Republic would recognize the USSR any day and full-fledged diplomatic relations would be established. Another crisis in Prague's relations with Moscow came in the autumn of 1926, when Soviet Vice-Consul Khristofor I. Dymov was exposed as a spy. A noisy anti-Soviet campaign was launched in the Czechoslovak press. "The newspapers are full of comments on the espionage affair," wrote the plenipotentiary of the USSR in Czechoslovakia Vladimir A. Antonov-Ovseenko in the official diary on November 11, 1926.[10] Addressing the National Assembly of the ČSR, Václav Myslivec, a deputy from the Czechoslovak People's Party, demanded that the "Ovseenko's mission" be called to account and "that hornets' nest be dispersed." Myslivec's speech was published in its entirety in the Catholic newspaper *Čech* and in the central organ of the ČSL *Lidové listy*.[11] On November 15 and 19, Villa Teresa, the residence of the plenipotentiary, was besieged by Czech nationalists.[12] The Soviet plenipotentiary representation was isolated. Fearing to be compromised, even those politicians and public figures of the Czechoslovak Republic who sympathized with

[10] "Dnevnik polpreda SSSR v Chekhoslovakii. Praga, 15 noyabrya 1926 g." [Diary of the USSR Plenipotentiary in Czechoslovakia. Prague, November 15, 1926]. F. 05, op. 6, p. 15, d. 56, l. 125. Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Archive of Foreign Policy of the Russian Federation] (AVP RF), Moscow, Russia.

[11] "Dnevnik polpreda SSSR v Chekhoslovakii. Praga, 29 noyabrya 1926 g." [Diary of the USSR Plenipotentiary in Czechoslovakia. Prague, November 29, 1926]. F. 05, op. 6, p. 15, d. 56, l. 107. AVP RF.

[12] "Dnevnik polpreda SSSR v Chekhoslovakii. Praga, 22 noyabrya 1926 g." [Diary of the USSR Plenipotentiary in Czechoslovakia. Prague, November 22, 1926]. F. 05, op. 6, p. 15, d. 56, ll. 115, 118. AVP RF.

the Soviet Union and were frequent guests at Villa Teresa avoided communicating with Soviet diplomats.[13]

The "spy trial" took place in January 1927 with "open doors". Much was said about Soviet espionage and subversive activities of the Comintern and the GPU in Czechoslovakia. On January 17, 1927, Antonov-Ovseenko wrote to M. Litvinov, Deputy People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR:

> In general, we came out of the trial with a strong prejudice in the broad "public opinion"; it is being made clear that none of the government parties will now dare to take the initiative in carrying out the "recognition."[14]

Under such circumstances, the plenipotentiary representation faced the difficult task of restoring trust and former ties as well as finding new partners.

Antonov-Ovseenko hoped that "an increasing interest in the USSR in certain circles" would occur as a result of the deterioration of the international position of the ČSR at that time: the growth of revisionist sentiments in Hungary, the strengthening of Germany's role in European politics, the rapprochement of Budapest and Berlin with Rome, in connection with which there were fears of active Italian actions to destroy the Little Entente and the entire French system of alliances in Central and Southeastern Europe, which Czechoslovakia considered as a guarantee of its security.[15]

The plenipotentiary's assumptions were soon confirmed. On February 11, 1927, Monsignor František Světlík, canon of the Olomouc Diocese, deputy from the ČSL, spoke in the parliamentary commission on foreign affairs in favor of recognizing the USSR *de jure*. He justified his proposal by the need to include the large state in the economic life of Europe and expressed an opinion that the cooperation of the USSR with the European countries would help to soften the revolutionary ideology of the Bolsheviks and thereby weaken the threat to the rest of the world. Světlík noted that the Soviet Union had already been recognized by the great powers, and taking into account its economic interests, Czechoslovakia should follow their example. At the

[13] "Dnevnik polpreda SSSR v Chekhoslovakii. Praga, 29 noyabrya 1926 g." [Diary of the USSR Plenipotentiary in Czechoslovakia. Prague, November 29, 1926]. F. 05, op. 6, p. 15, d. 56, l. 106. AVP RF.

[14] "V.A. Antonov-Ovseenko – M.M. Litvinovu. Praga, 17 yanvarya 1927 g." [V.A. Antonov-Ovseenko to M.M. Litvinov. Prague, January 17, 1927]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 42, ll. 52–53. AVP RF.

[15] See "Dnevnik polpreda SSSR v Chekhoslovakii. Praga, 10 fevralya 1927 g." [Diary of the USSR Plenipotentiary in Czechoslovakia. Prague, February 10, 1927]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 42, ll. 137–39. AVP RF; I. Romsics, *István Bethlen: A Great Conservative Statesman of Hungary, 1874–1946* (New York.: Columbia University Press, 1995), 223–25.

same time, he stressed that the ČSL was outraged by the persecution of Christians in the USSR and did not agree with the Soviet social system.[16]

It should be noted that Světlík had advocated cooperation with Moscow earlier. In particular, immediately after the signing of the Rapallo Soviet-German Treaty in April 1922, the newspaper *Lidové listy* (the central organ of the ČSL whose editor-in-chief at that time was Světlík) was among the first to advocate "full recognition" and rapprochement with Soviet Russia.[17] In the context of changes in international relations at that time, the Czechoslovak government was forced to sign a temporary agreement with the RSFSR on June 5, 1922, recognizing the Soviet state *de facto*.[18]

In the following years, Světlík continued to advocate the development of relations with the USSR, although not everyone in the party leadership shared his views. On February 11, 1927, Josef Doležal (a member of the Central Executive Committee of the ČSL, managing editor of the *Lidové Listy*) informed Roman O. Jakobson (head of the bureau of the Soviet plenipotentiary representation) that Světlík's statement was preceded by a debate in the party leadership about the recognition of the USSR. Doležal and Alois Petr (deputy of the National Assembly of the ČSR) advocated active participation of the party in the recognition process, believing that it could be successfully used in propaganda against the Socialists, who could not achieve recognition of the USSR while in power. Doležal did not conceal the fact that secretary general of the party Bohumil Stašek opposed active participation of the ČSL in that issue. However, chairman of the party Šrámek did not object to Světlík's speech in the parliamentary commission on foreign affairs, and Doležal prepared main points of his speech. According to Doležal, the parliamentary club of the ČSL banned its deputy Myslivec, an opponent of the recognition of the USSR, from speaking on the "Russian issue." Doležal also informed Jakobson that the *Lidové listy* would speak in favor of recognition.[19]

In subsequent conversations with the Soviet diplomats, Doležal convinced them that Světlík's speech expressed the official opinion of the ČSL, that such a position of the party strengthened its position in relation to the Socialists, that Myslivec, the

[16] Marek, and Trapl, *Mons. František Světlík*, 69–70.

[17] "P.N. Mostovenko – M.M. Litvinovu. Praga, 24 aprelya 1922 g." [P.N. Mostovenko to M.M. Litvinov. Prague, April 24, 1922]. F. 04, op. 43, p. 274, d. 53941, l. 19. AVP RF.

[18] See "Temporary Treaty between the Russian Socialist Federative Soviet Republic and the Czechoslovak Republic as of June 5, 1922" [in Russian], in *Documents and Materials on the History of Soviet–Czechoslovak Relations*, vol. 1, *November 1917 – August 1922*, ed. P.N. Pospelov (Moscow: Nauka, 1973), 507–11.

[19] "Dnevnik zavbyuro pechati R. Yakobsona (prilozhenie k dnevniku polpreda ot fevralya 1927 g.)" [Diary of the Head of the Press Bureau R. Jakobson (supplement to the diary of the Plenipotentiary dated February 1927)]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 42, l. 155. AVP RF.

intelligentsia who grouped around the newspaper *Čech*, and the Catholic clergy in Prague were the only ones who spoke against the recognition, while there were "no objections at all" in the province.[20] Along with Světlík, ČSL deputies of the National Assembly of the ČSR A. Petr, Josef Novák, and Antonín Čuřík published articles and delivered speeches in favor of the recognition of the USSR. Doležal himself published several articles in the *Lidové listy*.[21]

At the reception at the Czechoslovak Foreign Ministry on February 16, 1927, Světlík informed Jakobson that "there were no more serious obstacles to the settlement of Czechoslovak–Soviet relations," since the main opponent of recognition Karel Kramář, leader of the Czechoslovak National Democratic Party, was isolated. Světlík asked Jakobson a number of questions about the attitude of the Soviet government to the activities of the Catholic Church and stressed that for his party "the issue of rapprochement with the USSR was interesting only insofar as opened up the possibility of Catholic activity in the USSR." "The Catholic work of Poles in Russia constantly leads to conflict, and this harms the Catholic cause," said Monsignor Světlík. He also informed the Soviet diplomat that "the training of Catholic activists for work in the USSR had begun in Czechoslovakia."[22]

Internal political struggle in the ČSR after F. Světlík's speech and the activities of the Soviet Plenipotentiary Representation

Monsignor Světlík's opinion turned out to be too optimistic. Kramář, who had always been an opponent of the Soviet rule, did not lay down his arms. He launched an active campaign to "force the clerics to change their minds." Kramář relied on a group of Prague clergy and on the leader of the Slovak People's Party Andrej Hlinka. He also benefited from disagreements in the ČSL over the recognition of the USSR. The National Democrats also launched a press campaign, widely covering persecution of the Catholic clergy in the USSR.[23]

Soviet diplomats made significant efforts to neutralize Kramář's activities. Antonov-Ovseenko met with the members of the Czechoslovak government who

[20] "Dnevnik polpreda SSSR v Chekhoslovakii. Praga, 28 fevralya 1927 g." [Diary of the USSR Plenipotentiary in Czechoslovakia. Prague, February 28, 1927]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 42, l. 187. AVP RF.

[21] "Rabota byuro pechati po inspiratsii pressy za pervye 3 mesyatsa 1927 g." [Work of the press bureau on inspiring the press in the first 3 months of 1927]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 43, l. 40. AVP RF.

[22] "Dnevnik zavbyuro pechati R. Yakobsona (prilozhenie k dnevniku polpreda ot 28 fevralya 1927 g.)" [Diary of the Head of the Press Bureau R. Jakobson (supplement to the diary of the Plenipotentiary dated February 28, 1927)]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 42, l. 190. AVP RF.

[23] "V.A. Antonov-Ovseenko – M.M. Litvinovu. Praga, 28 fevralya 1927 g." [V.A. Antonov-Ovseenko to M.M. Litvinov. Prague, February 28, 1927]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 42, l. 172. AVP RF.

were loyal to Moscow and tried to influence Minister Marek Gažik, a representative of the Slovak People's Party. Soviet diplomats started negotiations with deputies from the Slovak People's Party in the National Assembly of the ČSR.[24] In addition to Doležal, Jakobson established close contacts with prominent Catholic author Alfred Fuchs and editor of *Rozmach* magazine Jan Scheinost.

In order to develop relations with Catholic circles of the ČSR, Antonov-Ovseenko outlined an appropriate plan, which he sent to Moscow on February 28, 1927. The plenipotentiary noted that the news on persecution of Catholics in the USSR was the main obstacle to the development of relations with Catholic figures: "Messages about a new wave of "persecution" of Catholic clergy in our country played into the hand of Kramář followers." The press bureau of the plenipotentiary representation denied those reports. But soon they were repeated again, and "with such an abundance of details that they seemed plausible," Antonov-Ovseenko noted. In that regard, he requested relevant information from the People's Commissariat of Foreign Affairs. In his opinion, if the reports reflected the actual state of affairs, such actions were "too feverish and insufficiently thought out." Antonov-Ovseenko expressed doubt that Polish clergy could engage in espionage of which they were accused under the guise of Catholicism on such a large scale. The plenipotentiary called for taking into account the response those persecutions would find abroad. Antonov-Ovseenko wrote:

> Catholicism is now such a force with which we should try to find a modus vivendi, and it seems to me that it is possible to find such a modus with considerable benefit for us.[25]

The plenipotentiary believed that the view of the Vatican and its policies in Soviet propaganda was "extremely superficial." As an example, he referred to a pamphlet by A. Metelev, who accused the Vatican of the activities that were hostile to the USSR, connections with reactionary forces, and striving to "keep humanity in rusty chains."[26] In his letter, the plenipotentiary emphasized:

> The Vatican is pursuing a policy that is much more flexible and often much more independent than it seems to Comrade Metelev . . . The desire to retain influence over the broad masses sometimes pushes clerical parties in various countries to

[24] See "Dnevnik polpreda SSSR v Chekhoslovakii. Praga, 28 fevralya 1927 g." [Diary of the USSR Plenipotentiary in Czechoslovakia. Prague, February 28, 1927]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 42, ll. 181–182. AVP RF.

[25] "V.A. Antonov-Ovseenko – M.M. Litvinovu. Praga, 28 fevralya 1927 g." [V.A. Antonov-Ovseenko to M.M. Litvinov. Prague, February 28, 1927]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 42, l. 172. AVP RF.

[26] A. Metelev, *The Vatican* [in Russian] (Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925), 26.

> the policy that is essentially opposed to the policy of extreme reaction and often pushes them to gestures that are useful to retain.[27]

In his opinion, that was revealed in Světlík's speech for recognition of the USSR. The plenipotentiary believed that the Czech clerics were fighting with the Socialists "for influence among the workers and urban petty bourgeoisie and did not want the Socialists to monopolize the slogan popular in those strata."[28]

Antonov-Ovseenko warned that if the persecution of the Catholic Church continued, "the entire Catholic world would enlist its efforts against us." He believed that Bishop Michel-Joseph d'Herbigny should be allowed to come to the USSR and "Catholicism should be given an opportunity to work on a common basis with other confessions." Antonov-Ovseenko informed Litvinov that the plenipotentiary representation was making extensive use of d'Herbigny's book *Church Life in Moscow*, which made a good impression in Catholic circles, and considered it useful to recommend its use to Soviet envoys in other countries.[29]

It should be highlighted that the leadership of the People's Commissariat for Foreign Affairs shared many of Antonov-Ovseenko's ideas. People's Commissar G.V. Chicherin repeatedly posed questions to the Soviet leadership about the preparation of a bill on the situation of the Catholic Church in the USSR and the intensification of negotiations with the Vatican.[30]

It was no accident that d'Herbigny and his book *Church Life in Moscow* attracted the attention of Soviet diplomats. They had no more suitable materials at their disposal to neutralize the publications in the Czechoslovak press about the anti-religious policy of the Soviet leadership and the repression against believers than the testimony of a Jesuit, who was also the director of the Pontifical Oriental Institute. D'Herbigny visited the capital of the USSR in October 1925 and soon after his return the book *Church Life in Moscow* was published in Russian in Paris.[31]

---

[27] "V.A. Antonov-Ovseenko – M.M. Litvinovu. Praga, 28 fevralya 1927 g." [V.A. Antonov-Ovseenko to M.M. Litvinov. Prague, February 28, 1927]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 42, ll. 172–173. AVP RF.

[28] Ibid., l. 173.

[29] Ibid.

[30] For more, see E.S. Tokareva, *Relations between the USSR and the Vatican: From Negotiations to Rupture. 1922–1929* [in Russian] (Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 1998); E.S. Tokareva, "Problems of the Status of Catholic Hierarchy in the Negotiations between the USSR and the Holy See in the 1920s" [in Russian], in *Russia and the Vatican*, iss. 2, *Proceedings of the Second Bilateral Colloquium of Historians of Russia and the Vatican (Vienna, April 24–30, 2001)*, ed. E.S. Tokareva, A.V. Yudin (Moscow: Nauka, 2003), 147–80.

[31] For more on d'Herbigny's activities in the USSR, see A. Wenger, *Rome and Moscow. 1900–1950*, trans. D.V. Vlasov (Moscow: Russkii put', 2000), 178–202.

Pursuing the goal of establishing Catholic Church hierarchy in the USSR and developing broad missionary activity, d'Herbigny avoided direct criticism of the Soviet state bodies in his book; moreover, he contrasted their concern for the preservation of church memorials with the vandalism of the French revolutionaries of the 18th century. Without denying the atheistic views of the ruling circles of the USSR and their active anti-religious propaganda, he noted that ancient churches were being restored, many churches were open and services were held in them for a large congregation of believers. D'Herbigny pointed out the fragmentation of the Russian Orthodox Church into many (in his words) different parties fighting against each other. The main idea of the book was the unification of those "parties" under the authority of Rome while preserving the Eastern rite and the spread of the Catholic mission "in all the depths of Asia." "Asia brought to the church, to Christ, soon, in a century or two, by Moscow in union with Rome, is it not a dream?"[32]

A book of such content written so brilliantly could not but evoke a lively response among the Catholics, including those in Czechoslovakia. Antonov-Ovseenko noted in his diary how much interest the managing editor of the *Lidové listy* J. Doležal had given to the presentation of d'Herbigny's book during his visit to the plenipotentiary representation on February 19, 1927. He asked for this book: "Based on its evidence, it is easy to disprove the false tales about the persecution of the church in the USSR, etc." Doležal also "savored" the envoy's remark that the course of his party (ČSL) towards recognizing the USSR

> would also serve the cause of Catholicism in the USSR, since it would show that Catholicism is not at all limited to its Polish variety, compromised and compromising Catholicism with its espionage and similar work in favor of Polish imperialism. . .[33]

The press bureau of the plenipotentiary representation sent d'Herbigny's book and excerpts from it translated into Czech to many Czechoslovak politicians and representatives of the Catholic press. "That book was widely used by the clerical press for the campaign in favor of recognizing the USSR,"[34] R. Jakobson, head of the press bureau of the plenipotentiary representation, emphasized in his report. Alfred

[32] M. d'Herbigny, *Church Life in Moscow* [in Russian], trans. I.F. Nazhivin (Paris: [n.p.], 1926), 114–15.

[33] "Dnevnik polpreda SSSR v Chekhoslovakii. Praga, 28 fevralya 1927 g." [Diary of the USSR Plenipotentiary in Czechoslovakia. Prague, February 28, 1927]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 42, l. 187. AVP RF.

[34] "Rabota byuro pechati po inspiratsii pressy za pervye 3 mesyatsa 1927 g." [Work of the press bureau on inspiring the press in the first 3 months of 1927]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 43, l. 40. AVP RF.

Fuchs published articles in favor of recognizing the USSR with extensive quotations from d'Herbigny's book in the Catholic newspapers *Našinec* and *Den*. Excerpts from it were printed in the newspapers *Lidové listy*, *Deutsche Presse* (organ of the German Christian-Social People's Party) and *Národní osvobození* (publication of the Czechoslovak Legion Society).[35] Obviously, d'Herbigny's book was not enough to cover the religious situation in the USSR after the first newspaper publications. In any case, on February 21, Doležal asked Jakobson for materials "of an ecclesiastical nature for the campaign in favor of recognition."[36]

According to J. Scheinost, editor of the Catholic magazine *Rozmach*, the issue of recognizing the USSR "greatly stirred up" the Czechoslovak People's Party. While in Moravia the supporters of recognition prevailed, in Čechy it was just the opposite. Discussions on that issue at local meetings became so heated that sometimes supporters of recognition were threatened with beatings. As for the position of the party leader Šramek, Soviet diplomats received contradictory information from different sources (and sometimes from the same source): Šramek either "was solidary with Světlík"[37] or did not intend to "actively support the position of Světlík" whose speech in the parliamentary commission was "completely independent," while Šramek "was against the party becoming engaged in the issue of recognition" and even expressed his dissatisfaction with Doležal's contacts with the Soviet representation and agitation in favor of the ČSL's active role[38] in the issue of recognition. Doležal himself assured Soviet diplomats that Šrámek "was not against recognition but against the party taking the initiative in that matter."[39]

Obviously, Šrámek had to maneuver taking into account serious disagreements within the party and the position of the Vatican. Deputy Nuncio Antonio Arata expressed dissatisfaction with Světlík's speech. Firstly, if it was really important for the ČSL to highlight the economic motives in favor of recognizing the USSR, not a clergyman but a secular deputy should have spoken out. Secondly, the relations between the Vatican and the USSR were not such that the Catholic party would take

[35] "Rabota byuro pechati po inspiratsii pressy za pervye 3 mesyatsa 1927 g." [Work of the press bureau on inspiring the press in the first 3 months of 1927]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 43, l. 40. AVP RF.

[36] "Dnevnik zavbyuro pechati R. Yakobsona (prilozhenie k dnevniku polpreda ot 28 fevralya 1927 g.)" [Diary of the Head of the Press Bureau R. Jakobson (supplement to the diary of the Plenipotentiary dated February 28, 1927)]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 42, l. 195. AVP RF.

[37] "Dnevnik zavbyuro pechati R. Yakobsona (prilozhenie k dnevniku polpreda ot 11 marta 1927 g.)" [Diary of the Head of the Press Bureau R. Jakobson (supplement to the diary of the Plenipotentiary dated March 11, 1927)]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 42, l. 228. AVP RF.

[38] "Dnevnik zavbyuro pechati R. Yakobsona (prilozhenie k dnevniku polpreda ot 28 marta 1927 g.)" [Diary of the Head of the Press Bureau R. Jakobson (supplement to the diary of the Plenipotentiary dated March 28, 1927)]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 42, l. 264. AVP RF.

[39] Ibid.

the initiative on the issue of recognition. Thirdly, it was inappropriate to speak publicly without reaching an agreement with the Slovak People's Party and to demonstrate to the public the disagreements in the Catholic camp, which should be united.[40] Obviously, the Vatican's position also explained the attitude of Prague Archbishop František Kordač, who put pressure on the Czech clergy, to the issue of recognizing the USSR.[41]

As a result, on April 11, 1927, Antonov-Ovseenko informed Moscow that "the initiative of the Czech clerics in that matter could hardly be expected."[42] At the end of April, "silence on the Russian issue" started to reign. According to A. Fuchs, it was due to the difficult situation within the ČSL and the aggravation of British–Soviet relations. According to E. Tokareva, the Vatican approved Britain's severance of diplomatic relations with Moscow.[43] The persecution of the Catholic clergy continued in the USSR. On September 17, 1927, Bishop Sloskan was arrested in Minsk on charges of espionage.[44]

All those events could not but affect the relations of the Soviet plenipotentiary representation in Prague with the representatives of the ČSL and the Catholic press. None of them attended the reception on the occasion of the 10th anniversary of the October Revolution held at the plenipotentiary representation on November 7, 1927. According to Antonov-Ovseenko, A. Fuchs, whose trip to Moscow for the anniversary celebrations had long been agreed upon, refused to go "under an obviously implausible pretext."[45]

Conclusion

The documents of the Soviet plenipotentiary representation in the Czechoslovak Republic make it possible to reveal the attitude of the ČSL's leadership to the issue of

[40] "Dnevnik zavbyuro pechati R. Yakobsona (prilozhenie k dnevniku polpreda ot 28 fevralya 1927 g.)" [Diary of the Head of the Press Bureau R. Jakobson (supplement to the diary of the Plenipotentiary dated February 28, 1927)]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 42, l. 195. AVP RF.

[41] "Dnevnik zavbyuro pechati R. Yakobsona (prilozhenie k dnevniku polpreda ot 28 marta 1927 g.)" [Diary of the Head of the Press Bureau R. Jakobson (supplement to the diary of the Plenipotentiary dated March 28, 1927)]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 42, l. 262. AVP RF.

[42] "V.A. Antonov-Ovseenko – M.M. Litvinovu. Praga, 11 aprelya 1927 g." [V.A. Antonov-Ovseenko to M.M. Litvinov. Prague, February 28, 1927]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 43, l. 7. AVP RF.

[43] "Dnevnik polpreda SSSR v Chekhoslovakii. Praga, 25 aprelya 1927 g." [Diary of the USSR Plenipotentiary in Czechoslovakia. Prague, April 25, 1927]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 43, l. 34. AVP RF.

[44] Tokareva, *Relations between the USSR and the Vatican*, 57.

[45] "V.A. Antonov-Ovseenko – M.M. Litvinovu. Praga, 14 noyabrya 1927 g." [V.A. Antonov-Ovseenko to M.M. Litvinov. Prague, November 14, 1927]. F. 05, op. 7, p. 28, d. 43, l. 168. AVP RF.

recognizing the USSR in 1927. Rapprochement with Moscow was most actively supported by Monsignor F. Světlík, one of the founders of the party, deputy of the National Assembly of the Czechoslovak People's Party. His speech at the Parliamentary Commission on Foreign Affairs on February 11, 1927 for the recognition of the USSR was followed by heated debates on that issue both in the ČSL and in other political parties throughout the country. Světlík's initiative was supported mainly in Moravia, while B. Stašek and V. Myslivec as the most prominent representatives of the ČSL's Czech wing were firmly against the recognition.

Other political forces joined the struggle against the recognition of the USSR. Most active among them was the leader of the national Democrats K. Kramář, who sought to unite all opponents of the recognition. In order to nullify Světlík's initiative, they skillfully used the information about the persecution of Catholics in the USSR. The attempts of the Soviet plenipotentiary representation to establish contacts with the Catholic circles in the Czechoslovak Republic and neutralize the publications in the Czechoslovak press about the anti-religious policy of the Soviet state were unsuccessful.

J. Šrámek, the leader of the ČSL, chairman of the parliamentary club of the party in the National Assembly of the Czechoslovak Republic, Minister of Social Security, on whom Soviet diplomats had high hopes, had to maneuver taking into account serious frictions in his party, relations in the government coalition, the position of the Vatican, and the international situation in Europe unfavorable for the USSR. According to Soviet diplomatic documents, Šrámek did not object to the recognition of the USSR but was against the ČSL being the initiator in that matter.

As a result, Světlík was openly supported by only a small group of the party members. Despite its status of a government party, due to its regional disunity, disagreements among the party leadership on the issue of recognition of the USSR, and significant dependence on the domestic political and international situation, the ČSL was unable to take the initiative and influence making the corresponding decision at the state level, especially in the context of the ongoing persecution of the Catholic clergy in the Soviet Union.

Список литературы

Венгер А. Рим и Москва. 1900–1950 / перевод с французского Д.В. Власова. Москва: Русский путь, 2000. 616 с.

Марьина В.В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек, 1884–1948. Москва: Индрик, 2013. 488 с.

Мошечков П.В. Чехословакия и СССР в 1933 – июне 1934 г.: на пути к установлению дипломатических отношений // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4 (13). С. 242–272. http://doi.org/10.31168/2619-0877.2021.4.10

Петерс И.А. Чехословацко-советские отношения (1918–1934). Киев: Наукова думка, 1965. 346 с.

Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: Идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. Москва: Наука, 2006. 512 с.

Серапионова Е.П. Чехословакия и вопрос о признании Советской России в начале 1920-х гг. // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / под редакцией Е.П. Серапионовой. Москва: Полимедиа, 2020. С. 148–162. http://doi.org/10.31168/0442-8.12

Токарева Е.С. Отношения СССР и Ватикана: от переговоров к разрыву. 1922–1929 гг. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 1998. 60 с.

Токарева Е.С. Проблемы статуса католической иерархии в переговорах СССР и Святого Престола в 20-е годы XX века // Россия и Ватикан. Вып. 2: сборник материалов Второго двустороннего коллоквиума историков России и Ватикана (Вена, 24–30 апреля 2001 г.) / под редакцией Е.С. Токаревой, А.В. Юдина. Москва: Наука, 2003. С. 147–180.

Dejmek J. Edvard Beneš a fenomen Ruska mezi světovými válkami // Slovanský přehled: Review for Central, Eastern and Southeastern European history. 2001. Roč. 87, č. 2. S. 165–188.

Dejmek J. Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata. Část 1: Revolucionář a diplomat (1884–1935). Praha: Karolinum, 2006. 632 s.

Doubek V. Posuny kritiky antidemokratického režimu: T.G. Masaryk, E. Beneš a bolševická revoluce // Doubek V., Hladký L., Vlček R. a kol. T.G. Masaryk a slované. Praha: Historický ústav AV ČR Masarykův ústav a Archiv AV ČR, 2013. S. 73–91.

Karel Kramář (1860–1937). Život a dílo / k vydaní připravili J. Bílek a L. Velek. Praha: Masarykův ústav a Archiv AV ČR, v.v.i.; Historický ústav AV ČR, 2009. 784 s.

Malíř J., Marek P. a kol. Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu v letech 1861–2004. Brno: Nakladatelství Doplněk, 2005. D. 1. 1020 s.

Marek P., Trapl M. Mons. František Světlík (1875–1949): nástin života a díla katolického politika a novináře. Rosice u Brna: Gloria, 2001. 131 s.

Olivová V. Politika Československa v ruské krizi roku 1921 a 1922 // Masaryk T.G., Beneš E. Otevřit Rusko Evropě: Dvě stati k ruské otázce v roce 1922. Praha: H & H, 1992. S. 25–58.

Romsics I. István Bethlen: A Great Conservative Statesman of Hungary, 1874–1946. New York.: Columbia University Press, 1995. 491 p.

TGM, Rusko a Evropa. Dílo – vize – přítomnost. Sborník příspěvků z mezinárodní konference pořádané ve dnech 12. – 14. září 1997 v Praze / pod redakcí K. Krátký. Praha: Masarykův ústav a Archiv AV ČR, 2002. 463 s.

Trapl M. Historiografie českého politického katolicismu v letech 1918–1938 // Církve 19. a 20. století ve slovenské a české historiografii / pod redakcí P. Mačala, P. Marek, J. Hanuš. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2010. S. 164–169.

Trapl M. Politický katolicismus a Československá strana lidová v Československu v letech 1918–1938. Praha: SPN, 1990. 171 s.

Trapl M. Politika českého katolicismu na Moravě 1918–1938. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1968. 87 s.

Trapl M., Konečný K., Marek P. Politik dobré vůle. Život a dílo msgre Jana Šrámka. Praha: Vyšehrad, 2013. 462 s.

Voráček E., Hubený D., Litera B. V zájmu velmoci: Československo a Sovětský svaz. Praha: Historický ústav, 2019. 676 s.

Winkler M. Karel Kramář: Selbstbild, Fremdwahrnehmungen und Modernisierungsverständnis eines tschechischen Politikers. München: Oldenbourg, 2002. 414 S.

Refereces

Bílek, J., and L. Velek, eds. *Karel Kramář (1860–1937). Život a dílo*. Prague: Masarykův ústav a Archiv AV ČR, v.v.i.; Historický ústav AV ČR, 2009.

Dejmek, J. "Edvard Beneš a fenomen Ruska mezi světovými válkami." *Slovanský přehled: Review for Central, Eastern and Southeastern European history*, roč. 87, č. 2 (2001): 165–88.

Dejmek, J. *Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata.* Část 1, *Revolucionář a diplomat (1884–1935)*. Praha: Karolinum, 2006.

Doubek, V. "Posuny kritiky antidemokratického režimu: T.G. Masaryk, E. Beneš a bolševická revoluce." In V. Doubek, L. Hladký, R. Vlček, at al., *T.G. Masaryk a slované*, 73–91. Prague: Historický ústav AV ČR Masarykův ústav a Archiv AV ČR, 2013.

Krátký, K., ed. *TGM, Rusko a Evropa. Dílo – vize – přítomnost. Sborník příspěvků z mezinárodní konference pořádané ve dnech 12. – 14. září 1997 v Praze*. Prague: Masarykův ústav a Archiv AV ČR, 2002.

Malíř, J., P. Marek, et al. *Politické strany. Vývoj politických stran a hnutí v českých zemích a Československu v letech 1861–2004*. D. 1. Brno: Nakladatelství Doplněk, 2005.

Marek, P., and M. Trapl. *Mons. František Světlík (1875–1949): nástin života a díla katolického politika a novináře*. Rosice u Brna: Gloria, 2001.

Mar'ina, V.V. *Vtoroi prezident Chekhoslovakii Edvard Benesh: politik i chelovek, 1884–1948* [Second President of Czechoslovakia Edvard Beneš: a politician and a man, 1884–1948]. Moscow: Indrik, 2013. (In Russian)

Moshechkov, P.V. "Chekhoslovakiya i SSSR v 1933 – iyune 1934 g.: na puti k ustanovleniyu diplomaticheskikh otnoshenii" [Czechoslovakia and the USSR in 1933 – June 1934: On the way to establishing diplomatic relations]. *Tsentral'noevropeiskie issledovaniya*, iss. 4 (13) (2021): 242–72. http://doi.org/10.31168/2619-0877.2021.4.10 (In Russian)

Olivová, V. "Politika Československa v ruské krizi roku 1921 a 1922." In T.G. Masaryk, E. Beneš, *Otevřit Rusko Evropě: Dvě stati k ruské otázce v roce 1922*, 25–58. Prague: H & H, 1992.

Peters, I.A. Chekhoslovatsko-sovetskie otnosheniya (1918–1934) [Czechoslovak–Soviet relations (1918–1934)]. Kiev: Naukova dumka, 1965. (In Russian)

Romsics, I. *István Bethlen: A Great Conservative Statesman of Hungary, 1874–1946*. New York: Columbia University Press, 1995.

Serapionova, E.P. "Chekhoslovakiya i vopros o priznanii Sovetskoi Rossii v nachale 1920-kh gg." [Czechoslovakia and the issue of recognition of Soviet Russia in the early 1920s]. In *Chekhoslovakiya i Sovetskaya Rossiya na oblomkakh imperii* [Czechoslovakia and Soviet Russia on the ruins of empires], edited by E.P. Serapionova, 148–62. Moscow: Polimedia, 2020. http://doi.org/10.31168/0442-8.12 (In Russian)

Serapionova, E.P. *Karel Kramarzh i Rossiya. 1890–1937 gody: Ideinye vozzreniya, politicheskaya aktivnost', svyazi s rossiiskimi gosudarstvennymi i obshchestvennymi deyatelyami* [Karel Kramář and Russia. 1890–1937: Ideological views, political activity, connections with Russian state and public figures]. Moscow: Nauka, 2006. (In Russian)

Tokareva, E.S. *Otnosheniya SSSR i Vatikana: ot peregovorov k razryvu. 1922–1929 gg.* [Relations between the USSR and the Vatican: From negotiations to rupture. 1922–1929]. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 1998. (In Russian)

Tokareva, E.S. "Problemy statusa katolicheskoi ierarkhii v peregovorakh SSSR i Svyatogo Prestola v 20-e gody XX veka" [Problems of the status of Catholic hierarchy in the negotiations between the USSR and the Holy See in the 1920s]. In *Rossiya i Vatikan* [Russia and the Vatican], iss. 2, *sbornik materialov Vtorogo dvustoronnego kollokviuma istorikov Rossii i Vatikana (Vena, 24–30 aprelya 2001 g.)* [Proceedings of the Second Bilateral Colloquium of Historians of Russia and the Vatican (Vienna, April 24–30, 2001)], edited by E.S. Tokareva, A.V. Yudin, 147–80. Moscow: Nauka, 2003. (In Russian)

Trapl, M. "Historiografie českého politického katolicismu v letech 1918–1938." In *Církve 19. a 20. století ve slovenské a české historiografii*, edited by P. Mačala, P. Marek, and J. Hanuš, 164–69. Brno: Centrum pro studium demokracie a kultury, 2010.

Trapl, M. *Politický katolicismus a Československá strana lidová v Československu v letech 1918–1938*. Prague: SPN, 1990.

Trapl, M. *Politika českého katolicismu na Moravě 1918–1938.* Prague: Státní pedagogické nakladatelství, 1968.

Trapl, M., K. Konečný, and P. Marek. *Politik dobré vůle. Život a dílo msgre Jana Šrámka*. Prague: Vyšehrad, 2013.

Voráček, E., D. Hubený, and B. Litera. *V zájmu velmoci: Československo a Sovětský svaz*. Prague: Historický ústav, 2019.

Wenger, A. *Rim i Moskva. 1900–1950* [Rome and Moscow. 1900–1950], translated from French by D.V. Vlasov. Moscow: Russkii put', 2000. (In Russian)

Winkler, M. *Karel Kramář: Selbstbild, Fremdwahrnehmungen und Modernisierungsverständnis eines tschechischen Politikers*. Munich: Oldenbourg, 2002.

Информация об авторе

Николай Николаевич Станков – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, https://orcid.org/0000-0001-5248-1027, stankovnn@mail.ru, Институт славяноведения Российской академии наук (д. 32-А, пр-т Ленинский, 119334 Москва, Россия).

Information about the author

Nikolay N. Stankov – Doctor of Historical Sciences, Professor, leading researcher, https://orcid.org/0000-0001-5248-1027, stankovnn@mail.ru, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (32-A, pr. Leninskii, 119334 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 31.01.2024; одобрена после рецензирования 28.02.2024; принята к публикации 13.03.2024.

The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 28.02.2024; accepted for publication 13.03.2024.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 4. С. 1276–1298.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 4 (2024): 1276–98.

Обзорная статья
УДК 93/94
https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-6
EDN: RWRUUS

Современные англоязычные историки о тактике Коминтерна в 1928–1934 гг.

Илья Алексеевич Суздальцев
Школа № 1381,
Москва, Россия,
ialoko90@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5204-0117
Il'ya A. Suzdal'tsev
School No. 1381,
Moscow, Russia,
ialoko90@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5204-0117

Аннотация. Статья посвящена анализу оценок современными англоязычными историками тактики Коммунистического интернационала, получившей название «класс против класса». В работе представлены оценки исследователей, придерживающихся традиционалистской и ревизионистской парадигм в осмыслении темы. Отношение историков к Коминтерну обусловливает их взгляды и на тактику «класс против класса». «Традиционалисты» находят аргументы, подтверждающие ее вредность и губительность, как для отдельных коммунистических партий, так и для стран и регионов в целом, утверждая, что партийные чистки 1928–1934 гг., в ходе которых были исключены многие талантливые руководители, привели к значительному ослаблению роли и значения компартий; просчеты коминтерновского руководства, игнорировавшего местную специфику, чаще всего становились причиной изоляции этих партий, снижали их политический авторитет в рабочем движении. «Ревизионисты» в большинстве случаев приходят к выводу, что в указанный период данная тактика была вполне уместной и как правило оправдывают ее спецификой политической ситуации в Европе и мире. Историки, придерживающиеся данного направления, изначально строили свои суждения в основном на догадках, однако в условиях открытия архивов им удалось сформировать внушительный комплекс аргументов, который сделал их позиции достаточно крепкими. Изучая национальный и местный уровни, ученые выяснили, что во время «третьего периода» Коминтерна на уровне отдельных стран и регионов вопросы безработицы, расовых проблем, защиты прав рабочих и т.д. достаточно часто и успешно решались именно коммунистами, иногда в союзах с социалистами и социал-

© Суздальцев И.А., 2024
© Suzdal'tsev I., 2024

демократами; был создан ряд международных организаций; коммунистическое движение было популярным не только среди рабочих, но и в кругах интеллигенции. Новизна работы заключается в том, что впервые оценки тактики «класс против класса» современных англоязычных историков объединены в одном исследовании. Информационной базой послужили монографии и статьи, посвященные деятельности Коминтерна и его зарубежных секций, изданные в последние десятилетия в англоязычных странах: Великобритании, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии.

Ключевые слова: историография, «класс против класса», «традиционалисты», «ревизионисты», Народный фронт, Коммунистическая партия Великобритании (КПВ), Коммунистическая партия Германии (КПГ), Коммунистическая партия США (КП США)

Для цитирования: *Суздальцев И.А.* Современные англоязычные историки о тактике Коминтерна в 1928–1934 гг. // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 4. С. 1276–1298, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-6; EDN: RWRUUS

Present-day English-speaking historians on the tactics of the Comintern in 1928–1934

Abstract. The article is devoted to the analysis of the assessments given by present-day English-speaking historians to the tactics of the Communist International referred to as the tactics of class against class. The article presents the assessments of the researchers adhering to the traditionalist and revisionist paradigms in the comprehension of the topic. Their attitude towards the Comintern determines their views on the tactics of class against class. The traditionalists find arguments confirming its harmfulness and destructiveness both for individual communist parties and for countries and regions as a whole, arguing that in 1928–34 many talented leaders were expelled from communist parties, which greatly weakened the role and decreased the significance of the latter; miscalculations of the Comintern leadership, who ignored the specificity of local conditions, most often led to the isolation of those parties and decreased their political authority in the labor movement. Revisionists most often come to the conclusion that during the period under consideration this tactics was quite appropriate and most often justify it, among other things, by the specific political situation in Europe and in the world. Historians who adhere to this trend initially based their judgment mainly on guesswork, but in the context of the opening of archives, they managed to produce an impressive set of arguments that made their positions quite strong. By studying the national and the local levels, scholars found out that during the Third Period of the Comintern, it was the communists (sometimes allied with socialists and social democrats) who resolved the issues of unemployment, race, protection of workers' rights, etc. at the level of individual countries and regions quite often and successfully; a number of international organizations were established; the communist movement gained popularity not only among workers but also among the intelligentsia. The novelty of the work lies in the fact that the assessments of the class-against-class tactics by modern English-speaking historians are combined in one study for the first time. The information base of the research includes the monographs and articles devoted to the activities of the Comintern and its foreign sections that have been published in recent decades in the English-speaking countries: Great Britain, USA, Canada, Australia, and New Zealand.

Keywords: historiography, class against class, traditionalists, revisionists, Popular Front, Communist Party of Great Britain (CPGB), Communist Party of Germany (KPD), Communist Party of the United States of America (CPUSA)

For citation: Suzdal'tsev, I.A. "Present-day English-speaking historians on the tactics of the Comintern in 1928–1934." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 4 (2024): 1276–98, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-6; EDN: RWRUUS

Введение

Тактика «класс против класса» была провозглашена на Девятом пленуме ИККИ (9–25 февраля 1928 г.). Считается, что ее реализация продолжалась до 1934 г. (иногда этот временной отрезок называют Третьим периодом Коминтерна), пока лидеры Коминтерна с учетом необходимости антифашистской борьбы не начали разрабатывать новую политическую линию, названную тактикой Народных фронтов. Актуальность темы вызвана открытием новых архивных фондов, главным образом в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), которые могут поспособствовать решению спорных, малоизученных, либо требующих переосмысления вопросов, связанных с данной тактикой Коминтерна. В пользу злободневности проведенного автором анализа говорит также продолжающийся историографический спор, в котором исследователи пытаются оценить влияние методов и идеологии III Интернационала на политическую ситуацию в определенных странах и мире[1]. В англоязычной историографии Коммунистического интернационала сложилось два концептуальных подхода к изучению его деятельности – традиционалистский и ревизионистский. Основные исследования, написанные в соответствии с традиционалистским подходом, были опубликованы в годы холодной войны. Коминтерн в этих публикациях назывался проводником интересов Москвы, а период реализации тактики «класс против класса» – самым мрачным часом в его истории, моментом, когда в III Интернационале восторжествовал сталинизм, что нанесло максимальный ущерб рабочему движению[2]. Представители ревизионистской концепции, оформившейся в 1980-е гг. в США и Великобритании, отмечали прирост членства в коммунистических партиях (преимущественно в Коммунистической партии Великобритании (КПВ) и Коммунистической партии США) во время «третьего периода», что позволило проводить независимую политику и, соответственно, пользоваться популярностью в народных массах. Эти историки рассматривали Коминтерн как собрание национальных коммунистических партий, обладавших (в

[1] *Суздальцев И.А.* Дискуссия в англоязычной историографии Коммунистического интернационала // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 283–296.

[2] *Суздальцев И.А.* Политика Коминтерна в отношении Коммунистической партии Испании в интерпретации современных историков // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 2. С. 652.

различные периоды в разной форме и степени) самостоятельностью в принятии внутренних ключевых политических решений[3].

Дискуссия в исторической науке продолжилась в 1990-е гг., когда тактика «класс против класса» называлась, с одной стороны, катастрофической для национальных компартий[4], с другой – благоприятной для их политики при условии сохранения значительной автономии от Коммунистического интернационала[5]. В настоящее время продолжает увеличиваться количество публикаций, посвященных этому вопросу, одному из самых дискуссионных в коминтерноведении. При этом в большинстве своем исследователи придерживаются традиционалистской позиции и высказываются о дестабилизирующих последствиях «третьего периода» Коминтерна.

Основная часть

Целый ряд историков приходит к выводу о том, что тактика «класс против класса» способствовала изоляции Коммунистической партии Германии (КПГ), которая в итоге была лишена возможности бороться с фашизмом совместно с социал-демократами. В приходе к власти фашистов в Германии они усматривают значительную вину Коминтерна[6]. Британский исследователь Дж. Эли (G. Eley) считает, что тактика «класс против класса» привела к демократическому обнищанию III Интернационала[7]. Его соотечественник Э. Дрю (A. Drew), изучая влияние указанной тактики на коммунистическую

[3] *Суздальцев И.А.* Современная англоязычная историография Коммунистического интернационала // Новая и новейшая история. 2021. Вып. 4. С. 19–20.

[4] *Hargreaves J.D.* The Comintern and Anti-Colonialism: New Research Opportunities // African Affairs. 1993. Vol. 92, iss. 367. P. 255–261.

[5] *Solomon M.* The Cry Was Unity: Communists and African Americans, 1917–1936. Jackson, MS: University Press of Mississippi, 1998. P. xxiv.

[6] *McIlroy J., Campbell A.* “For a Revolutionary Workers’ Government”: Moscow, British Communism and Revisionist Interpretations of the Third Period, 1927–34 // European History Quarterly. 2002. Vol. 32, iss. 4. P. 535; *Manley J.* Moscow Rules? 'Red' Unionism and 'Class Against Class' in Britain, Canada, and the United States, 1928–1935 // Labour/Le Travail. 2005. Vol. 56. P. 32; *Twiss T.* Trotsky and the Problem of Soviet Bureaucracy: A dissertation of Doctor of Philosophy. University of Pittsburgh, 2009. P. 400–402; *Pedersen V.* It’s Hard to be Popular: The Marine Workers Industrial Union and the Coming of the Popular Front // American Communist History. 2012. Vol. 11, iss. 3. P. 286; *LaPorte N., Hoffrogge R.* Weimar Communism as Mass Movement. 1918–1933. London: Lawrence & Wishart, 2017. P. 17; *Smith S.A., Pons S.* Introduction to Volume I // The Cambridge History of Communism. Vol. I. World Revolution and Socialism in One Country 1917–1941 / edited by S. Pons, S.A. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 44.

[7] *Eley G.* Forging Democracy. The History of the Left in Europe, 1850–2000. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 281.

партию Южной Африки, пишет, что этот период характеризовался чистками, распадами союзов с другими политическими группами, что вызвало в партии серьезную дезорганизацию, продолжавшуюся до середины 1930-х гг.[8], когда после перехода к тактике Народных фронтов в 1935 г. ситуация стабилизировалась.

Свой вывод о том, что борьба с «социал-фашистами» привела к изоляции филиалов Коминтерна, британские историки Дж. Макилрой и А. Кэмпбелл (J. McIlroy, A. Campbell) подтверждают рядом примеров, касающихся европейских компартий: Французская коммунистическая партия (ФКП) потеряла 11 мест в парламенте, ее численность сократилась за два года с 45 тыс. членов до 38 тыс.; Коммунистическая партия Испании (КПИ) не смогла воспользоваться падением диктатуры в 1929 г., так как ее лидеры были арестованы в Москве; Итальянская коммунистическая партия (ИКП) пострадала от Коминтерна больше, чем от фашистов, из нее были исключены ряд лидеров, например, А. Таска[9].

В монографии, посвященной КПВ, британские историки Дж. Иден и Д. Рентон (J. Eaden, D. Renton) также сосредотачивают свое внимание на отрицательных последствиях тактики «класс против класса»: партия лишилась профсоюзных активистов, членство в ней значительно сократилось, она оказалась частично изолирована от политической борьбы в стране[10]. Подобные тезисы в отношении КПВ присутствуют в работах их соотечественников Дж. Ньюсингера, М. Каваны и Дж. Лафф (J. Newsinger, M. Kavanagh, J. Luff)[11]. Американский исследователь Дж. Фаулер (J. Fowler) пишет, что в начале 1930-х гг. Коммунистическая партия Китая была расколота фракционностью и почти уничтожена из-за требований Коминтерна призывать к вооруженным восстаниям среди рабочих и крестьян[12]. К схожим выводам, только уже в отношении Коммунистической партии Новой Зеландии в этот период,

[8] *Drew A.* Discordant Comrades. Identities and Loyalties on the South African Left. London & New York: Routledge, 2000. P. 108, 132.

[9] *McIlroy J., Campbell A.* “For a Revolutionary Workers’ Government”. P. 539–540.

[10] *Eaden J., Renton D.* The Communist Party of Great Britain since 1920. New York: Palgrave, 2002. P. 1, 31, 40.

[11] *Newsinger J.* Recent Controversies in the History of British Communism // Journal of Contemporary History. 2006. Vol. 41, iss. 3. P. 560–562; *Kavanagh M.* British Communism and the Politics of Education, 1926–1968. Doctoral thesis. University of Manchester, 2018. P. 37; *Luff J.* Labor Anticommunism in the United States of America and the United Kingdom, 1920–49 // Journal of Contemporary History. 2018. Vol. 53 (1). P. 123, 126.

[12] *Fowler J.* Japanese and Chinese Immigrant Activists. Organizing in American and International Communist Movements, 1919–1933. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2007. P. 80.

приходит А. Трапезник (A. Trapeznik), который пишет, что количество ее членов в эти годы сократилось, а любое отклонение от требуемой Москвой политики преследовалось немедленным исключением из партийных рядов[13].

Американский историк С. Эпп (S. Epp), рассматривая в своей статье деятельность Уильяма Колисника – коммуниста, избранного в городской совет Виннипега (США) в 1920-е гг., доказывает, что «ультралевая» тактика Коминтерна реализовывалась и на низовом уровне. Эпп приводит следующий факт биографии Колисника: ранее сотрудничавший с профсоюзами, в конце 1920-х гг. он, по требованию партии, обвинил их в предательстве интересов безработных, стал инициатором конфликта в горсовете и вскоре потерпел поражение на муниципальных выборах в ноябре 1930 г. Это, по мнению автора статьи, говорит о наступлении «третьего периода» в Виннипеге[14]. Соотечественник С. Эппа М. Роман (M. Roman) в монографии, посвященной расизму в США в 1920–1930-е гг., отмечает, что Коминтерн издал в октябре 1930 г. резолюцию, которая предписывала лидерам Коммунистической партии США (КП США) вовлекать чернокожих рабочих в жизнь профсоюзов, обучать их и продвигать на руководящие должности. Однако игнорирование лидерами Коминтерна местных условий привело к еще большему размежеванию рабочего класса Америки[15].

К. Морган (K. Morgan) из Великобритании считает, что одновременно с реализацией тактики «класс против класса» началась «сталинизация» Коминтерна, которая заключалась в том, что для подчинения Москве в большинстве европейских компартий к власти были приведены кадры, верные сталинской политике, обладавшие абсолютной властью и готовые беспрекословно выполнять указания вождя: Э. Тельман (КПГ), К. Готвальд (КПЧ), Г. Поллитт (КПВ), Ю. Ленский (КПП), Х. Диас (КПИ) и др.[16]

Британец А. Али Джан (A. Ali Jan) констатирует, что из-за чисток в коммунистических партиях, начатых в 1928–1929 гг., было исключено много именитых коммунистов, выражавших несогласие с новой тактикой Коминтерна, таких, например, как М. Рой[17]. В КП США, по мнению канадского

[13] *Trapeznik A.* “Agents of Moscow” at the Dawn of the Cold War. The Comintern and the Communist Party of New Zealand // Journal of Cold War Studies. 2009. Vol. 11, iss. 1. P. 138.

[14] *Epp S.* A Communist in the Council Chambers: Communist Municipal Politics, Ethnicity, and the Career of William Kolisnyk // Labour/Le Travail. 2009. Vol. 63. P. 93–94, 98.

[15] *Roman M.* Opposing Jim Crow. African Americans and the Soviet Indictment of U.S. Racism, 1928–1937. Lincoln: University of Nebraska Press, 2012. P. 15.

[16] *Morgan K.* International Communism and the Cult of the Individual. Leaders, Tribunes and Martyrs under Lenin and Stalin. London: Springer, 2017. P. 42–43.

[17] *Ali Jan A.* A Study in the Formation of Communist Thought in India, 1919–1951: A dissertation of Doctor of Philosophy. University of Cambridge, 2018. P. 59, 74.

историка Дж. Мэнли (J. Manley), таким коммунистом был генеральный секретарь партии Дж. Лавстон[18]. Тактику «класс против класса» для японского коммунистического движения считает губительной американский исследователь М. Крук (M. Crooke). Он пишет, что сначала Коммунистическая партия Японии была запрещена как организация, призывавшая к свержению монархии, а к 1935 г. большая часть ее руководителей были арестованы[19]. Американец М. Свэглер (M. Swagler) отмечает, что вмешательство Коминтерна во внутренние дела Коммунистической партии Южной Африки (КПЮА) в конце 1920-х гг. погрузило партию во фракционность, а проект создать собственные негритянские профсоюзы потерпел неудачу, изолировав КПЮА от значительной части рабочего класса страны[20]. Схожая со Свэглером риторика свойственна австралийскому историку Э. Смиту (E. Smith), который пишет, что «третий период» был для африканских коммунистических партий катастрофическим: почти вся повседневная деятельность прекратилась, численность сократилась до нескольких десятков членов. При этом Смит вполне справедливо отмечает, что в конце 1920-х гг. Коминтерн участвовал в создании двух организаций – Лиги против империализма и Международного комитета профсоюзов негритянских рабочих, что способствовало усилению антиколониальной борьбы[21].

Однако растет и число исследований, авторы которых отмечают положительные итоги «третьего периода» Коминтерна. Например, ряд историков считают, что численность КПВ в это время увеличилась. Исследователь из Великобритании Э. Торп (A. Thorpe) объясняет это тем, что к партии, ввиду популярности ее программы, присоединялись безработные, а также тем, что КПВ эффективно работала в профсоюзах, отстаивая интересы рабочего класса[22]. Его соотечественница Н. Фишман (N. Fishman) считает, что КПВ практически не затронула «сталинизация» – партийный аппарат лишь

[18] *Manley J.* Moscow Rules? P. 20.

[19] *Crooke M.* Betraying Revolution: The Foundations of the Japanese Communist Party // Master's Projects and Capstones. University of San Francisco, 2018. P. 20–21.

[20] *Swagler M.* The Russian Revolution and Pan-African Marxism // Review of African Political Economy. 2018. Vol. 45, iss. 158. P. 626.

[21] *Smith E.* National Liberation for Whom? The Postcolonial Question, the Communist Party of Great Britain, and the Party's African and Caribbean Membership // International Review of Social History. 2016. Vol. 61. P. 287; *Smith E.* Against Fascism, for Racial Equality: Communists, Anti-Racism and the Road to the Second World War in Australia, South Africa and the United States // Labor History. 2017. Vol. 58, iss. 5. P. 679–682.

[22] *Thorpe A.* The Membership of the Communist Party of Great Britain, 1920–1945 // The Historical Journal. 2000. Vol. 43, iss. 3. P. 782, 799; *Thorpe A.* The Communist Party and the New Party // Contemporary British History. 2009. Vol. 23. P. 487.

изредка инструктировал местные отделения, в которых сохранялись демократические механизмы[23].

На современном этапе целый ряд своих работ опубликовали канадские исследователи, придерживающиеся ревизионистских позиций в отношении Коммунистической партии Канады (КПК). С. Форсайт и К. Патриас (S. Forsyth, C. Patrias) считают, что КПК в конце 1920-х – начале 1930-х гг. играла важную роль в сообществах иммигрантов, возглавляла движения безработных и была востребована среди творческой интеллигенции[24]. И. Маккей (I. McKay) также отрицает наличие в Канаде «московских правил» «третьего периода», отмечая, что канадские реалии – участие КПК в тред-юнионизме, движении безработных, борьбе с депортацией – слабо контролировались Коминтерном[25]. Дж. Бреннан (J. Brennan), изучая ситуацию в городе Реджайна, пишет, что прообраз будущего Народного фронта здесь был создан за несколько лет до официального провозглашения; городское отделение КПК было очень влиятельным – возглавив филиал Национальной ассоциации безработных, оно смогло в 1930 г. вывести на первомайский митинг 8 тыс. человек[26].

Исследователь из США Р. Сторч (R. Storch) в ряде публикаций отмечает, что чикагские коммунисты в конце 1920-х – начале 1930-х гг. направили свое влияние на новые для себя социальные группы – афроамериканцев, студентов, художников, писателей – и постепенно приобрели авторитет в этих кругах[27]; членство в городском отделении КП США в Чикаго в этот период росло в районах, где программные установки коммунистов касались проблем трудящихся[28].

В 2008 и 2011 гг. были опубликованы монографии, в которых американские историки Г. Гилмор, У. Говард и М. Макалани (G. Gilmore, W. Howard, M. Makalani) пишут, что в начале 1930-х гг. в Нью-Йорке, Бирмингеме

[23] Цит. по: *McIlroy J., Campbell A.* The Last Word on Communism // Labour History Review. 2005. Vol. 70, iss. 1. P. 97.

[24] *Forsyth S.* Communists, Class, and Culture in Canada // Working on Screen. Representations of the Working Class in Canadian Cinema / edited by M. Khouri, D. Varga. Toronto; Buffalo: University of Toronto Press, 2006. P. 47; *Patrias C.* Immigrants, Communists, and Solidarity Unionism in Niagara, 1930–1960 // Labour/Le Travail. 2018. Vol. 82. P. 126, 129.

[25] *McKay I.* Joe Salsberg, Depression-Era Communism, and the Limits of Moscow's Rule // Canadian Jewish Studies. 2013. Vol. 21. P. 132, 134, 136.

[26] *Brennan J.W.* 'The Common People Have Spoken with a Mighty Voice': Regina's Labour City Councils, 1936–1939 // Labour/Le Travail. 2013. Vol. 71. P. 57, 63.

[27] *Storch R.* American Communism and Soviet Russia: A View from Chicago's Streets American Historical Association, New York City, 2009 // American Communist History. 2009. Vol. 8, iss. 1. P. 27–28.

[28] *Storch R.* "Run Quick and Find the Reds": Historians' Search for American Communists // American Communist History. 2019. Vol. 18. P. 85.

коммунисты организовали кампании против безработицы, полицейского произвола, сегрегации, способствовали освобождению «парней из Скоттсборо» (судебный процесс 1931 г. по обвинению в изнасиловании девяти афроамериканских юношей, которые были оправданы судом присяжных), продвигали идею межрасовой солидарности[29]. Позже эти тезисы были поддержаны американским исследователем Дж. Барреттом (J. Barrett)[30]. Их соотечественник Дж. Зумофф (J. Zumoff) пришел к выводу, что КП США сыграла ведущую роль в решении расового вопроса[31] и в подъеме борьбы рабочих за свои права[32]. Подобные выводы Зумофф также делает в отношении рабочих движений Кубы и Коста-Рики[33]. Вклад британской и нидерландской коммунистических партий в решение вопроса безработицы отмечает британский исследователь Э. Висджес (E. Weesjes)[34], Французской коммунистической партии – его соотечественник С. Смит (S. Smith)[35].

В ряде работ представлены положительные оценки тактики «класс против класса» на африканском континенте. Историк из Соединенных Штатов С. Ани Мукерджи (S. Ani Mukherji) подчеркивает, что Москва в первой половине 1930-х гг. стала центром черной диаспоры в Европе, СССР оказывал материальную поддержку организациям, занимавшимся антирасистской и антиколониальной пропагандой[36]. Эту идею развивает британец Х. Ади (H. Adi), который пишет, что начало 1930-х гг. – это период, породивший таких

[29] *Gilmore G.E.* Defying Dixie: The Radical Roots of Civil Rights, 1919–1950. New York: W.W. Norton & Company, 2008. P. 118–128; *Howard W.T.* Black Communists Speak on Scottsboro: A Documentary History. Philadelphia, PA: Temple University Press, 2008. P. 1–27; *Makalani M.* In the Cause of Freedom: Radical Black Internationalism from Harlem to London, 1917–1939. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 2011. P. 133–134.

[30] *Barrett J.R.* What Went Wrong? The Communist Party, the US, and the Comintern // American Communist History. 2018. Vol. 17, № 2. P. 181.

[31] *Zumoff J.A.* The Communist International and US Communism, 1919–1929. Leiden: Brill, 2014. P. 23.

[32] *Zumoff J.A.* The Left in the United States and the Decline of the Socialist Party of America, 1934–1935 // Labour/Le Travail. 2020. Vol. 85. P. 165.

[33] *Zumoff J.A.* Ojos Que No Ven. The Communist Party, Caribbean Migrants and the Communist International in Costa Rica in the 1920s and 1930s // The Journal of Caribbean History. 2011. Vol. 45, iss. 2. P. 230, 235.

[34] *Weesjes E.* Children of the Red Flag. Growing Up in a Communist Family During the Cold War: A Comparative Analysis of the British and Dutch Communist Movement: Doctoral thesis. University of Sussex. 2010. P. 46.

[35] *Smith S.A.* Issues in Comintern Historiography // The Oxford Handbook of the History of Communism / edited by S.A. Smith. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 196–197.

[36] *Ani Mukherji S.* “Like Another Planet to the Darker Americas”: Black Cultural Work in 1930s Moscow // Africa in Europe: Studies in Transnational Practice in the Long Twentieth Century / edited by E. Rosenhaft, R. Aitken. Liverpool: Liverpool University Press, 2013. P. 122.

известных политических деятелей, как Поль Робсон и Жак Румен, которые были тесно связаны с коммунистическим движением[37]. Канадский историк О. Драчевич (O. Drachewych) отмечает, что в этот период по инициативе Коминтерна был создан Международный комитет профсоюзов негритянских рабочих[38].

Заключение

Таким образом, научный спор, начало которому было положено несколько десятилетий назад, в XXI веке получил новое развитие. На вопрос о влиянии коминтерновской тактики «класс против класса» на рабочее движение и ситуацию в конкретных странах невозможно дать однозначный ответ, поэтому, не исключено, что количество публикаций, посвященных как Коминтерну, так и данной тактике, будет расти, в том числе и потому, что англоязычные историки все больше обращают внимание на изучение коммунистического движения и особенностей деятельности национальных компартий, где полнота исследования невозможна без анализа деятельности Коммунистического интернационала. Стоит отметить, что открытие фондов РГАСПИ (в том числе описей Негритянского бюро Восточного секретариата ИККИ, Информационных материалов по истории Коминтерна и международных революционных организаций и др.) позволило «ревизионистам» опереться на конкретные факты, говорящие об участии Коминтерна в антиколониальной борьбе (создание и финансирование организаций, занимавшихся этой политикой, таких как, например, Антиимпериалистическая лига), в решении вопросов безработицы и расовой сегрегации в целом ряде стран (через национальные компартии). В то же время, фонды, посвященные деятельности коммунистических партий (США, Великобритании, Германии, Италии и др.), подкрепляют аргументы «традиционалистов» в вопросах чрезмерного контроля и следующего за этим негативного влияния Коминтерна на их политику.

[37] *Adi H.* Pan-Africanism and Communism: The Communist International, Africa and the diaspora, 1919–1939. Trenton, NJ: Africa world press, 2013. P. 121.

[38] *Drachewych O.* Great Disappointment, Shifting Opportunities: A Glimpse into the Comintern, Western European Parties and Their Colonial Work in the Third Period // Twentieth Century Communism. 2020. Iss. 18. P. 150.

Introduction

The tactics of class against class was proclaimed at the Ninth Plenum of the Executive Committee of the Communist International (ECCI) (February 9–25, 1928). It is believed that its implementation continued until 1934 (that period is sometimes referred to as the Third Period of the Comintern) when, taking into account the need for anti-fascist struggle, the leaders of the Comintern began to develop a new political line known as the tactics of Popular Fronts. The relevance of the topic is accounted for by the opening of the new archival collections (primarily in the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)) that can contribute to the resolution of controversial, poorly studied, or requiring rethinking issues related to this Comintern tactics. The ongoing historiographical dispute in which researchers are trying to assess the influence of the methods and ideology of the Third International on the political situation in certain countries and in the world also speaks in favor of the topicality of the author's analysis.[1] In the English-language historiography of the Communist International, there are two conceptual approaches to its research – traditionalist and revisionist approaches. The main studies written in accordance with the traditionalist approach were published during the Cold War. In those publications, the Comintern was referred to as a conduit for Moscow's interests, and the period of implementing the tactics of class against class was called the darkest hour in its history, the moment when Stalinism triumphed in the Third International, which caused maximum damage to the labor movement.[2] Representatives of the revisionist concept, which took shape in the 1980s in the United States and Great Britain, noted the increase in the number of communist parties' members (primarily in the Communist Party of Great Britain (CPGB) and the Communist Party of the USA (CPUSA)) during the Third Period, which made it possible to pursue an independent policy and, accordingly, enjoy popularity among the masses. These historians viewed the Comintern as a group of national communist parties that had independence (of different degrees and forms in different periods) in making key internal political decisions.[3]

[1] I.A. Suzdal'tsev, "Discussion in the English-language Historiography of the Communist International" [in Russian], *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo,* vol. 13, no. 6 (2023): 283–96, https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-283-296

[2] I.A. Suzdal'tsev, "The Policy of the Comintern towards the Communist Party of Spain as Interpreted by Modern Historians," *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 2 (2023): 652, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-2-7

[3] I.A. Suzdal'tsev, "Modern English Historiography of the Communist International" [in Russian], *Novaya i noveishaya istoriya*. no. 4 (2021): 19–20.

The debate in historical science continued in the 1990s, when the tactics of class against class was called catastrophic for national communist parties[4] on the one hand and on the other hand favorable for their policies, provided that they retained significant autonomy from the Communist International.[5] At present, the number of publications devoted to this issue, one of the most controversial ones in Comintern studies, continues to increase. At the same time, most researchers adhere to the traditionalist position and speak out about the destabilizing consequences of the Third Period of the Comintern.

Main body

A number of historians come to the conclusion that the tactics of class against class contributed to the isolation of the Communist Party of Germany (KPD), which eventually was deprived of the opportunity to fight fascism together with the Social Democrats. They see the Comintern those who are to blame for the rise of fascists to power in Germany.[6] The British researcher G. Eley believes that the tactics of class against class led to the democratic impoverishment of the Third International.[7] Studying the influence of this tactics on the Communist Party of South Africa, his compatriot A. Drew writes that that period was characterized by purges and disintegration of alliances with other political groups, which caused serious disorganization in the party. It lasted until the mid-1930s[8] when the situation stabilized after the transition to the tactics of the Popular Fronts in 1935.

British historians J. McIlroy and A. Campbell confirm their conclusion that the struggle against the social fascists led to the isolation of the Comintern branches with

[4] J.D. Hargreaves, "The Comintern and Anti-Colonialism: New Research Opportunities," *African Affairs*, vol. 92, iss. 367 (1993): 255–61.

[5] M. Solomon, *The Cry Was Unity: Communists and African Americans, 1917–1936* (Jackson, MS: University Press of Mississippi, 1998), xxiv.

[6] J. McIlroy, and A. Campbell, "'For a Revolutionary Workers' Government': Moscow, British Communism and Revisionist Interpretations of the Third Period, 1927–34," *European History Quarterly*, vol. 32, iss. 4 (2002): 535; J. Manley, "Moscow Rules? 'Red' Unionism and 'Class against Class' in Britain, Canada, and the United States, 1928–1935," *Labour/Le Travail*, vol. 56 (2005): 32; T. Twiss, "Trotsky and the Problem of Soviet Bureaucracy" (Doctoral diss., University of Pittsburgh, 2009), 400–02; V. Pedersen, "It's Hard to Be Popular: The Marine Workers Industrial Union and the Coming of the Popular Front," *American Communist History*, vol. 11, iss. 3 (2012): 286; N. LaPorte, and R. Hoffrogge, *Weimar Communism as Mass Movement. 1918–1933* (London: Lawrence & Wishart, 2017), 17; S.A. Smith, and S. Pons, Introduction to vol. 1, *World Revolution and Socialism in One Country 1917–1941*, ed. S. Pons, and S.A. Smith, *The Cambridge History of Communism* (Cambridge: Cambridge University Press, 2017), 44.

[7] G. Eley, *Forging Democracy: The History of the Left in Europe, 1850–2000* (Oxford: Oxford University Press, 2002), 281.

[8] A. Drew, *Discordant Comrades. Identities and Loyalties on the South African Left* (London & New York: Routledge, 2000), 108, 132.

a number of examples concerning European Communist parties: the French Communist Party (PCF) lost 11 seats in parliament and its membership decreased from 45 thousand members to 38 thousand in two years; the Communist Party of Spain (PCPE) could not take advantage of the fall of the dictatorship in 1929, since its leaders were arrested in Moscow; the Italian Communist Party (PCI) suffered more from the Comintern than from the fascists, and a number of leaders were expelled from it, among whom was A. Tasca.[9]

In the monograph devoted to the CPGB, British historians J. Eaden and D. Renton also focus on the negative consequences of the tactics of class against class: the party lost trade unionists, its membership decreased significantly, and it was partially isolated from the political struggle in the country.[10] Similar theses regarding the CPGB are present in the works of their compatriots J. Newsinger, M. Kavanagh, and J. Luff.[11] American researcher J. Fowler writes that in the early 1930s, the Chinese Communist Party was split by factionalism and almost destroyed due to the demands of the Comintern to call for armed uprisings among workers and peasants.[12] A. Trapeznik comes to similar conclusions, only in relation to the Communist Party of New Zealand during that period. He writes that the number of its members decreased during those years, and any deviation from the policy demanded by Moscow was pursued by immediate expulsion from the party.[13]

Studying the activities of William Kolisnik, a communist elected to the Winnipeg City Council (USA) in the 1920s, American historian S. Epp proves that the ultra-left tactics of the Comintern was also implemented at the grassroots level. Epp cites the following fact of Kolisnik's biography: he collaborated with trade unions earlier, but he accused them of betraying the interests of the unemployed at the request of the party in the late 1920s, initiated a conflict in the City Council and lost the municipal elections in November 1930. According to the author of the article, that indicated the

[9] McIlroy, and Campbell, "For a Revolutionary Workers' Government," 539–40.

[10] J. Eaden, and D. Renton, *The Communist Party of Great Britain since 1920* (New York: Palgrave, 2002), 1, 31, 49.

[11] J. Newsinger, "Recent Controversies in the History of British Communism," *Journal of Contemporary History*, vol. 41, iss. 3 (2006): 560–62; M. Kavanagh, "British Communism and the Politics of Education, 1926–1968" (Doctoral thesis, University of Manchester, 2018), 37; J. Luff, "Labor Anticommunism in the United States of America and the United Kingdom, 1920–49," *Journal of Contemporary History*, vol. 53(1) (2018): 123, 126.

[12] J. Fowler, *Japanese and Chinese Immigrant Activists. Organizing in American and International Communist Movements, 1919–1933* (New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2007), 80.

[13] A. Trapeznik, "'Agents of Moscow' at the Dawn of the Cold War. The Comintern and the Communist Party of New Zealand," *Journal of Cold War Studies*, vol. 11, no. 1 (2009): 138.

onset of the Third Period in Winnipeg.[14] In a monograph on racism in the United States in the 1920s and 1930s, S. Epp's compatriot M. Roman notes that in October 1930 the Comintern issued a resolution. It instructed the leaders of the Communist Party of the United States (CP USA) to involve black workers in trade union life, train them, and promote them to leadership positions. However, disregard for local conditions by the leaders of the Comintern led to an even greater division of the American working class.[15]

K. Morgan from Great Britain believes that simultaneously with the implementation of the tactics of class against class, Stalinization of the Comintern began. It consisted in fact that in order to subordinate most European communist parties to Moscow, persons loyal to Stalin's policy were brought to power. They possessed absolute power and were ready to unquestioningly carry out the leader's instructions: E. Thalmann (KPD), K. Gottwald (KSČ), G. Pollitt (CPGB), J. Leński (KPP), J. Diaz (PCPE), etc.[16]

A. Ali Jan from Britain states that due to the purges in the Communist parties, which began in 1928–29, many prominent communists who disagreed with the new tactics of the Comintern, e.g. M. Roy, were expelled from the party.[17] According to Canadian historian J. Manley, General Secretary of the party J. Lovestone represented such communists in the CPUSA.[18] American researcher M. Crooke considers the tactics of class against class to be disastrous for the Japanese communist movement. He writes that initially the Communist Party of Japan was banned as a party calling for the overthrow of the monarchy, and by 1935 most of its leaders had been arrested.[19] An American M. Swagler notes that the intervention of the Comintern in the internal affairs of the Communist Party of South Africa (SACP) in the late 1920s plunged the party into factionalism, and the project to create its own Black trade unions failed and thus isolatd the SACP from a significant part of the country's working class.[20] The rhetoric of Australian historian E. Smith is similar to that of Swagler. Smith writes that the Third Period was disastrous for the African

[14] S. Epp, "A Communist in the Council Chambers: Communist Municipal Politics, Ethnicity, and the Career of William Kolisnyk," *Labour/Le Travail*, vol. 63 (2009): 93–94, 98.

[15] M. Roman, *Opposing Jim Crow. African Americans and the Soviet Indictment of U.S. Racism, 1928–1937* (Lincoln & London: University of Nebraska Press, 2012), 15.

[16] K. Morgan, *International Communism and the Cult of the Individual. Leaders, Tribunes and Martyrs under Lenin and Stalin* (London: Springer, 2017), 42–43.

[17] A. Ali Jan, "A Study in the Formation of Communist Thought in India, 1919–1951" (Doctoral diss., University of Cambridge, 2018), 59, 74.

[18] Manley, "Moscow Rules?," 20.

[19] M. Crooke, "Betraying Revolution: The Foundations of the Japanese Communist Party," in *Master's Projects and Capstones* (University of San Francisco, 2018), 20–21.

[20] M. Swagler, "The Russian Revolution and Pan-African Marxism," *Review of African Political Economy*, vol. 45, iss. 158 (2018): 626.

Communist parties: almost all daily activities ceased and the membership was reduced to several dozen. At the same time, Smith quite rightly notes that the Comintern participated in the creation of two organizations in the late 1920s. They were the League against Imperialism and the International Committee of Trade Unions of Negro Workers, which contributed to the strengthening of the anti-colonial struggle.[21]

However, the number of studies whose authors note the positive results of the Third Period of the Comintern is also growing. For example, a number of historians believe that the membership of the CPGB increased at that time. A. Thorpe, a researcher from Great Britain, explains it by the fact that the unemployed joined the party due to the popularity of its program, and also by the fact that the CPGB worked effectively in trade unions, defending the interests of the working class.[22] His compatriot N. Fishman believes that the CPGB was practically not affected by Stalinization: the party apparatus only occasionally instructed local branches and they retained democratic mechanisms.[23]

At the present stage, a number of works have been published by Canadian researchers who adhere to the revisionist position regarding the Communist Party of Canada (CPC). S. Forsyth and C. Patrias believe that in the late 1920s – early 1930s the CPC played an important role in immigrant communities, led the unemployed movement, and was popular with the intelligentsia.[24] I. McKay denies the existence of the "Moscow rules" of the Third Period in Canada, noting that the Canadian realities (the participation of the CPC in trade unionism, the movement of the unemployed, the fight against deportation) were weakly controlled by the Comintern.[25] Studying the situation in the city of Regina, J. Brennan writes that the prototype of the future Popular Front was created there several years before the

[21] E. Smith, "National Liberation for Whom? The Postcolonial Question, the Communist Party of Great Britain, and the Party's African and Caribbean Membership," *International Review of Social History*, vol. 61 (2016): 287; E. Smith, "Against Fascism, for Racial Equality: Communists, Anti-Racism and the Road to the Second World War in Australia, South Africa and the United States," *Labor History*, vol. 58, iss. 5 (2017): 679–82.

[22] A. Thorpe, "The Membership of the Communist Party of Great Britain, 1920–1945," *The Historical Journal*, vol. 43, no. 3 (2000): 782, 799; A. Thorpe, "The Communist Party and the New Party," *Contemporary British History*, vol. 23 (2009): 487.

[23] Cited in J. McIlroy, and A. Campbell, "The Last Word on Communism," *Labour History Review*, vol. 70, iss. 1 (2005): 97.

[24] S. Forsyth, "Communists, Class, and Culture in Canada," in *Working on Screen. Representations of the Working Class in Canadian Cinema*, ed. M. Khouri, and D. Varga (Toronto: University of Toronto Press, 2006), 47; C. Patrias, "Immigrants, Communists, and Solidarity Unionism in Niagara, 1930–1960," *Labour/Le Travail*, vol. 82 (2018): 126, 129.

[25] I. McKay, "Joe Salsberg, Depression-Era Communism, and the Limits of Moscow's Rule," *Canadian Jewish Studies*, vol. 21 (2013): 133, 134, 136.

official proclamation; the city branch of the CPC was very influential: having headed the branch of the National Association of the Unemployed, it was able to bring 8 thousand people to the May Day rally in 1930.[26]

In a number of publications, American researcher R. Storch notes that in the late 1920s and early 1930s the Chicago communists directed their influence towards social groups that were new to them (African Americans, students, artists, writers) and gradually gained authority in those circles;[27] during that period, membership in the Chicago city branch of the CPUSA grew in the areas where the programmatic attitudes of the communists concerned the problems of workers.[28]

Several monographs were published in 2008 and 2011. In them, American historians G. Gilmore, W. Howard, and M. Makalani write that communists organized campaigns against unemployment, police brutality, and segregation in New York, Birmingham in the early 1930s; they also contributed to the release of the Scottsboro Boys (the 1931 trial of nine African-American young men who were accused of rape and then acquitted by the jury) and promoted the idea of interracial solidarity.[29] Later, these theses were supported by American researcher J. Barrett.[30] Their compatriot J. Zumoff came to the conclusion that the CPUSA played a leading role in resolving the racial issue[31] and in raising the workers' struggle for their rights.[32] Zumoff also makes similar conclusions regarding the labor movements of Cuba and Costa Rica.[33] The contribution of the British and Dutch Communist Parties

[26] J.W. Brennan, "'The Common People Have Spoken with a Mighty Voice': Regina's Labour City Councils, 1936–1939," *Labour/Le Travail*, vol. 71 (2013): 57, 63.

[27] R. Storch, "American Communism and Soviet Russia: A View from Chicago's Streets American Historical Association, New York City, 2009," *American Communist History*, vol. 8, iss. 1 (2009): 27–28.

[28] R. Storch, "'Run Quick and Find the Reds': Historians' Search for American Communists," *American Communist History*, vol. 18 (2019): 85.

[29] G.E. Gilmore, *Defying Dixie: The Radical Roots of Civil Rights, 1919–1950* (New York: W.W. Norton & Company, 2008), 118–28; W.T. Howard, *Black Communists Speak on Scottsboro: A Documentary History* (Philadelphia, PA: Temple University Press, 2008), 1–27; M. Makalani, *In the Cause of Freedom: Radical Black Internationalism from Harlem to London, 1917–1939* (Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 2011), 133–34.

[30] J.R. Barrett, "What Went Wrong? The Communist Party, the US, and the Comintern," *American Communist History*, vol. 17, no. 2 (2018): 181.

[31] J.A. Zumoff, *The Communist International and US Communism, 1919–1929* (Leiden: Brill, 2014), 23.

[32] J.A. Zumoff, "The Left in the United States and the Decline of the Socialist Party of America, 1934–1935," *Labour/Le Travail*, vol. 85 (2020): 165.

[33] J.A. Zumoff, "Ojos Que No Ven. The Communist Party, Caribbean Migrants and the Communist International in Costa Rica in the 1920s and 1930s," *The Journal of Caribbean History*, vol. 45, no. 2 (2011): 230, 235.

to solving the unemployment issue is noted by British researcher E. Weesjes[34] and the contribution of the French Communist Party is pointed out by his compatriot S. Smith.[35]

A number of works present positive assessments of the tactics of class against class on the African continent. Historian from the United States S. Ani Mukherji emphasizes that Moscow became the center of the black diaspora in Europe in the first half of the 1930s; the USSR provided material support to organizations engaged in anti-racist and anti-colonial propaganda.[36] This idea is being developed by British scholar H. Adi, who writes that the early 1930s were the period that gave rise to such famous political figures as Paul Robson and Jacques Roumen, who were closely associated with the communist movement.[37] Canadian historian O. Drachewych notes that the International Committee of Trade Unions of Black Workers was established at the initiative of the Comintern during that period.[38]

Conclusion

Thus, the scientific dispute, which began several decades ago, has received a new development in the 21st century. It is impossible to give an unambiguous answer to the question of the influence of the Comintern tactics of class against class on the labor movement and the situation in specific countries. Therefore, it is possible that the number of publications devoted to both the Comintern and this tactics will grow, among other things, because English-speaking historians are paying more and more attention to the study of the communist movement and features of the national communist parties, where the completeness of the study is impossible without an analysis of the activities of the Communist International. It is worth noting that the opening of the RGASPI collections (including the collections of the Negro Bureau of the Eastern Secretariat of the ECCI, information materials on the history of the Comintern and international revolutionary organizations, etc.) allowed the revisionists to rely on specific facts that indicate the participation of the Comintern in

[34] E. Weesjes, "Children of the Red Flag. Growing Up in a Communist Family during the Cold War: A Comparative Analysis of the British and Dutch Communist Movement" (PhD thesis, University of Sussex, 2010), 46.

[35] S.A. Smith, "Issues in Comintern Historiography," in *The Oxford Handbook of the History of Communism*, ed. S.A. Smith (Oxford: Oxford University Press, 2014), 196–97.

[36] S. Ani Mukherji, "'Like Another Planet to the Darker Americas': Black Cultural Work in 1930s Moscow," in *Africa in Europe: Studies in Transnational Practice in the Long Twentieth Century*, ed. E. Rosenhaft, and R. Aitken (Liverpool: Liverpool University Press, 2013), 122.

[37] H. Adi, *Pan-Africanism and Communism: The Communist International, Africa and the Diaspora, 1919–1939* (Trenton, NJ: Africa World Press, 2013), 121.

[38] O. Drachewych, "Great Disappointment, Shifting Opportunities: A Glimpse into the Comintern, Western European Parties and Their Colonial Work in the Third Period," *Twentieth Century Communism*, iss. 18 (2020): 150.

the anti-colonial struggle (establishing and funding organizations involved in that policy, such as the Anti-Imperialist League) and in solving the issues of unemployment and racial segregation in a number of countries (through national Communist parties). At the same time, the archival collections dedicated to the activities of communist parties (of the USA, Great Britain, Germany, Italy, etc.) reinforce the arguments of the traditionalists in the matters of excessive control and subsequent negative influence of the Comintern on their policies.

Список литературы

Суздальцев И.А. Дискуссия в англоязычной историографии Коммунистического интернационала // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. Т. 13, № 6. С. 283–296.

Суздальцев И.А. Политика Коминтерна в отношении Коммунистической партии Испании в интерпретации современных историков // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 2. С. 650–673.

Суздальцев И.А. Современная англоязычная историография Коммунистического интернационала // Новая и новейшая история. 2021. Вып. 4. С. 18–30.

Adi H. Pan-Africanism and Communism: The Communist International, Africa and the diaspora, 1919–1939. Trenton, NJ: Africa world press, 2013. 445 p.

Ali Jan A. A Study in the Formation of Communist Thought in India, 1919–1951: A dissertation of Doctor of Philosophy. University of Cambridge, 2018. 176 p.

Ani Mukherji S. "Like Another Planet to the Darker Americas": Black Cultural Work in 1930s Moscow // Africa in Europe: Studies in Transnational Practice in the Long Twentieth Century / edited by E. Rosenhaft, R. Aitken. Liverpool: Liverpool University Press, 2013. P. 120–141.

Barrett J.R. What Went Wrong? The Communist Party, the US, and the Comintern // American Communist History. 2018. Vol. 17, № 2. P. 176–184.

Brennan J.W. 'The Common People Have Spoken with a Mighty Voice': Regina's Labour City Councils, 1936–1939 // Labour/Le Travail. 2013. Vol. 71. P. 49–86.

Crooke M. Betraying Revolution: The Foundations of the Japanese Communist Party // Master's Projects and Capstones. University of San Francisco, 2018. 33 p.

Drachewych O. Great Disappointment, Shifting Opportunities: A Glimpse into the Comintern, Western European parties and their colonial work in the Third Period // Twentieth Century Communism. 2020. Iss. 18. P. 150–173.

Drew A. Discordant Comrades. Identities and Loyalties on the South African Left. London & New York: Routledge, 2000. 318 p.

Eaden J., Renton D. The Communist Party of Great Britain since 1920. New York: Palgrave, 2002. 220 p.

Eley G. Forging Democracy. The History of the Left in Europe, 1850–2000. Oxford: Oxford University Press, 2002. 720 p.

Epp S. A Communist in the Council Chambers: Communist Municipal Politics, Ethnicity, and the Career of William Kolisnyk // Labour/Le Travail. 2009. Vol. 63. P. 79–103.

Forsyth S. Communists, Class, and Culture in Canada // Working on Screen. Representations of the Working Class in Canadian Cinema / edited by M. Khouri, D. Varga. Toronto; Buffalo: University of Toronto Press, 2006. P. 46–72.

Fowler J. Japanese and Chinese Immigrant Activists. Organizing in American and International Communist Movements, 1919–1933. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2007. 272 p.

Gilmore G.E. Defying Dixie: The Radical Roots of Civil Rights, 1919–1950. New York: W.W. Norton & Company, 2008. 642 p.

Hargreaves J.D. The Comintern and Anti-Colonialism: New Research Opportunities // African Affairs. 1993. Vol. 92, iss. 367. P. 255–261.

Howard W.T. Black Communists Speak on Scottsboro: A Documentary History. Philadelphia, PA: Temple University Press, 2008. 200 p.

Kavanagh M. British Communism and the Politics of Education, 1926–1968. Doctoral thesis. University of Manchester, 2018. 240 p.

LaPorte N., Hoffrogge R. Weimar Communism as Mass Movement. 1918–1933. London: Lawrence & Wishart, 2017. 276 p.

Luff J. Labor Anticommunism in the United States of America and the United Kingdom, 1920–49 // Journal of Contemporary History. 2018. Vol. 53 (1). P. 109–133.

Makalani M. In the Cause of Freedom: Radical Black Internationalism from Harlem to London, 1917–1939. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 2011. 309 p.

Manley J. Moscow Rules? 'Red' Unionism and 'Class Against Class' in Britain, Canada, and the United States, 1928–1935 // Labour/Le Travail. 2005. Vol. 56. P. 9–50.

McIlroy J., Campbell A. 'For a Revolutionary Workers' Government': Moscow, British Communism and Revisionist Interpretations of the Third Period, 1927–34 // European History Quarterly. 2002. Vol. 32, iss. 4. P. 535–569.

McIlroy J., Campbell A. The Last Word on Communism // Labour History Review. 2005. Vol. 70, iss. 1. P. 97–101.

McKay I. Joe Salsberg, Depression-Era Communism, and the Limits of Moscow's Rule // Canadian Jewish Studies. 2013. Vol. 21. P. 130–142.

Morgan K. International Communism and the Cult of the Individual. Leaders, Tribunes and Martyrs under Lenin and Stalin. London: Springer, 2017. 363 p.

Newsinger J. Recent Controversies in the History of British Communism // Journal of Contemporary History. 2006. Vol. 41, iss. 3. P. 557–572.

Patrias C. Immigrants, Communists, and Solidarity Unionism in Niagara, 1930–1960 // Labour/Le Travail. 2018. Vol. 82. P. 119–158.

Pedersen V. It's Hard to be Popular: The Marine Workers Industrial Union and the Coming of the Popular Front // American Communist History. 2012. Vol. 11, iss. 3. P. 285–297.

Roman M. Opposing Jim Crow. African Americans and the Soviet Indictment of U.S. Racism, 1928–1937. Lincoln: University of Nebraska Press, 2012. 301 p.

Smith E. Against Fascism, for Racial Equality: Communists, Anti-Racism and the Road to the Second World War in Australia, South Africa and the United States // Labor History. 2017. Vol. 58, iss. 5. P. 676–696.

Smith E. National Liberation for Whom? The Postcolonial Question, the Communist Party of Great Britain, and the Party's African and Caribbean Membership // International Review of Social History. 2016. Vol. 61. P. 283–315.

Smith S.A. Issues in Comintern Historiography // The Oxford Handbook of the History of Communism / edited by S.A. Smith. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 195–203.

Smith S.A., Pons S. Introduction to Volume I // The Cambridge History of Communism. Vol. I. World Revolution and Socialism in One Country 1917–1941 / edited by S. Pons, S.A. Smith. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 28–46.

Solomon M. The Cry Was Unity: Communists and African Americans, 1917–1936. Jackson, MS: University Press of Mississippi, 1998. 403 p.

Storch R. American Communism and Soviet Russia: A View from Chicago's Streets American Historical Association, New York City, 2009 // American Communist History. 2009. Vol. 8, iss. 1. P. 25–28.

Storch R. "Run Quick and Find the Reds": Historians' Search for American Communists // American Communist History. 2019. Vol. 18. P. 79–87.

Swagler M. The Russian Revolution and Pan-African Marxism // Review of African Political Economy. 2018. Vol. 45, iss. 158. P. 620–628.

Thorpe A. The Communist Party and the New Party // Contemporary British History. 2009. Vol. 23. P. 477–491.

Thorpe A. The Membership of the Communist Party of Great Britain, 1920–1945 // The Historical Journal. 2000. Vol. 43, iss. 3. P. 777–800.

Trapeznik A. "Agents of Moscow" at the Dawn of the Cold War. The Comintern and the Communist Party of New Zealand // Journal of Cold War Studies. 2009. Vol. 11, iss. 1. P. 124–149.

Twiss T. Trotsky and the Problem of Soviet Bureaucracy: A dissertation of Doctor of Philosophy. University of Pittsburgh, 2009. 672 p.

Weesjes E. Children of the Red Flag. Growing Up in a Communist Family During the Cold War: A Comparative Analysis of the British and Dutch Communist Movement: Doctoral thesis. University of Sussex, 2010. 244 p.

Zumoff J.A. Ojos Que No Ven. The Communist Party, Caribbean Migrants and the Communist International in Costa Rica in the 1920s and 1930s // The Journal of Caribbean History. 2011. Vol. 45, iss. 2. P. 212–247.

Zumoff J.A. The Communist International and US Communism, 1919–1929. Leiden: Brill, 2014. 456 p.

Zumoff J.A. The Left in the United States and the Decline of the Socialist Party of America, 1934–1935 // Labour/Le Travail. 2020. Vol. 85. P. 165–198.

References

Adi, H. *Pan-Africanism and Communism: The Communist International, Africa and the Diaspora, 1919–1939*. Trenton, NJ: Africa World Press, 2013.

Ali Jan, A. "A Study in the Formation of Communist Thought in India, 1919–1951." Doctoral diss., University of Cambridge, 2018.

Ani Mukherji, S. "'Like Another Planet to the Darker Americas': Black Cultural Work in 1930s Moscow". In *Africa in Europe: Studies in Transnational Practice in the Long Twentieth Century*, edited by E. Rosenhaft, and R. Aitken, 120–41. Liverpool: Liverpool University Press, 2013.

Barrett, J.R. "What Went Wrong? The Communist Party, the US, and the Comintern." *American Communist History*, vol. 17, no. 2 (2018): 176–84.

Brennan, J.W. "'The Common People Have Spoken with a Mighty Voice': Regina's Labour City Councils, 1936–1939." *Labour/Le Travail*, vol. 71 (2013): 49–86.

Crooke, M. "Betraying Revolution: The Foundations of the Japanese Communist Party." In *Master's Projects and Capstones*. University of San Francisco, 2018.

Drachewych, O. "Great Disappointment, Shifting Opportunities: A Glimpse into the Comintern, Western European Parties and Their Colonial Work in the Third Period." *Twentieth Century Communism*, iss. 18 (2020): 150–73.

Drew, A. *Discordant Comrades. Identities and Loyalties on the South African Left*. London & New York: Routledge, 2000.

Eaden, J., and D. Renton. *The Communist Party of Great Britain since 1920*. New York: Palgrave, 2002.

Eley, G. *Forging Democracy: The History of the Left in Europe, 1850–2000*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Epp, S. "A Communist in the Council Chambers: Communist Municipal Politics, Ethnicity, and the Career of William Kolisnyk." *Labour/Le Travail*, vol. 63 (2009): 79–103.

Forsyth, S. "Communists, Class, and Culture in Canada." In *Working on Screen. Representations of the Working Class in Canadian Cinema*, edited by M Khouri, and D. Varga, 46–72. Toronto: University of Toronto Press, 2006.

Fowler, J. *Japanese and Chinese Immigrant Activists. Organizing in American and International Communist Movements, 1919–1933*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2007.

Gilmore, G.E. *Defying Dixie: The Radical Roots of Civil Rights, 1919–1950*. New York: W.W. Norton & Company, 2008.

Hargreaves, J.D. "The Comintern and Anti-Colonialism: New Research Opportunities." *African Affairs*, vol. 92, iss. 367 (1993): 255–61.

Howard, W.T. *Black Communists Speak on Scottsboro: A Documentary History*. Philadelphia, PA: Temple University Press, 2008.

Kavanagh, M. "British Communism and the Politics of Education, 1926–1968." Doctoral thesis, University of Manchester, 2018.

LaPorte, N., and R. Hoffrogge. *Weimar Communism as Mass Movement. 1918–1933*. London: Lawrence & Wishart, 2017.

Luff, J. "Labor Anticommunism in the United States of America and the United Kingdom, 1920–49." *Journal of Contemporary History*, vol. 53 (1) (2018): 109–33.

Makalani, M. *In the Cause of Freedom: Radical Black Internationalism from Harlem to London, 1917–1939*. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 2011.

Manley, J. "Moscow Rules? 'Red' Unionism and 'Class against Class' in Britain, Canada, and the United States, 1928–1935." *Labour/Le Travail*, vol. 56 (2005): 9–50.

McIlroy, J., and A. Campbell. "'For a Revolutionary Workers' Government': Moscow, British Communism and Revisionist Interpretations of the Third Period, 1927–34." *European History Quarterly*, vol. 32, iss. 4 (2002): 535–69.

McIlroy, J. and A. Campbell, "The Last Word on Communism." *Labour History Review*, vol. 70, iss. 1 (2005): 97–101.

McKay, I. "Joe Salsberg, Depression-Era Communism, and the Limits of Moscow's Rule." *Canadian Jewish Studies*, vol. 21 (2013): 130–42.

Morgan, K. *International Communism and the Cult of the Individual. Leaders, Tribunes and Martyrs under Lenin and Stalin*. London: Springer, 2017.

Newsinger, J. "Recent Controversies in the History of British Communism." *Journal of Contemporary History*, vol. 41, iss. 3 (2006): 557–72.

Patrias, C. "Immigrants, Communists, and Solidarity Unionism in Niagara, 1930–1960." *Labour/Le Travail*, vol. 82 (2018): 119–58.

Pedersen, V. "It's Hard to Be Popular: The Marine Workers Industrial Union and the Coming of the Popular Front." *American Communist History*, vol. 11, iss. 3 (2012): 285–97.

Roman, M. *Opposing Jim Crow. African Americans and the Soviet Indictment of U.S. Racism, 1928–1937*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2012.

Smith, E. "Against Fascism, for Racial Equality: Communists, Anti-Racism and the Road to the Second World War in Australia, South Africa and the United States." *Labor History*, vol. 58, iss. 5 (2017): 676–96.

Smith, E. "National Liberation for Whom? The Postcolonial Question, the Communist Party of Great Britain, and the Party's African and Caribbean Membership." *International Review of Social History*, vol. 61 (2016): 283–315.

Smith, S.A. "Issues in Comintern Historiography." In *The Oxford Handbook of the History of Communism*, edited by S.A. Smith, 195–203. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Smith, S.A., and S. Pons. Introduction to vol. 1, *World Revolution and Socialism in One Country 1917–1941*, edited by S. Pons, and S.A. Smith, 28–46. *The Cambridge History of Communism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Solomon, M. *The Cry Was Unity: Communists and African Americans, 1917–1936*. Jackson, MS: University Press of Mississippi, 1998.

Storch, R. "American Communism and Soviet Russia: A View from Chicago's Streets American Historical Association, New York City, 2009." *American Communist History*, vol. 8, iss. 1 (2009): 25–28.

Storch, R. "'Run Quick and Find the Reds': Historians' Search for American Communists." *American Communist History*, vol. 18 (2019): 79–87.

Suzdal'tsev, I.A. "Diskussiya v angloyazychnoi istoriografii Kommunisticheskogo internatsionala" [Discussion in the English-language historiography of the Communist International]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*, vol. 13, no. 6 (2023): 283–96. https://doi.org/10.21869/2223-1501-2023-13-6-283-296 (In Russian)

Suzdal'tsev, I.A. "Sovremennaya angloyazychnaya istoriografiya Kommunisticheskogo internatsionala" [Modern English historiography of the Communist International]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 4 (2021): 18–30. (In Russian)

Suzdal'tsev, I.A. "The Policy of the Comintern towards the Communist Party of Spain as Interpreted by Modern Historians." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 2 (2023): 650–73. https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-2-7

Swagler, M. "The Russian Revolution and Pan-African Marxism." *Review of African Political Economy*, vol. 45, iss. 158 (2018): 620–28.

Thorpe, A. "The Communist Party and the New Party." *Contemporary British History*, vol. 23 (2009): 477–91.

Thorpe, A. "The Membership of the Communist Party of Great Britain, 1920–1945." *The Historical Journal*, vol. 43, no. 3 (2000): 777–800.

Trapeznik, A. "'Agents of Moscow' at the Dawn of the Cold War. The Comintern and the Communist Party of New Zealand." *Journal of Cold War Studies*, vol. 11, no. 1 (2009): 124–49.

Twiss, T. "Trotsky and the Problem of Soviet Bureaucracy." PhD diss., University of Pittsburgh, 2009.

Weesjes, E. "Children of the Red Flag. Growing Up in a Communist Family during the Cold War: A Comparative Analysis of the British and Dutch Communist Movement." PhD thesis, University of Sussex, 2010.

Zumoff, J.A. "Ojos Que No Ven. The Communist Party, Caribbean Migrants and the Communist International in Costa Rica in the 1920s and 1930s." *The Journal of Caribbean History*, vol. 45, no. 2 (2011): 212–47.

Zumoff, J.A. *The Communist International and US Communism, 1919–1929*. Leiden: Brill, 2014.

Zumoff, J.A. “The Left in the United States and the Decline of the Socialist Party of America, 1934–1935.” *Labour/Le Travail*, vol. 85 (2020): 165–98.

Информация об авторе

Илья Алексеевич Суздальцев – кандидат исторических наук, преподаватель истории, https://orcid.org/0000-0001-5204-0117, ialoko90@mail.ru, Школа № 1381 (д. 52, ул. Коминтерна, 129346 Москва, Россия).

Information about the author

Il'ya A. Suzdal'tsev – Candidate of Historical Sciences, History Teacher, https://orcid.org/0000-0001-5204-0117, ialoko90@mail.ru, School no. 1381 (52, ul. Kominterna, 129346 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 08.08.2023; одобрена после рецензирования 16.11.2023; принята к публикации 26.06.2024.

The article was submitted 08.08.2023; approved after reviewing 16.11.2023; accepted for publication 26.06.2024.

.

HISTORIA PROVINCIAE-
ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

ПУБЛИКАЦИИ

PUBLICATIONS

2024 · Т. 8 · № 4

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 4. С. 1300–1323.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 4 (2024): 1300–23.

Публикация
УДК 94 (410)
https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-7
EDN: SSMGHA

Проповедь Б. Хоудли о «счастии настоящего устроения» Англии (1707 г.)

Вероника Витальевна Высокова
Уральский федеральный университет
имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
vyssokova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5689-7166

Veronika V. Vysokova
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia,
vyssokova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5689-7166

Екатерина Алексеевна Соловьева✉
Уральский федеральный университет
имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия,
easoloveva369@gmail.com✉, https://orcid.org/0009-0000-5824-4946

Ekaterina A. Solov'eva✉
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia,
easoloveva369@gmail.com✉, https://orcid.org/0009-0000-5824-4946

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования истоков вигской идеологии на примере проповеди Бенджамина Хоудли «Счастье настоящего устроения и несчастье абсолютной монархии». В борьбе тори и вигов по основному вопросу политической повестки в Британии начала XVIII в. – вопросу о престолонаследии – закладывались основы идейной программы вигов. Династия Стюартов оказалась разделенной событиями Славной революции 1688/1689 гг. Стюарты-изгнанники стали реальной угрозой правлению королевы Анны Стюарт (1701–1714). Особый интерес в данном контексте представляет анализ обстоятельств вовлеченности священнического сословия в идейно-политическую борьбу в Британии в ситуации острого внутриполитического кризиса периода ее участия в Войне за Испанское наследство. Обращение к жанру проповеди связано с тем, что в указанный период наряду с газетными статьями начинают широко публиковаться проповеднические тексты.

© Высокова В.В., Соловьева Е.А., 2024
© Vysokova V., Solov'eva A., 2024

Авторы статьи характеризуют личность священника англиканской церкви Бенджамина Хоудли, сочинителя разбираемой проповеди, как политического активиста, который ловко увязывал библейские сюжеты с актуальной политической повесткой дня. Основным сюжетом публикуемого текста явилась история об израильских царях Сауле и Давиде из Книги Царств Ветхого завета. В центре проповеди оказывается обсуждение вопроса о «счастливом устройстве государства» – «царстве Давида», которое, по мысли Хоудли, можно соотнести с современным ему состоянием английского королевства. Последнее в свою очередь противопоставляется «царству Саула», режиму абсолютной монархии, а именно – Франции. Всё в проповеди Хоудли было направлено на то, чтобы партия вигов заручилась поддержкой правящей королевы Анны Стюарт в ходе предвыборной кампании в палату общин 1707–1708 гг. В проповеди ее правление объявляется «наисчастливейшим» для Английского королевства и противопоставляется абсолютизму во Франции. Текст проповеди Б. Хоудли с небольшими сокращениями в переводе авторов статьи публикуется на русском языке впервые.

Ключевые слова: Англия, виги, тори, королева Анна, «переходная эпоха», англиканская церковь, проповедь, Бенджамин Хоудли

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея «Общего блага» в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

Для цитирования: *Высокова В.В., Соловьева Е.А.* Проповедь Б. Хоудли о «счастии настоящего устроения» Англии (1707 г.) // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 4. С. 1300–1323, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-7; EDN: SSMGHA

The Sermon by B. Hoadly on the “Happiness of the Present Establishment” of England (1707)

Abstract. The article examines the process of formation of the origins of Whig ideology using the example of Benjamin Hoadly’s sermon *The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy*. In the struggle between Tories and Whigs on the main issue of the political agenda in Britain at the beginning of the 18th century – the succession to the throne – the foundations for the Whigs’ ideological program were first laid. The Stuart dynasty was divided by the events of the Glorious Revolution of 1688–89. The exiled Stuarts remained a real threat to the reign of Queen Anne Stuart (1701–14). Of particular interest in this context is the analysis of the circumstances of the involvement of the clergy in the ideological and political struggle in Britain in the situation of an acute internal political crisis during the period of its participation in the War of the Spanish Succession (1701–14). The significance of addressing the sermon genre is determined by the fact that along with newspaper articles, sermons began to be widely published in the period under consideration. The authors of the article characterize the personality of Benjamin Hoadly, an Anglican priest, the author of the sermon under study, as a political activist who skillfully linked biblical stories with the current political agenda. The main storyline of the sermon is based on the story of the Israeli kings Saul and David from the Book of Samuel of the Old Testament. The sermon focuses on the discussion of the issue of the “happy establishment,” the Kingdom of David, which, according to Hoadly, corresponded to the Kingdom of England in the early 18th century. The latter, in its turn, is contrasted with the Kingdom of Saul, the regime of an absolute monarchy, namely France. The goal, main idea, and system of argumentation in Hoadly’s sermon were intended to enlist the support of the reigning Queen Anne Stuart during the election campaign for

the House of Commons in 1707–08. The sermon declares her reign the happiest for the Kingdom of England and contrasts it with absolutist France. The text of B. Hoadly's sermon with minor abridgements translated by the authors of the article is published in Russian for the first time.

Keywords: England, Whigs, Tories, Queen Anne Stuart, "transitional era," Church of England, sermon, Benjamin Hoadly

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation (project no. 22-18-00488 "The Crisis of Values and the Coping Strategies: The Idea of the 'Common Wealth' in the Intellectual Discourse of Britain and Russia (1650–1750)."

For citation: Vysokova, V.V., and E.A. Solov'eva. "The Sermon by B. Hoadly on the 'Happiness of the Present Establishment' of England (1707)." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 4 (2024): 1300–23, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-7; EDN: SSMGHA

Проповедь Бенджамина Хоудли «Счастье настоящего устроения и несчастье абсолютной монархии» явилась порождением напряженной эпохи в истории Британии – времени формирования новой светской культуры на рубеже XVII–XVIII вв.[1] В интеллектуальном дискурсе того времени одними из самых животрепещущих были вопросы об общем благе и гражданских добродетелях. Для священников, составлявших цвет интеллектуальной элиты Англии, прежде всего Библия являлась неисчерпаемым источником рассуждений на эту тему[2]. Широкое распространение получил жанр проповеди, позволявший увязывать взгляд на происходящие перемены в обществе с библейской мудростью и ветхозаветным опытом. Другим, не менее важным фактором, стала активная публикация проповедей, что значительно увеличило их влияние на общественное мнение. Устное проповедническое искусство получало, таким образом, новый инструмент в распространении слова божьего, и в ситуации Войны за испанское наследство 1701–1714 гг. с неизбежностью вовлекалось в бурную политическую жизнь страны.

Проповедь «Счастье настоящего устроения и несчастье абсолютной монархии» была прочитана Б. Хоудли 22 марта 1707 г. в Хартфорде[3] накануне парламентских выборов 1708 г. В следующем году ее опубликовал издатель Х. Кларк в лондонской типографии на бывшем церковном дворе собора Святого Павла[4]. Печатное издание посвящено Э. Сеймуру, седьмому герцогу

[1] «Культура духа» vs «культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках / под общей редакцией Л.П. Репиной. Москва: Аквилон, 2022. С. 5–10.

[2] *Хилл К.* Английская библия и революция XVII века / перевод с английского Т. Павловой. Москва: ИВИ РАН, 1998. С. 5–6.

[3] *Hoadly B.* The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy. A Sermon Preached at the Assizes at Hartford, March 22d. London: Printed by H. Clark, for T. Childe, at the White-Hart, at the West-End of St. Paul's, 1708. P. 1.

[4] *Hoadly B.* The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy. P. 1.

Сомерсету, и шерифу графства Хартфорд Р. Хублону[5]. Проповедь была переиздана в 1745 г. в Эдинбурге, что с высокой степенью вероятности было связано с подавлением последнего восстания якобитов 1745 г. в поддержку наследников свергнутого в ходе Славной революции 1688/1689 гг. Якова II Стюарта[6]. Оцифрованный текст проповеди находится в открытом доступе на сайте Британской библиотеки[7] и электронной библиотеки InternetArchive[8].

Фигура Бенджамина Хоудли (Benjamin Hoadly, 1676–1761) весьма неоднозначна как в историографии[9], так и с точки зрения жизненных коллизий героя. Истоки этих противоречий восходят к его юности. Рожденный в семье пуритан, Хоудли избрал путь священника англиканской церкви[10]. Вопрос о мотивах перехода в лоно официальной церкви Англии остается открытым. Существует лишь предположение, что обращение произошло под влиянием Д. Лэнга, члена совета колледжа Святой Екатерины Кембриджского университета, где обучался Хоудли. Лэнг привил юному Хоудли преданность идее протестантской преемственности на английском престоле и передачи его Ганноверскому дому[11]. По-видимому, неформальные связи Лэнга и определили принадлежность Б. Хоудли к «партии» вигов. На протяжении всей своей жизни он находился в орбите влияния этой политической силы[12]. Многочисленные эссе, брошюры и проповеди Б. Хоудли были направлены на поддержание

[5] *Hoadly B.* The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy. P. 2.

[6] *Hoadly B.* The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy // Archive.org. URL: https://archive.org/details/bim_eighteenth-century_the-happiness-of-the-pre_hoadly-benjamin_1745/page/n1/mode/2up (дата обращения: 20.12.2023).

[7] *Hoadly B.* The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy // British Library. Catalogue. URL: https://clck.ru/3EUpFy (дата обращения: 20.12.2023). В октябре 2023 г. на сайт Британской библиотеки была совершена кибератака, из-за которой большинство фондов теперь недоступны, в том числе проповеди Б. Хоудли.

[8] *Hoadly B.* The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy // Archive.org. URL: https://archive.org/details/bim_eighteenth-century_the-happiness-of-the-pre_hoadly-benjamin_1708 (дата обращения: 20.12.2023).

[9] *Тейлор С.* Бенджамин Хоудли и политические права диссентеров // «Культура духа» vs «культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках. С. 420–435; *Gibson W.* Enlightenment Prelate: Benjamin Hoadly, 1676–1761. Cambridge: James Clarke & Co, 2022.

[10] «Культура духа» vs «культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках. С. 420.

[11] *Bingham E. R.* The Political Apprenticeship of Benjamin Hoadly // Church History. 1947. Vol. 16, № 3. P. 155.

[12] *Dearnley J.* Patronage and Sinecure: Examples of the Practice of Bishop Hoadly at Winchester (1734–1761) // Hampshire Studies – Proceeding of the Hampshire Field Club. 2010. Vol. 65. P. 192.

политического курса вигов. Проповедь «Счастье настоящего устроения и несчастье абсолютной монархии» не была исключением. И надо заметить, его политический активизм 1707–1708 гг. привел к весьма достойному результату – уже в 1710 г. Хоудли получил доходное место настоятеля прихода церкви Святого Леонарда в Стретеме[13].

Если же говорить об интеллектуально-политическом контексте появления данной проповеди, то в ходе предвыборной кампании на парламентских выборах 1708 г. виги, некогда затеявшие Войну за Испанское наследство, выступали за ее дальнейшее продолжение. Это не могло не вызывать беспокойства правящей королевы Анны Стюарт. Расстроенные финансы, а также усталость от тягот военного времени заставляли консервативные силы сплачиваться в борьбе за выход из войны. Важно отметить, что политического перевеса тори смогли достигнуть лишь в ситуации финансового кризиса 1710 г. В кампании же 1707–1708 гг. агитаторы, подобные Хоудли, обеспечили победу вигов.

Ключевым в этой «большой игре» был вопрос о престолонаследии, который имел свой как внешнеполитический, так и внутриполитический контекст. Королева Анна не имела прямых наследников, что в условиях нестабильного военного времени создавало угрозу реставрации на английском престоле изгнанников-католиков Стюартов. Франция, папская курия и другие католические силы – главные противники Англии в Войне за Испанское наследство – демонстративно поддерживали «претендента». Виги же твердо стояли на необходимости сохранения протестантской преемственности на английском престоле, закрепленной в Акте о престолонаследии 1701 г.[14] С точки зрения внутриполитической ситуации, на Британских островах оплотом якобитов была Шотландия. Протестные настроения на родине династии Стюартов, в связи с заключением Унии 1707 г. (вступила в силу 1 мая 1707 г.)[15], представляли реальную угрозу правлению королевы Анны.

---

[13] The works of Benjamin Hoadly, D.D. successively Bishop of Bangor, Hereford, Salisbury, and Winchester. Published by his son J. Hoadly, LL. D. Chancellor of the Diocese of Winchester. London: W. Bowyer, and J. Nichols, 1773. P. IX.

[14] Act of Settlement (1701) // legislation.gov.uk. URL: https://www.legislation.gov.uk/aep/Will3/12-13/2/section/I (дата обращения: 29.11.2023); Акт о престолонаследии (Act of Settlement) // Собрание конституционных актов. Москва: Издание В.М. Саблина, 1905. Вып. II. С. 61.

[15] Act of Union (1707) // Rupert Alexander Howard Barnes. URL: https://rahbarnes.co.uk/union/union-of-1707/union-with-england-act-1707/ (дата обращения: 29.11.2023); Акт об соединении с Шотландией 6 марта 1707 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. Англия, США, Франция, Италия, Германия: сборник документов / под редакцией П.Н. Галанзы. Москва: Госюриздат, 1957. С. 137–140.

В проповеди необходимость продолжения войны с Францией обосновывается ее «тираническим» устройством, которое, по мысли Хоудли, является следствием господства в стране абсолютной монархии[16], а Англия противопоставляется Франции как «счастливо» управляемое королевство. Залогом этого успеха Английского королевства, по мнению Хоудли, является утвердившийся здесь принцип престолонаследия, согласно которому передача короны после смерти королевы Анны представителям Ганноверской династии станет законным актом. Идея престолонаследия в проповеди – ключевая и призвана продемонстрировать лояльность вигов королеве. Проповедник называет правление королевы Анны «самым желанным и спасаемым от зла»[17] и противопоставляет его режиму абсолютной монархии.

Композиционно текст проповеди можно условно разделить на три части. В первой проповедник рассуждает о сущности примогенитуры (принцип наследования престола). Во второй части Хоудли сосредотачивается на идее счастья (англ. happiness). В заключении автор восхваляет королеву Анну и устройство Английского королевства и декларирует мысль о том, что Англия являет собою пример счастливого государства.

Первая часть проповеди открывается отсылкой к сюжету об абсолютной монархии из Книги Царств Ветхого завета, где Бог (единственный раз в Библии, как пишет Хоудли) высказывается об абсолютной монархии. История заключается в том, что иудеи потребовали у пророка Самуила обратиться к Господу с просьбой установить над ними «царя как у прочих народов»[18]. Бог предупредил Самуила о последствиях абсолютной монархии, о страданиях и несчастьях, главное из которых – рабство. Евреи же не вняли увещеваниям Бога и повторили свою просьбу. Отвечая им, Господь велел поставить над ними царем Саула. Саул, хотя и проявил себя как доблестный военачальник, оказался непокорным Господу. Тогда Господь избрал новым царем пастуха Давида, который был «мужем по сердцу Господа»[19] и царствовал 40 лет. Этим примером Хоудли ставит под сомнение обязательность соблюдения принципа примогенитуры в достижении «счастливого устройства» государства, поскольку он может не соответствовать интересам подданных и привести к абсолютистскому правлению. Спорность и проблематичность принципа первородства подчеркивается в проповеди статусом Давида как младшего из

[16] *Hoadly B.* The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy. P. 16.

[17] *Hoadly B.* The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy. P. 15.

[18] 1 книга Царств, глава 8, стих 5 (Синодальный перевод Библии) – I Sam 8: 5 – обозначение в Библии короля Якова и в оригинале проповеди Хоудли.

[19] 1 Цар. 13: 14 (I Sam 13: 14).

братьев. Приведенный библейский сюжет, по мысли Хоудли, призван обосновать право правящей королевы Анны, дочери свергнутого Якова II Стюарта, и представителей Ганноверской династии на английский престол.

Во второй части проповедник весьма подробно останавливается на рассмотрении идеи счастья граждан в государстве. Смысл слова «счастье» в данном контексте становится синонимом «общего блага». Судя по всему, вслед за учением Дж. Локка о естественном состоянии[20], Хоудли выделил в понятии счастья три непременных элемента – «наслаждение свободой, обладание собственностью и свободное вероисповедание»[21]. Под свободой (англ. liberty) Хоудли подразумевал промежуточное состояние общества между «распущенностью» и анархией, с одной стороны, и рабством и полным беззаконием (абсолютной монархией), с другой. Такой свободе необходимы «ограничения благотворными законами»[22] для обеспечения общего блага и деятельности правителя, важнейшей заботой которого является сделать своих подданных счастливее, чем они были до этого. Второй элемент счастья – собственность (англ. property). Конечно, речь идет о земельной собственности. Хоудли проводит разницу между отношением к собственности при режиме абсолютной власти и при «хорошем правлении». В государстве с абсолютной монархией собственность – лишь номинальное, фиктивное владение, не защищенное никакими законами, при котором монарх, движимый собственными страстями, может отнять ее для своего удовольствия или славы[23]. При «хорошем правлении» собственность «от попыток очевидного насилия и мошенничества» защищают законы[24]. Третий компонент, необходимый для счастья общества – право свободно выбирать вероисповедание (англ. free exercise of religion) – рассматривается вскользь. Хоудли утверждает, что здесь не требуется доказательств, так как «нет ничего, чтобы больше способствовало бы процветанию народа» нежели свобода вероисповедания[25].

---

[20] *Локк Дж.* Два трактата о правлении / перевод с английского Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. Москва; Челябинск: Социум, 2020. С. 226–249.

[21] *Hoadly B.* The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy. P. 7.

[22] *Hoadly B.* The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy. P. 8.

[23] *Hoadly B.* The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy. P. 10.

[24] *Hoadly B.* The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy. P. 10.

[25] *Hoadly B.* The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy. P. 10.

Важным является замечание Б. Хоудли о том, что смертным людям свойственно ошибаться, а потому мир никогда не достигнет своего совершенного состояния. Но приближение к идеалу возможно, примером тому служит английское государство со времен Славной революции, особенно в правление королевы Анны[26]. Свобода уже процветает здесь – у граждан есть конституция, создано «хорошее правительство»[27], которое «не полагается на милость какого-либо одного человека»[28]. Институт ограниченной монархии (сам Хоудли не использует этот термин) в Англии позволяет обеспечивать защиту частной собственности, поэтому граждане могут справедливо называть имущество «своим» и труды «своими»[29]. Свободу же вероисповедания, по мнению Хоудли, способен обеспечить утвердившийся в королевстве протестантизм, чего, конечно, нельзя было бы достичь при деспотизме и «папистской» вере. Абсолютная власть и католицизм несовместимы со счастливым состоянием общества. В данном высказывании проповедника, по нашему мнению, присутствует изрядная доля лукавства. Хоудли, как никто другой, хорошо знал о нарастающей напряженности между различными протестантскими деноминациями в Англии начала XVIII в. (завершившейся спором в Солтер-холле в 1719 г.[30]).

Итак, анализ проповеди позволяет охарактеризовать Хоудли как прагматичного политика, действующего в ситуации острой борьбы за власть между тори и вигами. Стремясь оказать поддержку партии вигов и делая «реверанс» в сторону королевы, Хоудли обратился к вопросу о престолонаследии и провел следующую аналогию: современная ему Англия олицетворяет царство Давида, а Франция, при поддержке Папы Римского, – царство Саула. Таким образом, можно говорить о том, что «Счастье настоящего устроения и несчастье абсолютной монархии» явилась типичным примером проповеди рубежа XVII–XVIII вв., ставшей мощнейшим средством пропаганды в ситуации кризиса легитимности власти династии Стюартов, а также отразила значимое место англиканских священников в политической борьбе. В 1707–1708 гг. известность Хоудли была еще впереди, но проповедника ожидало

[26] *Hoadly B.* The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy. P. 12.

[27] *Hoadly B.* The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy. P. 11.

[28] *Hoadly B.* The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy. P. 11.

[29] *Hoadly B.* The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy. P. 11.

[30] *Owens J. F.* The Salters' hall controversy: heresy, subscription, or both? // Perichoresis. 2022. Vol. 20, iss. 1. P. 35–52. https://doi.org/10.2478/perc-2022-0004

большое будущее. Его имя прогремит на всю страну в ситуации так называемой Бангорианской «контроверзы» 1719 г., которая обеспечит окончательную победу политического курса вигов и власти духовной над властью светской.

Счастье настоящего устроения и несчастье абсолютной монархии

Проповедь, произнесенная перед Ассизами в Хартфорде
22 марта 1707/8 года
Бенджамином Хоудли, магистром,
Настоятелем прихода церкви Святого Петра на улице Броадстрит

Итак послушай голоса их;
только представь им и
объяви им права царя,
который будет царствовать
над ними.
1 Цар. 8: 9

Мой замысел заключается в том, чтобы воспользоваться этими словами Библии, дабы:

I. Растолковать вам эту библейскую *историю*.

II. Применить ее к *нам* и всему *нашему королевству* некоторыми уместными и полезными размышлениями.

I. Позвольте представить вам эту библейскую историю, которая будет состоять из четырех вытекающих друг из друга положений.

1. Мы находим здесь израильтян, которые после всех чудес, ниспосланных им Провидением, практически не видят разницы между *рабством* и *свободой* и поэтому выказывают величайшее недовольство *правлением*, осуществляемым самим Господом, во всех обстоятельствах проявляющим себя в качестве их *Царя*. Требование их в действительности возникло из-за порочности *сыновей Самуила*, которые брали взятки и нечестно судили (1 Цар. 8: 3–5). Смысл их обращения заключался не в том, чтобы исправить это, а в том, чтобы получить разрешение на воплощение возникшей у них идеи и тем самым потворствовать их собственной глупости и слабости в желании быть управляемыми по подобию их *соседей*.

2. Ибо вместо того, чтобы пожелать удовлетворения своих обид или позволить мудрости *всемогущего Господа* применить *меры*, пришли они к *пророку Его* (Самуилу. – *В. В., Е. С.*), категорически требуя *Царя*, что будет судить их, как у всех народов вокруг (1 Цар. 8: 5), то есть, как выясняется позднее, *Абсолютного монарха*, правящего по своей единоличной воле, не

сдерживаемого никакими законодательными органами. *Пророк* в великом беспокойстве обращается к *Господу*. Этот случай дает нам повод узнать мысли всемогущего *Господа* об *Абсолютной монархии*: <…> следует ли непременно отдавать предпочтение *наследованию по мужской линии*, не опасаясь навлечь на себя Его недовольство; сотворил ли Он тысячи людей для того, чтобы они были рабами для внешнего блеска одного (человека. – *В. В., Е. С.*), такого же слабого и смертного, как они сами; будет ли эта форма *управления* величайшим гарантом *свободы* и счастья *подданных*; и тому подобных мнениях и взглядах, принятых некоторыми людьми с того времени.

3. Теперь же, после этого вопрошания, мы обнаруживаем, что *Всемогущий Господь* далек от одобрения этой *формы правления* как *лучшей* или как созданного Им *института*, что Он через своего *Пророка* сообщает с печалью и прискорбием о страданиях и несчастиях, присущих именно такой форме правления и вытекающих из ее *устроения*. Такое событие должно *показать* нам всем, у кого не самое худшее представление о *Всемогущем Господе*, что изначально Он не замышлял дать такую *форму правления* священно и нерушимо всякому народу, а тем более *всем* народам мира. Это обстоятельство излагается *израильтянам* в стихах с 10-го по 19-ый. В них *Пророк* не стремится внушить, что каждый отдельный *абсолютный монарх* будет использовать свою *власть* только дурным образом, как описано в этих стихах, однако он показывает некоторые из многих неизбежных бедствий, вероятность наступления которых велика при *установлении абсолютной монархии* у всякого *народа*: и все они могут быть сведены к одному всеобъемлющему слову – *«рабство»*. Это *состояние*, противоположное *свободе*, это лишение *собственности*, где *подданные* – это *лично зависимые рабы*, а их *дети*, их собственность, труд их рук узурпированы и оказываются в личном пользовании *монарха*. Вот какие *условия жизни подданных* при *правлении*, так желаемом *израильтянами*, были показаны им, дабы удержать от столь глупых мыслей. Но *народ* продолжал упорствовать, несмотря на столь ясно представленный Пророком пример. Всемогущий Господь, в наказание за их глупость и прежнюю неблагодарность за *лучшее правление*, исполняет их повторенное желание и решает установить среди них *правление*, которым они так восхищаются, глядя на своих *соседей* (1 Цар. 8: 22). Однако, делая это, что очень примечательно в последующей *истории*, Он не повторяет *систему передачи власти от отца к сыну*, столь воспеваемую в последние годы. Он не указывает им, хотя мог бы, на *старшего сына старшего дома* среди них и не повелевает им нерушимо придерживаться *мужской линии* в *обычном порядке наследования*. Не упоминая об этом, Он избирает царем *Саула*, при жизни *отца* его; после него – *Давида*, младшего из многих братьев; после него – *Соломона* и его *потомство*: то есть в этом *Царстве*, учрежденном самим Господом, все

было устроено так, что никогда не было ни одного *царя*, происходящего по прямой линии от той *ветви*, которая единственно могла претендовать на *главенство* и *правление* по *праву первородства*. Вряд ли у *иудеев* были какие-то устойчивые представления об этом неотъемлемом, неизменном *праве*, которое, как они могли видеть, Господь навеки заменил, даже не приняв его во внимание. <...> Но прежде чем оставить обсуждение этого принципа, нам, безусловно, стоит обратить внимание на то, что эта часть *священной истории* и упомянутый случай (единственный случай, я должен заметить), данный *Всемогущим Господом* человечеству, чтобы огласить Его мнение об институте *абсолютной монархии* <...> заставляет нас задуматься, что такая форма, когда жизни и судьбы подчиненной части человечества должны приноситься в жертву при любых рисках, присущих правлению по первородному праву мужчин, не является частью Божественного замысла. Я не мог не обратить на это внимание, пока *история*, которую я привел, еще свежа в наших умах. Но теперь я продолжаю, и, как намеревался, перехожу ко *второму* пункту.

II. Если применить эту историю к нам самим и ко всему *королевству* с помощью некоторых уместных и полезных *наблюдений*, то становится ясным, *во-первых*, счастливое *устроение*, при котором мы живем, а, *во-вторых,* несчастные представления *некоторых* из нас.

Счастливое состояние этого *острова* при его нынешнем *устройстве* привлекает внимание и заслуживает особого описания и нашей оценки. В нашем *правлении* мы действительно не достигаем того счастья, которым наслаждались *евреи* до того, как выпросили *Царя* у Небес. *Они* были руководимы необычным и особым образом самим *Господом,* а быть управляемым *Господом* – значит быть управляемым Существом, лишенным всяких страстей, предубеждений и слабостей; Существом, которое не может причинить им вреда ни по злому *умыслу*, ни по *неведению*; а если под его наблюдением и допускались *поводы для недовольства* из-за малодушных людей, работающих под Его началом, Он сам был поблизости, всегда доступный, страждущий и способный поправить их. Быть всецело под таким *управлением государя* и *Господа* означает самую истинную *свободу*; и именно этого должны желать в сообществе разумные создания: следовательно, и *абсолютная монархия*, управляемая такой же властью и мудростью, является самой сильной и непоколебимой гарантией счастья тех, кто живет при ней. Но если оставить в стороне это необычное вмешательство *Всемогущего Господа* и говорить о *правлении*, которое находится в руках *смертных людей* под Его обычным *Провидением*, мы должны сказать, что ближе всего к *образу* Его и *воле* та форма, которая лучше всего отвечает *целям правления* и обеспечивает, и наиболее эффективно устанавливает *свободу* и *собственность*, *покой* и *счастье*

подданных; а дальше всего от *Него* находится *та форма правления*, что больше всех других может принести зло и страдания, которые, по Его воле, должны быть предотвращены правителями. Пример, который Он дает, предрекая зло, следует из установления абсолютной монархии в руках слабых и немощных людей, что так же противоречит *правлению Господа* или *правлению добрых ангелов*, как величайшее *рабство* противоречит истинной *свободе*. Поэтому самое бесполезное дело вообще выводить обоснование абсолютной монархии для смертных людей из произволения всемогущего Господа или из Ангельской иерархии добрых ангелов. <...>

У нас есть основания назвать *образцом*, наиболее приближенным к проявлению Божьей воли, ту *форму правления*, при которой действительно соблюдаются *гражданские права* и *свободы подданных*. Если бы *Всемогущему Господу* было угодно и необходимо подчинить все *народы* одной конкретной *форме* правления, я бы считал именно *эту* лучшим и счастливейшим средством для достижения *целей человеческого сообщества*. Но, как и во многих других *случаях*, Господь предпочел дать людям волю полагаться на их собственный разум, который подвержен влиянию их же собственных желаний. Поэтому мы, чтобы судить уже о нашем счастье, рассмотрим такие *положения*:

1. Великая *цель правления* – это счастье *управляемого общества*.

2. *Счастье управляемого общества* заключается в наслаждении *свободой*, обладании *собственностью* и *свободном вероисповедании*.

3. Насколько это *счастье* достигнуто при нашем *нынешнем королевстве.*

1. *Во-первых*, я говорю, великая *цель правления* – это счастье *управляемого общества.* Присутствующим здесь не следует думать, будто я хочу исключить *счастье* взявших на себя всю тяжесть *управления*: ибо счастье *этих* людей никогда не устанавливается так прочно и не обеспечивается так непоколебимо, как счастье *людей*, которыми они управляют. Но я также хочу возразить тем, кто готов проводить различие между *счастьем одних* и *других*. Тем, кто считает, что *правление* создано, прежде всего, для внешней славы и *величия* лишь части смертных. Тем, кому нет дела до остальных, что созданы из той же плоти и крови, словно эти остальные не относятся к *людям* и были созданы только для того, чтобы любить правителя, преклоняться и служить ему. Рассуждающие так *монархи* убеждены, что цель любой войны – их собственная *слава*. Все больше и больше рабов они приносят в жертву, пытаясь угодить собственному тщеславию. Это то, что подстрекает *монархов* нарушать *Божьи* и *человеческие* законы, истреблять или мучить своих лучших *подданных* ради собственной мнимой *чести*. <...>

2. *Во-вторых*, я прихожу к выводу, что счастье *управляемого общества* заключается в наслаждении *свободой*, в обладании *собственностью* и в

свободном исповедании веры. Это совершенно очевидно, но следует остановиться на том, что мы понимаем под *свободой* и *собственностью*.

Сейчас, говоря о *свободе* в *управляемом обществе*, мы должны понимать, что она сильно отличается от *распущенности*, означающей отсутствие *правления*, и от *рабства*, означающего *тиранию*. Это значит, что свобода – это *состояние* между *рабством*, с одной стороны, и *беззаконием*, с другой; <...> это состояние меж двух полюсов. Один из них – *рабство, подчинение* чужой и никакими здравыми нравственными законами не ограниченной *воле*. Оно, как заверяет нас *Пророк*, вряд ли ведет к благу и *счастью управляемого общества*. Другой же полюс – *неразбериха* и *распущенность*, беззаконие в *правлении*, где каждый человек сам себе *судия* и *отмститель*. *Свобода*, которую единственно следует ценить, находится между двумя этими *крайностями*, – это *свобода*, ограниченная благотворными законами, живущая и умирающая вместе с *общественным счастьем*. Это очень важно проговорить, потому что многим доставляет удовольствие извращать *суть свободы* и уверять мир в том, что ее защитники не преследуют ничего, кроме распущенного состояния анархии и несоблюдения законов. <…> И если кто-нибудь скажет, как это сделали некоторые, что это всего лишь притворство и тень свободы, потому как каждый человек в этом государстве не может делать именно то, что он всегда мог бы желать, а скован и ограничен во многих действиях, – я отвечу, что послушание законам Божьим далеко от той свободы, которую, конечно, можно с полным основанием назвать Справедливостью и которую мы понимаем как нечто ценное и желательное. *Служение* Господу – это *свобода* от таких вещей, освободиться от которых нам диктует здравый смысл и истинная любовь к самим себе. Точно так же и в рассматриваемом нами случае свобода, о которой мы говорим, – это свобода общества, избавленного от неудобств, зла, смятения, и равенство. Свобода, которую я описал, – это свобода только от такого зла, от которого в наших же интересах быть свободными. <…>

Это описание истинной свободы применительно к *человеческому сообществу* приведет нас к подобному же описанию *собственности*, рассматриваемой аналогичным образом по отношению к хорошему управлению. Я подразумеваю под *собственностью* то имущество, что мы называем своим; то, чего не могут у нас отнять ни по прихоти, ни по произволу *другого человека или группы людей*. Для этого нам нужно подчиниться тем *законам*, что служат общему благу и интересам всего *общества*. Кто не желает *подчиняться*, страшась притеснений законов, тот без законов обречен страдать гораздо больше; он лишен надежд *обладать* чем-либо и не может защитить себя ни *силой*, ни *хитростью*. Итак, *собственность* в *хорошо управляемом обществе* отличается от *личного владения* при *абсолютной монархии*, при которой, как показал сам *Господь*, *зависимая категория людей* подчиняется воле одного слабого человека и может

наслаждаться собственностью не более чем до тех пор, пока этот человек не решит, что она необходима для его личного удовольствия или славы; так и от временного обладания собственностью, которое принадлежит государству, в котором все равны без закона или управления. При хорошем же управлении собственность стоит между двумя этими *крайностями*. Она *уязвима*, как и весь мир смертных людей, но в большинстве случаев она по крайней мере защищена от *попыток очевидного насилия* и *мошенничества*, кто бы ни стоял за ними. Я знаю, есть те, кто посмеются над таким различием и скажут, что подданные имеют собственность как при *абсолютной монархии*, так и при любом другом *правлении*. Я соглашусь с тем, что у них могут быть *владения*, защищенные от посягательства других *подданных*, но не от посягательств *монарха*. Они владеют чем-то до тех пор, пока монарх доволен, но его удовольствие столь же ненадежно, как его *прихоти* и его *страсти*. Сам *Всемогущий Бог* предписал такую ненадежность, ведь все владения Его *подданных* в итоге находятся в Его Милости.

К *свободе* и *собственности* я добавил *свободу вероисповедания*, так необходимую для счастья *управляемого общества*, потому что нет столь ненавистной *Богу тирании*, как тирания над *совестью,* и нет более унизительного *рабства* как насильственная *религия,* или *вероисповедание,* навязанное слабым людям *страхом* или сторонними угрозами. Как нет и ничего, что больше способствовало бы процветанию народа – *привилегия* такой *свободы*. И *свободное вероисповедание,* как и *обладание гражданской свободой,* и *владение собственностью* должно быть *бесценным счастьем* для *народа*. Здесь не нужны доказательства, разве что только тем, кто так устал от собственного счастья и забыл весь страх и ужас состояния несчастья. Это станет яснее из *того*, о чем я собираюсь сказать *дальше*.

3. Я намереваюсь рассмотреть, насколько счастье достигнуто и обеспечено нашим нынешним *общественным устроением*. Мы должны понимать, что *мир* никогда не будет совершенным. И ни одна *форма правления*, придуманная и возглавляемая людьми, которым свойственно *совершать ошибки*, не будет идеальной. Но я могу сказать точно, что *цели правления* могут быть достигнуты только при такой *замечательной форме правления* и таком *замечательном устроении*, коими мы можем похвастаться. Не сомневаюсь, что *свобода* и *собственность* могут быть и при *абсолютных монархах*, но только если последние подобны добрым *ангелам* или самому *Господу*. От *Пророка* мы знаем, что там, где утвердился абсолютный монарх, свободе и собственности не бывать. Наша же *конституция,* по *Божьей* милости, напротив, настолько совершенна, что у нас есть *свобода* и хорошее *правление*, и мы не полагаемся исключительно на милость одного человека. Благодаря Божьему провидению мы, в отличие от тех, кто подчиняется *абсолютному монарху*, можем

справедливо называть наше имущество *«своим»* и наши труды «своими». <…> Некоторые, кажется, считают нашу *свободу вероисповедания* наиболее защищенными под *папской властью*. <…> Но следует надеяться, что *здравый смысл* победит и позволит нам ценить наше беспримерное счастье. Это счастье делается более прочным благодаря *союзу* двух *королевств*; устанавливая *протестантскую преемственность*, мы защищаем себя и последующие поколения; без этого, вероятно, все наши труды, деньги и кровь не имели бы никакого значения. Поэтому этот великий *остров* представляет собой *единое королевство*, управляемое самым желательным образом и наименее подверженное великому злу: истинная *свобода* процветает, *имущество* находится в надежном владении, и все наслаждаются свободой поклонения Богу, как того требует их совесть; перспективу *долгого наслаждения* всеми этими благами дает нам видение *будущих правителей*, которые, как мы можем надеяться, научатся на настоящем примере считать своей главной заботой сохранение этих благ; и их собственного величайшего счастья – сделать свой народ счастливым. Стоит ли говорить, чему мы обязаны этим исключительным и бесценным счастьем? Разве это не очевидно, что всем этим мы всецело обязаны *Славной революции* и тем *принципам*, на которых она свершилась? До нее абсолютная власть была прочно установлена и закреплена силой *оружия*; и этот папистский *Самозванец*, которого мы все сейчас ненавидим и отвергаем, был *законным монархом* этого *королевства*. Без Славной революции нам было бы невозможно познать благость *нынешнего правления* или надеяться на любое наследование по *протестантской линии*. Одним словом, без Славной революции наши *свободы* и *собственность* давно были бы не чем иным, как словами, а наша религия – не чем иным, как пассивным повиновением. Есть ли те, кто еще остался безучастным к нашему нынешнему счастливому положению или к возможному нашему несчастью? Однако представления некоторых из нас слишком очевидны, чтобы их скрывать, и слишком значимы, чтобы их не замечать, что подводит меня к тому, что я не могу упустить из виду.

Также я намерен применить библейскую историю, которую только что рассмотрел, к нам самим, посредством ряда наблюдений, возникающих из-за очевидного беспокойства некоторых из нас. *Евреи* были настолько неблагодарны *Господу*, управлявшему ими, и счастливому *правлению*, при котором они находились, что пожелали возвращения к *рабству* и *подчинению* от *свободы* и *собственности*; при каждом малейшем испытании их *веры* они раскаивались и забывали о той «*Славной революции*», которая освободила их из *египетского рабства*. Они продолжали оскорблять своего великого *освободителя Моисея* и изматывать его *преемников* своим вечным недовольством и сами довели себя до *рабского состояния*. Среди нас тоже

слишком много неблагодарности, бесчувственности, желания *будущего рабства* и слишком мало в нас отвращения при мысли о *возвращении* несчастного *устроения*. Наблюдение мое не беспочвенно, поэтому замечу следующее:

1. Публично и ежедневно предлагаются и поддерживаются среди нас абсолютно несовместимые с безопасностью *нынешнего устроения схемы правления* <…> *Право первородства по мужской линии* ставится выше любого другого права и выше счастья тысяч *людей*. И это называют *гласом Божьим*. <…> Разве может быть *наследником* любой претендент *мужского пола*, независимо от того, *законный* он или нет? Разве не абсурдна мысль, что *самозванец* из соседней страны или *старший сын* из *подданных* королевы будет лучшим претендентом, чем она сама? <…> Поймите же, что в правах на престол пол не имеет значения, и именно этим наш народ обязан и своей *славой* за границей, и *мудрым правлением* дома! <…>

2. Нас часто развлекают громкими восхвалениями *абсолютной монархии* как единственно *законной* и единственно *утвержденной Господом*, снова и снова нас убеждают, что все другие *формы* – это не что иное, как ублюдочные правительства. Смотрите, как вся наша конституция уничтожена одним махом! <…> нам говорят, что *абсолютная монархия* – это единственно возможное *правление* для нашего *блага*, более того, самая надежная защита наших *свобод* и *собственности*; вопреки даже суду самого *Господа*. Но кто же поверит в такое, что *мы*, жители этого *королевства*, бóльшие *рабы*, чем *подданные Франции*? И что в наших величайших интересах принять с распростертыми объятиями «мягкое *правление»*, при котором *они* так «свободны» и «счастливы»? <…>

3. Таким образом, некоторые из нас, подобно *евреям*, просят не отходить от *абсолютного пассивного повиновения* и утверждают, что *непротивление* во всех случаях отвечает интересам нас самих и наших потомков. Хотя именно своевременным и разумным сопротивлением мы обязаны нашей *королеве*. Благодаря ей у нас есть надежда на *законную преемственность*, наши свободные *парламенты*, наши *свободы*, наша *собственность* и гарантия свободного исповедания нашей *веры*. Неужели в наших интересах было бы позволить *последнему королю* отменить нашу *конституцию*, навязать нам *сына-Самозванца*? Неужели, желая благословленного правления и надежды на безопасное будущее, мы готовы и по сей день находиться под властью *самозванца*, который не позволяет нам жить в мире? Для желающих этого настал момент раскаяться всем сердцем, ибо невозможно возвратиться в то счастливое *состояние*, где мы должны находиться, со *слепым повиновением*. Но все еще есть те, кто продолжают очернять *сопротивление* и *революцию*, на которых основано наше нынешнее *устроение*. Больше того, угроза *вторжения самозванца* их не пугает, напротив, им претит то *сопротивление*, без которого

трон уже был бы захвачен. Они постоянно хвастаются приверженностью *идеям*, осуждающим Славную *революцию*, и, естественно, стремятся поколебать сердечную привязанность людей к *устроению*, основанному на том, что, по их мнению, было неугодно *Всемогущему Господу.* Мне говорить об этом неприятно, но нам нельзя об этом умолчать, пока есть те, кто исключает нашу *превосходную королеву* и весь протестантский род и утверждает на троне того самого *Самозванца*, попытки которого вернуть престол вызывают лишь одно отвращение. <…> Простите меня, если *уважение* к столь доброй *королеве*, забота о столь прекрасном *устроении*, *забота* о счастье нас самих и *потомков* побудили меня проявить некоторое рвение против *принципов* и *доктрин*, которые в последнее время так горячо поддерживались, будто Славная *революция* спровоцировала своими последствиями величайшее несчастье народа, как будто бы сейчас самое время избавиться от всех этих *последствий*. <…> Вот я изложил вам некоторые наблюдения, касающиеся как *нынешнего счастья*, которым мы наслаждаемся, так и несчастливых представлений *некоторых из нас*. Всемогущий Господь счел это хорошим *аргументом* против *абсолютной монархии*, чтобы показать *израильтянам* несчастье и порабощение *подданных*, вызванные такой *формой правления*. Подражая столь безупречному *образцу*, мы можем *выступить против* тех, кто не поддерживает Славную революцию, и показать им, управление какого *короля* и какое *королевство должно радовать их*. Это особенно важно сейчас. <…>

Это тема огромной и всеобъемлющей важности, и если я кого-нибудь задел своими рассуждениями, хочу напомнить, что никому не возбраняется при самых справедливых обстоятельствах предлагать доктрины для счастья *человеческого сообщества*. Особенно, как было сделано здесь со ссылкой на поучающую нас историю через *Пророка* о *Всемогущем Господе*. Но в заключение, какое бы впечатление ни оказали высказанные мной соображения на умы некоторых людей, я надеюсь, что они смогут, по крайней мере, воодушевить тех, кто уже склонен следовать благородному примеру нашего первого британского парламента в его одобрении Славной революции в его рвении к Ее нынешнему Величеству, в его заботе поддержать справедливость ее титула и ее протестантских преемников, в его решимости сделать все, что в его силах, чтобы сохранить те блага, которыми мы обладаем, и передать их в неприкосновенности нашему потомству.

Benjamin Hoadley's sermon *The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy* was the product of a troubled period in British history, the time of the formation of new secular culture at the turn of the 18th century.[1] The common good and civic virtues were among the most pressing issues in the intellectual discourse of that time. For the priests, who constituted the cream of the crop of English intellectual elite, it was the Bible that was an inexhaustible source of reasoning on that topic.[2] The sermon genre became widespread. It allowed linking the view of the changes taking place in society with biblical wisdom and Old Testament experience. Another factor of no less importance was active publication of sermons, which significantly increased their influence on public opinion. Oral preaching thus received a new tool in the dissemination of the Word of God, and in the situation of the War of the Spanish Succession of 1701–14, it inevitably became involved in the turbulent political life of the country.

The sermon *The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy* was preached by B. Hoadly on March 22, 1707, in Hertford on the eve of the parliamentary election of 1708.[3] The following year it was published by H. Clarke of the London printing house in the former churchyard of St. Paul's Cathedral.[4] The edition was dedicated to Algernon Seymour, 7th Duke of Somerset, and High Sheriff of Hertfordshire R. Houblon.[5] The sermon was reprinted in 1745 in Edinburgh, which was most likely associated with the suppression of the last Jacobite rising of 1745 in support of the heirs of James II Stuart,[6] deposed during the Glorious Revolution of 1688/1689. The digitized text of the sermon is freely available on the website of the British Library[7] and in the electronic library Internet Archive.[8]

---

[1] *"Culture of the Spirit" vs "Culture of the Reason": Intellectuals and Power in Britain and Russia in the 17th–18th Centuries* [in Russian], ed. L.P. Repina (Moscow: Akvilon, 2022), 5–10.

[2] Ch. Hill, *The English Bible and the Seventeenth-century Revolution* [in Russian], trans. T. Pavlova (Moscow: IVI RAN, 1998), 5–6.

[3] B. Hoadly, *The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy. A Sermon Preach'd at the Assizes at Hartford, March 22d., 1707/8* (London: Printed by H. Clark, for T. Childe, at the White-Hart, at the West-End of St. Paul's, 1708), 1.

[4] Hoadly, *The Happiness of the Present Establishment*, 1.

[5] Hoadly, *The Happiness of the Present Establishment*, 2.

[6] B. Hoadly, *The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy*, accessed December 20, 2023, https://archive.org/details/bim_eighteenth-century_the-happiness-of-the-pre_hoadly-benjamin_1745/page/n1/mode/2up

[7] B. Hoadly, *The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy*, British Library, Catalogue, accessed December 20, 2023, https://clck.ru/3EUpFy. In October 2023, the British Library website was hit by a cyber-attack that made most of its collections, including B. Hoadly's sermons, unavailable.

[8] B. Hoadly, *The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy*, accessed December 20, 2023, https://archive.org/details/bim_eighteenth-century_the-happiness-of-the-pre_hoadly-benjamin_1708

The figure of Benjamin Hoadly (1676–1761) is quite controversial both in historiography and in terms of the hero's life collisions.[9] The origins of these contradictions date back to his youth. Born into a Puritan family, Hoadly chose the path of a priest in the Anglican Church.[10] The question of the motives for his conversion to the bosom of the official Church of England still remains open. There is only an assumption that the conversion occurred under the influence of John Leng, fellow of St Catharine's College, Cambridge University, where Hoadly studied. Leng instilled in young Hoadly a devotion to the idea of Protestant succession to the English throne and its transfer to the House of Hanover.[11] Apparently, Leng's informal connections determined B. Hoadly's affiliation with the Whigs. Throughout his life, he remained in the orbit of influence of that political force.[12] Numerous essays, pamphlets, and sermons by B. Hoadly were aimed at supporting the Whig political course. The sermon *The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy* was no exception. And it should be noted that his political activism in 1707–08 led to a very worthy result: already in 1710 Hoadley received a well-paid position as rector of St Leonard's Church in Streatham.[13]

If we talk about the intellectual and political context of the appearance of this sermon, it should be noted that during the election campaign for the parliamentary election of 1708, the Whigs, who had once started the War of the Spanish Succession, advocated its further continuation. That could not but cause concern of the ruling Queen Anne Stuart. Certain financial challenges, as well as fatigue from the hardships of wartime, forced conservative forces to unite in their struggle to end the war. Moreover, it is important to note that the Tories managed to achieve political superiority only in the situation of the financial crisis of 1710. In the campaign of 1707–08, agitators like Hoadly ensured the victory of the Whigs.

The key matter in that "great game" was the issue of succession, which had both its foreign and domestic political context. Queen Anne had no direct heirs, which posed a threat of restoration of the exiled Catholic Stuarts on the English throne in the unstable

[9] S. Taylor, "Benjamin Hoadly and the Political Rights of Dissenters" [in Russian], in *"Culture of the Spirit" vs "Culture of the Reason"*, 420–35; W. Gibson, *Enlightenment Prelate: Benjamin Hoadly, 1676–1761* (Cambridge: James Clarke & Co, 2022).

[10] *"Culture of the Spirit" vs "Culture of the Reason"*, 420.

[11] E.R. Bingham, "The Political Apprenticeship of Benjamin Hoadly," *Church History*, vol. 16, no. 3 (1947): 155.

[12] J. Dearnley, "Patronage and Sinecure: Examples of the Practice of Bishop Hoadly at Winchester (1734–1761)," *Hampshire Studies – Proceeding of the Hampshire Field Club*, vol. 65 (2010): 192.

[13] *The Works of Benjamin Hoadly, D.D. Successively Bishop of Bangor, Hereford, Salisbury, and Winchester. Published by his son J. Hoadly, LL. D. Chancellor of the Diocese of Winchester* (London: W. Bowyer, and J. Nichols, 1773), ix.

wartime conditions. France, the papal curia and other Catholic forces – England's main opponents in the War of the Spanish Succession – openly supported the Pretender. The Whigs insisted on the need to preserve the Protestant succession to the English throne, enshrined in the Act of Settlement of 1701.[14] From the point of view of the internal political situation on the British Isles, Scotland was the Jacobite stronghold. Protest sentiments in Scotland, the birthplace of the Stuart dynasty, in connection with the conclusion of the Union in 1707 (came into force on May 1, 1707),[15] posed a real threat to the reign of Queen Anne.

The sermon justifies the need to continue the war with France is by its "tyrannical" establishment, which, according to Hoadly, is a consequence of the dominance of an absolute monarchy in the country,[16] and England is opposed to France and presented as a "happily" governed kingdom. The key to this success of the English kingdom, according to Hoadly, is the established principle of succession to the throne, according to which the transfer of the crown after the death of Queen Anne to representatives of the House of Hanover will be a legal act. The idea of succession to the throne is a key issue in the sermon and is intended to demonstrate the loyalty of the Whigs to the queen. The preacher proclaims that Queen Anne "governed after the most desirable manner," calls her reign "the least liable to great Evils,"[17] and contrasts it with the regime of absolute monarchy.

Compositionally, the text of the sermon can be divided into three parts. In the first part, the preacher discusses the essence of primogeniture (the principle of succession to the throne). In the second part, Hoadly focuses on the idea of happiness. In conclusion, the author praises Queen Anne and the structure of the English kingdom and declares the idea that England is an example of a happy state.

The first part of the sermon opens with a reference to the story of absolute monarchy from the First Book of Samuel in the Old Testament, where God speaks of absolute monarchy (the first and only time in the Bible, according to Hoadly). The story is that the Jews asked Samuel the Prophet to turn to the Lord with a request to establish over them a king to judge them like all the nations around them.[18] God warned Samuel

[14] Act of Settlement (1701), legislation.gov.uk, accessed November 29, 2023, https://www.legislation.gov.uk/aep/Will3/12-13/2/section/I; Act of Settlement [in Russian], in *Collection of Constitutional Acts*, iss. 2 (Moscow: Izdanie V.M. Sablina, 1905), 61.

[15] Act of Union (1707), Rupert Alexander Howard Barnes, accessed November 29, 2023, https://rahbarnes.co.uk/union/union-of-1707/union-with-england-act-1707; Act of Union with Scotland March 6, 1707 [in Russian], in *Constitutions and Legislative Acts of Bourgeois States of the 17th–19th Centuries. England, USA, France, Italy, Germany: Collection of Documents*, ed. P.N. Galanza (Moscow: Gosyurizdat, 1957), 137–40.

[16] Hoadly, *The Happiness of the Present Establishment*, 16.

[17] Hoadly, *The Happiness of the Present Establishment*, 15.

[18] 1 Sam 8:5 (KJV).

about the consequences of absolute monarchy, about suffering and misfortunes, the worst of which was slavery. The Jews did not heed God's admonitions and repeated their request. In response, the Lord commanded that Saul be appointed king over them. Saul, although he proved himself to be a valiant military leader, turned out to be disobedient to the Lord. Then the Lord chose David the shepherd as their new king. David was a man after God's "own heart"[19] and reigned for 40 years. With this example, Hoadly questions the necessity of following the principle of primogeniture in achieving the "happy establishment" of the state, since it may not correspond to the interests of the subjects and lead to absolutist rule. The controversial and problematic nature of the principle of primogeniture is emphasized in the sermon by the status of David as the youngest of the brothers. According to Hoadly, the biblical story he cites is intended to justify the right of the ruling Queen Anne, the daughter of the deposed James II Stuart, and representatives of the House of Hanover to the English throne.

In the second part, the preacher dwells in great detail on the idea of the happiness of citizens in the state. The meaning of the word "happiness" in this context becomes a synonym for the common good. Apparently, following J. Locke's teaching on the state of nature,[20] Hoadly identified three essential elements in the concept of happiness, namely "the enjoyment of liberty, the possession of property, and the free exercise of religion."[21] Under liberty Hoadly meant an intermediate state of society between "licentiousness" and anarchy, on the one hand, and slavery and complete lawlessness (absolute monarchy), on the other. Such freedom requires to be "restrained by beneficial laws" to ensure the common good and the activities of the ruler,[22] whose most important concern is to make his subjects happier than they have been before. The second element of happiness is property. Of course, we are talking about landed property. Hoadly distinguishes between the attitude to property under an absolute regime and under "good government." Under an absolute monarchy, property is merely a nominal fictitious possession, unprotected by any laws, which the monarch moved by his passions may take away for his own pleasure or glory.[23] Under a "good government," laws protect property against "all attempts of mere violence and apparent fraud."[24] The third component necessary to the happiness of society, the free exercise of religion, is considered only briefly. Hoadly argues that no proof is required, since

[19] 1 Sam 13:14 (KJV).

[20] J. Locke, *Two Treatises of Government* [in Russian], trans. E.S. Lagutin, and U.V. Semenov (Moscow; Chelyabinsk: Sotsium, 2020), 226–49.

[21] Hoadly, *The Happiness of the Present Establishment*, 7.

[22] Hoadly, *The Happiness of the Present Establishment*, 8.

[23] Hoadly, *The Happiness of the Present Establishment*, 10.

[24] Hoadly, *The Happiness of the Present Establishment*, 10.

"nothing promotes the flourishing condition of a nation" more than the free exercise of religion.[25]

An important remark by B. Hoadly is that mortal men are prone to error, and therefore the world will never reach a state of perfection. But an approach to the ideal is possible, an example of which is the English state since the Glorious Revolution, especially during the reign of Queen Anne.[26] Freedom is already flourishing here: citizens have a constitution and a "good government" has been created[27] "without lying at the mercy of any one person."[28] The institution of limited monarchy (Hoadly himself does not use this term) in England allows for the protection of private property, so citizens can rightly call property and labor "their own."[29] Freedom of religion, according to Hoadley, was ensured by Protestantism, established in the kingdom, and, of course, it could have not been achieved under despotism and the "Popish" faith. Absolute power and Catholicism are incompatible with a happy state of society. In this statement of the preacher, in our opinion, there is a fair amount of slyness. Like no one else, Hoadly was well aware of the growing tensions between various Protestant denominations in England in the early 18th century (culminating in the Salters' Hall Controversy of 1719).[30]

Thus, the analysis of the sermon allows us to characterize Hoadly as a pragmatic politician acting in a situation of an acute struggle for power between the Tories and the Whigs. In an effort to support the Whig party and make a "curtsey" to the Queen, Hoadly addressed the issue of succession to the throne and drew the following analogy: contemporary England personifies the kingdom of David, and France, with the support of the Pope, personifies the kingdom of Saul. Thus, we can say that *The Happiness of the Present Establishment, and the Unhappiness of Absolute Monarchy* was a typical example of a sermon of the early 18th century, which became a powerful means of propaganda in a situation of a crisis in the legitimacy of the Stuart dynasty, and also reflected the significant place of Anglican priests in the political struggle. In 1707–08, Hoadly's fame was still ahead, but a great future awaited the preacher. His name will become known in the whole country in the situation of the so-called Bangorian Controversy of 1719, which was to ensure the final victory of the political course of the Whigs and the victory of spiritual power over secular power.

[25] Hoadly, *The Happiness of the Present Establishment*, 10.
[26] Hoadly, *The Happiness of the Present Establishment*, 12.
[27] Hoadly, *The Happiness of the Present Establishment*, 11.
[28] Hoadly, *The Happiness of the Present Establishment*, 11.
[29] Hoadly, *The Happiness of the Present Establishment*, 11.
[30] J.F. Owens, "The Salters' Hall Controversy: Heresy, Subscription, or Both?," *Perichoresis*, vol. 20, iss. 1 (2022): 35–52, https://doi.org/10.2478/perc-2022-0004

Список литературы

«Культура духа» vs «культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках / под общей редакцией Л.П. Репиной. Москва: Аквилон, 2022. 1080 с.

Хилл К. Английская библия и революция XVII века / перевод с английского Т. Павловой. Москва: ИВИ РАН, 1998. 490 с.

Bingham E.R. The Political Apprenticeship of Benjamin Hoadly // Church History. 1947. Vol. 16, № 3. P. 154–165.

Dearnley J. Patronage and Sinecure: Examples of the Practice of Bishop Hoadly at Winchester (1734–1761) // Hampshire Studies – Proceeding of the Hampshire Field Club. 2010. Vol. 65. P. 191–201.

Gibson W. Enlightenment Prelate: Benjamin Hoadly, 1676–1761. Cambridge: James Clarke & Co, 2022. 375 p.

Owens J. F. The Salters' hall controversy: heresy, subscription, or both? // Perichoresis. 2022. Vol. 20, iss. 1. P. 35–52. https://doi.org/10.2478/perc-2022-0004

References

Bingham, E.R. "The Political Apprenticeship of Benjamin Hoadly." *Church History*, vol. 16, no. 3 (1947): 154–65.

Dearnley, J. "Patronage and Sinecure: Examples of the Practice of Bishop Hoadly at Winchester (1734–1761)." *Hampshire Studies – Proceeding of the Hampshire Field Club*, vol. 65 (2010): 191–201.

Gibson, W. *Enlightenment Prelate: Benjamin Hoadly, 1676–1761*. Cambridge: James Clarke & Co, 2022.

Hill, Ch. *Angliiskaya bibliya i revolyutsiya XVII veka* [The English Bible and the Seventeenth-century Revolution], translated from English by T. Pavlova. Moscow: IVI RAN, 1998. (In Russian)

"Kul'tura dukha" vs "kul'tura razuma": intellektualy i vlast' v Britanii i Rossii v XVII–XVIII vekakh ["Culture of the spirit" vs "culture of the reason": Intellectuals and power in Britain and Russia in the 17th–18th centuries], edited by L.P. Repina. Moscow: Akvilon, 2022. (In Russian)

Owens, J. F. "The Salters' Hall Controversy: Heresy, Subscription, or Both?" *Perichoresis*, vol. 20, iss. 1 (2022) 35–52. https://doi.org/10.2478/perc-2022-0004

Информация об авторах

Вероника Витальевна Высокова – доктор исторических наук, профессор, https://orcid.org/0000-0002-5689-7166, vyssokova@mail.ru, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина (д. 19, ул. Мира, 620062 Екатеринбург, Россия).

Екатерина Алексеевна Соловьева – магистр истории, https://orcid.org/0009-0000-5824-4946, easoloveva369@gmail.com, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина (д. 19, ул. Мира, 620062 Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Veronika V. Vysokova – Doctor of Historical Sciences, Professor, https://orcid.org/0000-0002-5689-7166, vyssokova@mail.ru, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin (19, ul. Mira, 620062 Yekaterinburg, Russia).

Ekaterina A. Solov'eva – Master in History, https://orcid.org/0009-0000-5824-4946, easoloveva369@gmail.com, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin (19, ul. Mira, 620062 Yekaterinburg, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author Contributions Statement: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.01.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 21.05.2024.

The article was submitted 26.01.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 21.05.2024.

HISTORIA PROVINCIAE-
ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

2024 · Т. 8 · № 4

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 4. С. 1325–1337.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 4 (2024): 1325–37.

Рецензия
УДК 94
https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-8
EDN: ZADMNW

Феномен доходного дома Петербурга в 1870-е гг. – начале XX века

Рецензия на: Демидович Д.М. Доходные дома Петербурга: организация, взаимодействие с государственными и коммерческими структурами, повседневность (1870-е гг. – начало XX века): монография. Москва: У Никитских ворот, 2023. 256 с.

Ирина Владимировна Синова
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия,
s-irina@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9109-2980

Irina V. Sinova
Saint Petersburg state University of Economics,
St Petersburg, Russia,
s-irina@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9109-2980

Аннотация. Рецензируемая монография представляет собой исследование доходных домов Санкт-Петербурга, которые впервые в историографии рассматриваются не только как место жительства горожан, но и как пространство, где происходит становление поведенческих практик, формирование новой системы коммуникации с домовладельцами, управляющими, прислугой, а также с официальными лицами государственных и коммерческих структур столицы. Представленные в работе статистические сведения о квартирном налоге, судебных решениях по нарушению законодательных норм, связанных с домовладениями, штрафах за правонарушения в данной сфере, росте количества телефонов способствуют созданию полномасштабной картины функционирования и развития доходных домов. Автор книги в числе первых проанализировал систему сдачи в аренду самих доходных домов и сформировавшиеся вокруг этого отношения горожан, возникавшие конфликты и пути их разрешения.

Ключевые слова: доходные дома, повседневная жизнь, домовладелец, аренда, урбанизация
Для цитирования: *Синова И.В.* Феномен доходного дома Петербурга в 1870-е гг. – начале XX века. Рецензия на: Демидович Д.М. Доходные дома Петербурга: организация, взаимодействие с государственными и коммерческими структурами, повседневность

© Синова И.В., 2024
© Sinova I., 2024

(1870-е гг. – начало XX века): монография. Москва: У Никитских ворот, 2023. 256 с. // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 4. С. 1325–1337, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-8; EDN: ZADMNW

The Phenomenon of St Petersburg Tenement Building in the 1870s – Early 20th Century

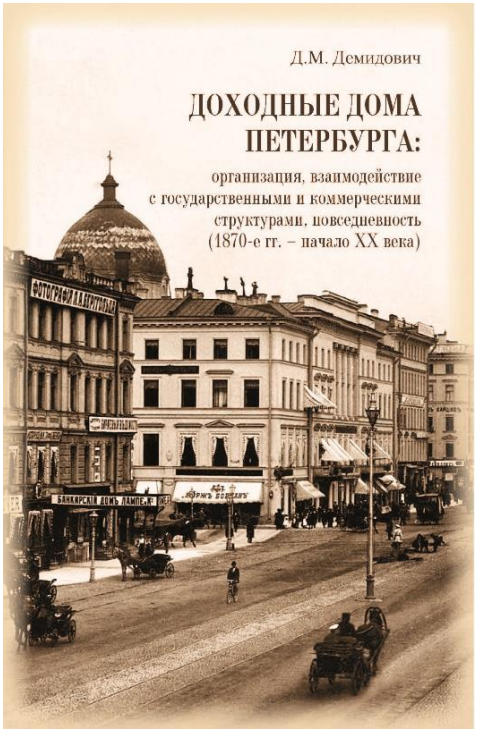
Review of Dokhodnye doma Peterburga: organizatsiya, vzaimodeistvie s gosudarstvennymi i kommercheskimi strukturami, povsednevnost' (1870-e gg. – nachalo XX veka): monografiya [Tenement buildings of St Petersburg: Organization, interaction with state and commercial structures, everyday life (1870s – early 20th century): A monograph], by D.M. Demidovich (Moscow: U Nikitskikh vorot, 2023)

Abstract. The monograph under reviewed is a study of tenement buildings in St Petersburg. For the first time in historiography, they are considered not only as a place of residence of citizens but also as a space where behavioral practices are formed as well as a new system of communication with homeowners, managers, servants and also the officials of the metropolitan state and commercial structures. The statistical information presented in the work regarding rental taxes, court decisions on violations of legislative norms related to house ownership, fines for offenses in that area, and the growth in the number of telephones contribute to the creation of a full-scale picture of functioning and development of tenement buildings. The author of the monograph was among the first to analyze the system of renting out the whole tenement buildings and the relationships between citizens that were formed around that as well as the conflicts that arose and ways to resolve them.

Keywords: tenement buildings, everyday life, house owner, rent, urbanization

For citation: Sinova, I.V. "The Phenomenon of St Petersburg Tenement Building in the 1870s – Early 20th Century Review of Dokhodnye doma Peterburga: organizatsiya, vzaimodeistvie s gosudarstvennymi i kommercheskimi strukturami, povsednevnost' (1870-e gg. – nachalo XX veka): monografiya [Tenement buildings of St Petersburg: Organization, interaction with state and commercial structures, everyday life (1870s – early 20th century): A monograph], by D.M. Demidovich (Moscow: U Nikitskikh vorot, 2023). *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 4 (2024): 1325–37, https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-4-8; EDN: ZADMNW

Процесс урбанизации является одной из важнейших характеристик развития страны, который наряду с ростом численности городского населения приводит к изменению его социальной структуры и, как следствие, требует правового регулирования и модернизации системы городского управления и градостроительства, прежде всего жилищного. В 1870-х гг. в Российской империи в целом и в Санкт-Петербурге в частности происходила трансформация городской среды и изменение городского пространства. В свою очередь рост численности городского населения после отмены крепостного права вызвал массовое жилищное строительство.



Рецензируемая монография стала итогом многолетней работы Д.М. Демидович по изучению доходных домов столицы[1]. Исследовательница подошла к феномену доходного дома с принципиально новой позиции, по сравнению с другими авторами, которые рассматривали его с точки зрения архитектурных или конструктивных особенностей. Автор всесторонне изучила процесс появления и функционирования доходных домов с правовой и практической точек зрения, вопросы их страхования, водоснабжения, электроснабжения, проанализировала систему сдачи в аренду самих доходных домов и сформировавшиеся вокруг этого отношения горожан, возникавшие конфликты и пути их разрешения.

В монографии показано, что доходный дом в 1870-х гг. – начале XX в. стал малым социальным сообществом, члены которого должны были приспосабливаться к новым реалиям жизни и вырабатывать новые поведенческие практики. Кроме этого, жилые здания с подобным функционалом превратились в место, где начали формироваться совершенно новые для города отношения. Таким образом, доходные дома, которые к началу XX в. являлись местом проживания большей части населения Петербурга (94 % жилого фонда Петербурга), позволяют проследить тенденции развития новых социальных отношений в обществе и, как следствие этого, процесс формирования новых поведенческих стереотипов.

[1] *Демидович Д.М.* Что делать со снегом зимой? Опыт петербургских домовладельцев второй половины XIX – начала XX века // Университетский научный журнал. 2023. № 72. С. 11–16; *Демидович Д.М.* Взаимодействие домовладельцев петербургских доходных домов с полицейскими чинами // Научное мнение (Психолого-педагогические и юридические науки). 2014. № 9–3. С. 83–88; *Демидович Д.М.* Арендные и субарендные отношения в петербургских доходных домах конца XIX – начала XX веков // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 4. С. 26–33; *Демидович Д.М.* Домовая прислуга петербургских доходных домов: дворник как феномен городской жизни // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 5 (40). С. 272–274; *Демидович Д.М.* Критерии выбора арендного жилья квартиросъемщиками петербургских доходных домов в 1870-х годах – начале XX века // Университетский научный журнал. 2019. № 49. С. 70–75.

Монография Д.М. Демидович основана на скрупулезной и профессиональной работе с документами, хранящимися в четырех архивах: Российском государственном историческом архиве (РГИА), Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), Институте русской литературы и искусства РАН (ИРЛИ РАН), Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), а также с правовыми актами, статистическими данными, материалами периодической печати, мемуарами и текстами художественной литературы. Особенно умело автор использовал источники личного происхождения, которые, несмотря на субъективный характер, при рассмотрении вопросов взаимодействия жильцов доходных домов друг с другом и с прислугой расширили возможность увидеть проблемы коммуникации изнутри, глазами очевидцев и непосредственных участников.

Первую главу «Домовладелец» автор посвятил раскрытию механизмов взаимодействия домовладельцев с государственными и коммерческими структурами. В ней затронуты вопросы аренды и покупки земельных участков под жилищное строительство, ипотечного кредитования и страхования недвижимого имущества. Д.М. Демидович позиционирует домовладельцев как представителей городского сословия, анализирует их количественный и качественный состав, приводит сведения о том, что

> среди собственников доходных домов преобладали дворяне… Второе место среди домовладельцев занимали купцы, а самый незначительный процент владельцев жилой недвижимости столицы составляли мещане и крестьяне[2].

Особый интерес в этой главе вызывает процесс формирования в сознании обывателей образа «домовладельца-кровопийцы», воссозданный автором на основе мемуаров и художественной литературы.

В данной главе также анализируются вопросы взаимодействия владельцев доходных домов с государственными структурами, связанными с приобретением земли, контролем строительства и налоговыми вопросами. Рассматриваются различные пути приобретения пустопорожних и застроенных земельных участков под жилищное строительство: покупка, аренда у государства и у частных владельцев. Автор обращает внимание на то, что, уже начиная с 1880-х годов, земельный вопрос в Петербурге стоял очень остро и стоимость земли в городской черте увеличилась в среднем в 10 раз, а

[2] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга: организация, взаимодействие с государственными и коммерческими структурами, повседневность (1870-е гг. – начало XX века): монография. Москва: У Никитских ворот, 2023. С. 35.

количество свободных участков, особенно в центре города, значительно сократилось.

В монографии детально изучаются вопросы взаимодействия домовладельцев со страховыми и кредитными обществами. Показано, что после появления новой формы вложения средств – коммерческого жилищного строительства – появился целый ряд организаций, обслуживавших эту сферу, в том числе страховых обществ, которые страховали имущество, предлагаемое к залогу для получения ипотечных кредитов. Крупнейшей статьей дохода для фирм было страхование недвижимого имущества от огня. Кроме этого осуществлялось страхование стекол, зеркал и движимого имущества, которое часто использовалось «владельцами для возмещения потенциального ущерба имуществу, сданному внаем вместе с жилой площадью»[3].

Особое место в монографии автор уделяет вопросам аренды доходных домов и в частности практике сдачи в аренду доходных домов целиком, широко распространенной в 1870-х гг. – начале XX в. Для этого, по мнению Д.М. Демидович, существовало две причины:

> Во-первых, нежелание домовладельца заниматься вопросами, связанными с эксплуатацией дома: сдачей квартир в наем, коммунальным обслуживанием, налоговыми и страховыми вопросами и т.д. Сдача в наем целого дома освобождала владельца от всякой ответственности, но при этом сохраняла возможность получать непосредственный доход[4].

Другая причина могла быть

> связана с судебными делами о финансовой несостоятельности домовладельца и необходимостью продать дом за долги. Для того чтобы отсрочить принятие судом решения по вопросу о продаже дома, заключались фиктивные договоры об аренде[5].

Таким образом, процесс формирования коммерческого рынка жилья привел к появлению новых форм и структур, направленных на обеспечение необходимыми ресурсами владельцев доходных домов, в том числе, к развитию ипотечного кредитования и городских страховых обществ.

[3] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 72.
[4] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 75.
[5] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 76.

Вторую главу «Управляющий» автор посвятил вопросам взаимодействия управляющих доходными домами с полицией и коммунальными службами, а также описал ряд обязанностей домовладельцев, о которых не шла речь в первой главе. Кроме того, в ней анализируются практики поведения горожан, связанные с вопросами поиска жилья, найма квартир и благоустройства быта. В главе затронуты вопросы пожарного, санитарного и административного контроля со стороны полиции и пути разрешения возникавших конфликтов. В частности, в обязанности управляющего доходным домом «входило наблюдение за тем, чтобы в трубах не скапливалась сажа. За этим в полиции следили очень строго»[6]. При этом, если

> из-за несвоевременного очищения начинался пожар, то по постановлению суда к штрафу приговаривался не только управляющий, но и домовладелец[7].

Д.М. Демидович рассматривает требования к домовладельцам с точки зрения законодательства, которое обязывало их докладывать обо всех лицах, поселившихся в доме, и вести строгий учет прибытия и убытия жильцов. Полицейский надзор распространялся фактически на все стороны жизни доходного дома. Кроме надзора за общественным порядком полиция также следила за санитарным и пожарным состоянием коммерческого жилья. Однако, в результате проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что

> несмотря на строгость законов и тотальный контроль со стороны полиции, домовладельцы находили различные возможности обойти правила и избежать наказания за их несоблюдение. Домовладельцы выработали ряд поведенческих практик, которые позволяли сосуществовать с полицейскими. Большинство этих практик противоречило установленным государством нормам права, но без них владение доходным домом было бы убыточным[8].

Автор обращает внимание на то, что доходные дома становились катализаторами развития и внедрения в жизнь различных технических новинок, среди которых ею называются водоснабжение, освещение, телефонная связь. В связи с большой конкуренцией на сдачу в наем дорогих квартир домовладельцам приходилось следить за всеми новшествами, упрощавшими

[6] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 83.
[7] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 84.
[8] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 96.

ведение хозяйства, и как можно скорее внедрять их в жизнь. Все это было необходимо для привлечения большего количества состоятельных жильцов.

В 1870-х гг. – начале XX века начала активно развиваться сфера коммунального обслуживания. Широкое распространение получили водопровод, канализация, электрическое и газовое освещение. В монографии рассматриваются вопросы взаимодействия управляющих доходными домами с представителями коммунальных служб и других снабжающих организаций.

По мнению автора,

> одной из главных обязанностей управляющего доходного дома было взаимодействие с квартиросъемщиками. Управляющий отвечал за поиск новых жильцов, заключение договоров аренды, сбор денег, решение любых спорных вопросов[9].

Доходные дома как способ вложения капитала требовали от домовладельцев постоянных усилий и трат, чтобы приносить стабильную прибыль, поэтому большое значение придавалось поиску жильцов. В монографии рассказывается о разных способах данного процесса, в том числе – публикация объявлений в газетах, обращение в специальные конторы, к профессиональным комиссионерам и т.д. По результатам исследования автор приходит к выводу, что

> несмотря на большой спрос на жилье, столичные квартиросъемщики были довольно привередливы, а задача управляющих по поиску жильцов зачастую становилась очень сложной, а иногда и невыполнимой[10].

У квартиросъемщиков выработались критерии, которые являлись для них первоочередными при подборе жилья, среди них были следующие:

> Если в семье были дети, то старались учитывать расстояние до места их учебы, а если дети были маленькими, то наличие парков или скверов рядом со снимаемой квартирой[11].

Д.М. Демидович аргументировано утверждает, что

[9] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 108.
[10] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 112.
[11] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 113.

> в 1870-х гг. – начале XX века в арендные отношения так или иначе были вовлечены все жители города. Большинство городских обывателей жили в съемных квартирах, поэтому вопросы аренды были одними из самых острых в то время[12].

Кроме этого, существовали субарендные отношения, которые не регламентировались договорами с домовладельцем, т.е. любой жилец имел право сдать часть взятого в наем жилья другому жильцу, не ставя домовладельца в известность, что нередко приводило к конфликтным ситуациям и разбирательствам. Автор также рассматривает такую появившуюся в конце XIX в. категорию жильцов, как «неплательщик-профессионал» и меры воздействия, которые предпринимались в отношении них[13]. Домовладелец имел право выселить не платящего аренду жильца только через суд, но сделать это было непросто. В монографии показано, что доходные дома способствовали формированию новых структур и организаций и, как следствие, новых отношений, возникших в обществе.

В третьей главе монографии «Квартиросъемщик» освещаются вопросы взаимодействия жильцов доходных домов друг с другом и с различными видами прислуги. Автор показывает, что

> в доходных домах Петербурга распределение жильцов по этажам дома шло в зависимости от их достатка. От этого зависели и соседские отношения между жильцами[14].

Д.М. Демидович делит жильцов на три условные группы:

> на жильцов подвальных и чердачных этажей, сюда же можно отнести жильцов окраинных районов (городская беднота), жильцов бельэтажа (обеспеченные горожане) и жильцов четвертых и пятых этажей (средний класс)[15].

Анализируя документы, мемуары и художественную литературу, автор приходит к выводу, что условия проживания в доходном доме заставляли жильцов достаточно тесно общаться в повседневной жизни. При этом жители «угловых» квартир оказывали друг другу помощь и поддержку. В среде более

[12] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 117.
[13] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 128–129.
[14] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 133.
[15] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 133.

состоятельных горожан, относившихся к среднему классу, мобильность была очень высокой, и «формирование устойчивых соседских отношений в связи с коротким сроком пребывания жильцов в доме было затруднительно»[16]. Более сложной автор считает ситуацию с жильцами «барских» квартир, для которых характерны «низкий уровень социальных связей и как следствие почти полное отсутствие соседских отношений»[17].

Д.М. Демидович показывает, что доходный дом представлял собой огромный механизм, который необходимо было обслуживать, для этого домовладелец нанимал домовую прислугу, к которой относились дворники и швейцары. Дворник принадлежал к низшему слою обслуживающего персонала: об этом свидетельствует низкий уровень заработной платы, обширный круг обязанностей, плохие условия проживания и т.д. Но вместе с тем, все жильцы дома знали его по имени, давали чаевые и старались избегать конфликтов, что было связано с огромным влиянием этого вида прислуги на жизнь квартирантов. Автор отмечает, что

> главной особенностью дворника как прислуги была его многофункциональность. Прежде всего, этот вид домовой прислуги отвечал за поддержание чистоты[18].

Кроме этого

> еще одной функцией дворников был надзор за общественным порядком. В их обязанности входила охрана жильцов и их имущества от воров[19].

Дворники также находились на службе в полиции, следовательно, их «обязанностью было дежурство на улицах»[20]. В их обязанности входило обслуживать жильцов доходного дома, в частности, «колоть дрова и разносить их по квартирам»[21]. От дворника же зависело наличие в квартире воды и проведение ремонтных работ.

К началу XX в. считалось хорошим тоном иметь в доме прислугу. Автор обращает внимание на то, что отношение к ней все еще оставалось крепостническим. В монографии приведены примеры, когда людей,

[16] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 136.
[17] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 138.
[18] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 140.
[19] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 140.
[20] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 141.
[21] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 143.

находившихся в услужении, считали, с одной стороны, частью семьи, а с другой – условия жизни, зарплата и требования хозяйки в отношении прислуги были откровенно рабскими. Д.М. Демидович рассматривает в монографии следующие категории домашней прислуги: горничных, кухарок, а также приходящих полотеров и ремонтников. Говоря о горничных, автор приходит к выводу, что

> несмотря на не очень большое жалование, большой объем работы, плохие условия жизни девушки из деревни шли на эту работу с большой охотой, так как она давала жилье, одежду и питание[22].

Одним из основных выводов автора является следующий:

> Доходные дома в 1870-х гг. – начале XX века становятся своеобразным целостным культурно-историческим комплексом, вокруг которого складываются различные цепочки отношений[23].

Использованные в данном исследовании подходы позволили выявить в обыденном поведении людей в жизненно важной сфере социальные практики, которые генерируют исторический процесс в целом. Автор глубоко изучил и аргументированно представил стратегии поведения жильцов доходного дома, направленные на адаптацию к новым жилищным условиям, как важную часть процесса изменения практик поведения горожан в целом в 1870-х гг. – начале XX в.

В монографии представлены статистические данные, что не только позволяет наглядно познакомиться со сведениями о квартирном налоге, судебных решениях по нарушению законодательных норм, связанных с домовладениями, суммах штрафов за правонарушения в данной сфере, росте количества телефонов по городам Российской империи, соотношении стоимости жилья и количества проживавших жильцов, но и способствует разнонаправленному сравнительному анализу представленных материалов.

Особый интерес представляют приложения к монографии, которые позволяют познакомиться с количеством дворников в домах, стоимостью земли в Санкт-Петербурге по районам и отдельным улицам, а также с картой миграции жильцов доходных домов.

[22] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 161.
[23] *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга. С. 170.

По нашему мнению, данная монография может содействовать развитию новых направлений исследования, которые остались за рамками работы Д.В. Демидович. В частности, доходные дома являлись не только объектами аренды жилых помещений, в этих зданиях могли размещаться аптеки, фотографии, трактиры, ремесленные мастерские и прочие заведения. Формат взаимоотношений данного рода арендаторов с домовладельцами и управляющими несомненно имел свои особенности, что делает указанный ракурс весьма интересным для более глубокого изучения с целью создания целостной картины жизни доходного дома.

В дополнение к многоплановости задач монографии Д.В. Демидович представляется перспективным изучение арендаторов с точки зрения уровня их социального благополучия, в том числе анализ своевременности внесения ими арендной платы. Ведь значительную часть жителей доходных домов составляли малообеспеченные горожане, которые снимали углы, жилье на чердаках и в подвальных помещениях и у которых не всегда хватало денег на оплату жилья. Для таких арендаторов были характерны, в том числе, и некоторые формы девиантного поведения, в частности, пьянство, жестокое обращение с членами семьи, многочисленные нарушения общественного порядка и т.п., что не могло не сказываться на общей обстановке и на формах коммуникации с соседями в густонаселенных квартирах, а также с домовладельцами и управляющими. Указанная тема также весьма интересна и ждет своего исследователя.

В целом, монография Д.М. Демидович представляет собой хорошо фундированный труд, посвященный исследованию доходных домов Санкт-Петербурга, который представляет интерес как для специалистов в области истории повседневной жизни, краеведения, так и для всех интересующихся различными аспектами прошлого Российской империи.

Список литературы

Демидович Д.М. Арендные и субарендные отношения в петербургских доходных домах конца XIX – начала XX веков // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 4. С. 26–33.

Демидович Д.М. Взаимодействие домовладельцев петербургских доходных домов с полицейскими чинами // Научное мнение (Психолого-педагогические и юридические науки). 2014. № 9–3. С. 83–88.

Демидович Д.М. Домовая прислуга петербургских доходных домов: дворник как феномен городской жизни // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 5 (40). С. 272–274.

Демидович Д.М. Доходные дома Петербурга: организация, взаимодействие с государственными и коммерческими структурами, повседневность (1870-е гг. – начало XX века): монография. Москва: У Никитских ворот, 2023. 256 с.

Демидович Д.М. Критерии выбора арендного жилья квартиросъемщиками петербургских доходных домов в 1870-х годах – начале XX века // Университетский научный журнал. 2019. № 49. С. 70–75.

Демидович Д.М. Что делать со снегом зимой? Опыт петербургских домовладельцев второй половины XIX – начала XX века // Университетский научный журнал. 2023. № 72. С. 11–16.

References

Demidovich, D.M. “Arendnye i subarendnye otnosheniya v peterburgskikh dokhodnykh domakh kontsa XIX – nachala XX vekov” [Lease and sublease relations in St Petersburg’s tenements buildings in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, vol. 4, no. 4 (2014): 26–33. (In Russian)

Demidovich, D.M. “Chto delat' so snegom zimoi? Opyt peterburgskikh domovladel'tsev vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka” [What is to be done with snow in winter? The experience of St Petersburg house-owners in the second half of the 19th – early 20th century]. *Universitetskii nauchnyi zhurnal*, no. 72 (2023): 11–16. (In Russian)

Demidovich, D.M. *Dokhodnye doma Peterburga: organizatsiya, vzaimodeistvie s gosudarstvennymi i kommercheskimi strukturami, povsednevnost' (1870-e gg. – nachalo XX veka): monografiya* [Tenement buildings of St Petersburg: Organization, interaction with state and commercial structures, everyday life (1870s – early 20th century): A monograph]. Moscow: U Nikitskikh vorot, 2023. (In Russian)

Demidovich, D.M. “Domovaya prisluga peterburgskikh dokhodnykh domov: dvornik kak fenomen gorodskoi zhizni” [House servants of St Petersburg tenement buildings: The dvornik as a phenomenon of urban life]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya*, no. 5 (40) (2014): 272–74. (In Russian)

Demidovich, D.M. “Kriterii vybora arendnogo zhil'ya kvartiros"emshchikami peterburgskikh dokhodnykh domov v 1870-kh godakh – nachale XX veka” [Criteria for choosing rental housing by tenants of St Petersburg tenement buildings in the 1870s – early 20th century]. *Universitetskii nauchnyi zhurnal*, no. 49 (2019): 70–75. (In Russian)

Demidovich, D.M. “Vzaimodeistvie domovladel'tsev peterburgskikh dokhodnykh domov s politseiskimi chinami” [Interaction of St Petersburg tenement building owners with police officials]. *Nauchnoe mnenie (Psikhologo-pedagogicheskie i yuridicheskie nauki)*, no. 9–3 (2014): 83–88. (In Russian)

Информация об авторе

Ирина Владимировна Синова – доктор исторических наук, профессор, https://orcid.org/0000-0001-9109-2980, s-irina@yandex.ru, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (д. 30–32, литер А, наб. канала Грибоедова, 191023 Санкт-Петербург, Россия).

Information about the author

Irina V. Sinova – Doctor of Historical Sciences, Professor, https://orcid.org/0000-0001-9109-2980, s-irina@yandex.ru, Saint Petersburg state University of Economics (30–32, liter A, 9, nab. kanala Griboedova, 191023 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 13.06.2024; принята к публикации 27.06.2024.
The article was submitted 13.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.